

№ 5(35). 2019

Берега

Калининград

Берега

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Союза писателей России

НАШИ НАГРАДЫ

НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ ПРЕМИЯ
"ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ"

Серебряное перо – 2015 г., Золотое перо – 2016 г.
Национальной литературной премии «Золотое перо Руси»

Журнал выходит при поддержке Союза писателей России

Октябрь 2019 № 5 (35)
Калининград

Главный редактор: Лидия Владимировна Довыденко,
секретарь Союза писателей России
Телефон: +7 9118630467
E-mail: dovidenko_L@mail.ru, <http://www.dovydenko.ru>

Редакционный совет:

Николай Иванов — Председатель Правления Союза писателей России
Григорий Блехман — секретарь Союза писателей России
Александр Герасимов — прозаик, публицист, драматург
Елена Груцкая — поэт
Игорь Ерофеев — член Союза писателей России
Евгений Журавли — поэт, прозаик, публицист
Александр Казинцев — секретарь Союза писателей России, заместитель
главного редактора журнала «Наш современник»
Сергей Кириллов — прозаик, поэт, публицист
Валентин Курбатов — член Союза писателей России, член Совета по культуре
при Президенте РФ
Александр Новосельцев — член Союза писателей России
Сергей Пылёв — член Союза писателей России
Андрей Растворцев — член Союза писателей России
Геннадий Сазонов — член Союза писателей России
Валерий Старжинский — доктор философских наук, профессор кафедры
философских учений БНТУ

Журнал зарегистрирован
Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций по Калининградской области.
Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ 39-00302 от 24 сентября 2014 г.
Дата выхода номера в свет: 15 октября 2019 года. Тираж: 1000 экз.

Адрес редакции, издателя: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50
Учредитель: Довыденко Лидия Владимировна,
адрес: 236016, Калининград, ул. Артиллерийская, 81, кв. 50.

Цена свободная

Издание предназначено для лиц от 12 +

Дизайн обложки — Анна Степанова

Фото на обложке Валентины Архиповской

Вёрстка — Елена Балантаева

Корректор — Лада Ковальчук

Отпечатано в типографии «Страж Балтики»

г. Калининград, ул. С. Тюленина, 15, тел. 53–17-05

При перепечатке материалов, в том числе использовании их в электронных СМИ,
ссылка на журнал «Берега» обязательна.

Редакция не несёт ответственности за содержание рекламных материалов,
может не разделять точку зрения опубликованных авторов.

Присланные материалы не рецензируются и не возвращаются.

Правила подачи материалов в журнал «Берега»

Материал, предлагаемый для публикации, должен являться оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях. Присылаемые рукописи сохраняются документом Word (шрифт – Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал – 1). Текст не форматировать, не подчеркивать, разрешается части текста выделять курсивом. Файл называть своей фамилией, в начале текста – краткие сведения об авторе – *курсивом*, плюс фото автора. Мы уважаем все буквы алфавита, в том числе букву Ё. Тексты, где игнорируется буква Ё, не рассматриваются. Решение о публикации принимается редакционным советом журнала.

СОДЕРЖАНИЕ

Приглашаем к дискуссии

Беседа Геннадия Сазонова с Аркадием Елфимовым , руководителем благотворительного Фонда «Возрождение Тобольска». Мудрый ангел Сибири.	4
Сэда Вермишева . Загадка истории.	21

Проза

Юрий Серб . Счастливые. Трилогия. Книга 1. <i>Часть 2. Продолжение. Начало в №4 (34)-2019</i>	26
Валерий Старжинский . Учитель. <i>Повесть</i>	54
Василий Воронов . Скворцы прилетели. <i>Повесть</i>	74
Сергей Рогатко . Неизведанный берег. <i>Рассказ</i>	97
Алёна Даль . Скрипка. <i>Рассказ</i>	105

Поэзия

Надежда Мирошниченко . <i>Стихи</i>	110
Владимир Корнилов . <i>Стихи</i>	113
Светлана Курач . Мои берега. <i>Стихи</i>	117
Вадим Новожилов . Три богатыря. <i>Пьеса. Часть 2. Начало в №4 (34)-2019</i>	120

Ульяновские берега

Ольга Даранова . На солнечной полосе. <i>Стихи</i>	126
Александр Лайков . Как умеют любить однолюбы... <i>Стихи</i>	129
Раиса Кашкирова . Идущий к Богу. <i>Стихи</i>	133
Илья Таранов . Молчание Клио. <i>Рассказ</i>	135

Берега Новоросии

Виталий Даренский . Альманах «Воля Донбасса» как художественное целое	139
Ирина Горбань . Червивое яблоко. <i>Рассказ</i>	150

Берега юбилеев

Виктор Боярский . Семь месяцев бесконечности. <i>Отрывок из книги. К 200-летнему юбилею открытия Антарктиды</i>	158
Владимир Вахрамеев . «Твои, моя Родина, песни пою». <i>К юбилею поэта Эльвиры Поздней</i>	164
Беседа Дианы Кан с Николаем Алешковым . Когда поэты, распри позабыв... <i>К 10-летию журнала «Аргамак»</i>	174

Критика

Алла Новикова-Строганова . В пламени Божественной любви... <i>В год 220-летия А.С. Пушкина</i>	180
Александр Лобанов . «Живу, пишу не для похвал!» На эссе Владимира Подлузского «На дне нового «Тихого Дона» – <i>Берега, № 4 (34)-2019</i>	184

Русский мир без границ

Берега Литвы

Эльвира Поздняя . Письма, рифмованные любовью... ..	186
--	-----

Бережок

Иван Привалов . Озеро. <i>Рассказ</i>	192
--	-----

Наши друзья

Советуем почитать . Подписка и приобретение журнала	199
--	-----

Приглашаем к дискуссии

Беседа Геннадия Сазонова с Аркадием Елфимовым,

*руководителем благотворительного Фонда «Возрождение Тобольска»
о духе, философии, делах*

Поэт, прозаик, публицист. Родился в 1950 году. Окончил факультет журналистики Ленинградского университета. Отработал в печати более 40 лет, в том числе собкором газет «Правда», «Труд», журнала «Сельская новь». Первую книгу прозы «Я здесь живу...» выпустил в 1982 году в издательстве «Московский рабочий». Стихи, рассказы, повести, очерки печатал в журналах: «Берега» (Калининград), «Воин России» (Москва), «Север» (Петрозаводск), «Аврора» (С-Петербург), «Москва» (Москва), «ДОН новый» (Ростов-на-Дону), «День и ночь» (Красноярск), «Российская Федерация» (Москва), «ЛАД вологодский» (Вологда), «Благовестник» (Вологда), «Домовой (Тверь), «Пятницкий бульвар» (Вологда), «Алтай» (Барнаул), «Врата Сибири» (Тюмень), «Журналист» (Москва) и других. Автор 30 книг поэзии, прозы, публицистики. Победитель ряда литературных конкурсов, в том числе – лауреат Всероссийской литературно-художественной Премии «Золотой венец Победы» (Москва, 2011). Член редакционного совета журнала «Берега»

Мудрый ангел сибиря

Начнём, пожалуй, с радостного и яркого события, случившегося в Москве 3 июня 2019 года. На книжном фестивале «Красная Площадь», который, к удивлению многих, подтвердил, что Россия остаётся страной читающей, подвели итоги общероссийского конкурса «Лучшие книги года».

Эксперты оценивали более 700 изданий из пятидесяти с лишним регионов. И выбрать наиболее значимые из книг, представленных на фестивале, было, поверьте, не просто.

В «поединке» издателей победу одержал фонд «Возрождение Тобольска» – ему присудили Гран-при конкурса «Лучшие книги 2018 года» в номинации «Книга, ставшая событием года» за четырёхтомный выпуск альманаха «Тобольск и вся Сибирь» (№ 28), посвящённый истории Северного морского пути и освоению русскими первопроходцами Арктики.

Награда – достойная. Это действительно великий труд коллектива единомышленников – писателей, историков, исследователей.

Ничего подобного у нас в стране до сих пор не было.

НАД КРУТЫМ ЯРОМ ИРТЫША

О подробностях создания уникального четырёхтомника, «покорившего» Москву, руководитель Фонда скажет чуть позже.

А пока подумалось: «Наверное, дело не обошлось без вмешательства «небесных сил». Тех самых «сил», что изначально помогли малому войску атамана Ермака одолеть тьмы ратников хана Кучума...»

Над крутым яром Иртыша поднялся красивый Ангел. Он поражает воображение простотой, красотой и величием.

И, полагаю, Ангел незримо «сопровождает» всех, кто причастен к Фонду, в их добрых начинаниях.

– *Аркадий Григорьевич, как и почему возникла на берегу Иртыша чудная скульптура?*

– На этом месте, когда мы взялись за создание ботанического парка «Ермаково поле», зияла большая яма. С архитектором Алексеем Витальевичем Белоусовым решили использовать её и на площадке поставить беседку в двух уровнях. Почему в двух? Это символически отражает Тобольск: он имеет подгорную часть и верхнюю, на горе.

А вот Ангела придумали не мы, он идёт от нашего великого сибирского учёного Семёна Ульяновича Ремизова. В трудах Ремизова я познакомился со многими литературными образами – яркими, своеобразными.

Учёный отмечал, что называть Тобольск каким-то женским именем, то есть давать ему ласковые или нежные определения, – это «скотозаблудно и скверножительно».

И он сам, будучи творческой личностью, нашёл оригинальное сравнение: Тобольск – Ангел, Ангел небесной красоты. Именно ремизовский образ мы постарались воплотить. На правой ладони Ангела лежит подгорная часть, бок Ангела – крутой яр Иртыша, одно крыло Ангела через Курдюмку – туда, другое – сюда.

У Ремизова образ простирается на всю Сибирь. Он считал, что Тобольск – Ангел всей Сибири, думаю, на самом деле так оно и есть.

Давайте вспомним, какой стремительный взлёт был у города. Через пять лет после битвы атамана Ермака с ханом Кучумом, она произошла в 1582 году, атаманы Данила Чулков и Матвей Мещеряк поставили небольшой острожек Тоболекс у впадения Тобола в Иртыш, у Алфеевых гор. Ещё прошло десять лет (мгновение по меркам Истории!), а острожек уже превратился в город Тобольск, вышел из подчинения Тюмени и был провозглашён столицей Сибири.

Началась яркая, наполненная событиями, судьба Тобольска.

Так что С.У. Ремизов был прав!

– *Вы упомянули Курдюмку, откуда это название?*

– Это небольшая речка, есть ещё речки – Моториха, Сузгунка, они текут по оврагам, разделяющим две части Тобольска: верхнюю, что на террасах правого берега Иртыша, и нижнюю – плоскую равнину, местами даже заболоченную. Перепад между ними составляет до шестидесяти метров, такова высота крутояра.

– *Фигура Ангела своеобразная: ножки маленькие, талия длинная, мощный торс как бы устремлён ввысь. Как его оценили Ваши гости?*

– Да, мне часто задают подобный вопрос. Я отвечаю: «Во-первых, Ангел – существо бестелесное, каждый представляет его по-своему. Во-вторых, фигура – творческое создание скульптора, он имеет право на своё видение».

Сюда приезжал Василий Дворцов, он же, кроме того что поэт и прозаик, ещё и художник, иконописец. Когда увидел Ангела, то воскликнул: «Как мощно! Низкая часть, и такой выстрел вверх!».

Писатель Анатолий Байбородин, он приезжал из Иркутска, главный редактор журнала «Сибирь», сказал про Ангела: «В скифских курганчиках как раз были женские фигуры, очень похожие на вашего Ангела».

Могу добавить к его мнению. Я был на Мальте, видел исторические раскопки, там были подобные фигурки.

Самая главная оценка Ангела для меня прозвучала неожиданно.

Приезжал из Омска Владимир Фёдорович Чирков, замечательный искусствовед, я ему помогал издавать словарь по искусству Сибири, он работал над ним 43 года. Уникальный словарь

В.И. Чиркова был отмечен Золотой медалью Академии художеств.

Мы идём с ним по парку, ещё снег лежал, он вдруг спросил: «Ой, что там за силуэт на фоне неба? На фоне Сибири?».

– «Подождите, не торопитесь, – отвечал ему, – подойдём ближе, всё расскажу».

Подошли к Ангелу, постояли. Я рассказал Владимиру Фёдоровичу историю создания скульптуры и беседки, поведал о С.У. Ремизове...

После, когда возвращались, он раз пять или шесть всё оглядывался.

– «Ребята, как вы сделали! Как поставили! Слов нет!».

Для меня его отзыв означал, что мы сделали «ангельское дело» хорошо.

С большой охотой присоединяюсь к мнению омича В.Ф. Чиркова.

Многие впечатления о Тобольске со временем, возможно, чуть потускнеют.

Только не образ Ангела!

Он будет парить в сердце, напоминая о том, что далеко от Москвы живёт, радуется и творит «великая страна – Сибирь»!

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Мудрая русская поговорка пришла на ум.

«Кто старое помянет, – гласит, – тому глаз вон...». Иначе говоря, не таскай у себя на спине «мешок с камнями» – не копи обиды, проявление зла, дурные мысли, ибо «тёмные» чувства измельчают характер, да и здоровью вредят.

У народной премудрости, однако, есть и продолжение: «А кто старое забудет, тому – оба глаза вон».

Кажется, одно исключает другое. На самом деле противоречия нет. Особенно, если мы рассуждаем не только о душе человеческой, но и о всеобщей Истории, о далёких и близких событиях родного Отечества.

Тут уж, воистину, забвение недопустимо. А то можно получить не только «оба глаза вон», но и жизнь покалечить, свою и других.

Плата за забвение Истории русского народа велика!

Причём, истории как давней, так и недавней. Она, эта плата, состоит в частичной или полной утрате национального самосознания и государственного достоинства. А как без упомянутых качеств существовать народу?

Имею в виду «лихие 90-е годы», когда грубо ломали общественный уклад, «чёрным крестом» перечёркивали достижения страны в самых разных направлениях.

Невольно обо всём этом думалось, когда мы подъезжали к исконной столице Сибири, сакральному месту для всей России – светлому городу Тобольску. Будто сказочный богатырь, он возникал из иртышского простора на высоком берегу, удивляя стенами древнего Кремля и куполами храмов.

И здесь тридцать лет назад, как и повсюду тогда, хозяйничал «дикий рынок», либералы приносили чуждебесие в политику, экономику, культуру. Чудилось, от них нет спасения, они растлят всех и вся.

Но вернёмся опять к народной мудрости: нет худа без добра.

Так и тут получилось.

Нашлись в городе неравнодушные люди, создали общественный благотворительный Фонд «Возрождение Тобольска». Его основателем стал Аркадий Елфимов, он прошёл школу руководителя крупной строительной организации в Тюменском регионе, а также – мэра Тобольска.

И вот пролетела четверть века, как какая-нибудь рядовая неделя.

Столько осуществлено всяких проектов!

Одержано больших и малых побед!

Пожалуй, их не «уложишь» и в объёмную книгу.

И когда мы встретились с Аркадием Григорьевичем в Тобольске, то, естественно, он вспомнил об истоке.

– Я не хочу, чтоб моим детям, внукам или правнукам пришлось бы жить в «духовном концлагере», или «в цифровом загоне», где только деньги, деньги, корысть, стяжательство и ничего светлого.

Такого допустить нельзя!

Для чего мы образовали Фонд в те такие тяжёлые дни? В те дни, когда многие в стране забывали собственную Историю, стали превращаться в слепцов, потребителей, погружённых в суету и апатию?

«Патриотизм – последнее прибежище негодяев», – фраза, искажённая от первоисточника и перевернутая либералами на свой манер, звучала тогда на всех углах.

Что делать?

Хоть кричи «Караул!» и посыпай голову пеплом!

Но за спиной у нас – великая страна, веками возделанная великими предками, они для нас – опора и источник надежд.

Отвечу однозначно: мы хотели противостоять разрушающей душу и сердце «массовой культуре», по сути бездуховной и безнравственной. В то время, – помните? – хлынули потоки всяких мерзостей на страницы газет, в передачах телевидения и радио, со всяких трибун поливали грязью русскую и советскую историю. Русофобия стала отличительной чертой повседневности едва ли не на всех уровнях общественного бытия.

«Убойная сила» всего этого вместе взятого, думаю, не меньше атомной бомбы! По крайней мере, разрушающая сила огромная.

Мало того, что простые люди еле сводили концы с концами, не жили, а едва выживали, так их ещё СМИ пытались превратить в болванов, не гнушаясь ложью.

Хотя на протяжении целых столетий (особенно в советский период!) русский человек воспитывался в атмосфере высокой духовности, нравственности, патриотизма, служения долгу, что в итоге и выковало характер, который в критический момент истории переломил хребет доселе непобедимого вермахта, одержал Победу над фашизмом, освободил половину мира от «коричневой чумы».

Тогдашнюю ситуацию у нас в стране вполне выражает стихотворение великого русского поэта Фёдора Тютчева под названием «НАШ ВЕК»:

Не плоть, а дух растлился в наши дни,
И человек отчаянно тоскует...
Он к свету рвётся из ночной тени
И, свет обретши, ропщет и бунтует.

Безверием палим и иссушён,
Невыносимое он днесь выносит...
И сознаёт свою погибель он,
И жаждет веры – но о ней *не просит*.

Не скажет век, с молитвой и слезой,
Как не скорбит пред замкнутою дверью:
«Впусти меня! – Я верю, боже мой!
Приди на помощь моему неверью!..»

Мы заявили о «Возрождении Тобольска». Но, конечно, мы разумели одновременно и возрождение всей Сибири, да и возрождение в целом России на родной почве. В то время, – помните? – всё тащили с Запада: систему политического устройства, судебную систему, модель «рыночной экономики», заменяли свою систему образования иностранной, то есть, как говорил классик русской литературы Василий Иванович Белов, «впали в чужебесие».

И как никогда прежде встал вопрос: либо мы возвращаемся к национальным корням, к русской самобытности, либо мы теряем себя как народ. Не допустить последнего – философская суть и магистральная задача фонда «Возрождение Тобольска».

– Когда искусственно расчленили Советский Союз, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн, обращаясь к патриотам, писал: «Ныне главной задачей всех, кто болеет душой за поруганную Россию, должно стать восстановление преемственности русской жизни. На протяжении почти десяти веков русское общество развивалось (несмотря на многочисленные попытки помешать этому) последовательно и гармонично.

Тем самым обеспечивалась внутренняя стабильность и внешняя крепость страны. Росла численность населения, расширялась территория, развивалась наука и культура, увеличивалась политическая и военная мощь, повышалась притягательность «русского образа жизни».

Не знаю, как Вы, Аркадий Григорьевич, но я тогда очень надеялся, что все мы наконец-то встанем на русский путь, освободившись от идеологии «классовой ненависти» и тупикового «интернационализма». Увы, реальность оказалась сложнее...

– Мне близки чаяния митрополита Иоанна, выдающегося русского церковнослужителя. Его мысли дороги ещё и потому, что Тобольск – духовный центр, откуда шёл свет Православия во все стороны – до Тихого океана, степей Казахстана и мёрзлой тундры Якутии.

Когда вы въезжаете со стороны Тюмени, вас встречает Иоанно-Веденский женский монастырь, на Завальном кладбище, где похоронен великий сказочник Петр Ершов, у нас действует уникальный храм «Семи отроков», влечёт к себе Софийский собор Тобольского Кремля, незабываемые впечатления даёт Абалакский Свято-Знаменский мужской монастырь, – всё это для огромной территории имеет такое же значение, как и Троице-Сергиева Лавра под Москвой для Центра и Северо-Запада России.

А в историю Тобольска!

Поэтому когда двадцать пять лет назад я возглавил фонд, то мы определили главную цель – сколько ярких выдающихся личностей, питавших собой русских дух, вписали свои свершения просветительская деятельность. Хотелось рассказать не только тоболякам, но и всем жителям России об уникальном историческом и духовном наследии наших сибиряков, в том числе и жителей города Тобольска.

Как говорится, не одним днём строилась Москва, и у нас не всё сразу получалось, как хотелось. Взяв за основу Устав Российского фонда культуры, я за день написал Устав общественного благотворительного фонда, и после предложил девяти уважаемым людям стать учредителями, а сам был десятым. Правда, когда уже прошла регистрация и мы взялись за конкретные дела, то я понял: «основную лямку» придётся тянуть мне.

Хочу сразу подчеркнуть, что мы не рассчитывали на помощь властных структур, а полагались на собственные силы и поддержку благотворителей, в основном, наших местных предпринимателей.

– Аркадий Григорьевич, ваша позиция напоминает мне фонд поддержки русской науки, который был создан на средства вологодского купца Христофора Леденцова в 1909 году, и за десять лет существования вывел русскую науку на передовые позиции в мире практически по всем направлениям.

Таких выдающихся учёных, как нейрохирург Иван Павлов, академик Владимир Вернадский, профессора-физики Николай Умов и Пётр Лебедев, а также и многих других, леденцовский фонд привлекал «отсутствием опеки чиновников», то есть полной творческой самостоятельностью. «Общество содействия успехам опытных наук и их практических применений» им. Х.С. Леденцова действовало при Московском университете и Императорском Техническом училище (ныне МВТУ им. Н. Баумана) как учредителях.

– Высокая честь для нас соотносить практику нашего фонда с «Леденцовским обществом», наши успехи намного скромнее. Это всё-таки разные структуры, да и время иное. Хотя цель у «Леденцовского общества» и у Фонда «Возрождение Тобольска» одинаковая – служить Отечеству, русскому народу.

– Так сложилось, что я с государством «в игры не играю». Почему? У государства иная идеологическая политика. В течение четверти века, пока действует Фонд «Возрождение Тобольска», в стране продолжалось разрушение того, что мы называем социокультурным кодом, ядром русской цивилизации – родной язык, вера, мораль, нравственные принципы, историческая память, любовь к Отечеству.

Если это кому-то нравится, то мне – нет.

Да, я был бы рад привлечь средства из бюджета для благой цели, скажем, издания книги на русскую тему. Но знаю, что всё равно не дадут. А ходить с протянутой рукой по чиновникам, сидеть в

приёмных – себе дороже. А про так называемые гранты я даже не заикаюсь – устанешь собирать и писать всякие бумаги, чтобы оформить заявку...

Как сложилось с первого нашего проекта – «Возрождение художественного музея», так и до сих пор – делаем «всем миром». Здание, от которого остались только стены, мы восстановили методом «народной стройки», а я был за прораба, снабженца, посредника в отношениях со строительными организациями.

Проводили субботники, в которых охотно участвовала молодёжь, в том числе и семинаристы Тобольского духовного училища. Когда закончили со стройкой, мы обратились к художникам разных регионов России с просьбой безвозмездно передать работы для создания новой коллекции «Художественного музея», который обрёл «вторую жизнь».

И что вы думаете? Откликнулись отовсюду. Одними из первых пожертвовали свои произведения график Герман Черёмушкин («Тобольский цикл»), живописцы Игорь Обросов, Олег Савостюк и Виктор Цигаль, скульпторы Михаил Переясловец и Геннадий Провоторов...

А всего же за семь лет (с 1996 по 2003 годы) мы от Фонда передали в дар музею более 700 работ.

– Аркадий Григорьевич, вы очень точно заметили о разрушении традиционных русских ценностей, это происходило и продолжает происходить при поддержке правящих либералов.

В частности, в моде грубое искажение истории Отечества. Так, моральным уродом и извергом изобразил режиссёр П. Лунгин первого русского православного царя Ивана Васильевича в фильме «Царь».

Для чего?

Чтобы вызвать отвращение у русских к русскому выдающемуся деятелю. Ведь именно Иван Грозный в несколько раз увеличил границы государства, разбил остатки Золотой Орды, основал более сотни городов и крепостей, боролся за истинное православие.

В октябре 2016 года в городе Орле открыли первый в России ему памятник, Орёл был основан по Указу Ивана IV в 1566 году. Но в создании и установке памятника государство не участвовало (!!!), всё было сделано на средства благотворителей.

Зато на Олимпиаду в Сочи государство потратило фантастические суммы...

– Я бы добавил к Олимпиаде и проходивший в 2018 году чемпионат мира по футболу. Во что он обошёлся стране? О том почему-то умалчивают. Недавно услышал цифры, меня они просто потрясли. На парк «Зарядье», что разбили на месте бывшей гостиницы «Россия» в Москве, потратили 14 миллиардов рублей – годовой бюджет нескольких субъектов Федерации. О том сказал в своём выступлении Н.Н. Платошкин, в частности, назвал годовой бюджет Рязанской области – 7 миллиардов, Смоленской области – 5 миллиардов рублей.

Да, понятно, парки – недешёвое дело, я сам знаю об этом не понаслышке. Но не такое же «космос-разграбление»! Или вот года два тому назад на ремонт подземного перехода на Ленинградском проспекте столицы недалеко от Белорусского вокзала «ухлопали» 9 миллиардов рублей.

На такие огромные средства можно бы построить заводы и фабрики и вернуть к полноценному существованию, думаю, не менее десяти малых и средних городов России, большинство из них, увы, пребывает ныне в жалком состоянии.

Запугивание людей «жестоким» Иваном Грозным – избитый приём русофобов. Достаточно было лишь победы войска Ивана Васильевича в сражении при Молодях с крымским ханом Гиреем и «представителями мирового сообщества» в войске хана, чтобы имя Ивана Грозного навечно было вписано золотом в историю России.

Это – великая битва!

Победу в ней над превосходящими силами противника одержало русское войско под предводительством князей Дмитрия Хворостинина и Михаила Воротынского. По своему значению битва при Молодях приравнивается современными историками и исследователями к Куликовской битве, Бородинскому сражению и Сталинградской битве.

Слагаемые русских побед были всегда примерно одни и те же: Божья помощь, поддержка всего народа, воинское мужество, стойкость ратников, их находчивость и смекалка.

Я уже не говорю о многих и многих других достижениях выдающегося деятеля Руси – царя Ивана Васильевича Грозного. Можно привести в пример Земские соборы, их созывали по инициативе царя. Соборы представляли всю «Землю Русскую», то есть верховная власть искала опоры в народе.

Давайте задумаемся в очевидную истину.

Если бы не было мощной, кипучей, результативной деятельности Ивана Васильевича на царственном троне, то и не было бы государства под названием «Великая Русь». Нас с вами и всех вместе просто не было бы!

Об этом забывают многие и многие!

Откуда у них «дремучее» беспамятство?!

Русофобы обычно ссылаются на «опричнину», обвиняя царя в жестокости. Но если сравнивать Ивана Грозного с правителями того времени в Европе и других частях мира, то наш «Божий помазанник» будет выглядеть «безвинным мальчиком».

Те не просто устраивали казни в своих государствах, а проливали реки крови подданных. Но их почему-то никто из историков «не поносит».

Русофобы опять же умалчивают о царских целях, не раскрывают сути введённой Иваном Васильевичем опричнины.

Царь боролся с «внутренними врагами», если бы он довёл дело до конца, возможно, и не было бы у нас великой Смуты 1605-1612 годов.

Почему ныне многие столь ярко очерняют русскую историю?

Чтобы люди ничего не помнили и не знали. Не знали героев не только всей Руси, но и местности, где они родились и живут.

– Согласен с вами, Аркадий Григорьевич, в том, что понятие героического у нас сильно приуменьшено.

Многие вологжане, живущие, к примеру, на улице Преображенского, даже не слышали о том, что это был Герой Советского Союза. Полковник Евгений Николаевич Преображенский, командир авиационного полка, ночью 8 августа 1941 года лично вёл несколько экипажей тяжёлых бомбардировщиков, которые бомбили столицу 3-го рейха – Берлин.

Это был первый налёт на столицу фашистов с начала Второй мировой войны, англичане бомбили Берлин уже позже наших лётчиков...

– Беспамятство – опасное явление, мы слишком беспечны, о чём не раз предупреждал всё общество Валентин Григорьевич Распутин. «Забываем, забываем, будто сами забываем, чтобы строить новый дом», – говорил о забвении ленинградский поэт Вадим Шефнер.

Но можно ли построить новый дом на «забвении»? Нет, разумеется, не построишь. Если свернуть с пути русских традиций, веками выработанных народом, то можно оказаться в глухом тупике.

С другой стороны, иногда в «герои» записывают литературных персонажей, возводя их на пьедестал. Так у нас поступают с Коньком-Горбунком Петра Ершова. Я очень люблю и саму сказку, и в целом творчество Петра Павловича. Тем более, что у нас в Тобольске он обрёл место вечного упокоения, а перед Тобольским Кремлём стоит совершенно замечательный памятник работы М.В. Переяславца.

И всё же, думаю, для тоболяков, для всех сибиряков главный герой – атаман Алексей Тимофеевич Ермак.

Не будь его, были бы мы, русские, в Сибири?

Очень сомневаюсь, наверное, и не были бы!

Поэтому и надо заниматься просветительской деятельностью: изо дня в день, из года в год. Тем более, что у нас есть достаточно ярких личностей, на которые должно опереться.

Просветительство, которое осуществляет Фонд «Возрождение Тобольска», имеет разные направления, если подробно говорить о них – это займёт много места.

Назовём, хотя бы кратко, наиболее значимые из них.

ДИВНЫЕ ГЕНИИ
ИЗ «РУССКОГО ЦАРСТВА»

Тобольск – кладёзь великих имён, каждое из которых оставило мощный неповторимый след в истории Святой Руси. И, пожалуй, на первом и самом почётном месте сияет имя Семёна Ульяновича Ремезова, про него тоболяки могут сказать: «Он – наше всё!».

И это – не ради красного словца.

Семён Ульянович родился в Тобольске в 1642 году и принадлежал к «боярским детям», хотя отец и дед были служивыми людьми. Любопытно, что нынешняя энциклопедия определяет родную страну Ремезова – «Русское Царство».

Трудно охарактеризовать одним каким-то понятием разнообразную деятельность Ремезова.

Картограф, архитектор, строитель, писатель, историк, талантливый организатор – всё это уместилось в одной личности. Достаточно сказать, что Семён Ремезов был архитектором и главным строителем каменного Кремля в своём родном городе.

И естественно, что все, кто приезжает в Тобольск, не могут пройти мимо памятника человеку, чьи деяния вполне сравнимы с наследием Михайло Васильевича Ломоносова, русского национального гения.

– Аркадий Григорьевич, известно, что Фонд изрядно способствовал увековечиванию памяти С.У. Ремезова и пропаганде его уникального наследия, расскажите подробности.

– О Семёне Ульяновиче Ремезове, действительно, великом представителе русского народа, я могу говорить много и долго, хотя в моей жизни он появился неожиданно. От отца мне перешла книга Леонида Гольденберга «Семён Ульянович Ремезов: Сибирский картограф и географ», с надписью от родителя: «Книга заслуживает самого высокого уважения для повседневного пользования. Гр. Елфимов».

Хотя это была научная работа, но я прочёл её с большим любопытством, а спустя какое-то время стал уже непосредственно «заниматься Ремезовым». Ведь он был не только картограф, строитель Тобольского Кремля, но личность очень разносторонняя.

Известный академик Дмитрий Лихачёв отмечал, что в начале XVIII века среди мировых учёных имен – С.У. Ремезов первый. Без всякого сомнения, его труды – памятники всемирного значения, теперь они введены в научный оборот – в том заслуга Фонда.

Замечательные учёные из Новосибирска Елена Дергачёва-Скоп и Владимир Алексеев предложили переиздать «Сибирскую летопись» С.У. Ремезова о походе Ермака, мы эту идею реализовали.

Помню, в год 400-летия Тобольска пришли ко мне тоболяки: «Скоро 350 лет со дня рождения Ремезова, надо бы привлечь Олега Константиновича Комова, одного из лучших скульпторов Советского Союза, и сделать памятник». «Хорошо!», – ответил я.

И вскоре в Кремле Тобольска встал памятник С.У. Ремезову, созданный Олегом Комовым.

Я горжусь тем, что это единственный комовский монумент от Урала до Тихого океана. В европейской части России есть немало скульптурных работ Олега Константиновича, а в Сибири наш – единственный.

Вообще, заслуживает отдельного большого разговора история того, как при содействии Фонда были введены в научный и повседневный оборот главные труды Семёна Ульяновича Ремезова. Кроме упомянутой «Сибирской летописи», мы издали «Чертёжную книгу Сибири» (1701 год), первый русский атлас, «Служебную чертёжную книгу» (своеобразный рабочий дневник Ремезова) и, наконец, «Хорографическую книгу», во времена Ремезова хорография означала географию конкретной территории. Двенадцать лет я её доставал из США, вёл переписку с Гарвардским университетом. Книга была украдена из молодой советской республики и вывезена в Европу известным в то время картографом Лео Багровым. Из Европы книга попала в Гуфтоновскую библиотеку университета в Гарварде. Американцы понимали, что хранят украденную вещь, долго не подпускали нас к ней даже близко. В итоге мы заплатили полмиллиона

рублей за реставрацию рукописи и сканирование, и нам из Гарварда прислали полную цифровую копию. И после этого ещё два года велась расшифровка топонимики, содержащейся в «Хорографической книге».

Это только один «трудный» эпизод из деятельности Фонда, и подобных – множество.

– Наверное, Фонд «Возрождение Тобольска» не обходит вниманием и других именитых земляков?

– Да, мы стараемся никого не забыть из тех, кто прославил Тобольск.

Имя великого русского учёного Дмитрия Ивановича Менделеева известно во всём мире. Но далеко не все знают, что он родился в Тобольске 27 января 1834 года в семье директора Тобольской гимназии и училищ Тобольского округа Ивана Павловича Менделеева и его законной жены Марии Дмитриевны семнадцатым ребёнком.

Путь в науку для Менделеева был трудным, но он прошёл его с честью. Дмитрий Иванович – истинный энциклопедист, его научные интересы – химия, физика, геология, метрология, а также экономика, причём, конкретная.

Русский купец и промышленник Василий Кокорев первым в мире, на четыре года раньше американцев, начал осваивать нефтяные месторождения Закавказья и в 1857 году построил недалеко от Баку завод по перегонке нефти. Кокорев пригласил туда Дмитрия Ивановича Менделеева, учёный разработал схему, благодаря которой переработка нефти стала рентабельной.

Ну, и самое главное – великий учёный был государственным и философом, о чём многие сегодня просто забыли. И мы сняли «пелену забвения» с этой части творческого наследия Дмитрия Ивановича.

Фонд издал двухтомник «Философское наследие Д.И. Менделеева», а также изготовил памятную медаль в его честь.

– На мой взгляд, издание философских трудов учёного – очень ценная инициатива Фонда. У нас в школах и вузах ученикам и студентам до сих пор «забывают» головы философами-западниками, как будто они – «свет в окошке».

Хотя наши отечественные мыслители, в том числе и Дмитрий Иванович Менделеев, – более глубокие, более масштабные, они создавали «русский космизм».

– Ассамблея ООН назвала год 2019 годом «Периодической таблицы», но забыли отметить, что это – «таблица Менделеева». Я говорю в таком случае: если историко-культурный «код» русского человека – справедливость, то «код» человека запада – выгода. А там, где выгода – там всегда рядом подлость.

Но мы-то на малой родине великого учёного, конечно, отметили событие. При поддержке нашего крупного предприятия «СИБУР» открыли в ботаническом парке «Ермаково поле» скульптурную композицию, посвящённую великому учёному и мыслителю и его выдающемуся открытию.

Вы, конечно, помните замечательного композитора Александра Алябьева, его романсы когда-то распевала вся Россия – «Вечерний звон» на стихи Ивана Козлова, «Соловей» на стихи Антона Дельвига, «Жаль мне и грустно» на стихи Ивана Аксакова и другие. Это настоящая великая музыка, а не примитивная музыкальная попса, что ныне заполонила эфир в России, на которую, как на иглу, подсаживают молодое поколение.

Александр Алябьев, боевой офицер Отечественной войны 1812 года, участвовал в штурме Дрездена и взятии Парижа, родился в Тобольске. Сюда же был сослан по недоказанному обвинению в 1825 году, провёл в родном городе несколько лет, создал здесь симфонический оркестр «казачьей музыки».

В ботаническом парке «Ермаково поле» есть беседка в честь Александра Александровича Алябьева и установлен ему памятник.

ПЕРВАЯ ЛИПА –
ОТ ВАЛЕНТИНА РАСПУТИНА

– Если излить чувства, что охватывают, когда вступаешь на тропу в ботанический парк «Ермаково поле», то это – удивление, радость, восторг, какой-то душевный подъем. Но ими не выразить до конца впечатления от всего увиденного. Нет, это не просто парк, пусть и уникальный, пусть и неповторимый.

Это – целый мир символов, некий «срез» истории самого Тобольска и всей Сибири, деяний великих людей, «отпечаток» великой русской культуры.

Трудно поверить, что четверть века назад данное место было уютным и неприглядным.

– Спасибо за высокую оценку нашего скромного труда, – продолжал рассказ Аркадий Елфимов. – Да, было – бывшая территория сгоревшего дома отдыха, всё замусорено, загажено, свалка бытовых отходов. Крапива, лопухи – в рост человека. Всё это я приводил в порядок вместе с помощниками, чистили, привозили грунт, после взялись за посадки. Я же по профессии строитель, мои познания в ландшафтном искусстве – мог отличить ёлку от берёзы. А дальше – тёмный лес. Я стал читать книги на эту тему, первая – «Поэзия сада» академика Дмитрия Сергеевича Лихачёва. Крупный учёный, он анализировал парки всех времён и народов, у него я почерпнул много полезного.

Наши царственные Романовы, как известно, закладывали парки в разных краях Российской империи. В дворянских усадьбах сажали парки, в основном, с масонской символикой, существовали парки, посвящённые любви, – словом, всякие парки отмечены в нашей истории.

Когда я осилил книгу Лихачёва, то подумал: а какой парк буду закладывать я? Вопрос не простой! Поскольку я к тому сроку уже создал Фонд «Возрождение Тобольска», то и решил: буду закладывать парк, посвящённый истории Тобольска.

– И что получилось в итоге?

– Сами увидите! В коллекции – сотни разных растений. Я составил каталог парка «Ермаково поле», он есть в интернете на сайте Фонда, если заинтересуетесь – можете посмотреть. Не только я сам, но прежде всего учёные-специалисты признают нашу ботаническую коллекцию уникальной. Такой нет в крупных областных центрах – Тюмени и Кургане. Да, известны большой ботанический сад в Екатеринбурге, богатые ботанические коллекции в Томском государственном университете и в Барнауле. Но на территории Западно-Сибирской низменности, – опять же, мнение специалистов, – моя коллекция – единственная.

Недавно приезжал в гости Леонид Полежаев из Омска, многие годы он руководил Омской областью. Он сидел в беседке, откуда красивый вид на Иртыш, и говорил: «Как хорошо-то!»

Мы всё торопимся куда-то, не замечаем, какая природа-то вокруг, какую жизнь-то нам Господь даровал!

И мы с ним с полчаса посидели в беседке, понаблюдали красоту ухоженного парка, помолчали.

И таких отзывов, как от Полежаева, много.

Одна из «воспитательных задач» парка – пробудить душу человека, заставить вспомнить, что он – часть природы, что природа – такая же живая, как он сам, что у природы можно многому научиться.

А сейчас я буду показывать страницы истории Тобольска, отражённые в разных ландшафтных композициях.

– Странно слышать такое! Разве можно через ландшафт выразить события истории?

– Ничего странного нет! – заверил Аркадий Григорьевич. – Мы просто разучились понимать «язык природы». А он же существует! Когда я закладывал парк, то надо было начать с прихода первых русских людей в Сибирь. Это дружина Ермака, пятьсот казаков.

Мне посоветовал мой консультант из Новосибирского ботанического сада Каракулов Анатолий Владимирович морозостройкие дубы, выведенные учёными Сибирского отделения Академии наук. И я посадил рощу в 25 дубов, главный дуб – «ЕРМАК», а частокол – символ первых русских островов, тогда ставили брёвна вертикально, заострённые кверху.

Дуб «ЕРМАК» и 25 дубков – по 20 казачков на дерево, вот и будет дружина – 500 казаков.

А кто их здесь встретил?

10-тысячное войско хана Кучума, хан был наполовину узбекских кровей, пришёл из Бухары, местных татар вырезал, на крови взял власть. Это жестокое насилие повторялось несколько раз.

Я насыпал курганчики, посадил всякие ковыли, маки – они символизируют хана Кучума с

10-тысячным войском. А сам Кучум – полынь цитварная, ядовитое растение, в народной медицине им выводили глистов.

Хан Кучум напротив Ермака.

Между ними – красное поле барбариса-тумберга, он по весне уходит в зелёный листочек, а потом выбрасывает яркий пурпурный цвет.

Такое «красное поле» – противостояние двух враждующих сторон. Мне жена говорит: «Тут дети, нуки бегают, а ты море крови налил». А я ей отвечаю: «Это не кровь, а символ противостояния!».

– Убедили нас, Аркадий Григорьевич, сполна. Нетрудно представить битву русских и кучумовцев. Но помимо дуба, носящего имя славного казака, у вас стоит вон вдалеке и памятник атаману.

– Приезжал из Москвы молодой скульптор Костя Кубышкин, – пояснил хозяин. – Я ему обозначил «тему Ермака». И когда Костя возвращался из Тобольска в столицу, то смотрел в окно на тайгу, на ёлки, и ему пришёл образ атамана, живой, неповторимый.

Мне понравилось его решение.

Переходя от одной достопримечательности к другой в парке «Ермаково поле», понимаешь, что все они, без исключения, заслуживают большого внимания, отдельного разговора – ничего подобного го нигде у нас в современной России нет.

Любая беседка, всякое деревце, каждый памятник – со своим поводом и со своей историей.

И всё же было бы большой ошибкой умолчать о главной доминанте парка – храме-часовне. Она встала на холме и возведена в честь православного святого Дмитрия Солунского.

Русским духом и русским стилем храм неуловимо напоминает известную церковь Покрова на Нерли.

Оказывается, храм напрямую связан с историей покорения Сибири Ермаком с его дружиной.

... Во сне или наяву Алексею Тимофеевичу Ермаку открылось пророчество – он должен оградить русские селения от набегов хищных татар, силой привести Сибирь под руку Царя Московского.

Легко сказать! А как это сделать?

Отряд отважных казаков (пятьсот или чуть более), бесстрашных, как и сам атаман, приближался к многотысячному войску Кучума. Хан, говорят историки, имел «большие связи» на Западе и в Азии, и готов был, разгромив идущий к нему отряд казаков, двинуться дальше, разорять саму Москву.

На каждого казака приходилось, пожалуй, по сотне и более врагов, они к тому же были вооружены пушками.

26 октября 1582 года у Чувашского мыса, где ныне вознесён Тобольск, произошла битва, равной которой, наверное, и не отыскать за всю историю человечества. Отряд казаков обратил в бегство большую армию Кучума.

Произошло настоящее чудо!

– Доподлинно мы не знаем, сколько казаков сложили головы в той страшной битве, – говорит Аркадий Елфимов. – Хотя писатель Николай Коняев из Петербурга, который приезжал ко мне, недавно ушедший из жизни (царство ему небесное!), уверял, что он подсчитал: Ермак потерял 112 казаков.

Правда, Николай Михайлович не стал объяснять, как он подсчитал.

Но нам важно следующее.

На другой день оставшиеся в живых казаки сели на струи и поплыли вверх по Иртышу и заняли столицу Сибирского ханства – город Искер.

И вот здесь мы подходим к большому символу. Взятие столицы ханства, которым управлял Кучум, произошло в день памяти святого подвижника православия Дмитрия Солунского.

Красноречивое совпадение!

В мире ничего не бывает случайного!

«Случай – мгновенное и мощное орудие Провиденья Господня», – отмечал ещё Александр Сергеевич Пушкин.

Победа в день Дмитрия Солунского, на мой взгляд, означала: русские пришли в Сибирь.

НА ВЕКА, НАВСЕГДА!

Поэтому мы так и назвали храм.

Автор – архитектор Алексей Белоусов – с душою работал над его созданием и сделал проект талантливо.

Ботанический парк «Ермаково поле» начинается с липовой аллеи, тоже по-своему уникальной, к ней же мы и возвращаемся после краткой экскурсии.

Что такое липа?

Это – символ русской души.

Символ мира, добра, открытости.

– Аркадий Григорьевич, когда возникла липовая аллея в вашем парке?

– Ко мне приезжал Валентин Григорьевич Распутин, классик русской литературы, он и посадил первую липу. Это было 3 сентября 2002 года. Мне потом говорили: «Тебе повезло – ты дружил с духовным губернатором Сибири!».

Да, это был человек!

Я считаю, что именно Валентин Григорьевич являлся и продолжает оставаться совестью русской нации, истинно русский характер – честный, правдивый.

«В Тобольске много неба!» – сказал Валентин Распутин.

Вскоре писатель сочинил эссе о городе, его можно считать гимном Тобольску.

Валентин Распутин дал название альманаху – «Тобольск и вся Сибирь», благословил на издание, что мы позднее и осуществили. Теперь выпустили уже много сборников, отражающих духовные, культурные, экономические традиции разных регионов Сибири от Тобольска и Тюмени до Омска, и от Красноярска до Камчатки.

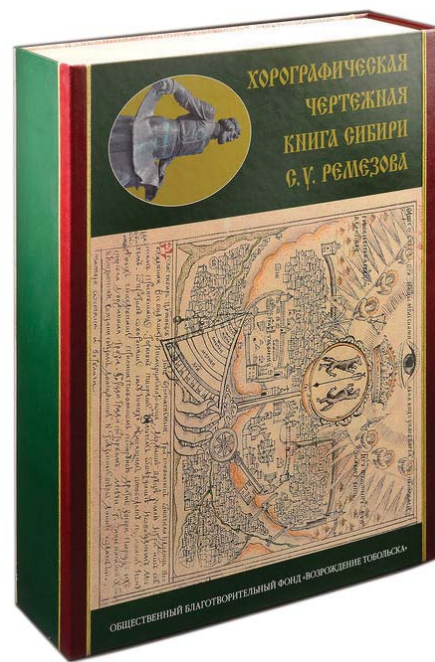
О целях и задачах этой большой работы знаменитый писатель сказал так: «Это не что иное, как объединение расшатанной Сибири в один родственный и духовный узел. Как сибирское купечество в 1887 году пришло на помощь оставленному от прежней могущественной службы и терявшему своё звучание Тобольску, так теперь воспрявший духом Тобольск взялся собирать сибирские земли в одно историческое Отечество».

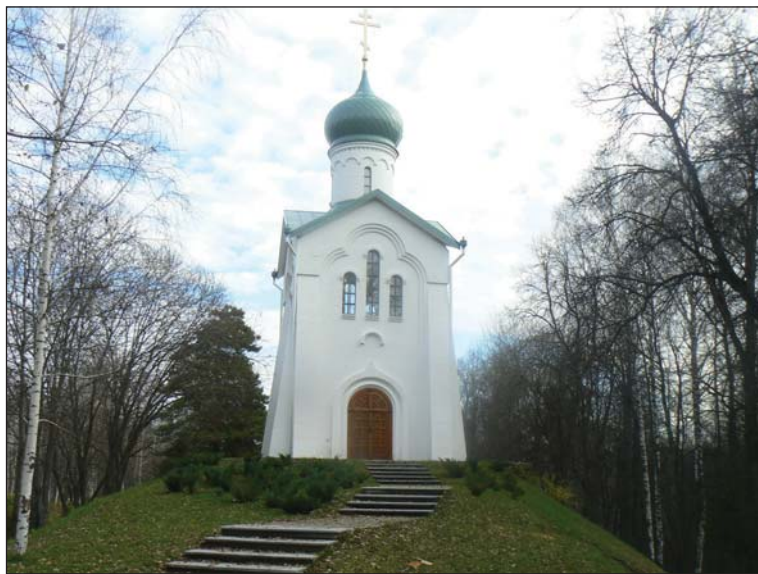
Очень светлой души был Валентин Григорьевич, и я часто его вспоминаю.

– Значит, аллея именная?

– Да, так, – продолжал Аркадий Григорьевич. – Уже посадили 170 лип, «авторы» их – люди разные и из разных мест. Поэт Виктор Киришин и писатель Юрий Лошиц из Москвы, известный фото-мастер из столицы Виктор Ахломов, знаменитый путешественник Фёдор Конюхов, бывший ректор Литературного института Борис Тарасов. Последним приезжал Василий Дворцов, поэт и прозаик из Москвы, он наш, сибиряк.

Мы готовим издание про липовую аллею, где будут имена всех, кто сажал деревья, их короткие впечатления от пребывания в Тобольске.

По заведённой традиции мы – известный прозаик из Тюмени Леонид Иванов, прозаик из Вологды Виктор Борисов и ваш покорный слуга тоже посадили липы, которые пожертвовал нам Аркадий Григорьевич.

Тем самым и мы «попали в историю» ботанического парка «Ермаково поле».

О РУССКОМ ПУТИ

В АРКТИКУ

– Вернёмся, Аркадий Григорьевич, к началу беседы. Хотелось бы услышать подробности создания четырёхтомника об освоении Северного морского пути и Арктики, за что Фонд получил высшую награду на книжном фестивале в Москве 3 июня 2019 года.

– Да, эта награда – Гран-при – значимая для нас. Я очень рад за всех, кто был причастен к большой работе, выполненной под началом редактора-составителя, известного поэта из Омска Юрия Петровича Перминова, давно сотрудничающего с Фондом, а также Сергеем Викторовичем Филатовым из Бийска.

Четыре тома альманаха (№28) «Тобольск и вся Сибирь» – это около 3 тысяч страниц текста и не менее 2 тысяч страниц иллюстраций.

Можете себе представить, какой объём, какой охват!

О выпуске четырёхтомника уже было много написано в периодике, но всё же я ещё добавлю.

География уникального издания поистине кругосветная: от Хельсинки до Владивостока, от Камчатки до Сан-Диего.

Авторы представляли своим творчеством Москву, Псков, Архангельск, Мурманск,

Ханты-Мансийск, Салехард, Красноярск, Иркутск, Нарьян-Мар, Курган, многие другие города.

Список их велик, как и велика наша Россия.

И меня радует, что была не забыта ни одна героическая или трагическая страница прокладки великой водной Северной магистрали, включая, конечно же, не имеющую аналогов эпопею советского освоения Арктики.

Книги со вкусом оформил талантливый художник Иван Лукьянов.

Хочу отметить, что реализация издательских проектов Фонда немислима без самоотверженной и зачастую бескорыстной помощи наших авторов, соразработчиков, добровольных помощников и дарителей, а главное – попечителей.

Делаем, что называется, «всем миром»!

Спасибо всем огромное за это.

– Вы уже представляли публике замечательное издание?

А где может познакомиться с ним обычный читатель?

– Не так давно в центральной библиотеке города Сургута – нефтяной столице Сибири – состоялся своего рода отчёт Фонда о своей деятельности перед читателями. И, конечно, там шла речь и о четырёхтомнике. А ещё прежде прошли презентации сборника в Тюмени, Омске, Москве, Бийске. 11 июня 2019 такая презентация была организована в Российском государственном музее Арктики и Антарктики в Санкт-Петербурге.

У читателей сборник вызывает большой интерес.

Познакомиться с ним, как и с другими нашими изданиями, можно на сайте Фонда в интернете.

– Знаю, что было много откликов на выход четырёхтомника и на успех на книжном фестивале в Москве.

– Отклики продолжают поступать. Приведу один из них. «Если бы мне в отрочестве попал в руки такой четырёхтомник, я, возможно, стал бы полярником, – отметил в своём отзыве известный

прозаик из Архангельска, редактор журнала «Двина» Михаил Попов. – Оттого, наверное, разглядываю его теми юными восторженными глазами, коими не довелось в свои поры такое узреть. Здесь много диковинок и для взрослого человека, но для отрока – целый океан открытий... Прежде всего приводят в изумление старинные карты, которых здесь великое множество. Даже мне, жителю приарктического Архангельска, связанного с морем, таких навигаторских изображений доселе видеть не доводилось.

А какие здесь изображения самой Её Величества Арктики! Тончайшей выработки гравюры, офорты...

Репродукции с картин Александра Борисова, Степана Писахова, Тыко Вылки, которые творили свои полотна посреди ледяной Гипербореи...

Просто глаза разбегаются!».

Думаю, мнение писателя Михаила Попова разделяют многие читатели четырёхтомника. Неожиданно в Фонд обратилось более двадцати человек, те читатели, которые собирают наши издания.

– Награда книжного фестиваля в Москве – не единственная удача в 2019 году Фонда «Возрождение Тобольска», я имею в виду успех вашего автора, поэта Михаила Тарковского.

– Да, в рамках издательской программы Фонда мы выпустили сборник – две повести Михаила Тарковского «Не в своей шкуре», придерживаясь лучших традиций русского книгоиздания. Иллюстрации выполнил известный художник-анималист Вадим Горбатов, его рисунки дополняют художественный мир писателя Михаила Тарковского.

Мы очень рады за Михаила – книга была удостоена Патриаршей премии 2019 года.

ЭТО «ЕВАНГЕЛИЕ»

ЧИТАЛ ФЁДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Недалеко от храмов Кремля, в двухэтажном особняке, перед которым стоит стенд книжной серии «Славен град Тобольск», расположен офис Фонда «Возрождение Тобольска».

Менее всего он похож на административное помещение, а, скорее, напоминает музей и библиотеку сразу «в одном лице».

Аркадий Елфимов показывал нам коллекцию памятных медалей, связанных с историей Тобольска, разные книги.

Особенно поражает недавно осуществлённый Фондом издательский проект «Евангелие Достоевского».

Тут необходимо краткое пояснение.

Как известно, в молодости будущий писатель входил в кружок нигилистов-петрашевцев, из-за чего и пострадал – был сослан на каторгу в Сибирь. В пересыльной тюрьме Тобольска Достоевского посетили жёны декабристов, – в их числе Наталья Фонвизина, жена одного из декабристов, – и передали узникам Святое Евангелие.

Поскольку никаких других книг заключённым не разрешали, то Достоевский в течение срока, который отбывал на Омской каторге, постоянно читал эту Священную книгу.

Наверное, можно утверждать, что это Евангелие и сотворило его как православного писателя и мыслителя.

– В Евангелии, которое Фёдор Михайлович читал в остроге в Омске, около полутора тысяч подчёркиваний ногтём, загибов страниц, – рассказывал Аркадий Григорьевич. – Как признавался сам Достоевский, эти четыре года переродили его, с подаренным тобольским Евангелием он потом не расставался всю жизнь.

Мы подумали: а нельзя ли всё это как-то увековечить? Памятник Достоевскому работы скульптора Михаила Переяславца в Тобольске есть. А почему бы не попробовать создать своего рода памятник в книжном варианте?

Так возник уникальный проект.

В специальном коробе в виде каземата содержится, во-первых, факсимильное издание Евангелия со всеми пометками великого писателя. Мельчайшие, порой невидимые пометки в оригинале устанавливали с помощью современной оптико-электронной экспертизы сотрудники Российской Государственной библиотеки во главе с В.Ф. Молчановым.

Второй том, почти в тысячу страниц, – подробное описание того, как Достоевский использовал «помеченные» евангельские сюжеты в своих произведениях. Комментарии сделал Борис Николаевич Тихомиров – и это настоящий подвиг учёного. В тот же том включена и «Сибирская тетрадь» – первая дошедшая до нас записная книжка Фёдора Достоевского.

Наконец, в проекте есть и третий том.

Он знакомит нас со свидетельствами, критикой и богословием писателя.

Этот том – публицистический.

Иногда меня спрашивали: «А зачем он нужен?».

Я отвечаю так: «Чтобы показать из стихии сегодняшнего дня и самого Достоевского, и его творчество, а главное – попытаться понять: как же Фёдор Михайлович сумел предугадать и описать то самое бесовское время, которое догнало сегодня Россию. И не только наша страна – весь мир живёт ныне «в этой бесовщине».

Руководитель любезно показал нам уникальное издание, впечатление – самое яркое.

Нужно представлять себе, что в этих заметках мы коснулись лишь части разносторонней деятельности, осуществляемой Фондом.

– Как бы, Аркадий Григорьевич, выразили общий дух того, что делаете вы и ваши многочисленные помощники?

– Вернусь к покорению Сибири атаманом Ермаком: у знаменитого художника, сибиряка по рождению, Василия Сурикова есть картина с таким названием. Её знают все, но мало кто обращает внимание на то, что на знамёнах казаков – Спас, незлобивый и тихий.

Это – политика!

Именно она позволила Руси сохранить все народы, дать им письменность и культуру, в отличие от политики Испании и Португалии, которые вырезали коренных жителей Южной и Средней Америки, а англосаксы уже «зачищали территорию» от индейцев, уничтожая их. А затем восемь миллионов рабов завозили из Африки.

Если Россия будет следовать «планам Запада», её ждёт та же участь, что и индейцев в Америке.

Поэтому огромная наша общая и личная ответственность перед предками за сохранение великой государственности, которую они создали, – равной ей по славе, мощи не было в истории человечества.

Нельзя допустить уничтожения великой государственности и геноцида народа.

Русь не должна терять свой национальный и исторический облик.

Я не хочу, чтобы моих детей и внуков ожидал «цифровой концлагерь», или иной, хочу, чтобы они были счастливыми и свободными, как и их далёкие предки.

В том и заключён дух Фонда – укреплять Россию, объединять патриотов.

– Искреннее спасибо, Аркадий Григорьевич, за интересный и содержательный разговор.

Приглашаем к дискуссии

Сэда Вермишева

Вермишева Сэда Константиновна – поэт, публицист, общественный деятель. В 1974 году была принята в Союз писателей СССР. В настоящее время является членом Союза писателей России и Союза писателей Армении, сопредседателем русскоязычной секции СП Армении. Автор 14 поэтических сборников, а также брошюр и статей по фундаментальным геополитическим и другим проблемам современного мира. Её литературная и общественная деятельность отмечена многими государственными наградами как России, так и Армении и Нагорного Карабаха. Стихи переведены на армянский, польский, словацкий, болгарский, французский, английский и др. языки. Лауреат многих российских литературных конкурсов: Некрасовского (СПР), Лермонтовского (СПР), «Лучшая книга 2008–2011» (МГО СПР), газеты «Российский Писатель» (СПР) в номинациях «Позиция» (2013), «Поэзия» (2014). Член Высшего творческого Совета СП России.

Загадка истории

*В продолжение темы предыдущего номера журнала –
причины и следствия демонтажа СССР*

Мне кажется, что тема, касающаяся демонтажа Советского Союза в нашей прошлой беседе, в предыдущем номере журнала не была исчерпана, так как мы практически не коснулись вопроса распада Советского Союза на территории суверенных независимых государств, а лишь затронули тему демонтажа советской социалистической экономической системы, реформативирования её в капитализм постсоветского образца. Насколько такая трансформация была закономерна и насколько – волюнтаризм, произвол, и даже больше – преступление, – это тема, требующая специального разговора. Сейчас же хочу обратиться к теме фрагментации территории СССР и превращения её в территории независимых (СНГ), а теперь уже, после Беловежских соглашений – суверенных государств. При этом государственность некоторых из них носит во многом искусственный, не подтверждённый серьёзным историческим прошлым, характер и, что особенно важно, на мой взгляд, имеет весьма туманные перспективы на будущее. Тема же распада непременно требует обращения в прошлое, во времена возникновения этих образований, потому что прежде чем распасться, нужно было создаться, потом объединиться (в СССР), а потом уже, если так было написано им на роду, – распасться на суверенные образования. Тема, как мы видим, многоступенчатая, и наша задача – проследить её как в развитии, так, возможно, и в угасании, определить и оценить перспективы и того, и другого варианта. В этих целях мной был проведен некоторый обзор истории, который свидетельствует, что начиная с Ивана Первого Калиты, **собирание земель и централизация власти были ведущей государственной идеей России**. Её практическая реализация объединила в 14 – 16 веках вокруг Москвы северо-западные и северо-восточные русские княжества, создав **русское централизованное государство**. Дальнейшее развитие этой тенденции в 15 – 17 веках определило становление России уже как **унитарного многонационального централизованного государства**.

С 1721 года, после заключения Петром Первым со Шведской империей Ништадтского мира, оно именуется Российской империей, а Петр Первый – императором. Ништадтский мирный договор, считают историки, – краеугольный камень в становлении Российской империи, в том числе как великой морской державы. Россия закрепляется и расширяет свои владения на Балтийском побережье,

балтийские воды выводят её в Северное море и далее – в Атлантический океан, занимающий ведущее место в мировом судоходстве. И эта роль его со временем только возрастает. Нельзя забывать и об итогах исторической победы Петра Первого над шведами под Полтавой. «С Полтавской битвы закончился период шведского господства. Московское царство начало освобождаться от своего старого врага, могучего соседа, который закрывал ей выход к Балтийскому морю. В то же время Полтавская битва стала катастрофой не только для Шведской империи, но и для Европы; она сломала прежний баланс власти, могущество после Полтавы переходит от Шведской империи к Московскому царству, которое крепнет и превращается в великую державу», – пишет шведский историк Петер Энглунд (И. Павловский, В. Бондина, REGN. 20/05/19).

В современном мире роль северных и южных морей, впадающих в воды Атлантического океана, как и самого Атлантического океана и его прибрежных государств, только возрастает. Но сегодня России снова приходится бороться на ближних и дальних рубежах (Сирия, Крым), за выход в Атлантику, ввиду того, что практика перестройки и постперестройки отбросила Россию вспять от её наиболее фундаментальных исторических достижений на 300 лет. И мне вспоминается Москва и теперь уже далекий 1981 год. Я держу в руках только что выпущенный издательством «Современник» томик стихов с говорящим названием «Выход к морю», подаренный мне её автором – не только замечательным поэтом, но и ярким публицистом, полемистом, литературным критиком и глубоким русским философом Татьяной Глушковой. В предисловии к этой книге она написала: «Выход к морю, (а вместе с тем духовный выход ко всему миру) – как известно, тенденция исторической жизни России многих веков... В этом смысле название моей книги выйдет слишком обязывающим. Но <....> я разумела тут, в частности, и нечто личное: трудный, и может быть, вовсе неодолимый для меня вполне, путь к мужеству, свободе и правде моего самоощущения в мире». И ей это удалось.

ПОСЛЕ ПЕТРА ПЕРВОГО

Внешняя политика Петра Первого по приумножению земель Российской империи была дополнена им работой по усовершенствованию управления этими территориями через внесение изменений в систему административно-территориального деления России на губернии, уезды и пр. Подчеркнем, что и до Петра, и при Петре, и в дальнейшем границы этих образований всегда носили сугубо административный характер. И хоть они впоследствии неоднократно подвергались пересмотру – укрупнению, дроблению, слиянию, создавались новые административно-территориальные единицы, менялась иерархия этих образований, – но принцип их безотносительности по отношению к проживавшим на данных территориях этносам, политика государственного унитаризма оставалась неизменной. В 1917 году все кардинально изменилось. И приняв этот год за точку отсчета, отметим, что всего за 8 месяцев 1917 года в Российской империи дважды сменился общественно-политический строй: Конституционная монархия была заменена на буржуазно-демократическую власть, которая в свою очередь уступила место Советской власти.

Революционность смены власти заключалась, прежде всего, в подходах к собственности, национальному вопросу, что как следствие и привело в дальнейшем к реформатизации территории Российской империи с её унитарным административным губернско-уездным территориальным делением в национальные территории ССР – сначала в составе Советского Союза, а в дальнейшем, после подписания Беловежских соглашений – уже в суверенных, независимых государствах. Таким образом, произошло фактическое и юридическое безвозмездное отчуждение в пользу национальных образований территорий, исторически находившихся в юрисдикции Российского государства, а далее – в составе СССР.

Явление в мировой практике беспрецедентное. Проследим его историю, берущую начало, как уже отмечалось, в 1917 году.

ТРАНСФОРМАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ
В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

Октябрьская революция 1917 года вскоре, как и предполагалось, привела страну к гражданской войне. Призыв Ленина: «Превратим войну империалистическую в войну гражданскую!» был реализован сполна. И если лозунги, связанные с собственностью, имущественным, социальным и сословным неравенством имели основания для пересмотра сложившегося в стране положения, то этого нельзя сказать о лозунгах, связанных с национальным вопросом, признанием прав народов России на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств (Декларация от 15 ноября 1917 г.). Это относится и к обнародованию и аннулированию секретных и неравноправных договоров царского и Временного правительств. Тем не менее, они были обнародованы и аннулированы советской властью, что ещё больше усугубило в стране непростую обстановку. Так, в рамках новой идеологии в национальном вопросе Советское правительство через три месяца после Октябрьской революции признало независимость Великого Княжества Финляндского, присоединённого к России в 1809 году и пользовавшегося в составе Российской империи автономией. Была признана независимость Прибалтийских республик, вхождение которых в состав России было положено в 1721 году Ништадтским миром. Аннулирован, как несправедливый, договор (1814-1815 гг.) между царской Россией, Пруссией и Австрией о разделе Польши. Откололось Закавказье, ставшее частью Российской империи в результате подписания с Персией Гюлистанского (1813 г.) и, при активном участии и содействии А. Грибоедова, Туркманчайского (1828 г.) договоров, а также добровольного вхождения в состав Российской империи, согласно Георгиевскому трактату от 1783 года, Грузии.

Реализация же на практике лозунгов об экспроприации и национализации частной собственности ввергла Россию в гражданскую войну и способствовала образованию на её территории режимов, враждебных Советской власти (Корнилов, Колчак, Деникин, Врангель и др.), что означало **распад России как единого централизованного государства**. К кардинальным изменениям привели и упоминавшиеся выше новые установки советской власти о праве наций на самоопределение, вплоть до полного отделения. Вброшенные в многонациональное, но унитарное губернско-уездное пространство Российской империи, они взорвали его, активизировав националистические и сепаратистские силы, подвергли соблазну иностранные государства как Антанты, так и Тройственного союза (Германию, Турцию, Англию и др.) вмешаться и в условиях всеобщего хаоса – фактически оккупировать российские территории. Такое же разрушительное воздействие имело упомянутое выше аннулирование секретных и неравноправных договоров царского и Временного правительства. (Пока отложим напрашивающийся вопрос: а судьи кто? И только отметим, что ослабленная Советская власть подписывала один за другим, в ущерб себе, «грабительские» договоры: Брест-Литовский, Рижский, Московский, потеряв только по первому из них 781 тыс. кв. км с населением в 56 млн человек, легитимизируя таким образом аннексию собственных территорий). В итоге иностранная интервенция, активизация националистических и сепаратистских движений, провозглашение ими независимости, заявление о выходе из состава Российской империи плюс Белое движение – привели к тому, что **«К лету 1918 года советской властью было утеряно ¾ территории царской России»**. (С. Вермишева. Тектоника внешних и внутренних границ СССР. Москва. 1987 г.) Однако идеологические установки большевиков, созвучные христианской (в частности, православной), морали, этике справедливости, коллективизма, соборности, интернационализма (когда говорится, что Христос насытил народ двумя рыбами, под рыбами подразумевается, очевидно, справедливость и что Христос насытил народ справедливостью, заповедь же «Нет ни эллина, ни иудея!» воспринимается как лозунг интернационализма...) В сочетании с большевистским, так называемым демократическим, и с традиционным для России государственным централизмом это дало свои плоды. Сплав социальных и национальных, провозглашенных большевиками, идей по глубинному смыслу близких официально отрицаемому большевиками православию, в частности, таких понятий, как приверженность соборности, коллективизму (в противовес буржуазному индивидуализму) сплотил вокруг большевиков и представляемой ими советской власти народы Российской империи. И через какое-то время советская власть в лице большевиков установи-

лась на большей части территории теперь уже бывшей царской России. Наиболее радикальным воплощением национальной политики Советской власти была реформа перехода от унитарно-административно-территориального деления Российской империи, как единственной формы деления и управления территориями, к дуалистической, административно-территориальной и национально-территориальной форме, сменившей унитаризм Российской империи. В первую категорию, согласно реформе, были включены территории с русским этносом, во вторую группу включались территории с населением нерусского происхождения. При этом статус этих национальных образований был выше статуса образований административно-территориальных, с русским населением. Эта иерархия отражала ленинские установки в национальном вопросе, которые Сталин назвал «ленинским национальным либерализмом». С предельной полнотой он был выражен в формуле: «Интернационализм должен состоять не только в соблюдении формального равенства, но и в таком неравенстве, которое возмещало бы со стороны нации большой то неравенство, которое складывалось в жизни фактически». (В. Ленин. К вопросу о национальностях или автономизации. Госполитиздат, 1956 г., стр. 24.) Соответственно, границам территорий с русским населением был придан статус административных, границам же территорий компактного проживания остальных этносов – статус национальных внутренних границ в составе союзного государства. Внутренние национальные границы при изменениях политического характера легко могут, при стечении определённых обстоятельств, трансформироваться во внешние государственные границы – как по отношению к границам других национально-территориальных, так и административно-территориальных образований внутри СССР. А также и по отношению к внешнему миру, что и произошло после подписания в Беловежской пуще 8 декабря 1991 года документа о роспуске Советского Союза (в нарушение результатов референдума от 17.02.1990 г.). И когда В. Путин в выступлении в 2016 году в Курчатковском институте упомянул об атомной бомбе, заложенной под СССР большевиками, – он, мне кажется, имел в виду именно создание на территории Российской империи, на месте губерний и уездов, национальных республик с обозначением их национальной принадлежности и национально-территориальных, до поры до времени – внутренних границ. До поры до времени, потому что, как уже отмечалось, внутренние национальные границы имеют свойство, со временем, при определенном стечении обстоятельств, становиться государственными внешними границами – как по отношению к остальным национально-территориальным и административным образованиям, так и по отношению к государству, частью которого они являлись.

В целом же, за короткий срок территория Российской империи с однородной административно-территориальной структурой деления на губернии, уезды и пр. была переформатирована Советской властью в Союз Советских Социалистических Республик с различными правовыми статусами этих республик и автономий, иерархией их подчинения и соподчинения, максимального учета истории и географии и прочей национальной специфики населяющих эти территории народов. При этом титульной нацией считалась та, местом исторического проживания которой являлась данная территория даже в том случае, если её численность не была преобладающей. Процесс был сложным, решения зачастую носили конъюнктурный характер и определялись частными соображениями. В подходах наблюдалась тенденциозность – так, не было создано ни одной русской автономии в составе какой-либо республики, прежде всего это касается Украины, Казахстана, республик Прибалтики. Некоторым национальным образованиям шла прирезка территорий за счёт исконно русских земель, хотя, надо отметить, были и обратные случаи. И если в царской России генеральной линией в территориальном делении страны была унификация, то при образовании СССР преобладали процессы максимальной дифференциации территорий по национальному признаку, с последующим выстраиванием, также не лишённым пристрастий, их иерархической структуры. Тем не менее, монолитность и единство Советского Союза были убедительно подтверждены в годы Великой Отечественной войны – прежде всего, представляется, благодаря жесткой централизации власти, которая принадлежала в СССР, по факту, не Советам, а партии большевиков, ВКП(б), с её абсолютной властью.

СТАЛИНСКИЙ ПЕРИОД

В период правления Сталина произошло восстановление государства в прежних границах, утерявшего в один из драматических периодов революционной ломки своих устоев 3/4 территории. В период сталинского правления (в том числе согласно пакту Молотова-Риббентропа), произошло воссоединение Западной Украины с Украинской ССР, Западной Белоруссии с Белорусской ССР, были отодвинуты границы (по итогам войны с Финляндией) от Ленинграда на северо-запад, присоединена в 1940 г. Прибалтика, возвращена захваченная в 1918 году Румынией Бессарабия, вернулась территория, населённая украинцами, Северной Буковины. В результате победы во Второй мировой войне, по итогам Ялтинской и Потсдамской конференций, к СССР отошла часть Восточной Пруссии (Калининградская область) и район Петсамо (возвращён Финляндией), Япония вернула Сахалин и Курильские острова. В состав СССР вошла Тува. В 1945 году к Украине было присоединено Закарпатье. Зона влияния Советского Союза распространялась на всю Восточную и Центральную Европу. В состав Союза вернулись даже территории, утерянные царской Россией в годы её неудачных войн, в частности – с Японией. Практически, во Второй мировой войне Советским Союзом были решены задачи, которые ставились царской Россией в Первой мировой войне. Исключение составляют потери, связанные с заключением Советской властью в 1921 году Московского договора, по которому к Турции отошла в Западной Армении Карская область с округами и крепостью Карс – плацдармом турецкой угрозы России на юге. Хотя согласно «Англо-франко-русскому секретному соглашению 1915 года» к России должны были отойти черноморские проливы Турции и Константинополь, а по соглашению 1916 года Россия получала всю северо-восточную часть Османской империи, а также на юго-востоке Ван, Битлис, и область Курдистана к югу от Вана и Битлиса. (Ю. Барсегов. Геополитическая угроза России с Юга. М., 1996 г.) Однако, к сожалению, вернуть российскую часть Западной Армении и контроль над проливами Советскому Союзу не удалось, хотя на Ялтинской и Потсдамской конференциях этот вопрос был поставлен советской стороной. Здесь позиция СССР наткнулась на жёсткое противодействие США и Великобритании. И это понятно – ведь речь шла не только о территориях, но в первую очередь о таких огромной стратегической важности проливах как Босфор и Дарданеллы. Упущенный в 1921 году Советской властью исторический шанс остаётся упущенными по сей день.

В целом же, после второй мировой войны Советский Союз вернул практически все утерянные ранее территории, создав сбалансированную систему противостояния внешней угрозе. Именно эти государственные границы, как итог второй мировой войны, были закреплены и освещены в 1975 году в Хельсинки как нерушимые. Как после этого можно считать беловежский документ, отменяющий фактически итоги второй мировой войны, легитимным?

Продолжение в следующем номере

Проза

Юрий Серб

Лебедев Георгий Александрович (Юрий Серб) родился в Ровенской области (УССР) 17 апреля 1944 года. Окончил филологический факультет Ленгосуниверситета (ныне СПбГУ), прозаик, член Союза писателей России. Прозаические произведения Юрия Серба печатались в журналах: «Литературная учеба», «Северная аврора», «Аврора», «Берега», «Медный всадник», «Родная Ладога», в сетевых изданиях: «Русский переплет», «Топос», «МолОко», «Русская народная линия», «Филград». Публицистика Ю. Серба, посвящённая главным образом вопросам защиты отечественного языка и культуры, появляется на различных интернет-сайтах на протяжении ряда лет. Со-председатель Общества защиты отечественной истории и культуры «Петроград» (<http://petrograd.livejournal.com/>). Вёл колонку «Рцы Слово Твердо» на сайте «Российский писатель» в 2012/13 гг. Книги: «Годовщина прошлой листвы» (1995), рассказы; «Солнце вдоль проспекта» (2009), роман; «Страна Эстремагвай» (2010), «Речка Нача» (2012), повести; «Статьи. Стихи» (2013); «Площадь Безумия» (2016), роман; «Стихотворения» (2018). Член Высшего творческого совета СП России. Живёт в Санкт-Петербурге.

Счастливые

Роман в трёх частях

Продолжение. Начало в № 4 (34)-2019

Отъ автора: Ввиду того, что записи князя Петра сдѣланы въ традиціонной русской орфографіи, авторъ нашѣль сугубое удовольствіе въ томъ, чтобы привести весь текстъ къ нормамъ исконнаго русскаго правописанія

Вѣнокъ неудачнику

Книга первая

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

По ощущеніямъ патриотовъ, должна была вотъ-вотъ уже кончиться полоса Ельцина съ Гайдаромъ, но страна по-прежнему кишела американскими совѣтниками и преподавателями; бывшая проститутка, теперь *путана*, становилась пѣсеннымъ образомъ для молодѣжи, а про непойманнаго *киллера* газеты и телеведущіе писали и говорили съ восхищеніемъ и придыханіемъ. Полномочные представители Міровой Лабораторіи обновляли сценаріи экономическихъ кризисовъ, а кабинеты министровъ ихъ осуществляли.

Воспитанники прошлаго не хотѣли мириться съ потерей государства и съ утратой самоуваженія – среди нихъ, естественно, находился и Салабинъ. Благодаря интернету, электронной почтѣ и адреснымъ разсылкамъ онъ обзавѣлся заочными связями по всѣй Руси великой, включая и ея отпавшіе осколки, ежедневный обмѣнъ новостями только распаллялъ гнѣвъ и ярость пасынковъ недогосударства. Связи множились, а съ ними множились и мнѣнія – споры о способахъ, какъ исправить, вылѣчить и вернуть Отечеству государство.

Вызывающе вели себя побѣдители, называясь элитой. Ихъ было меньшинство, но это меньшинство стало скоро *подавляющимъ*. Эти люди всегда мечтали (и мечтають!) жить *въ другой странѣ*,

непохожей на страну их пребывания, и усердно работали и работают, преобразуя всякую страну *въ другую страну*, а народъ, среди котораго живутъ, – въ другой народъ.

Жизнь побѣдителей сосредоточивалась въ городахъ, но они по мѣрѣ силъ сокращали число жителей деревень и сѣль – какъ менѣ всего поддающихся перевоспитанію. Телевидѣніе простирало къ сельчанамъ свои шупальца-руки, но захватывало только убывающихъ числомъ пенсіонеровъ и дачниковъ; занятое же населеніе къ телевизору обращалось мало. Находились даже вольнодумцы, предпочитавшіе книгу: въ городахъ они становились бѣлыми воронами, но въ обитаемой деревнѣ обязательно находился свой книгочей.

Когда Ельцинъ прикончилъ генерала Рохлина, пошло на убыль и Движеніе въ поддержку Арміи и Флота, а возникшій было «Союз офицеровъ» превратился въ собраніе отставниковъ; «Вѣрное казачество» Новороссіи – подъ украинской властью – пока ещё свободно проводило крестные ходы и мѣлкія ученія къ памятнымъ датамъ; «Союзъ казаковъ Россіи» гордиться могъ лишь развѣ что однимъ-двумя сильными публицистами и однимъ кандидатомъ въ Госдуму, но вскорѣ одного изъ публицистовъ, полковника Владиміра Наумова, убили въ Подмосковьѣ; а въ церковныхъ приходахъ отсутствовала приходская жизнь... Главное, что требы совершались!

Зато въ сѣтевыхъ ресурсахъ кипѣла умственная работа и многія традиціонныя изданія, ввиду дороговизны бумаги, переносили тяжесть работы на электронную версію.

По волѣ гайдари-чубайситовъ былъ распроданъ Тихоокеанскій флотъ. Продажа должна была сойти по цѣнѣ чѣрнаго металлолома, съ полной передачей секретовъ, драгоценныхъ металловъ и техдокументации... Помѣшала только добросовѣстность простыхъ таможенниковъ порта Ванино: прокуратурѣ пришлось отреагировать – и цѣнное оборудованіе сняли, но что с нимъ было дальше, журналистамъ, народу и даже морякамъ – невѣдомо...

Командующій флотомъ поплатился за рыло въ пуху: за квартирныя махинаціи тихо подъ судъ угодили... но сумѣлъ откупиться. Не всякій адмиралъ остаётся офицеромъ, и не всякій генералъ – защитникъ Отечества. А стоимость ельцинскаго «лучшаго министра обороны» равнялась заграничному автомобилю.

Сильнѣйшіе умы экономики придумали залоговые аукціоны и соглашения (съ инвесторами) о раздѣлѣ продукціи. Кризисы стали регулярнымъ явленіемъ: 1998, 2000, ... «Кошелёкъ Семьи Ельциныхъ», по фамиліи Абрамовичъ, возглавилъ Чукотку, чтобы, по слухамъ изъ газетъ, построить тоннель до родимой Аляски. И тамъ же, въ чукотскомъ Анадырѣ, объявился епископъ Діомидъ – и высилъ голосъ, и объявилъ, что «страна истосковалась по отечественному правительству». Сказавъ А, онъ долженъ былъ сказать и Б: владыка объявилъ московскую епархію «вдовствующей», такимъ образомъ смѣщая патріарха, покорнаго гайдарианамъ, но вскорѣ былъ самъ смѣщёнъ синодальнымъ десантомъ изъ первопрестольной. Тѣмъ не менѣ, разжалованный епископъ снискалъ въ народѣ, помимо насмѣшекъ журналистовъ (которымъ такъ по должности положено), благодарную память отъ Кронштадта до Камчатки.

Излишнѣ говорить о томъ, что Салабинъ былъ всѣцѣло на сторонѣ епископа-изгнанника. Тѣмъ паче, что неподкупная газета «Русь Православная» постоянно печатала статьи и воззванія владыки Діомида – вплоть до момента, когда газету остановили арестомъ издателя.

Сообщеній о беззаконіяхъ «приватизаціи» не убывало. А исполнители «приватизаціи» оставались невозмутимы. Они-то знали, что масса занята вопросомъ выживанія и даже не вспоминаетъ, кому она сбыла за безцѣнокъ свои *ваучеры**. Масса не способна *одновременно* вся о чѣмъ бы то ни было вспомнить – для этого нуженъ могучій дирижёръ.

Подавляющее меньшинство зорко слѣдило, чтобы такой дирижёръ нигдѣ не проросъ и нигдѣ не проклонулся. Подавляемымъ простакамъ оставалось мало времени даже для проклятій – развѣ что при отходѣ ко сну. Это всегда короче молитвы.

А сонъ тогда тяжекъ и неровень, какъ дорога по ухабамъ на жѣсткой телѣгѣ.

Забѣгая впередъ, стоитъ замѣтить, что въ публицистической работѣ у Салабина появились псевдонимы – и должны были появиться... Одинъ изъ нихъ возникъ изъ воспоминаній о душистомъ, какъ сѣно съ клеверомъ, деревенскомъ дѣтствѣ. Когда его привозили къ бабушкѣ и оставляли его тамъ, то женщины сообщали другъ другу: вотъ, моль, внукъ Сальветинъ. Такъ переименовывалъ мѣстный выговоръ имя бабушки Елизаветы. Учасъ на филолога, Геннадій вспомнилъ объ этомъ, когда узналъ,

что *salve* – это латинское приветствие. Потомъ случайно узналъ, какъ по-нѣмецки шалфей: *salbei*. Такъ и возникли псевдонимы Сальветинъ и Сальбъ. А статьи въ защиту русскаго языка и рѣчевой культуры онъ подписывалъ какъ Геннадій Филологъ...

Въ обширной перепискѣ, которую вѣлъ Салабинъ, у него сложились наилучшія заочныя отношенія съ Александромъ Степановичемъ въ Иркутскѣ (фамилію называть ни къ чему, человекъ, дай Богъ ему здоровья, ещё здравствуетъ, съ Михаиломъ Викторовичемъ въ Москвѣ, и съ покойнымъ ветераномъ, капитаномъ перваго ранга Юріемъ Яковлевичемъ Слобожаниновымъ изъ Вилючинска. Капитанъ-подводникъ горячѣе всѣхъ поддерживалъ Салабина въ его убѣжденіи, что политическія партіи – это гибельный тупикъ; что спасительный путь Россіи – въ соединеніи народныхъ силъ въ Земскомъ Соборѣ – надпартійномъ, всесловномъ, всероссійскомъ...

* * *

«А вѣдь Иринѣ пришлось пересекать “украинскую границу”!» – неожиданная мысль посѣтила Салабина... Спыхватился, значить.

Разъ ужъ такая мысль посѣтила и застала его врасплохъ – то хочешь не хочешь, а погрузишься въ воспоминанія. Вспомнишь не о Крымѣ (тамъ бывать Салабину не пришлось), а о простомъ, такъ сказать, пересеченіи упомянутой «границы».

Будучи искусственнымъ твореніемъ, такая «граница» не могла предполагать естественнаго и простаго ея пересеченія. Салабинъ – непосредственный тому свидѣтель.

Но поначалу вспомнились ему коробки, порученные Иринѣ молодыми нахальными горожанами при ея отъездѣ, и посѣлилась тревога въ душѣ: какъ-то преодолѣть она украинскую таможеню?..

Когда дочкѣ Салабина было четыре года, онъ ѣздилъ съ нею въ отпускъ къ сестрѣ-кіевлянкѣ. Наталья ѣхать съ ними не могла: только-только устроилась на работу въ дѣтсадъ. «Незалежность» Украины была ещё въ новинку какъ самимъ «украинцамъ», такъ и сосѣдямъ – «новымъ иностранцамъ», но сильнѣе всего, притомъ сразу, она поразила мозги укрупограничниковъ и укрупотаможениковъ.

На пограничной станціи укрупчины вошли въ ихъ вагонъ и вскорѣ разнеслась перепалка съ того и съ другого конца: въ дальнемъ концѣ не разрѣшали къ провозу телевизоръ, а въ ближнемъ – ручную швейную машинку. На телевизоръ положили глазъ таможенники, на швейную машинку – пограничники. Налицо было смѣшеніе исполняемыхъ обязанностей, но ни зеленые ни сѣрые мундиры не предъявляли никакихъ основаній для запрета къ провозу указанныхъ издѣлій. Предъявили только выборъ: либо ѣдешь безъ запретнаго артикула, либо будешь ссаженъ (ссажена) вмѣстѣ съ нимъ – «до выясненія».

– До выясненія чего? – спрашивала жертва.

– Тамъ видно будэ, – отвѣчалъ несокрушимый чинъ.

Споръ о телевизорѣ затихъ – какъ разрѣшился, осталось неизвѣстнымъ, а несчастную женщину со швейной машинкой таки ссадили на перронъ.

Сосѣдомъ Салабина былъ морякъ рыболовнаго флота изъ Мурманска, возвращавшійся на родину – въ Хмѣльницкую область. Сѣрый таможенникъ сурово посмотрѣлъ на советскій паспортъ мурманскаго украинца, заявляющаго, что онъ возвращается на батьківщину, на постоянное жительство.

Раскрывъ чемоданъ, тотъ честно предъявилъ одежду и гостинцы, а также, согласно деклараціи, заработанные доллары. Эти деньги, возвращенныя таможенникомъ послѣ пересчѣта, рыбацьк сунулъ въ кармашекъ висѣвшей на крюкѣ сорочки. Тѣмъ временемъ украинскій чинъ взялъ въ руки рыбацькій ножъ въ ножнахъ ручной работы, своего рода произведеніе искусства, и потребовалъ разрѣшеніе на холодное оружіе.

– Я его не ношу какъ оружіе, я въ чемоданѣ везу, – возразилъ рыбацьк. – Это памятный подарокъ.

Однако чинъ уже понялъ, что кромѣ какъ ножомъ, ему больше нечѣмъ поживиться съ соотечественника.

– Ну, ось складэмо акт... – мечтательно произнёсъ таможенникъ.

Но тутъ ему закричали сослуживцы, что время вышло, поѣздъ будетъ сейчасъ отправленъ.

Рыбацьк уже готовъ былъ махнуть рукой: «бери, моля, падла!» – но это сообщеніе досмотровой группы остановило его.

Чинь въ отчаяніи повертѣль головой и взглядъ его упаль на торчавшіе изъ кармашка сорочки доллары.

– О! Это ваши доллары? – воскликнулъ онъ.

– Мои, – спокойно отвѣтилъ рыбакъ. – Вы ихъ только что сами пересчитывали.

Чинь скорчилъ гримасу какъ отъ внезапной зубной боли и обернулся къ Салабину, уже прошедшему паспортный контроль, но ещё не удостоенному вниманія таможни. Тѣмъ временемъ коллеги позвали ретиваго сослуживца гораздо болѣе рѣшительно. Тотъ крутанулся на одномъ каблукѣ (Салабинъ могъ ручаться, что слышалъ скрипъ зубовъ), швырнулъ изукрашенный ножъ рыбаку и шмыгнулъ въ коридоръ.

Рыбакъ шумно выдохнулъ и отвернулся къ окну.

Лялька-Маруся мирно спала у отца за спиной.

Вскорѣ перронъ съ металлическимъ частоколомъ остроконечнаго забора медленно поплылъ за окнами... До украинской ночи, до гопака съ тризубцемъ оставались считанные метры.

Обратно отецъ и дочка ѣхали не кіевскимъ, а львовскимъ, не изъ державной столицы, а съ узловой периферійной станціи на Волини, куда были зазваны изъ Кіева свояками Марусиной тѣти, Геннадіевой сестры. Поѣздная бригада превратила плацкартные вагоны по факту въ вагоны общаго типа... Впрочемъ, нѣтъ, не столько бригада, какъ билетная касса: на каждое спальное место было выдано по три билета, даромъ что деньги были заплачены какъ за плацкарту. В итогѣ ѣхали сутки плечомъ къ плечу съ другими пострадавшими, только у Геннадія ещё спала на коленяхъ родная ноша – Маруся, и ѣхаль онъ почти весь путь не шевелясь.

Прошло нѣсколько лѣтъ...

Вернувшійся въ составъ пароходства Салабинъ долженъ былъ восстановить загранпаспортъ – и отправился съ документами въ миграціонную службу.

– Вашъ общегражданскій паспортъ недѣйствителенъ! – огорошила его инспекторъ.

– Почему?

– Вы на Украину ѣздили?

– Ну да.

– Они вамъ поставили штампъ погранконтроля. Испортили документъ.

– Простите, не понял!

– Не вы первый, не вы послѣдній! По межправительственному соглашенію поѣздки нашихъ гражданъ между двумя государствами...

(Салабина передёрнуло при упоминаніи «двухъ государствъ».)

– ...по внутреннимъ общегражданскимъ паспортамъ безъ отмѣтокъ погранконтроля. Это дѣлается только въ загранпаспортахъ. Но они и в усь не дуютъ: мы имъ пишемъ, пишемъ, призываемъ выполнять соглашенія – какъ объ стенку горохомъ...

– И что – я столько времени жилъ съ недѣйствительнымъ паспортомъ? – изумился Салабинъ. – Съ работы на работу переходилъ, зарплату получалъ, посылки, бандероли?..

– Вотъ именно! Пока не провѣрили васъ досконально! – инспекторъ улыбалась.

– И что теперь?

– Дней за десять получите новый, вмѣсто испорченнаго, и придёте снова просить заграничный. Вотъ вамъ бланки: заполняйте!..

Заполняя бланкъ, Геннадій внутреннѣ пожалѣлъ укрочиновниковъ: никакъ не удаётся утвердить имъ свою внезапную державность ни въ паспортахъ россиянь, ни во всѣхъ головахъ у своихъ громадянъ, ни даже на собственныхъ пограничныхъ столбахъ; договора о границѣ всё ещё нѣту... Тосковали и зудели безъ работы штапки, чесались руки – и прорывался новодержавный зудъ чиновныхъ рукъ туда, куда вовсе не слѣдовало.

Какъ же тамъ-то, на границѣ, обошлись эти ушлѣпки съ Ириной?..

Но когда Ирина вернулась, онъ забылъ спросить её объ этихъ глупостяхъ.

* * *

Уѣзжая, Ирина проговорила о датѣ возвращенія, но запретила Салабину встрѣчать её. Почему? Просто такъ. Мало ли кто прознаетъ – и тоже придѣтъ, зачѣмъ скандалы – «звѣрскіе притомъ, ты не представляешь, что это за человѣкъ!».

– Ты серьёзно? – спросилъ её Геннадій. – Я хочу тебя встрѣтить – имѣю я право?

– Я ещё не рѣшила! – приподняла она подбородокъ. – Ну, въ общемъ, право ты имѣешь, но я противъ, не надо...

И двумя пальцами не то потёрла, не то погладила ему руку.

Это воспоминание, ея лукавое кокетство, ея странное прикосновение время отъ времени возвращались къ нему... Какъ ваткой со спиртомъ по слѣду отъ шприца, думалось Геннадію.

День возвращенія выдался солнечный, но колебанія Салабина превратили его въ пасмурный: отъ мысли «не хочешь – и не надо!» до желанія тутъ же вскочить и поехать встрѣчать... Такъ прошло полдня и наступилъ моментъ, когда ехать къ поѣзду было уже поздно. И тогда пришло мгновенное рѣшеніе: онъ помчался къ метро, купилъ пурпурную розу и понёсся къ станціи «Звѣздной». Сидя у дѣтской пѣсочницы во дворѣ дома 93, среди старыхъ липъ и тополей, онъ пялился на сверкавшую коричневой эмалью дверь подъѣзда Ирины...

– Молодой человѣкъ, не меня ли вы ждёте?

Онъ вскочилъ на этотъ голосъ, навстрѣчу ея улыбки. Не со стороны метро, откуда онъ ждалъ её, появилась она... И – налегкѣ, безъ багажа.

Онъ протянулъ ей розу. Она ему подставила щѣку для поцелуя. Тронутый этимъ, какъ мальчикъ, онъ пролепеталъ:

– Ира, когда ты приѣхала?

Приѣхала она вчера, не вынесла гостепріимства Саши съ Аллой, совсѣмъ какъ въ той шуткѣ: «Милые гости, не надоели ли вамъ хозяева?»

– Они такъ и сказали? – изумился Салабинъ.

– Нѣтъ! Это мнѣ они на самомъ дѣлѣ надоели! Хотя на сутки раньше, а билетъ передѣлала.

– Ну и хорошо! Вы съ дочкой вернулись?

– Нѣтъ, ей всё нипочѣмъ: осталась учёбу прогуливать, загаръ накапливать.

– А ты... не по мнѣ ли соскучилась?

– Почти...

– А вѣдь могла бы позвонить!

– Могла бы...

Они пошли къ ея подъѣзду и на третьемъ шагѣ Салабинъ взял Иру за руку – ту, что не была занята его розой. Ира руки не отняла – и стала рассказывать, что за люди эти южане, Саша и Алла, съ которыми у ней было шапочное знакомство, когда Алла стажировалась въ Питерѣ на повышеніи квалификаціи стоматологовъ. Потомъ вдругъ заочно они сильно задружились съ Ирой и стали звать ихъ съ Юлей къ себѣ въ отпускъ. А Ира теперь поняла въ чѣмъ дѣло: хотя бы удрать изъ «украинскаго» Крыма и купить жильё въ Питерѣ. И по намѣкамъ видно, что собираются къ Ирѣ на постой.

Разговаривая, она прошла въ «родительскую» спальню – и Геннадій, какъ нитка за иголкой, прослѣдовалъ за ней.

– Ну-ка, кто мнѣ звонил?.. – она стала «пролистывать» на своёмъ аппаратѣ списокъ случившихся въ ея отсутствіе звонковъ.

– А ты не слишкомъ-то и загорѣла... – замѣтилъ Геннадій.

– Я изъ этого не дѣлаю культа.

– И правильно!

Въ это время въ дверь позвонили. Ира перемѣнилась въ лицѣ:

– Ну вотъ!.. Я такъ и знала!

– А что такое?

Она понизила голосъ до шѣпота:

– Родители!..

Приѣхавшіе съ дачи родители шумно съ объятіями налетѣли на возвратившуюся дочку; у обо-

ихъ Салабинъ увидѣлъ дочкины черты. Отецъ чѣмъ-то походилъ и на Салабина-старшаго: сухощавый, съ мѣшками подъ глазами; мать – блѣдная, начавшая полнѣть женщина съ востроносимъ личикомъ.

Мать первая поворотилась къ Геннадію – и дочка назвала родителямъ его имя. Салабинъ пожалъ руку обоимъ, тѣ назвались по имени-отчеству, а смущенная память Салабина не смогла ихъ увѣренно удержать.

Ирина зашла за спину родителей и оттуда мерцающимъ взглядомъ указала ему на дверь.

– Приятно было познакомиться! – смятымъ голосомъ произнёсъ Геннадій. – Ира, я пойду!

– Хорошо, давай!.. Созвонимся! – откликнулась та, не мѣняя своего мѣстоположенія.

– Заходите, Гена, будемъ рады! – улынулась мать (кажется, Елена Васильевна).

– Да я, спасибо, съ удовольствіемъ... какъ только Ира пригласитъ! – пообѣщаль Салабинъ.

Елена Васильевна оглянулась на дочь съ нѣмымъ вопросомъ, но та потупила взглядъ.

– А Юля что? – спросила мать у дочки.

– Черезъ недѣлю, – отвѣтила та. – Самостоятельная слишкомъ!

– Ахъ, куда тамъ!.. – вздохнула мать, ища взглядомъ мужа. – И куда намъ до нихъ!

Отецъ, стоявшій ближе всѣхъ къ Салабину, молча пожалъ ему руку.

«Что изъ этого всего слѣдуетъ? – спрашивалъ себя Салабинъ, шагая по улицѣ Ленсовета, то есть Оёдора Углова. – Что слѣдуетъ, мы узнаемъ при встрѣчѣ... или – по телефону.» Онъ рѣшилъ, что звонить Иринѣ сегодня не будетъ, лучше – завтра. Позвонитъ, назовётъ себя (если трубку сниметъ не Ира) – и спроситъ Ирочку... А ей онъ расскажетъ, какіе у ней симпатичные папа и мама.

Трубку сняла сама Ира. Она честно призналась, что родители снова уѣхали на дачу, «пока погода

стоитъ» (они просто доченькѣ съ внученькой доставили овощей и фруктовъ), но несмотря на ихъ отъѣздъ, слѣдующіе дни у Иры достаточно загружены: «позвони послѣзавтра, ладно?»

Салабинъ отвѣтилъ безсердечнымъ «о'кей» и угасающимъ «пока», послѣ чего повѣсилъ трубку. Трубка въ коммунальной квартирѣ у нихъ вѣшалась на крюкъ – телефонъ былъ тотъ ещё реликтъ.

* * *

«Женщина – это стихія!» – негодуя и восхищаясь, твердилъ себя Геннадій, когда не «послѣзавтра», а уже «завтра» Ирина позвала его на «праздничный ужинъ по случаю прибытія Юли».

Юли?.. Ахъ, это дочка! Къ пяти часамъ? И не опаздывать? А форма одежды?.. Любая? Понятно, мы не въ театръ идём... Лечу!

Юля оказалась смуглой шатенкой или почти брюнеткой; она живо напонила Салабину тѣ фотографіи флотскаго офицера Саши Макарова, писавшаго трогательныя письма своей бывшей женѣ. Судьба, не судьба; не судьба – эхъ, судьба...

Приглашая въ гости, Ира успѣла объяснить Салабину, что дочка пресытилась гостеприимствомъ инкермановскихъ Саши и Аллы и звѣрски соскучилась по Питеру.

Сидя съ ними теперь за столомъ съ цвѣтами и при свѣчахъ, Геннадій услышалъ, какъ дочка сказала матери:

– Подожди, они скоро объявятся! И станутъ жить у насъ!

– Ты что? Типунъ тебѣ... – изобразила непониманіе Ира.

– А ты какъ думаешь, мама? Съ какой это стати у южныхъ людей такая жажда насъ видѣть, принимать, ухаживать?..

Такъ оно и вышло потомъ: гдѣ-то въ ноябрѣ.

А пока что былъ ещё сентябрь – и такой молодой...

* * *

А дѣла въ странѣ катились по законамъ билліарднаго стола. Въ 1996 году страна испытала острый приступъ тошноты, когда повторно сдѣлали президентомъ непросыхавшаго Ельцина. А выигравшій выборы, по простодушному мнѣнію народа, Комуняка Зю получилъ отъ братковъ-демократовъ серьёзную «предьяву»: либо уходишь въ лучший міръ къ генералу Рохлину, либо переходишь въ сервильно-системную «опузѣцію» пожизненнымъ главарёмъ пенсионеровъ пролетаріата – зато съ

гарантией бюджетного содержания. Докторишка философии ухватился за представившуюся возможность, а страна осталась со стойким ощущением, что её грубо «поимвли». Эти заковыченные слова – и соответственные действия – решительно входили в политическую моду.

Обнаружилось, что бывший советский генералитет-адмиралитет, усилиями тарабарских замполитов, утратил память и понимание присяги, позволяя ельциноидам отречься от армии, флота и страны вообще – ради мѣстечка в «мировом сообществе».

Тошнота становилась общим самочувствием как ельцинбидемократии, так и оголтелого пролетариата всех отраслей труда. Увы, к единению это привести не могло: первые по-прежнему молились на Статую Свободы, дважды которую облетѣл на американском вертолѣтѣ их недавний кумир; а обнищавшие массы, не имѣя никакого руководства, ниже царя в головѣ, продолжали поклоняться призракам разного рода – здравствующим (как лидеры КРО и КПРФ) либо ушедшим, вплоть до оболганного Виссаріонича.

На этом фоне разворачивалась оптимистическая трагедия Салабина по обеспечению себя и дочери болѣе приемлемым жильем.

Работая на заморского Сашу, Салабинь, чего уж грѣха таить, получала значительно больше того, что кое-как могли получать трудящиеся массы соотечественников. Он смог, в концѣ концов, накопить на выход со своим запросом к *риэлторам*. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается; золотая осѣнь должна еще смѣниться слякотью и промозглостью, а сырая зима – вполне морозной, прежде чѣм Салабинь и его «Маруся» смѣнят мѣсто жительства.

В разгар бабьяго лѣта прибыли нахалы из Инкермана.

Так себя аттестовали Саша с Аллой, рвавшие из обукрайненнаго Крыма в Питерь, на Сашину родину. Вѣдь лучше предвосхитить чужие упреки – и тѣм самым обезоружить потерпѣвших...

Ирина размѣстила их в родительской спальнѣ, перемѣстившись сама в комнату поменьше – к Юль.

Едва устроившись, Алла схватила домашній телефон и стала названивать неизвѣстным людям – во всеуслышанье заниматься похвалбой и *самобичеванием*: «а мы с Сашей уже в Питере! – поселились внаглую у знакомых». Рассказывая об этом Салабину, Ирина округляла глаза... И тут же предложила ему зайти – познакомиться с нахалами.

– Всё равно уже дурдом!.. Ты его не испортишь! – неделикатно усмѣхнулась она.

– А я что – сильно портишь?..

Недоумѣние и обида звучали в голосѣ Салабина.

– Да это я просто так... Сглупила.

Салабинь не стал говорить, что Сашу он уже видѣл на вокзалѣ, как одного из двух «горожань», а желанія видѣть его жену тоже особаго не имѣлось, лучше бы им с Ирой прогуляться без посторонних... Всё лучше, чѣм смотреѣть, как чужая хозяйка в твоей кухнѣ...

– Вот-вот! Именно! Пойдѣм, пойдѣм! – она схватила Геннадія за локоть и повлекла к своему дому.

Сашей оказался тот из «горожань», что покороче и круглей; Алла же была широколицей чернавкой с морщинистым выпуклым лбом... Едва представив их друг другу в прихожей, Ира потащила Салабина в кухню, открыла выдвижной ящик стола и произнесла обжигающим шепотом :

– Смотри, какая она хозяйка!.. Как она моет!

На предъявленной вилкѣ явственно виднѣлись остатки яичницы.

– Не бралась бы лучше!.. Ну как тебѣ это?! Всё для отвода глаз!..

– А в Крыму было как? – спросил заинтересованно Салабинь.

– Там-то вѣдь мыла я!

– У-мм!.. – произнес Геннадій и, что-то шепча, приподнял двумя пальцами нежный Иринь подбородок и поцѣловал ее нежные губы...

– Пошли гулять! – тихо сказала она.

В прихожей их услышали нахалы и Алла закричала сквозь приоткрытую дверь:

– Так быстро, что ли, его покормила?

– Это наши дѣла! – категорически отвѣтила Ира, и Салабину это очень понравилось.

Въ теченіе двухъ съ половиной мѣсяцевъ если и бывалъ Геннадій у Ирины, то почти всегда въ присутствіи Саши съ Аллой. Поэтому остатокъ сентября, октябрь, ноябрь и начало декабря стали періодомъ ихъ прогулокъ (при хорошей погодѣ) или общенія въ какомъ-нибудь укрытіи (кафе, торговый центръ) въ непогоду.

Прогулки ихъ были, большей частью, молчаливы, хотя Ира порой говорила ему «разслабься» или замѣчала ему, что он «какой-то напряжённый»; а напряжённымъ онъ становился отъ ея рассказовъ. Ейный Серёга, страшный человекъ, почти что алкашъ (машину-то отцовскую по пьяни разбилъ!) – ещё и невѣренъ былъ... По его милости ей лѣчиться пришлось; «подорвалъ иммунку» ей совсѣмъ. Спившійся типъ. И ничего ему не стоило назвать её, Иру, представъ себѣ, *сучарой*... «Вотъ негодяй!» – воскликнулъ Геннадій. А самъ подумалъ: «Зачѣмъ она это рассказываетъ?!»

Насколько страненъ былъ Салабинъ для Ирины, настолько непонятна была ему Ирина. Она выговаривала ему за то, что онъ – въ присутствіи крымскихъ «нахаловъ» – слишкомъ откровенно проявляетъ свои чувства къ ней, едва ли не облизывается... «Прямо сочишься и блестишь!.. Ты меня смущаешь!»

Въ отвѣтъ онъ смотрѣлъ недоумѣнно – и молчалъ. Но когда она рассказывала объ отцѣ, о матери, о собственномъ дѣтствѣ, онъ былъ весь – вниманіе. Мать ея была изъ литовскаго рода Повиліонисовъ, а отецъ – коренной русакъ изъ новгородцев; будучи инженеромъ-гидротехникомъ, онъ грезилъ небомъ, долгихъ три года строилъ въ сараѣ самолётъ своей конструкціи – изъ добываемыхъ правдами и неправдами матеріаловъ и деталей. На нёмъ отецъ сумѣлъ перелетѣть черезъ Лугу, неудачно приземлиться и разбить свой аппаратъ.

– Почему же неудачно? Вѣдь здоровъ, невредимъ – всё удачно!

– Можетъ, ты и правъ! – согласилась Ирина. – Удачно отбилъ себѣ охоту. И мама его умоляла больше такъ не дѣлать. Но меня успѣлъ заразить: пошла въ аэроклубъ на свою голову!

Салабинъ уловилъ эту покающую ноту ея; и спросилъ:

– А отецъ рѣку Лугу перелетѣлъ – или городъ?

– Конечно, рѣчку! Куда ему было черезъ городъ пытаться!

– А давно это было?

– Такъ... сейчасъ... Ещё до афганской войны это было.

– Такъ его и не пустили бы летать надъ городомъ...

– Конечно! О чѣмъ ты говоришь?!

И былъ ещё коллективный походъ въ театръ на Литейномъ. У нахала Саши родной дядя служилъ тамъ актѣромъ. «Ахъ. Онъ изъ актѣровъ! – сказала себѣ при этой новости Салабинъ. – А я всё думалъ: на кого же онъ похожъ?»

Саша добылъ четыре контрамарки на спектакль по Шолому Алейхему, желая хоть чѣмъ-то скрасить для Ирины оккупационный режимъ ея квартиры.

Съ Ирой Салабинъ готовъ былъ пойти хоть въ театръ. Сей походъ тѣмъ и запомнился, что въ антрактѣ Ира требовала отъ Геннадія быть съ Александромъ впереди женщинъ, а не рядомъ или сзади:

– Твои взгляды меня компрометируютъ!

Пришла зима, въ квартирномъ режимѣ всё продолжалось попрежнему, къ возмущенію юной Юліи:

– Я когда смотрю на нихъ, то вижу, какъ бабушка съ дедушкой морозятъ попы въ дачномъ туалетѣ!

Ира, передавшая Геннадію эти дочкины слова, не могла не раздѣлять ея возмущенія.

– Надо ихъ выставить къ такому-то дядѣ! – жёстко высказался Салабинъ.

– Надо, – тихо кивнула Ира въ отвѣтъ. – Уже Сашка на коленяхъ просилъ потерпѣть: ещё недѣлку, двѣ... Дядя у него троюродный, многодѣтный – вообще не вариантъ...

И уныло продолжила, отойдя къ окну своей кухни:

– Вообще, всё одинъ къ одному... Долговъ накопила...

– Сколько? – спросилъ Салабинъ.

– Да я не жалуясь. Я у родителей считаюсь вообще... человекомъ обезпеченнымъ.

– Сколько? – повторилъ Салабинъ. Онъ, какъ мы знаемъ, откладывалъ на рѣшеніе квартирнаго вопроса.

– Пятьсот баксов.

«Гм!» – подумал Салабинь. И промолчал, зная, что поспѣшишь – только людей насмѣшишь.

Через нѣсколько дней они встрѣчались тамъ, гдѣ съ Крюковымъ каналомъ встрѣчается каналъ Грибоѣдова, и Салабинь издала съ неудовольствіемъ увидѣль, идя навстрѣчу ей отъ соборной колокольни, какъ Ирина остановилась зажечь сигарету...

Она подставила ему прохладную щѣку, а онъ въ отмѣстку – кому? – соскользнулъ съ ея мѣрзлаго носа къ прокуреннымъ губамъ. Подошелъ трамвай; они доѣхали до Сѣнной и тамъ зашли выпить чаю въ какой-то полуподвальчикъ.

Передъ тѣмъ, какъ имъ выйти къ метро, Салабинь вручилъ Ирину конвертъ съ пятьюстами «баксами», кратко сказавъ:

– Дома посмотришь.

Имъ предстояло разѣхаться по своимъ дѣламъ и по разнымъ вѣткамъ метро...

Сѣнная вся была уставлена ларьками съ китайскимъ сухимъ молокомъ и польскими чипсами. Люди съ телѣжками пріѣзжали со всѣхъ окраинъ за дешѣвыми субпродуктами, чтобы обезпечить семью пропитаніемъ на недѣлю впередъ.

Салабинь шагала рядомъ съ Ирой, смотрѣль на регуляторную *руку рынка* – и она представлялась ему костлявой и когтистой, какъ у стервятника, лапой, хватающей за горло всѣхъ, кто въ рынокъ *не вписался**. Подъ нагруднымъ карманомъ Салабина, гдѣ только что былъ конвертъ съ деньгами, горѣло и жгло. [** Знаменитая фраза гайдари-чубайситовъ.*]

Онъ проѣхалъ съ Ирой до слѣдующей станціи, они кивнули другъ другу – и онъ сошелъ для пересадки на свою линію.

* * *

Морскія перевозки и логистика – это маленькій замкнутый міръ на замкнутой планетѣ. Поэтому, уйдя изъ пароходства, никто не чувствуетъ, что связи оборваны окончательно; такъ или иначе, но сохраняются контакты, подогреваемые собственнымъ огорченнмъ любопытствомъ. Новости рано или поздно настигали Салабина.

Простые работники пароходства давно не получали зарплатъ и сбыли свои «ваучеры» перекупщикамъ; теперь наступила очередь акціонеровъ родного предпріятія. Двѣ спеціальныя организациі города конкурировали, скупая акціи у загнанныхъ въ уголь инженеровъ, судоводителей, диспетчеровъ, механиковъ, программистовъ... Акціи уходили за безцѣнокъ. Кадры уходили въ частныя компании или круто мѣняли родъ своихъ занятій, обнаруживъ прежде скрытые таланты и способности. Многие стали «муравьями», пересекавшими границу съ чемоданами и коробами «импорта-экспорта».

Бывшій начальникъ пароходства, проведя полгода подъ стражей, вышелъ изъ-подъ слѣдствія почти оправданнымъ и ставшимъ почти лучше себя прежняго. Только возглавить опять пароходство ему не позволили обобранный до нитки коллективъ. Зато въ рукахъ у него остались немалые активы, уведенные изъ БМП. Въ промышленной зонѣ «Парнасъ» онъ наладилъ колбасное производство и, себѣ въ утѣшеніе, на бумагѣ учредилъ Baltic Mainstream Company (Балтійское Мейнстрим Пароходство) – чтобы сокращеніе оставалось прежнимъ БМП. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ тужился, выступая по радио съ обѣщаніями возродить пароходство, похваляясь даже поддержкой Кремля. И находились люди, особенно на фонѣ явственнаго банкротства большого БМП, страстно желавшіе вѣрнуть въ Болтикъ Мейнстримъ. Но журналисты больше ему не подыгрывали и не льстили, не называли самымъ богатымъ предпринимателемъ города.

Міръ, однако, тѣсенъ не только у моряковъ, но и въ любой профессіи. У дверей бывшаго Дома писателей на Шпалерной повстрѣчались панк-рок-писатель Игорь Шевердаль и Геннадій Салабинь.

– Ба! Какими судьбами? – воскликнулъ Шевердаль и щелкнулъ пальцами, хмурия лобъ усиленіемъ памяти: – ...Серафимовичъ... Серафимовичъ?..

– Геннадій.

– Во-во! Какъ Интерклубъ?

– Слава Богу, давно ужъ нѣтъ его.

– Дакъ и Дома писателей давно ужъ нѣтъ!

– Какъ же мы съ вами здѣсь оказались, у этихъ дверей? – спросилъ Салабинь.

- А, значить, суждено было встрѣтиться!
- Мм... Я шёлъ къ Литейному, а вы – навстрѣчу. Здѣсь на Шпалерной, кажись, никакой транспортъ для людей не ходитъ. А что теперь стало съ трижды горѣлымъ особнякомъ?
- Кому надо, возстановили, обновили... Но кто владѣть, не знаю.
- Помню, какъ Илья Поячкинъ меня пригласилъ и я впервые сюда пришёлъ. Испугался таблички на дверяхъ: пропускной режимъ и такое прочее... А прошёлъ какъ ни въ чёмъ не бывало. Шевердалъ снисходительно усмѣхнулся и тутъ же состроилъ важное лицо:
- Илюха теперь большой человекъ!
- Гдѣ же онъ?..
- Помните, онъ возилъ группу молодёжи въ Польшу къ папѣ римскому? При Горбачёвѣ.
- Припоминаю.
- Съ тѣхъ поръ онъ вѣдаетъ связями Ватикана и Русской Церкви, ставитъ религіозные фильмы, президентъ фонда четырёхъ конфессій...
- Большой, большой человекъ! – согласился Салабинъ. И тутъ же вспомнилъ рассказъ о Поячкинѣ, слышанный ранѣе... Тотъ рассказъ хорошо сочетался съ тѣмъ, что слышалъ онъ теперь.
- Ну а вы какъ, творчество какъ теперь – въ рыночныхъ, такъ сказать, условіяхъ? Что пишете? Какъ Егоръ Гамовъ?
- Лицо Шевердала озарилось было готовой рѣчью, но при имени Гамова черты его сникли.
- Гамовъ умеръ, къ сожаленію. Отъ рака.
- Царство небесное, – пробормоталъ Салабинъ.
- Пожалуй, – согласился Шевердалъ. – Хотя былъ атеистъ. Онъ въ послѣднее время уже не писалъ. Строилъ по области дачные срубы и печи складывалъ.
- Ну, руки у него на мѣстѣ были. А вы что пишете?
- Альтернативную исторію. Устойчивый спросъ на неё, между прочимъ!
- Салабинъ оцѣнивающе глянулъ на дорогую импортную обувь Шевердала, шикарную сорочку и стильную кожаную куртку.
- Насколько помню, у Поячкина былъ ещё напарникъ въ Союзе писателей – Ивкинъ или Ившинъ, кажется... украинскія пѣсни пѣлъ...
- Да, въ подпитіи забавный Ившинъ, ха-ха... Теперь онъ въ кино подвизается, у Меламуда второй режиссёръ. Это они снимали фильмы про Синявскаго, Кривулина – тогда для своихъ, а теперь для широкой аудиторіи! А может, вы видѣли игровые фильмы – «Дневникъ его тѣни», «Послѣдній балда»?.. «Красную Жизель» вы точно должны были видѣть!
- Нѣтъ, я кинематографу не близокъ.
- Жаль. Созвонимся – я васъ буду извѣщать о просмотрахъ!
- И они разошлись, не спросивъ другъ у друга номеровъ телефоновъ.

А вспомнился Салабину рассказъ его однокурсника съ нѣмецкаго отдѣленія, Миши Н., какъ тотъ повстрѣчалъ въ Германіи нашего знакомаго Поячкина... Почему они встрѣтились, Салабинъ уже начисто забылъ – да это и не важно... Начнёмъ съ того, что Миша числился гендиректоромъ нѣкой ассоціаціи разнообразныхъ дѣлъ и регулярно ѣздилъ въ ГДР и ФРГ, а потомъ и въ единую Германію. Встрѣтились они съ Поячкинымъ въ гостяхъ у одного американца-коллекционера, собиравшаго образцы «живыхъ» самолѣтовъ какъ второй міровой, такъ и «холодной войны»... Милліонеръ вѣлъ предварительные переговоры о приобрѣтеніи «МиГовъ» пятнадцатыхъ и ещё какихъ-то моделей, заодно приглашалъ въ свой «музей» авіатехники въ Аризонѣ, а Поячкинъ былъ въ той гостиницѣ у милліонера вмѣстѣ съ своимъ одноклассникомъ Женкой Вертолпинымъ. И когда хозяинъ номера на четверть часа отлучился – ребята «октябрыта» Илюша и Женя стали предлагать Мишѣ взаимно обязывающую дружбу и сотрудничество... Къ этой минутѣ Миша уже былъ «въ курсѣ», что Женя Вертолпинъ служитъ преподавателемъ русской исторіи и культурной идентичности въ европейскомъ университетѣ НАТО, а вообще онъ специалистъ по Достоевскому и даже якобы его большой поклонникъ. Говоря «якобы», мы пересказываемъ мысли, ощущенія Миши.

– Мы могли бы очень сильно тебѣ помочь въ продвиженіи всѣхъ твоихъ проектовъ, замысловъ, карьеры! – убеждали Мишу Женя съ Ильѣй, одноклассники между собой и однокашники.

Миша тогда знать не могъ, что Поячкинъ станетъ экуменистомъ «міровыхъ религій», но его

подъльник Женя говорил о себѣ, что онъ-де православный диссертантъ русской духовности. Миша всё же сумѣлъ отказать ребятамъ, неуклюже сославшись на отсутствие проектовъ, замысловъ, амбицій и, главное, здоровья... Онъ даже вернулся изъ командировки живымъ и ѣздилъ въ Германию ещё, на этотъ разъ – по вопросу наилучшей «утилизациі» бывшихъ советскихъ гарнизонныхъ городковъ. Вѣдь поди докажи, что была официальная попытка вербовки – ребята просто общали свою личную преданность и дружбу на принципахъ взаимности. А здоровье у Миши было, въ самомъ дѣлѣ, не очень. К сожаленію, онъ умеръ раньше большинства своихъ сокурсниковъ.

* * *

Зима пришла черезъ считанные дни послѣ встрѣчи съ Ириной у Крюкова канала – и запомнилась она даже не Новымъ Годомъ, а однимъ эпизодомъ послѣ той встрѣчи.

Былъ поздній вечеръ пятницы, дочка уже сдѣлала домашнія задания, поужинала, посмотрѣла «телекъ» и уже засыпала, когда вдругъ появилась Ирина и позвала Геннадія съ собой – въ гости къ ея подругѣ, съ намѣкомъ на бутылку въ салабинскомъ шкафу.

Салабинъ поцѣловаль дочку, далъ необходимыя указанія, заперъ комнату (у Маруси были свои ключи) и послѣдовалъ за своей... судьбой? повелительницей? неволей?

Подруга Марина коротала одинокій вечеръ, поскольку ея сожитель, дальнобойщикъ Андрей, былъ въ дорогѣ; Салабинъ, находясь въ приподнятомъ волненіи, не догадывался, что это могъ быть мелкій заговоръ двухъ женщинъ, пожелавшихъ совместно выпить среди ночи, изъ которыхъ одна знала навѣрняка, гдѣ, у кого завѣдомо есть наготовѣ «приличная бутылка» (въ данномъ случаѣ – аргентинскій «Boussac»).

Въ приподнятомъ состояніи духа, Салабинъ участвовалъ въ «свѣтской» болтовнѣ двухъ подругъ, изъ которой въ памяти ничего не осталось, кромѣ имени Андрея; но примѣрно къ началу четвертаго ночи онъ сталъ недоумѣвать...

Наконецъ, недоумѣніе разрѣшилось: бутылка кончилась, Марина притащила раскладушку и застелила её. Салабинъ молча наблюдалъ. Закончивъ эту операцію, Марина пожелала «всѣмъ спокойной ночи», совершила омовеніе и ушла въ свою «супружескую» спальню.

Ирина и Салабинъ, не глядя другъ на друга, стали раздѣваться при свѣтѣ тусклаго торшера, затѣмъ Ирина юркнула подъ лёгкое покрывало, брошенное Мариной на раскладушку.

Салабинъ рѣшилъ, что ему некуда дѣваться, кромѣ какъ устроиться рядомъ, хотя узость раскладушки къ этому не располагала. Получалось, что придѣтся ложиться внахлѣсть... А извѣстно, что какъ получается, такъ и выходитъ.

Шея, грудь Ирины и ея лицо матово свѣтились у него передъ глазами; иногда его глаза сами собой закрывались и наблюдали перетеканіе кромѣшныхъ тѣней и мерцающихъ цвѣтовъ. Иногда кромѣшныя тѣни зіяли какъ бездна; иногда эта бездна вспыхивала голубыми свѣтляками.

Потомъ случилось неожиданное: бездна зазвучала грознымъ, пугающимъ рычаніемъ. Онъ открылъ глаза: лицо Ирины такъ же свѣтилось, а бездна говорила изъ ея разверстаго рта... Не въ силахъ больше слушать, онъ закрылъ эту бездну своими губами.

Когда невольникъ проснулся, сквозь оконныя шторы пробивался утренній свѣтъ. Вся раскладушка была въ его единоличномъ распоряженіи. Дамы дѣлили между собой «супружескую» спальню.

Какое-то время Геннадій размышлялъ о проказникахъ-французахъ, придумавшихъ поговорку: *Ce que femme veut, Dieu le veut*¹. Но не стоитъ это понимать буквально. Смыслъ поговорки только въ томъ, что женщина всегда добѣется своего.

Слѣдующей мыслью Салабина былъ вопросъ: какъ тамъ дочка? Онъ сталъ озираться въ поискахъ квартирнаго телефона, но таковой не обнаружилъ².

Кто-то мирно храпѣлъ за дверью спальни... На листкѣ изъ записной книжки Салабинъ нацарапалъ спасибо Маринѣ за гостепріимство, а Иринѣ одно слово: «позвони».

Дорога домой уже казалась ему прыжкомъ черезъ бездну.

¹ Чего хочетъ женщина, того хочетъ Богъ.

² Сотовые телефоны ещё не стали повсемѣстнымъ явленіемъ.

* * *

Ремонтировать жильё, не вы́зжая изъ квартиры, дѣло очень незавидное, но выхода у Салабина не было... И всё это – постепенно, по мѣрѣ накопленія средствъ.

Позвонивъ Ирину, Салабинъ, какъ бы между прочимъ, сказалъ:

– Уже, считай, Новый Годъ на носу... Какіе планы на сей счётъ?

Онъ не добавилъ «у тебя?», и не сказалъ «у насъ съ тобой».

– Я безъ понятія!

– Подумать надо, – отвлечённо произнёсъ Салабинъ.

– У тебя, кстати, новоселье сначала.

– Я не противъ, только... развѣ что на кухнѣ, – и онъ рассказалъ, какъ отчаянно нуждается въ ремонтѣ квартира.

Когда онъ положилъ трубку, его Маруся посмотрѣла на отца тѣмъ глубочайшимъ взоромъ, который онъ сталъ у неё замѣчать, и спросила:

– Папъ, ты Новый Годъ будешь съ Ириной Анатольевной встрѣчать? А меня къ себѣ Свѣта Терехова зовѣтъ, и тѣтя Рая тоже...

Они тогда ещё отмѣчали Новый годъ по официальному «новому стилю», не дожидаясь ночи на четырнадцатое января, не чувствуя Рождественскаго поста...

– Сходи, конечно, дочка... Подарки мы придумаем. Не сидеть же тебѣ въ этой трущобѣ на праздникъ!

Представилъ своё дитя одно-одинёшенько во мракѣ *убитой* трущобы, среди моря безумныхъ фейерверковъ за окнами, и сердце его сжалось...

* * *

Застой безвременья долженъ былъ имѣть своё подспудное развитіе, но очи видѣли только безстыдство телевизора и коррупцію. Поэтому Салабинъ, жилецъ девятаго этажа, въ свободную минуту смотрѣлъ на небо, на облака или на мгlistую пелену зимы.

Въ такую минуту зазвонилъ телефонъ.

– Угадай, гдѣ я буду встрѣчать Новый Годъ! – сказала Ирина.

– Гдѣ?

– У тебя!

Теперь думай, человѣче: ты радъ?..

Онъ вѣдь рассказывалъ ей о состояніи квартиры. А вѣдь молодчина: это её не отпугнуло. Или, въ самомъ дѣлѣ, – это на безрыбьи?.. И всё же – эта категоричность: «я рѣшила» – а ты, молю, радуйся... Я, молю, перебрала всѣ варианты; твой не хуже другихъ... Хотя бы и на кухнѣ.

По правдѣ говоря, на кухонькѣ... Но для ёлочкы мѣсто найдѣтся. А нужна ли она? Разберёмся. Цвѣты, свѣчи, еловый лапник. Подарокъ. Шампанское. Но добрыхъ людей отъ шампанскаго пучить. Тогда ещё бутылку рому. Фруктовъ...

Собственно, братъ Салабинъ, чего ты вздыбился? Она вѣрно видитъ положеніе вещей: ты у нея въ кармашкѣ халатика, ты не очень ей нуженъ, но ей пришлось до тебя снизойти. Сколько разъ она тебѣ звонила? Не густо. А ты ей сколько? То-то же. Порѣже теперь? – Молодецъ.

Итакъ, рѣшено: у Салабина. Двое взрослыхъ. А какой, бишь, новый годъ? Батюшки-свѣты, Двухтысячный! Ну ничего себѣ! Это гдѣ такое записать?! Скрижалей такихъ нѣту!

Да, мы были всѣ на порогѣ перехода изъ одного состоянія въ другое: какъ Россійская Федерация, такъ и люди ея. Изъ кромѣшнаго позора – къ половинному; отъ цинизма полнаго – къ оправданному судомъ; отъ стыда за президента – къ постепенному, стыдливому обрѣтению – иногда, порой, кое-гдѣ, кое-къмъ – утерянной гордости за государство.

Салабинъ ничего не запомнилъ изъ обстоятельствъ того новогодняго вечера, кромѣ половодья радости, затопившаго ихъ при объявленіи отставки президента Небывалаго.

– Это даже правильно, – говорилъ, держа бокаль въ рукѣ, Салабинъ Ирину, – даже хорошо, что его не повѣсили. Значить, онъ сполна получитъ своё, когда испуститъ свой поганый духъ!..

Они оба ничего не помнили, потому что радостно напились.

* * *

Многіе, кого зналъ Салабинъ, признавались въ томъ, что послѣдній годъ тысячелѣтія вынуждалъ или побуждалъ ихъ вспоминать происходившее съ ними или ими совершённое въ истекшіе годы. Впрочемъ, они говорили такъ, уже услышавъ подобное изъ телевизора; ему тоже было что вспомнить, о чёмъ пожалѣть и отчего радоваться...

Тринадцатаго января Геннадій позвонилъ Иринѣ, чтобы поздравить её съ Русскимъ Новымъ Годомъ – по юліанскому календарю. Разговоръ получился малозначащимъ, её что-то будто стѣсняло, а вскорѣ недоумѣніе разрѣшилось, когда въ трубкѣ возникли шумы и голосъ Ирины произнёсъ:

– Тутъ папа тебѣ привѣтъ передаётъ.

«О!..» – подумалъ Салабинъ, поблагодарилъ и попросилъ передать отцу взаимность. Этотъ обмѣнъ привѣтами съ Анатолиемъ запомнился единственной подробностью того разговора. Зато слѣдующій звонокъ Салабина случился не средь бѣла дня: онъ зналъ, что родители Иры зимуютъ на дачѣ, надѣясь на устройство ею своей личной жизни, и потому набралъ ея номеръ безбоязненно.

Едва прозвучалъ въ трубкѣ первый гудокъ, какъ въ ухо ему прокричалъ голосъ Ирины:

– Геннадій Серафимовичъ, я вамъ перезвоню!.. – и раздались частые гудки.

Ошарашенный Салабинъ водворилъ телефонную трубку на мѣсто.

Вотъ какъ это здорово – имѣть телефонъ съ опредѣлителемъ номера! Она была ещё способна снять трубку, но говорить уже не могла. Была ли дочка Юля въ это время дома? А какая, впрочемъ, разница, если Ирина сама говорила, что Сергѣй успѣлъ стать для Юли фактически роднымъ человѣкомъ!

Держи, Салабинъ, ударь!.. Держи! Жизнь продолжается! Перешагнёмъ этотъ послѣдній годъ – а тамъ уже новое тысячелѣтіе, брат!

Онъ далъ себѣ слово больше *туда* не звонить. И, немного подумавъ, рѣшилъ приобрести специальную приставку къ телефонному аппарату, опредѣляющую номеръ, съ котораго поступаетъ вызовъ. Такія устройства уже появились въ продажѣ и они не требовали договорныхъ отношеній съ телефонной станціей; въ этомъ была новизна пиратскаго рынка.

Когда господа судовые агенты, работавшіе на заморскаго одессита Лёню, перешли въ подчиненіе новой Лёниной компаніи, то имъ показалаcя нѣсколько странной избыточность штатнаго расписанія. Помимо людей, работавшихъ съ флотомъ, здесь были служащіе, считавшіе кругооборотъ контейнеровъ, считавшіе дѣбетъ-кредитъ – и писавшіе «аналитику». Особенное значеніе Лёня Воденко придавалъ аналитикѣ. Особо довѣренныхъ сотрудниковъ Лёня вызывалъ на стажировки-инструктажи въ головной офисъ въ Нью-Джерси. Гриша Долгоносикъ, начальникъ претензионнаго отдѣла, вернулся изъ такой стажировки окрылённымъ, но родной племянникъ Лёни шѣпотомъ признавался, что въ тамошнемъ офисѣ чувствовалъ себя какъ въ тюрьмѣ. Вскорѣ племянникъ сбѣжалъ изъ-подъ дядина крыла въ милую Одессу – и даже ушѣлъ изъ мѣстнаго отдѣленія дядиной имперіи. Но Алла Сажалникъ, отставная примадонна пароходства, и нѣкто Эдикъ Попиндюшкинъ, между дѣломъ оформлявшій контейнеры, всю душу вкладывали въ свою аналитику – даже безъ командировокъ въ головной офисъ.

Свѣтлымъ пятномъ на этомъ фонѣ выглядѣлъ генеральный директоръ Юрій Матвѣевичъ, судовой механикъ предпенсіоннаго возраста, – ни дать ни взять штабсъ-капитанъ Максимъ Максимычъ изъ романа Лермонтова. Однако вскорѣ, стараніями то ли Аллы, то ли Эдика, на Юрія Матвѣевича пало подозреніе въ полученіи «откатовъ» отъ субподрядчиковъ. Самъ заморскій Лёня, шипя возмущеніемъ, повѣдалъ о томъ Салабину по телефону.

Салабинъ не могъ ни опровергнуть, ни подтвердить эти подозренія; его обязанностью былъ контроль портовыхъ расходовъ судовъ и экипажей, а не слѣженіе за качествомъ договоровъ, заключаемыхъ съ контръ-агентами. Но Юрій Матвѣевичъ былъ уволенъ – и такъ была упразднена многолѣтняя дружба, что связывала его съ заморскимъ Лёней Воденко.

Новымъ генеральнымъ сталъ человѣкъ, вошедшій въ Лёнину фирму, какъ и Салабинъ, съ командой изъ «Водо-Меркура», притомъ товарищъ Лёни по одесскому институту. Воденко долженъ былъ знать человѣка, которому довѣрялъ эту должность.

Но не тутъ-то было. Михаилъ продержался въ генеральныхъ ровно полгода. На пятомъ мѣсяцѣ въ этой должности онъ рѣшилъ освятить помещенія конторы и пригласилъ православнаго священника.

Салабинъ съ интересомъ и страхомъ наблюдалъ, какъ вели себя при этомъ люди. Алла Сажалникъ стучала по клавишамъ, не отрывая глазъ отъ монитора, – писала, вѣроятно, аналитику. Попиндюшкин демонстративно повернулся къ священнику спиной и сталъ елозить мышкой, глядя въ мониторъ. Сотрудники выглядели по-разному: у кого глаза навылупку, у кого – квадратные.

Недѣля ещё не закончилась, какъ пришла электронная депеша изъ Нью-Джерси: такого-то числа прибываетъ съ инспекторской провѣркой Борисъ Михайловичъ Смиркинъ, капитанъ дальняго плаванія, отецъ Андрюхи Смиркина, пароходскаго недоросля советскихъ времёнъ, а теперь партнёра Лёни по бизнесу.

«Работа адова будетъ сдѣлана – и дѣлается уже...»

Понятное дѣло, что Смиркинъ-старшій уволилъ Михаила и поставилъ новаго генеральнаго директора. Постоянныя обновленія аналитики возымѣли свой эффектъ. Только дѣло этимъ не ограничилось, и чтобы это объяснить, какъ говорятъ на флотѣ, подходчивѣе «на морской выпуклый глазъ», придётся рассказать о томъ, что пришлось внезапно вспомнить нашему Салабину.

* * *

За нѣсколько лѣтъ до «Водо-Меркура» и задолго до возвращенія Салабина въ пароходство, однажды онъ ѣхалъ въ метро, стоя у дверей вагона, какъ на одной станціи въ открывшуюся дверь вошла молодая женщина съ нѣжнымъ загаромъ и неожиданно поздоровалась съ нимъ.

– Вы меня знаете? – удивился Геннадій.

– А вы не узнаете?... Я Маша Голоменова.

Салабинъ выпучилъ глаза:

– Теперь узнаю! Просто не ожидалъ. Какими судьбами?

– А я тутъ живу, на Бассейной, рядомъ съ Паркомъ Побѣды.

И какъ-то такъ получилось, что Салабинъ не поѣхалъ дальше, какъ намѣревался, а вышелъ вмѣстѣ съ Машей и, разговоривая съ ней, – вы не повѣрите, читатель, – о поэтѣ Иннокентіи Анненскомъ, оказался въ просторной квартирѣ въ башенномъ домѣ сталинской архитектуры и былъ представленъ дочкѣ Маши Голоменной – старшекласницѣ Лерѣ. Но страннаго здѣсь нѣтъ ничего, такъ какъ Маша была въ ту пору студенткой московскаго Литинститута. Это называется: Салабинъ повѣлся...

Фамилія Голоменовыхъ ещё продолжала звучать въ тѣсномъ мірѣ морского транспортнаго флота, отъ Москвы до Балтики, Австраліи и Нидерландовъ – это всё мѣста, гдѣ служилъ Голоменовъ-отецъ, нѣкогда непосредственный начальникъ Салабина и «лучшаго ХЭГСа по Минморфлоту» на ВДНХ. А въ квартиру Маши и Леры Голоменовыхъ онъ зашѣлъ не просто «какъ-то такъ», а потому, вѣроятно, что у Геннадія была уже маленькая исторія отношеній съ Машей. И то, что сейчасъ онъ её не сразу узналъ, ещё ни о чёмъ не говорить.

Однако – обо всёмъ по порядку.

Когда Машин папа работалъ въ Польше (какъ это мы чуть не забыли упомянуть эту великолѣпную страну?), а Маша родила Леру и уже развелась, Салабинъ – уже, увы, женатый и отецъ семейства – какъ-то передъ Новымъ Годомъ позвонилъ Машѣ и спросилъ, обзавелась ли она настѣннымъ фирменнымъ календарёмъ. Тогда среди береговыхъ людей особенно, да и плавсостава тоже, имѣть настѣнный календарь съ яркими фотографіями считалось непремѣннымъ признакомъ статуса въ профессіи.

Маша сказала, что календаря у неё пока нѣтъ.

– Тогда я вамъ привезу нашъ пароходскій! – пообѣщаль онъ, полный энтузіазма.

Теперь – поподробнѣе объ энтузіазмѣ... Но сначала о Голоменовѣ-папѣ.

По словамъ освѣдомлённаго Гасанюка, Семёнъ Тарасычъ Голоменовъ былъ другъ юности главнаго смотрящаго по морскимъ заграничнымъ – самага Азбецкаго! Поэтому Салабинъ со товарищи впервые узнали Тарасыча, недавно разставшагося съ моремъ капитана, когда онъ сталъ въ отдѣлахъ пароходства начитываться разныхъ свѣдѣній передъ долгой командировкой въ Австралію. Потомъ, пріѣзжая въ отпускъ, онъ приходилъ въ пароходство неизмѣнно съ дочкой-школьницей – упомяну-

той Машей. Послѣ Австраліи Тарасычъ сталъ непосредственнымъ начальникомъ и Салабина, и Лёни Воденко, причѣмъ стиль его общенія съ подчинѣнными былъ удивителенъ: перекуривая съ «диспетчерьѣмъ», онъ лихо травилъ анекдоты и морскія байки, которыя порою слушалъ и некурящій Салабинъ. Очевидно, Семѣнь Тарасычъ былъ на берегу такимъ же, какъ и въ морѣ. Когда подчинѣнныхъ было рядомъ болѣе двухъ, онъ осознанно былъ съ ними фамиллярень, но одинъ на одинъ бывалъ всегда разнымъ.

Всѣ слушатели анекдотовъ начальника тоже фамиллярно называли его межъ собой Тарасычемъ, а Лёня Воденко, скоро ставъ его любимцемъ, и обращался къ нему прямо только такъ.

Салабинъ же чувствовалъ, что его Тарасычъ недолюбливаетъ, какъ чѣрный воронъ бѣлую ворону. Болѣе того, по нѣкоторымъ вопросамъ Сергѣя Ивановича Купавина онъ догадался, что Тарасычъ что-то льѣтъ на него начальству...

Потомъ Тарасычъ поработалъ въ Польшѣ и въ Голландіи, но дочку Машу родители съ собой уже не брали: та подросла, вышла замужъ, родила, развелась, стала учиться заочно... къ изумленію Салабина, въ Литературномъ институтѣ. Тарасычъ охотно дѣлился дочкиными новостями съ диспетчерами своего отдѣла. Такъ они узнали фамилію поэта Наровчатова, который поспособствовалъ поступленію Маши Голоменной въ Литинститутъ.

Живя за границей, Тарасычъ пріѣзжалъ не только въ отпускъ, но и въ командировки. въ пароходство. Тогда отъ него и узнали, почему развелась его Маша: зять Тарасыча оказался наркоманомъ. Салабину пришлось слушать съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ, какъ Тарасычъ, участвуя въ дѣловыхъ переговорахъ съ инофирмами, ту же новость сообщалъ чужеземцамъ. Недоумѣвалъ Салабинъ потому, что въ словахъ Тарасыча уму слышалась нѣкая похвальба: «У насъ тѣ же проблемы съ наркотиками, мы не очень-то отстали отъ васъ, господа капиталисты!» Хотя въ то время подобные случаи у насъ были рѣдки.

Подчинѣннымъ же Тарасычъ всё приговаривалъ: «Жаль дѣвчонку, жаль дѣвчонку!...» А что могли они отвѣтить, всѣ будучи женатыми?

И вотъ, когда жилъ Тарасычъ въ польской Гдынѣ, Салабину довелось туда поѣхать по служебнымъ дѣламъ. Поскольку жена Тарасыча была въ отъѣздѣ – на Родинѣ, то Тарасычъ забралъ Салабина изъ гостиницы къ себѣ на квартиру, чтобы вдвоѣмъ картошку чистить и супъ варить.

Наединѣ съ Салабинымъ Тарасычъ не травилъ анекдотовъ, а рассказывалъ сценки изъ жизни русской «морской» и внѣшнеторговой колоніи въ Польшѣ, размышлялъ и философствовалъ: осуждалъ западную приверженность индивидуальнымъ средствамъ транспорта... «Въ каждой тачкѣ, понимаешь, сидитъ одинъ панъ – и коптитъ воздухъ!»

Въ декабрьской Гдынѣ всё отопленіе держалось на буромъ углѣ, воздухъ являлъ собою смѣсь тумана съ копотью; поэтому рѣчи Тарасыча находили въ Салабинѣ солидарнаго слушателя. Впрочемъ, это былъ 80-й годъ, выходила изъ береговъ «Солидарносць», слишкомъ многое въ Польшѣ, кромѣ лѣта и багряной осѣни, Тарасычу не нравилось и вскорѣ онъ оказался въ Нидерландахъ.

А Салабинъ вернулся изъ командировки, оставивъ въ кухнѣ у Тарасыча свой забытый ножъ, – уже тогда заподозривъ, что это не къ добру.

Когда онъ привѣзъ обѣщанный Маше Голоменной календарь, то въ памяти ещё были живы тѣ минуты, когда они съ Гасанюкомъ вздыхали, глядя на Машу, и что-нибудь говорили другъ другу (оба женатые), а Гасанюкъ резюмировалъ: «Ей молодые нужны!»

Родивъ дѣвочку, Маша расцвѣла женственнымъ великолѣпіемъ, оставаясь ещё достаточно изящной, и Салабинъ, сдѣлавъ ей почти съ порога комплиментъ, дальше оставался нѣмъ и отчасти глухъ, глядя, подъ звуки ея свѣтской болтовни, какъ покачивается на вѣсу ея лодыжка.

Но съ тѣхъ поръ много лѣтъ утекло. И вотъ уже въ странѣ изменѣннаго образа жизни, въ вагонѣ метро, свѣтловолосая загорѣлая женщина пріятной полноты называетъ себя Машей Голоменной.

* * *

Она оказалась теперь главой представительства нѣкой нидерландской фирмы, гордо вручила ему визитку и объявила, что онъ непременно долженъ побывать въ ея офисѣ на Обводномъ каналѣ. Салабинъ, человекъ уже свободный, это легко пообѣщавъ.

Литинститутъ Голоменова окончила, по ея словамъ, успѣшно, но Москва – жестокой городъ: до-

жить можно до сѣдинъ, такъ и не напечатавшись. Она сослалась на мнѣніе однокурсницы, способной печататься въ силу положенія ея родителя, хотя ей это было не очень-то и нужно...

– Мнѣ она говоритъ: «Твои, Машка, стихи – настоящіе, но тебя не печатаютъ! Такова наша жизнь!»

У Салабина не было причинъ не вѣрить неизвѣстной подругѣ Маши. Которой не особо хочется печататься...

– А чѣмъ подруга занимается? – спросилъ онъ.

– Ничѣмъ. Надо было спрашивать: кѣмъ?

– И кѣмъ же?

– Ой, не надо было и спрашивать!.. – многозначительно сказала Маша.

А Салабину вспомнилось, какъ Тарасычъ подѣлился съ молодыми подчинѣнными частушкой, привезѣнной его дочкой изъ московскаго института:

Миномѣтчикъ, дай мнѣ мину,

Я её въ ... закину,

А когда война начнѣтся –

Врагъ на минѣ подорвѣтся.

Но Маша не была ея авторомъ. Тутъ, вѣроятно, такая цѣпочка: дочка услышала; дочка – мамѣ, мама – папѣ, папа – людямъ... И дочка могла это сообщать съ возмущеніемъ, думалось Салабину; это уже Тарасычъ передавалъ какъ ни въ чѣмъ не бывало, просто изображая нравы литературной столицы.

Поэтому неизвѣстная московская дѣвица, дочь извѣстныхъ родителей, могла вполне заниматься чѣмъ угодно, кѣмъ угодно и какъ угодно.

А Салабинъ въ ближайшій понедѣльникъ купилъ розу и отправился въ нидерландскій офисъ на Обводномъ.

Салабинъ не былъ ни провидцемъ, ни ясновидящимъ – не ощущалъ возможности того, что когда-нибудь окажется въ подчинѣнныхъ у этой Маши.

Иначе бы онъ эту розу не купилъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Сердце Салабина тревожно ёкнуло, какъ только онъ узналъ, при переходѣ въ новую компанію Воденко, что замѣстителемъ у Юрія Матвѣевича не кто иной, какъ Марія Голоменова.

Тутъ-то онъ и вспомнилъ постыдную сцену въ Дачномъ, на почти конспиративной квартирѣ Машиныхъ родителей, удаленно пребывавшихъ въ королевствѣ Нидерландахъ. Случилось эта сцена вскорѣ послѣ злополучной розы, съ которой онъ явился въ нидерландскій офисъ Маріи на Обводномъ. Тамъ же, въ офисѣ, Голоменова вручила ему листки съ отпечатанными на машинкѣ своими стихотвореніями. «Дома прочту!» – завѣрилъ её Салабинъ. Черезъ день-другой она ему назначила встрѣчу въ Дачномъ, чтобы «поговорить о поэзіи». Надо признать, что поэзію она-таки чувствовала, недаромъ у нихъ сразу послѣ той встрѣчи въ метро завязалась бесѣда объ Иннокентіи Анненскомъ. Но собственные стихи у Маріи были слабы, а нередко – безпомощны. Салабинъ напомнилъ себѣ, что дѣвушка провела свои дѣтскіе годы въ Австраліи, почти безъ русской среды. Но нѣтъ, это не причина, совсѣмъ напротивъ, – была же у нихъ библіотека! Просто – что не дано, то не дано.

Упавшій духомъ, собирался Салабинъ къ Маріи для разговора объ ея поэзіи, совсѣмъ не задаваясь вопросомъ, почему это въ Дачномъ, а не въ Паркѣ Побѣды или въ ея пустующемъ офисѣ.

Отъ метро они по мостику перешли рѣчушку, исчезающую здѣсь подъ асфальтомъ проспекта и цѣлаго квартала, и подошли къ скромной пятиэтажкѣ, прятанной за осинами и берѣзами. Подъ этимъ впечатленіемъ Салабинъ даже пригнулся въ поискахъ грибовъ.

– Что съ вами? – спросила Марія.

– Кланяюсь природѣ...

– У васъ будетъ ещё шансъ поклониться! – разсмѣялась она съ тайнымъ эхомъ въ голосѣ.

Онъ промолчалъ и они молча поднялись на второй этажъ, Марія сняла охранную сигнализацию, погромѣла ключами и отперла замки историческаго жилья своихъ «предковъ».

Они обосновались въ двадцатиметровой комнатѣ съ диваномъ, круглымъ столомъ и двумя книжными шкапами, сплошь заполненными книжнымъ «дефицитомъ», а поверху шкафовъ стояли въ двѣ шеренги разнообразныя бутылки съ алкоголемъ. На одномъ шкафу имѣлась приставная полка – и алкоголь стоялъ двумя ярусами: верхній занимали тѣмныя бутылки всякаго виски, а пониже выстроились прозрачныя бутылки изъ-подъ водки, въ которыхъ, какъ пояснила Марія, отецъ ея на водкѣ выдерживалъ рябину. Да это было видно и такъ.

Марія взяла одну бутылку рябиновки, не замѣтивъ взгляда Салабина, изучавшаго коллекцію виски, и поручила ему вытащить винную пробку, пока она сходитъ за рюмками. Съ рюмками она вернулась, прежде чѣмъ онъ справился со своей задачей, и наблюдала, смѣясь, какъ онъ пытался, то пальцами, то зубами, вытащить торчавшую винную пробку изъ водочной бутылки.

Открыть виски смогъ бы и ребѣнокъ, но въ томъ и состояло коварство женщины. Либо виски находилось на строгомъ учѣтѣ.

Наконецъ пробка поддалась усилямъ Салабина – распитіемъ рябиновки начался и ея распитіемъ закончился позоръ. Они пили и говорили, говорили и разговаривали, а онъ всё раздумывалъ, говорить ли ей объ ея стихахъ или ждать вопроса въ лобъ. Ждала ли она его мнѣнія или чего иного, то невѣдомо, но позоръ двухъ выпитыхъ рябиновокъ (откуда ни возьмись, появился штопоръ!) не вызывалъ сомнѣнія: о стихахъ и поэзии не прозвучало ни слова. И природѣ онъ тоже не поклонился.

Когда Салабинъ прощался, уходя, они были по-прежнему на «вы» – это ли не позоръ? Марія сказала, что остаѣтся ночевать въ родительской квартирѣ, и онъ пожелалъ ей спокойной ночи.

Къ счастью ли, къ несчастью ли, но алкоголь успѣшно стираетъ мужскую память. А вотъ какъ обстоитъ дѣло съ памятью женской?

Когда сердце Салабина ёкнуло передъ поступленіемъ подъ начало Юрія Матвѣевича и Маріи Голоменовой, это ничего особеннаго ему ещё не сказало.

Ну, ёкнуло – и ёкнуло. Ну, пили рябиновку – и пили. Это же не виски, въ концѣ концовъ. Рябиновка не на учѣтѣ у Тарасыча, вяжущее кислое пойло, нѣ о чемъ говорить. Позоръ-то позоромъ, зато счастливо избѣжалъ продолженія. И остались на «вы». Какъ ни въ чѣмъ не бывало. Ну и поработаемъ подъ одной и той же вывѣской, подумаешь, дѣловъ куча!

Дѣловъ-то куча, и обязанности Маріи и Салабина не соприкасались, и оба вели себя какъ ни въ чѣмъ не бывало, а неудобство при встрѣчахъ Салабинъ ощущалъ. Особенно, когда проходилъ мимо «мѣста для куренія», а тамъ стояла съ сигаретой Марія. Курить она стала очень много.

Былъ только одинъ проблескъ внѣ служебныхъ отношеній Салабина и Маріи – когда однажды онъ оказался въ ея кабинетѣ, потому что Матвѣевичъ былъ въ отпускѣ. Марія попросила его подать ей «вонъ ту папку», и когда онъ с папкой подходилъ к ней – наискось, отъ стеллажа къ ея спинѣ, начальница въ крутящемся крѣслѣ сдѣлала полуоборотъ, ея клетчатая миниюбка и колѣни сверкнули, глаза у Салабина вспыхнули, а лицо Маріи просіяло.

Ещё одна напрасная провинность Геннадія Салабина передъ прекрасной половиной человечества... А сколько ихъ было!.. И не упомнить. Но всё – похожи одна на другую...

Уже при новомъ генеральномъ, однако ещё не уволенномъ за приглашеніе священника, Салабинъ былъ вызванъ къ нему въ кабинетъ.

У генеральнаго были главный по техникѣ безопасности и какой-то смутно знакомый Салабину сѣдоусый американецъ. Обращаясь къ Михаилу, Салабинъ мучительно вспоминалъ, гдѣ и когда онъ видѣлъ этого иностранца. Тѣмъ временемъ разговоръ съ генеральнымъ былъ какимъ-то странно безпредметнымъ...

– Геннадій, это я захотѣлъ на тебя посмотреть! – голосомъ Голоменова вдругъ произнёсъ «американецъ».

– Семѣнь Тарасычъ, ой... Это вы?! А я не узналъ!

– Вотъ, услышалъ, что ты тутъ трудишься, захотѣлъ посмотреть, а онъ – своихъ не узнаётъ! Какъ ты тутъ? Доволенъ?

– Слава Богу, не жалуясь... А мы вѣдь с вами видѣлись въ послѣдній ещё при Советскомъ Союзѣ – въ Роттердамѣ, на борту «Магнитогорска».

– Да, было дѣло, у капитана Смиркина. Ну, рассказывай!..

– О чёмъ?

– Какъ живёшь, съ кѣмъ живёшь... – хохотнулъ Тарасычъ, но сразу поправился: – У тебя вѣдь тоже дочка?

– Дочка тоже, а сынъ отдѣльно.

И Салабинъ задумался надъ словомъ «тоже».

Генеральный директоръ и главный по техникѣ безопасности въ разговоръ не вмѣшивались.

– Выглядишь ты неплохо, – сказалъ Тарасычъ. – И зубы всѣ свои, я вижу.

– Ещё не выбили, – въ тонъ ему отвѣтилъ Салабинъ.

– Да, да, слѣди за собой, – посоветовалъ Тарасычъ.

– А вы-то какъ, Семёнъ Тарасовичъ?

– А я у голландцевъ пенсію заработалъ, тамъ съ женой и сидимъ. Кстати, скоро Смиркинъ Борисъ Михайловичъ прилетаетъ, потому я здѣсь.

– Встрѣча друзей – это хорошо. Радъ былъ васъ увидѣть, Семёнъ Тарасовичъ.

– Ну, добро. Ступай, служи, Геннадій.

Никогда преждѣ такъ ласково съ нимъ Тарасычъ не разговаривалъ.

* * *

Въ это самое время Салабинъ собрался въ отпускъ – и подалъ ужъ было заявленіе. Хотѣлось обдумать на досугѣ, какъ дальше быть съ ненаглядной Ириной. Но Михаилъ, генеральный директоръ, отвёлъ въ сторону глаза и предложилъ отдать заявленіе Маріи Голоменной. «Почему?» – вырвалось у Салабина.

– У неё спроси, – пожалъ плечами Михаилъ.

Марія пояснила, что отпуска исключаются до тѣхъ поръ, пока не завершится визитъ капитана Смиркина.

«Что они носятъ съ этимъ визитомъ, который даже не начался?» – подумалось Геннадію.

Прибывшій Борисъ Анатольевичъ Смиркинъ два дня проводилъ собесѣдованія съ ведущими и рядовыми сотрудниками, почти каждую бесѣду начиная одной и той же фразой: «Конкуренція въ бизнесѣ – вещь жестокая, поэтому...». На третій день былъ обнародованъ приказъ, которымъ уволенъ генеральный директоръ Михаилъ и сокращались должности четырёхъ сотрудниковъ – Салабина въ томъ числѣ.

Другимъ приказомъ Марія Голоменова назначалась генеральнымъ директоромъ ЗАО «Водо-Меркуръ».

* * *

Всѣ контакты Салабина съ Ириной оборвались, а самъ онъ сталъ безработнымъ. Finita la commedia. Дважды въ мѣсяцъ онъ посѣщалъ службу занятости, ради копеечнаго пособія, зато каждый день прочёсывалъ сайты вакансій: какъ преподаватель, какъ логистъ морскихъ перевозокъ и, наконецъ, пересталъ гнущаться сообщеніями объ администраторахъ торговаго зала или даже домашнихъ гувернёрахъ.

Однако тѣсный міръ связей на морскомъ транспортѣ выручилъ его опять: шапочные знакомые по пароходству, бывшіе партійные инструкторы Саша и Вова взяли Салабина за 300 долларовъ въ мѣсяцъ къ себѣ въ фирму на Канонерскомъ островѣ. Въ этой фирмочкѣ подъ названіемъ «Міробалтъ» Салабинъ отвѣчалъ за обезпеченіе загрузки судовъ и съ этой цѣлью вѣлъ обширную переписку съ російскими и зарубежными отправителями грузовъ. Черезъ три мѣсяца Саша объявилъ Салабину, что онъ выдержалъ испытательный срокъ и его зарплата повышается до 400 долларовъ, но расчёты Салабина показывали, что онъ ещё очень не скоро справится съ долгами, возникшими при покупкѣ и ремонтѣ квартиры. А болѣе половины долговъ составлялъ драконовскій кредитъ изъ банка.

Ещё одинъ знакомый по пароходству, душевный человекъ Джафаръ, работалъ въ «Міробалтъ» съ Салабинымъ рядомъ. Душевность Джафара обнаружилась давно, ещё въ бытность Салабиныхъ

обитателями коммуналки. Узнав об этих обстоятельствах Салабина, Джафарь пригласил его Марусю к себе в пригородное имение, где она провела полтора летних месяцев в обществе дочери Джафара – Дианы.

Теперь Джафарь, опять сослуживец Салабина, спросил, не поехали ли бы Геннадий поработать в русскоязычную компанию в Турции: «Что тебе тут сидеть на этих копейках?»

Но в Турции тьма-тьмушая турок – и что там делает русскоязычная компания? А если рыбу ловить – то в мутной воде. Но главный довод против – это обилие турок, минаретов, муэдзинов. Пребывая в этом предубеждении, Салабинь отказался.

В конце первого года работы Салабина в «Миробалт» Сашу и Вову навести их общий с Салабиным товарищ по пароходству, давно потерявшийся из вида Александр Калашников. Но это из вида Салабина он потерялся; справедливо сказать иначе: это Салабинь было потерялся, а в сфере морского флота и логистики связи прочны как нигде.

– А ты где пропадал? – спросил Калашников Салабина.

Тот рассказал о своём бегстве из Интерклуба и от Кацкуна, о репетиторстве, преподавательстве и прочем.

Калашников сказал, что работает в Стамбуле в семейной пароходной компании из граждан Украины и России (но членом одной семьи), где ведёт всю фрахтовую работу.

– Это линия или трамп? – спросил Салабинь.

– Только трамп. Навалочники.

Салабинь знал, что корни Калашникова по отцу – донецкие, поэтому решили, что Калашников имеет свою долю в семейной компании. Об истории, Джафара и Калашникова, касались Турции, но в сознании Салабина они куда-то провалились по отдельности: Джафарь – Турция – турки – муэдзины... и Калашников – Стамбул – семейный бизнес – навалочники... Тут причина не в плохом знании географии, а в ошибке воображения.

Но оба раза – Турция. Хотя теперь – конкретно Стамбул...

По словам Калашникова, семья нуждается в специалистах уровня Салабина, и стоит лишь Салабину захотеть...

Он тогда снова отказался; потом они с Марусей перезимовали первую зиму в отдельной, «убитой» квартире, Ростислав стал учиться заочно в университете МВД – и Салабинь впервые задумался о предложениях «с турецким подтекстом» и как бы он теперь ответил на них: ведь Маруся уже восьмиклассница...

Но и совсем перестать видеть Ирину Анатольевну он не мог.

Салабинь помнил о том, что оставил у Ирины аудиокассеты с любимыми песнями, с очень давно любимыми и с уже не слишком любимыми... Он решил, что это – кстати: как самый распоследний предлог, чтобы ещё увидеться с ней. Неприкосновенный запас. У него уже была телефонная приставка, определяющая, с какого номера поступает звонок, но табло ни разу не сказало ему, что есть о чём беспокоиться. Он это мотал на ус – и сам тоже не звонил. Этакая дятская игра взрослого мужчины.

Промозглой осенью, дождливым донельзя октябрём, он среди ночи получил звонок с неизвестного номера; в трубке звучали рыдания, истерические женские крики – и на этом фоне взволнованный голос Ирины:

– Гена, подожди... Леночка, милая, успокойся, всё пройдёт!.. Пойдём, пойдём!.. («Мерзавец! – сквозь рыдания пробивались чужие слова. – Выпил мою кровь! Иииiii!»)

– Гена, можешь приехать забрать меня (она назвала адрес)? Я тут Ленку Хачиян в чувство привожу...

Ирина объяснила, с какого конца подвезти, чтобы им не разминуться.

Салабинь вызвал такси и через полчаса посадил в машину молчаливую, подавленную Иру. Она сидела рядом, но не делала попыток придвинуться, да и он не искал её руки. За десять шагов до такси она сказала только, что Ленку бросил муж Хачиян и у той климактерический кризис.

У её дома они отпустили такси – и это было неправильным решением. Досадуя на эту общую их оплошность, Ирина оставалась холодной, как холмик творога под сметаной. Выйдя из ван-

ной, она молча указала ему на широкое ложе в «родительской» спальне и, не снимая халатика, укрылась отдельно, отвернувшись на своём краю.

Через пять минут они повздорили, Салабин в лихорадке оделся и ушёл не попросившись.

Под злым дождём он по будущей улице Фёдора Углова прошёл пешком от метро «Звёздной» до «Московской» – и тут метро уже открылось.

Молод ещё он был – даже не простудился.

* * *

Как они встретили очередной Новый Год, Ирина и Салабин друг о друге не знали. Но у него оставался в запасе вопрос об аудиокассетах, стремительно устаревающим способом хранения звукозаписей. Ему становилось уже ясно, что... Ясно – что? Даже думать не хотелось. Он ухватить готов был хоть в Турцию. Эту тему они обсудили с Марусей. Её глаза, мудрые с младенчества, не обманули его надежды: она была девочка разсудительная и, больше того, умная.

Салабин даже подозревал, что ей хорошо видны все отцовские глупости.

Последнюю глупость он совершил уже в маё месяце, когда задал Ирине по телефону вопрос, цыли ли его аудиокассеты.

– Ес-тест-венно! – с металлом в голосе ответила Ирина.

Этот вопрос был его предпоследней глупостью. А последней оказался их встреча и передача никому не нужных кассет. Получив из рук Ирины маленькую пакетику, он собрался было идти, но она его остановила:

– А пообщаться?

И повела его к скамье у фонтана перед «Домом Советов».

Там она рассказала, что её мама очень болеть, а Сергёй ускоренно спивается, и сообщила множество бытовых мелочей о людях, так или иначе мелькнувших на их общем горизонте. Та девушка, или женщина, подруга дальноточника Андрея (у которой мы пили “Boussac”, догадался Салабин), уже давно не с Андреем и живёт в Австрии... И вообще.

Салабин слушал её и дрожал – то ли внутренне, то ли внешне, то ли то и другое вместе.

Когда они разстались, он чувствовал, что ему надолго хватит этого трепета.

Телефонная приставка-опредлитель всё же пригодилась. В июле месяце Салабин с дочкой вернулись домой после нескольких недель отсутствия – и Геннадий увидл на табло ночной звонок Ирины, оставшийся, конечно, без ответа.

По мелкому злорадному чувству, мелькнувшему в душе, он понял, что уже свободен от своей ненаглядной. Она по-прежнему – ненаглядная, да. Но он восхитительно свободен. Хоть в Турцию! С дочкой согласовано. И он сказал себе: если в третий раз предложить – соглашусь.

* * *

Постепенно у Салабина складывалось подозрение о том, что причинно-следственные связи мира складываются в такую многомерную, многовекторную «матрёшку», когда причина для всякого мелкого события вписана в причину крупного – в такое божественное программное обеспечение Истории, где только надо часть слова «много» замнить на приставку «мега-мега»: мега-мега-векторные причинные связи.

Когда Америка, используя подставленных ею арабов, взорвала свои башни-близнецы на Манхэттен, то она преследовала далеко идущие глобальные цели; но даже люди, прочитавшие мотивацию этого злодеяния, вынужденно выражали Штатам солидарность и соболезнования. Конечно, по большому смыслу, в этих выражениях были также соболезнования семьям тех простых непосвящённых в тайну беззакония, что выбрасывались из окон объятых пламенем небоскрёбов. Но взрывы продолжили священную традицию американской глобальной политики: Пирль-Харбора, Тонкинского залива, испанской войны и других подобных постановок.

Специалисты напрасно в своих книгах, интервью и докладах сообщали, что конструкционная сталь каркаса небоскрёба – да и всякая сталь! – не может расплавиться или обвалиться при температуре горящего керосина; спецы по ювелирному сносу небоскрёбов среди плотной застройки говорили, что именно так, технологично – и были обрушены башни-близнецы, а люди утверж-

дали, что слышали хлопки взрывов в обречённых и незадолго передь этим застрахованных на баснословную сумму небескрёбах. Наконец, около четырёх тысяч посвящённых сотрудников банков, спецслужб, рекламных агентств и страховых обществ, граждан Израила и США, не вышли в этот день на работу, накануне отпросившись. Среди них был и сын выдающегося непримиримого борца за правду и справедливость, российского лѣвозащитника Сергѣя Адамыча Ковалёва. Но разоблачители этого кровавого спектакля вопіяли в пустынь, они не владѣли широкими средствами распространения информации. Официальная версия произошедшего подавила всѣ честныя мнѣнія специалистов.

Что и требовалось Штатам для развязания рук. Они приступили к погружению в хаос полудюжины нефтеносных государств, а всѣм без исключения государствам навязали систему драконовских мѣр «обеспечения безопасности» на сушѣ, в воздухѣ и на морѣ, приведших к удорожанию всѣх видов хозяйственной, военной и культурной дѣятельности человека на Землѣ. Авторитет специализированных организаций ООН освятил эти мѣры. Для морской дѣятельности такой организацией была и есть ИМО – «Международная Морская Организация» с штаб-квартирой в Лондонѣ. Всѣ процедуры обеспечения безопасности на морѣ, всѣ инструкции и требования были ужесточены, предѣльный жизненный срок морских судов был сокращён, а старые суда допустимаго возраста подвергались в портах набѣгам «международных инспекторов», имѣвших полномочия задерживать суда «до устранения всѣх несоответствий».

Несоответствий чего чему? Состояния судна, его механизмов и экипажа требованиям «Международного кодекса управления безопасностью» (МКУБ).

Небогатая страна справедливо усмотрѣли в новом международном законодательствѣ орудие конкурентной борьбы для изгнания с рынка флотов небогатых государств. Каждая судоходная компания обязывалась учредить в своём составѣ должность «назначеннаго лица по управлению безопасностью компании», аналогично нагрузить одного из офицеров в каждом экипажѣ, то же самое должен был сдѣлать каждый порт. Всѣ это обставлялось возрастанием отчётной, тренировочной, учебной документации в нѣсколько раз и требованием к каждому судну, выходящему в море, имѣть на борту официально издаваемую в ИМО нормативную литературу: международные акты, договора, кодексы, резолюции и конвенции, что обходилось судовладельцу в немалыя траты. Не всякій румын или турок мог себѣ это позволить. Но голь на выдумки хитра: турки и румыны наладили собственное переиздание нормативных документов, а Лондон с Вашингтоном предпочли смотрѣть на это сквозь пальцы.

Самым неприятным для экипажей была необходимость заполнять уйму бланков отчётов и деклараций: не хватало времени, чтобы голову поднять во имя той самой безопасности.

Александр Калашников не приѣхал в Петроград, в «Миробальт», а позвонил по телефону – и даже не в «Миробальт», а Салабину на дом. В этот раз он был конкретен: поскольку Международный кодекс по управлению безопасностью – это море-окиянь документов на английском, а ты, Гена, у нас и «англичанин», и замѣтно оморячился, то прекращай валять дурака – и... Короче, на слѣдующей недѣлѣ мой начальник Анатолий Андреевич Лосев будет в Питерѣ и тебѣ позвонит. Да, домой позвонит, «Миробальту» знать это незачѣм. Ситуация слѣдующая: если вы договоритесь (а почему бы вам не договориться, а?!), то фирма оплачивает твоё обучение по МКУБ на двухмѣсячных спецкурсах в Макаровкѣ, послѣ чего ты прилетаешь сюда. Компания предоставляет жильё, до работы – 10 минут пѣшком, мимо моего дома. А? Класс? А то!..

Анатолий Андреевич позвонил в среду, описал свою внѣшность – и назначил встречу на площади Искусств у памятника Пушкину. Их беседа с Салабиным продолжалась пятнадцать минут. Лосев, невысокій крѣпыш 35 лѣт, явно южанин, рассказал об истории компании, о численности флота и берегового штата, и задал вопрос: сколько получает Салабин в «Миробальтѣ». – Четыреста долларов, – сказал Салабин.

– Будете у нас имѣть полторы тысячи, – сказал ему Лосев. – Есть работники, кто получает у нас больше, кто меньше... Это нормально. Сейчас переведём деньги в академию за ваше обучение, курс начинается с понедельника, а с апреля вы приступите у нас. Так что подавайте заявление об уходе.

И пошёл Салабинъ учиться въ Морскую Академію на ускоренные спеціальные курсы – какъ стипендіатъ стамбульской компаніи «Азовъ Интернэшналъ». Калашниковъ посовѣтовалъ ему посѣтить предварительно нѣкую фирмешку рядомъ съ бывшимъ пароходствомъ – разработчика всѣй-всѣй документациі МКУБ для «Азова Интернэшналъ». Тамъ его просвѣтитъ, поощритъ и наподобитъ Авеналій Даміановичъ, чистый профессоръ въ этомъ дѣлѣ, бывший сотрудникъ Регистра, «а можетъ – и дѣйствующій», какъ добавилъ Калашниковъ, – «чѣртъ его знаетъ».

«Профессоръ» запомнился Салабину не столько именемъ и отчествомъ, какъ дружелюбнымъ краснорѣчіемъ по темѣ, съ которой пришѣлъ къ нему посѣтитель: его рѣчь напоминала пѣніе задушевной пѣсни – съ такой готовностью и радостью слетали у него изъ устъ термины, названія конвенцій, резолюцій, даты конференцій и пересмотра кодексовъ. Даже новоиспечѣнный титулы «назначеннаго лица компаніи» и «назначеннаго лица на борту» слетали съ его сѣрыхъ губъ, что по-русски, что по-английски, точно живые природные птицы нашихъ широтъ. Салабинъ тарасился во всѣ глаза, словно передъ нимъ сидѣлъ нѣкій алгоритмъ въ человѣческомъ обликѣ.

Авеналій Даміановичъ съ удовольствіемъ записалъ полное имя Салабина, чтобы внести его во всѣ формы, бланки и титульные листы разрабатываемой для «Азова И’т’ль» документациі. (Ея впослѣдствіи оказалось пять томовъ-папокъ по три килограмма каждая. К счастью, везти это всё Салабину не пришлось, ихъ распечатали съ дисковъ уже въ Стамбулѣ.)

Чужбина

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Побѣдой прославлено имя твое:
Твой щитъ на вратахъ Цареграда...

*А.С. Пушкинъ.
Пѣснь о вѣщемъ Олегѣ*

Воскресной ночью въ турецкомъ аэропорту Константинополя Салабина встрѣтилъ Калашниковъ, они сѣли въ служебную машину и турок-водитель помчалъ ихъ надъ моремъ огней мегаполиса черезъ Босфоръ на восточный берегъ – въ Июскюдаръ. Константинополь остался въ Европѣ, а прибыли они въ Малую Азію.

Первые нѣсколько недѣль Салабину предстояло жить у Калашникова: жена его гостила у дочки во французскомъ Лангедокѣ, и подбирать квартиру для Салабина пока не торопились.

Калашниковъ извлѣкъ изъ холодильника литровую бутылку водки и нѣкую закуску: маслины, брынзу, овощи; Салабинъ распаковалъ заказанные Калашниковымъ чѣрный хлѣбъ и русскую колбасу... Началось ночное пиршество съ бесѣдой о непосредственномъ будущемъ. Калашниковъ началъ съ поздравленія Салабину: ты теперь, стало быть, трудовой эмигрантъ; живи по-новому и думай по-новому. Жизнь у тебя теперь другая! Ну, давай за успѣхъ!..

Салабинъ долго не засыпалъ въ эту ночь, находясь между явью и сномъ. Онъ ещё не видѣлъ ни Стамбула – ни Константинополя, и будто грезилъ Цареградомъ, въ которомъ прятались отъ русскихъ княжескихъ дружинъ изнѣженные византіицы. Наслѣдники воинской славы русовъ, они же – наслѣдники вѣры византіицевъ-ромеевъ, потомъ опять стояли у стѣнъ Цареграда въ 1877 году – и турки, владѣвшіе Константинополемъ болѣе четырёхъ вѣковъ, уже застелили улицы и площади коврами для приѣма русской кавалеріи и пѣхоты, но... наглый блефъ британской короны, вкупѣ съ шѣпотомъ тайныхъ агентовъ Британіи, напугали Александра II, и русскіе полки были остановлены. Кавалергарды, гусары и артиллеристы посѣщали Стамбулъ открыто, но малыми группами – въ партикулярномъ платьѣ, съ постными лицами и стыдливой толерантностью во взорѣ. Придя потомъ въ хладнокровный разумъ, царь Александръ Второй не могъ всю жизнь себѣ этого простить.

* * *

Марусенька, привет!

Долетел я хорошо и разместился тоже хорошо: у старого товарища по пароходству. Скоро подберём квартиру, где буду жить. Высылаю тебе фото моего рабочего места.

Здесь всё цветёт, вид неопиcуемый, много диковинных растений, цветов, деревьев. С высокого холма, как иду на работу, вижу корабли на Босфоре – а на холме пасутся овцы. Как обзаведусь цифровой камерой, смогу тебе присылать интересные снимки. Привет Ростикю.

Жду твоих писем. Целую, папа.

Действительно, новая жизнь началась. На родине был уже новый президент (прости, Отчизна, такое слово!), а Салабин погрузился в море новых впечатлений: люди, деревья, здания, солнце, погода, обязанности, отношения...

Большая семья Лобаченко происходила из Мариуполя, где папа Лобаченко отхватил, при распродаже пароходства, семь навалочных судов грузоподъёмностью по одиннадцати-пятнадцати тысяч тонн; в то же время старший сын Лобаченко был флотский офицер России и ушёл в запас с должности начальника военных сообщений в Таганрог. А донецкий Анатолий Лосев был зятем папы Лобаченко и непосредственным начальником Калашникова и Салабина.

Ещё были наёмные специалисты из дунайского Измаила и даже один человек из Новороссии – дальний родственник семьи, судовой инженер-механик Гринда Ярослав Филиппович, гражданин РФ, но галицийских корней. Зато не было никого из Одессы и говорили всё чисто по-русски, разве что с турками общались на худом английском.

О том, что английский – и у самих англичан худой, Салабин ещё не догадывался, несмотря на пятнадцать лет работы в Минморфлоте; иначе бы не согласился на эту работу, невзирая на свои долги. Потому что предстояла работа с казуистическим вариантом английского языка в объёме пяти трёхкилограммовых папок.

Но... пока суд да дело, старый Лобаченко усадил Салабина переводить с испанского технического руководства к недавно купленному в Испании теплоходу-десятилетку. Салабин и сам не понял, где он успел проболтаться, что изучал испанский при содействии однокурсников-кубинцев; потом сообразил, что его давно разрекламировал Калашников... А ведь не посвятил ещё Геннадий ни одного судна, за которые ему отвечать предстоит. Первым придёт на рейдовую стоянку «Бельмопань», за ним на подходе «Белиз Ривер», а недавнюю покупку нарекли «Турнеффе Айленд» – любопытны все названия, потому что флот этой семьи ходит (между Украиной и Средиземноморьем) под флагом Белиза. Белиз – это бывшая британская колония между Гватемалой и Гондурасом, и налоги там меньше, чем на Украине или в Турции.

Салабину вручили сотовый телефон – и он внёс в его память, кроме начальников, также тех, с кем предстоит общаться – днём ли, ночью ли – пароходы на рейде в Мраморном море: с наладчиком электронного и радио-оборудования Сергеем Волковым, с завёдующим материальной частью Миколой Марченко и ответственным за судовую механическую службу Гриндой Ярославом Филипповичем. (Вскоре выяснилось, что этот последний по ночам из дому не отлучается.)

А розы в Турции не пахнут! Сообщил об этом Калашников, а Салабин проверил. Зато на дорогах, на раздельной полосе, полно олеандров; а в садах у домов Салабин впервые познакомился с гортензией и с кустами «буль-де-неж» – по-французски это буквально круглый комочек снега – они цветут сначала бледнозелёными шарами, которые потом превращаются в «снежки». Насчёт буль-де-нежа посветила его жена Ярослава Гринды, Таисия.

* * *

Рабочий день начинается в девять, кончается в девятнадцать тридцать; проходит он, если не случается выезда, за компьютером – в сидячем положении. По этой причине Салабин уже через месяц ощутил, что постарел на полгода.

По возвращении жены Калашникова Салабин переселился в «маневренный жилищный фонд» – в квартиру для приезжающих командированных из Мариуполя или России, чье скромное положение позволяет не селить их в гостиницу. Зато таких холостяков может оказаться в «кубрике» двое, а то и трое. Пока что Салабин здесь один; к тому же, тьфу-тьфу, она оплачивается фирмой, а не обитателями.

Зато каждую пятницу хозяева работникам выкатывают праздник («съ пьсней», как десяти в некрасовской поэмке бочку водки): к восемнадцати часам накрывают стол в кухне-столовой и выставляют накопленные запасы – бычки из Бердянска, водку из Мариуполя, вино из Бургаса, нарезают колбасу из Таганрога, овощи с ближней лавки... Пятница – день сокращенный; турки – кто домой, кто в молельную комнату или в мечеть, а украинорусы – за стол; ведь пятница в мусульманской стране – кажется, праздник. Да и не кажется, на самом деле так.

Старый Лобаченко, массивной глыбой во главе стола, изрекает сентенции, оглашает критику в адрес отсутствующих (кто в отъезде, в отпуске или в море), делится воспоминаниями либо хвалится внуками (те учатся в Лондоне), зато уходит он минут через сорок, оставляя сына, бывшего флотского офицера, – и младший Лобаченко, тоже крупнопородный дылда, но не темнокожий, как папа, а с бледным одутловатым лицом, разыгрывает из себя рубаху-парня, знаменуя смелую застольную режиму.

Еще около часа празднующие отводят душу после тощей недели столования за фирменный счет. Израильская пара Оля и Юра Кравченко на деле часто приглашают Салабина к себе за стол, снисходя к его холостому состоянию, и Оля потчует Геннадия домашним борщом.

Наговорившись и насытившись, мужчины идут на балкон курить, а женщины убирают со стола и приводят кухню в порядок. Салабин стоит среди курящих, втихомолку балагурящих мужчин и разглядывает мраморные стены балкона и такие же балконы по периметру сада. Некурящий Гринда тоже балагурит, притормаживая свой раскатистый хохот; турки-соседи жаловались уже на «этих русских», нарушающих покой священной пятницы.

У православных пятница священна как день поста, говорит себе Салабин, – и остерегается думать дальше...

Друзьям и знакомым на родине Салабин откровенно разъяснял, что роль его в системе МКУБ и сама система МКУБ – это чисто формальные моменты, инструменты США в борьбе за гегемонию. Гордиться ему тут нечего. Под предлогом борьбы с «международным терроризмом» Штаты станут невесты что себе позволяют – да уже позволяют!.. И на флоте, и в геополитике. Назначенное лицо компании по управлению безопасностью МКУБ и он же – старший офицер компании по охране. Везет мне с должностями, думает Салабин. Хотя safety management и security control – понятия близкие, но документация различная; как говорят в Одессе – два разных геморроя.

Отправляясь на судно проводить внутренний аудит по МКУБ/по охране, Салабин много чего должен (вам, читатель, это читать не обязательно): проверить, ограждены ли на борту все запретные для посторонних пространства предупредительными лентами; должен добиться, чтобы вахтенный/дневальный, зная Салабина в лицо, не пропускал его дальше верхней площадки трапа, а докладывал капитану как положено, после чего провожал бы посетителя до назначения, не выпуская его из виду. Назначенное лицо обязано проводить на борту внезапные проверки и учебные тревоги с обязательным их документированием: работает ли кнопка радиосигнала бедствия (недавно в испанском порту не сработала под рукой инспектора – и судно потеряло двое суток, устраняя неисправность и ожидая прибытия нового инспектора, чтобы результат предъявить)... А комплектно ли снабжение спасательных шлюпок? А не просрочены ли огнетушители?! – и соответствуют ли?.. А того ли цвета маркировка?! И – соблюдены ли сроки испытанных механизмов; и знает ли первый встречный член экипажа, куда ему являться по сиг-

налу общесудовой тревоги; способенъ ли онъ отвѣтитъ на вопросъ, который заданъ по-англійски (неспособныхъ упрятать подальше!) и т.д. и т.п.

Глобалисты и якобы анти-террористы готовы превратить бѣлый свѣтъ въ общемировой дурдомъ.

А сыграть шлюпочную тревогу! – съ опусканіемъ шлюпки до уровня воды и обратнымъ поднятіемъ – и съ хронометражемъ дѣйствій членовъ экипажа.

Спуститься въ машинное отдѣленіе, поздороваться съ стармехомъ и послушать шумъ главнаго двигателя (со вниманіемъ на лицѣ, а то и съ сочувствіемъ).

Провѣрить на мостикѣ нормативную библиотечку и пополнить её новыми резолюціями ИМО (отсутствіе оныхъ въ дорогомъ европейскомъ порту грозитъ судовладельцу задержаніемъ и непредвидѣнными расходами).

Осуществить, по необходимости, передачу дорогого газоанализатора съ борта А на бортъ Б, поскольку первый идѣтъ въ родной Мариуполь грузиться углёмъ, а второй уже съ грузомъ угля идѣтъ въ недружелюбный портъ.

Въ случаѣ посѣщенія прибывшаго судна единолично, безъ начхоза, принять отъ капитана всѣ дружескія передачи изъ Мариуполя, Бердянска или, паче чаянія, Ильичёвска, – и доставить ихъ въ контору.

Всё это выполнивъ, какъ и прочее, что было запланировано, можно съ чистой совѣстью принять приглашеніе капитана и отобѣдать вместе съ экипажемъ, либо отужинать.

А вѣдь посѣщенія судна на рейдѣ – совсѣмъ не то, что у причала гдѣ-нибудь въ Тузлѣ или въ Карталѣ: надо карабкаться по отвѣсному штормъ-трапу – верёвочной лестницѣ съ деревянными перекладинами – на высотѣ четырёхэтажнаго дома надъ уровнемъ моря, съ сумкой черезъ плечо, – а эта желѣзная стѣна, бортъ навалочника, колеблется у тебя передъ носомъ и подъ напряжёнными руками... Да и слово *штормъ-трапъ*, само по себѣ, звучитъ общающе.

Исполненіе дѣтской мечты Салабина было уже близко.

* * *

СССР стала сверхдержавой не потому, что его руководство было лучше другихъ, а потому, что опирался на мировое идейно-политическое движеніе – именно на то, что своими дѣйствіями разрушили Горбачёвъ и Ельцинъ.

Теперь же Путин добивается одного – только роста рыночной экономики.

Йоргосъ Деластикъ, блогеръ, Греція (2001)

...И началась чехарда патриотическихъ партій, худо-бѣдно существующихъ въ интернетѣ и стукающихся къ сердцамъ черезъ подписныя разсылки по электронной почтѣ. Честные профессионалы въ различныхъ отрасляхъ, «пока сердца для чести живы», торопились стать спасителями Отечества отъ чужероднаго нашествія безжалостныхъ насѣкомыхъ. Горящіе любовью къ чаемому будущему, они натыкались на ледяной параграфъ законодательства и скоро получали отказъ въ «законной» регистраціи, что было неудивительно, – ввиду того не особо скрываемого мнѣнія этой партіи, что власть въ Отечествѣ незаконно захвачена съ такого-то (1917, 1953, 1991, 1993 или 1997) года.

Получивъ такое непризнаніе со стороны властей, партія либо тлѣла ещё нѣсколько лѣтъ (мѣсяцевъ), либо разсыпалась, пополняя своими осколками новую партію или движеніе, съ такой же судьбой.

Авторы статей на «Русскомъ небѣ», жители разныхъ областей Руси великой, очень скоро смѣнили недоумѣніе по поводу юркаго президента-изъ-табакерки на жѣсткую оппозицію ему. Несмотря на пристальное вниманіе къ столь высоко взлетѣвшей фигурѣ, не всѣ дѣянія его оставались замѣченными по достоинству. Всѣмъ запомнилось, какъ безстрашно прокатился новоизбранный въ военномъ истребитель подъ небесами. «Это вамъ не пьяница Ельцинъ!» – ликовали за кружкой пива или дома за кружкой чая. Но мало кто обратилъ вниманіе, съ какой скоростью даровалъ новоизбранный россійское гражданство гражданину міра Берлу Л. (Узкоязычныя СМИ съ базарной простотой писали: «даль гражданство» или «присвоилъ...»).

«Дать-то онъ даль, – скрёбъ затылокъ Салабинъ, – а откуда взять?»

И когда уже оказался Салабинъ въ компаниі «Азовъ Интернэшналъ», то не увидѣлъ никакихъ противопоказаній, чтобы не назвать презика-изъ-табакерки «назначеннымъ лицомъ РФ по МКУБ». Никакихъ возраженій противъ этого быть не могло. МКУБ, то бишь Международный кодексъ по управленію безопасностью, былъ созданъ въслѣдствіе провокаціи на Манхэттенѣ.

Такимъ образомъ, Салабинъ былъ назначенъ, пусть и опосредованно, но въ результатѣ провокаціи. А можетъ – и любое назначеніе такимъ же образомъ?.. Другими словами, теперь не женщину ищите, а провокацію.

Къ концу 2000-го года читатели на форумѣ «Русскаго неба» уже всю мечтали объ устраненіи «этого Хлестакова», этого «кровавого клоуна», этого «хабадника, осѣдлаваго Россію».

Въ «Азовѣ Интернэшналъ» мало кто объ этомъ думалъ. Развѣ что Ярославъ Гринда, заявившій Салабину, что съ пришествіемъ молодцеватаго президента онъ пересталъ стыдиться передъ иностранцами своего російскаго гражданства.

– Да что онъ хорошаго сдѣлалъ? – спрашивалъ Гринду Салабинъ.

– Хоть что-то – а дѣлаетъ! И то хорошо! – отвѣчалъ Гринда. – И мнѣ уже не стыдно доставать паспортъ!..

«Изъ широкихъ штанинъ...» – мысленно договаривалъ Салабинъ.

Ну, на то онъ и Гринда замѣчательный, запрещающій склонять по падежамъ свою фамилію. Ему, видите ли, это дѣдъ завѣщаль: «запомни, внучекъ, щобъ никола, нидэ не дозволяй наше призывще видминюваты!»

«Но какъ же съ партіями быть?» – спрашиваетъ себя Салабинъ-публицистъ, сидя надъ статьёй, которую завтра въ офисѣ настучитъ на клавишахъ и отправитъ въ «Русское небо».

По здравомъ размышленіи, обратившись къ исторіи, онъ хватается перо и призываетъ читателей вспомнить, что полоса непрерывныхъ несчастій Россіи началась возникновеніемъ партій.

* * *

Эта часть Иоскюдара называется Алтунизадэ. Домъ на три десятка квартиръ, въ которомъ обитаетъ Салабинъ, называется «Гюнешъ» (Солнце).

Выйдя изъ дому, потомъ – изъ тупика-переулка, онъ спускается по круто пикирующей улочкѣ и пересекаетъ улицу-ложбину съ автомобильнымъ движеніемъ (не иначе какъ дно бывшаго оврага), переходитъ обширный палисадникъ мимо кустовъ граната – и по каменнымъ ступенямъ поднимается на тихую эспланаду, мощёную краснымъ кирпичомъ, уставленную дорогими машинами. Направо – это путь къ зелёному кособогу, съ котораго видно Мраморное море (въ письмѣ къ дочкѣ Салабинъ ошибся, назвавъ его Босфоромъ) – и оттуда тропинка къ улочкамъ, по которымъ онъ доходитъ до офиса. Почти вся эспланада идётъ влѣво; въ концѣ ея – ещё одинъ крутой спускъ къ вилламъ и къ торговому центру, тамъ приеменя цѣны. Здѣсь рѣдко увидишь прохожаго, это мѣсто уединённыхъ прогулокъ Салабина. Выйдетъ кто-нибудь, сядетъ за руль – и съ глазъ долой. Зданія напыщенной архитектуры носятъ именныя названія (Анадолу Резиденс, Айчичекъ Резиденс), но ихъ закрываютъ кроны деревьевъ, и Салабинъ чувствуетъ, что онъ одинъ въ благодатной тишинѣ. Сюда не долетаютъ заливыстыя призывы «турецкой оперы» съ отдалённыхъ минаретовъ. Они голосятъ вблизи торговыхъ центровъ, на площадяхъ.

Въ началѣ мая Салабинъ привычно пересекалъ уже знакомый намъ палисадникъ – но остановился какъ вкопанный.

Онъ и преждѣ видѣлъ здѣсь багрянникъ – растущее кустарникомъ дерево, которое сначала цвѣтѣтъ и лишь потомъ выпускаетъ округлые листочки. Вымахивать можетъ выше трёхъ этажей, и когда цвѣтѣтъ – такой «кустъ» во всю улицу, обильно покрытый розово-сиреневымъ цвѣтомъ, безъ листьевъ – кажется чудомъ. Удивительно и то, что его называютъ иудинимъ деревомъ. На какомъ именно деревѣ повѣсилъ предатель, есть разныя версіи, но имя иудина дерева приросло къ багряннику.

Но здѣсь, сегодня, въ этомъ палисадникѣ, необычность этого вида предстала во всѣй наготѣ. Хозяинъ сада спилилъ крону дерева, ему почему-то мѣшавшую, и оставилъ только столбикъ въ пол-

тора метра высотой. Поражённый Салабинь увидѣлъ, что верхушка чѣрнаго пня облѣплена, усыпана, облита, словно кремомъ – гущей ярчайшихъ цвѣтковь. «Никогда бы не подумалъ, что подобное цвѣтѣніе возможно!»

Можетъ, въ самомъ дѣлѣ, предатель выбралъ багрянникъ из-за такой его особенности? На днѣ своего паденія искалъ хотя бы такого-то утѣшенія...

Научное названіе багрянника – церцисъ. Но развѣ дѣло въ этомъ?

Скорѣе, дѣло въ томъ, рѣшилъ Салабинь, что багрянникъ существовалъ и до Иуды съ его предательствомъ, и до самой ботаники, и даже, вѣроятно, до грѣхопаденія Евы и Адама. Весь день Салабинь оставался под впечатлѣніемъ отъ увидѣннаго, но выразить его словами онъ бы не смогъ – какъ и забыть его когда-нибудь потомъ.

* * *

Рабочій день позади, густѣютъ сумерки, Салабинь по кратчайшей прямой – черезъ косогорь – возвращается домой. «Дома» теперь ихъ двое; младшій Лобаченко привѣзъ изъ питерской командировки цѣлое сокровище – выпускника «корабелки» Лёшку Шурикова, принялъ его въ штатъ и подселилъ къ Геннадію: пока Лёшкина жена не закончитъ въ Питерѣ ту же корабелку въ слѣдующемъ году.

Но нѣтъ худа безъ добра: этотъ выходецъ изъ славной, а во время оно – и разбойничьей Казани, оказался такимъ половымъ бандитомъ, что его днями и ночами – особенно ночами – дома не бываетъ. На своёмъ студенческомъ англійскомъ онъ «клеить» турчанокъ въ значныхъ мѣстахъ Константинополя и ночуетъ гдѣ придётся. И быстро освоился въ «Азовѣ»: смекнулъ, что ночной турокъ въ гаражѣ выдаётъ сотрудникамъ ключи безъ согласования съ руководством, и пользуется разгонными тачками по своей неслужебной надобности; незакреплѣнные за родственниками машины всѣ въ гаражѣ – на выборъ. По мосту черезъ Босфоръ – Лёшка въ Европу, а утромъ – обратно на малоазійскій берегъ, чтобъ на работу поспѣть. Бензинъ въ компаніи, изъ-за обилія родни, не контролируется. А питерцы Калашниковъ да Салабинь за баранку не садятся, если надо, ихъ Мехметъ или Бюлентъ свезётъ. Во-первыхъ, они не родственники фирмы; во-вторыхъ, улочки въ Юскюдарѣ – чтó американскія горки; въ-третьихъ, навидались уже оба турецкихъ ДТП.

Появленію Лёхи Шурикова поначалу обрадовался Андрей Николаевичъ, инженеръ-корпусникъ: «Вотъ, ещё одинъ корабель, въ случаѣ чего и меня подмѣнитъ!» А не тутъ-то было! Вскорѣ махнулъ рукой Андрей: нѣтъ, Лёшка – что угодно, только не корпусникъ...

Выйдя на эспланаду, Салабинь не сворачиваетъ, какъ обычно, въ палисадникъ – и домой, а хочетъ пройтись по эспланадѣ при послѣднихъ лучахъ заходящаго солнца. Миновавъ одну изъ «резиденцій», онъ въ свѣтломъ промежуткѣ между тѣнями домовъ видитъ идущую навстрѣчу женскую фигурку.

Стройная, колеблемая словно бы танцемъ солнечныхъ бликовъ, она шла навстрѣчу такъ же неспѣшно, какъ и онъ. Турчанка? Нѣтъ, не турчанка, рѣшилъ Салабинь. Разстояніе между ними сокращалось неотвратно, онъ видѣлъ передъ собой идеаль средиземноморской женской красоты... Итальянка?.. славянка съ береговъ Адриатики?.. гречанка, сицилійка?..

Эти черты затмили бы всѣхъ извѣстныхъ итальянскихъ кинозвѣздъ.

«Если бы я остановился какъ вкопанный – остановилась бы она? А если бы я улыбнулся ей?.. Или сказалъ бы ей что-нибудь, даже по-русски... Она бы сказала на своёмъ языкѣ «не понимаю», и я бы уже зналъ, кто она, откуда она, какъ съ ней заговорить...

Но смогъ ли бы я такъ же безконечно смотрѣть на ея красоту, какъ смотрю на Ирину? Врядъ ли».

Успокойся, Салабинь, хватитъ глупостей въ твоей жизни. Её бы въ Питеръ ты не увѣзъ, стало быть – и глупостямъ конецъ.

Онъ оглянулся: дѣвушку давно поглотили сумерки. Свернула, небось, въ какую-то изъ резиденцій – не въ палисадникъ же, за которымъ фруктовыя лавки да бѣдныя мебелишки, сдаваемые внаёмъ.

Самое романтичное в нелёгкой службе Салабина – ночные посещения судов компании, вставших на рейдовую стоянку в Мраморном море. Пока начало лета, штормов не предвидится, но романтика есть всё равно: в прямом, переносном и в ироническом смысле. Правда, бывает «напряженка», вроде поездки совместно с молодыми людьми из Российского Регистра – по продлению судовых сертификатов. Когда рейдовая стоянка короткая, да ещё ночная, а срок документов истекает, ребятам приходится, хочешь не хочешь, оставлять домашний уют и сон, чтобы трястись на портовском катере битый час, а потом экзаменовать судно, его оборудование, подначивать «назначенное лицо» и ворчать на невознаграждаемые тяготы службы.

Официальное представительство Российского Регистра в Константинополь располагается в Европ на шикарном проспекте и курирует азербайджанских, российских и других судовладельцев, но не «Азов Интернешнл». Флот семьи Лобаченко обеспечивают ребята из «полевого» лагеря в Тузле – это южнее от Юслюдара. Тузлинский пост

развернуть как филиал гамбургского бюро того же Российского Регистра. В такую «дыру» как Тузла стамбульским негоже соваться, а спрос на услуги Регистра, тем не менее, существует. Вот и развернули присланные Гамбургом регистровцы свой модульный офис в двадцатифутовом контейнере с окошками и подобием крылечка.

Но сегодня, то бишь этой ночью, напряженки нет, ночь тиха и будет не предвещает, Салабин идет на борт «Тегусигальпы» (города в Белизе кончились, взяли на учет столицу близлежащего Гондураса) ради галочки, везет новое издание кодекса по спасательным средствам – но и в качестве тягловой силы по погрузке-выгрузке того, что, строго говоря, есть контрабанда: незадекларированные запасные части для главного двигателя (это – судно), и малая толика водки отечественного разлива, ржаного хлеба, бердянских бычков в томате, украинской колбасы и прочего редкого для Турции продукта – береговым страдальцам.

Портовые власти и таможня смотрят сквозь пальцы на безобидную рутину этих русских украинцев, в том числе – смотреть и глазами механика-рулевого на турецком катере. Рулевой имеет свой маленький бакшиш. Власти и таможня имеют свой, соответственно их положению.

Марченко и Волков оставляют свои машины на берегу у «Хайдар-паши», всё спешиваются, и Волков начинает выяснять по телефону, где обрывается заблаговременно заказанный катер. Наконец катер подходит к их стоянке и начинается погрузка: Волков, Кравченко, Салабин. Поднимать на борт «Тегусигальпы» будут уже матросы и мотористы.

В лунном свете добавляет романтики рядом стоя тощих бездомных собак. Днём их никогда не увидишь: они знают, что турки собак не жалуют. Зато кошек – даже любят. Можно где угодно и когда угодно увидеть турка, присевшего на корточки и ласково беседующего с кошкой.

А сотрудникам, посетившим судно ночью, и тем паче – доставившим на кухню «Азова» ожидаемый аппетитный груз, предоставляется право появиться в офисе только к обеду.

Для Кравченко и Волкова – это привычное дело. Но Салабину кажется, что всё они, трое, теперь несут на себе следы лунного света, запах солянки от катера, солёный запах моря и голодные взгляды собак.

Проза

Валерий Старжинский

Валерий Старжинский родился в 1950 году. Окончил с отличием физико-математический факультет Минского педагогического института им. А.М. Горького. Работает в должности профессора кафедры философских учений Белорусского национального технического университета. Является одним из разработчиков концепции проектирования Парка высоких технологий Республики Беларусь, членом экспертного совета Парка. Работа над докторской диссертацией на тему: «Гуманизация инженерного образования» сформировала дивергентное мышление и синтез научной и художественной культур. Разрешение дихотомии «технократизм – гуманизм» стало сверхзадачей для сохранения духовности и гармоничности человека.

На протяжении десяти лет им разрабатывались сценарии серии телепередач на ОНТ в ток-шоу «Выбор» и на СТВ в ток-шоу «Такова судьба» с участием студентов и аспирантов по проблемам противодействия антикультуре и духовной деградации молодежи.

Печатался в журналах: «Польмя», «Белорусская думка», «Наука и инновации», «Адукацыя і выхаванне», периодических изданиях «Беларусь сегодня», «Республика», «Настаў ніцкая газета», «Семь дней» и др. Опубликовано 14 монографий, более 400 статей, в том числе более 30 – на художественно-публицистическую тематику.

УЧИТЕЛЬ

Документальная повесть

Как нет ребенка без родителей, так нет Человека без УЧИТЕЛЯ.

Профессия Учителя божественна. Родитель дает жизнь физическую, Учитель – духовную, социальную. Именно Учитель делает человека Человеком, научает его найти свое место в мире, обрести счастье и смысл жизни.

Война – чудовищное испытание учителя на прочность...

Настоящая повесть посвящена моему отцу – Учителю и воину.

Предисловие. Я родился в школе

По правилам жанра нужно начинать с родового древа, рассказать о своих родителях, дедушках и бабушках, кто они и откуда. И я это непременно сделаю. Но поначалу должен объяснить место своего рождения – школу. Я действительно родился 21 сентября 1950 года в здании семилетней школы в деревне Замошье Слуцкого (ныне Солигорского) района Минской области в семье учителей. Моя мама, Трофимович Анастасия Трофимовна, была учительницей русского языка и литературы. Отец, Старжинский Павел Иванович, преподавал белорусский язык. Родители жили в здании школы вместе с моим старшим братом Николаем (23.12.1949 г.р.), занимали одну из комнат. В отдельном доме, рядом со школой жил директор по фамилии Петруша, бывший морской офицер, участник Великой Отечественной войны, страстный охотник и друг моего отца, партизана и фронтовика. Жена Петруши была медсестрой и именно она приняла роды у моей мамы. Папа пошел регистрировать второго

сына, то есть меня, 16 октября. Как нередко бывает с мужчинами, он забыл точную дату рождения сына. Записали мой день рождения 16 октября – в день регистрации. Имя Валерий было выбрано в честь Валерия Павловича Чкалова.

Жизнь в Замошье была для всех нас самым счастливым временем. Для нас с братом это было золотое детство. У нас была няня – местная девочка, которая закончила семилетку и помогала своим небольшим заработком родителям, которые работали в колхозе за трудодни и денег практически не получали. Время было послевоенное, страна была в разрухе, некоторые люди жили в землянках. Все питались впроголодь. Чтобы поднимать детей, мои родители купили корову, которую звали Ласка. Она паслась прямо на школьном дворе, который представлял собой ковер из разнотравья, основу которого составлял белый клевер. На местном диалекте дикий клевер назывался «мурог». Естественно, на таких кормах Ласка давала три раза в день по ведру молока (около 30 литров). И у нас было молока немерено, а к нему масло и творог. И когда говорили, что катались как сыр в масле, так это про нас. Мама сама пекла чёрный ржаной и белый пшеничный хлеб, поскольку в магазин в Уречье или в местечко Погост ездить было далеко, да и некогда.

Я помню, как мы с братом бегали по школьным коридорам и угадывали, в каком классе работает папа, а за какой дверью скрывается мама. Нянечка как могла пресекала эти игры, но иногда нам удавалось открыть дверь в класс. Дети, увидев голову ребенка в дверях, начинали хихикать, мама оборачивалась и строго пресекала эту игру. На перерыве нянечка получала указание выводить нас на улицу и не мешать педагогическому процессу.

В отличие от учителей, люди в деревне в трудное послевоенное время жили очень голодно. По рассказам мамы, местные деревенские жители по весне собирали перезимовавшую на поле полугнилую картошку для супа и ждали первую крапиву и молодую лебеду. Большая часть жителей представляла собой вдов, которые в одиночку поднимали двух-трёх ребятишек. Иногда ученики во время уроков падали в голодный обморок. Так что война даже через пять-десять лет напоминала о себе своим звериным оскалом и забиралась, как вор, во все закутки человеческого общежития. Даже в школу.

Естественно, что во время войны школа не работала, и часть учеников-переростков не справилась с выпускными экзаменами, которые назначались после каждого класса. Причём экзамены были очень строгими, никаких послаблений и скидок не предоставлялось. Голодные, в большинстве своем страдающие заболеваниями, привлекаемые к хозяйственным работам, дети часто пропускали уроки и становились отстающими учениками. Результат – неудовлетворительные оценки по русскому языку и литературе, а затем предстоящая переэкзаменовка – очень беспокоила как учеников, так и их родителей.

Моя мама целое лето занималась с неуспевающими учениками, чтобы наверстать упущенное по программе. В конце августа на переэкзаменовке все до единого ученика справились с экзаменом и были переведены в следующий класс. За репетиторство денег ей никто не платил, поскольку в то время денег колхозникам не давали, да и мама работала не за деньги. Мне кажется, что и слова такого – репетитор – в обиходе учителей тогда ещё не было. Более того, даже наша замечательная Ласка трудилась над проблемой искоренения безграмотности. Все ученики получали от мамы перед занятиями дополнительный паек в виде стакана молока и краюхи хлеба. За лето дети посвежели лицом, произошло исцеление как физическое, так и «лингвистическое».

Следует сказать, что война и послевоенные испытания не сломили наших замечательных людей – белорусов. Деревенские жители проявляли искреннее уважение к учителю, который был для них в то время «свет в конце тоннеля». Именно с учителями и образованием они связывали надежду на светлое будущее своих детей, а значит, и своё собственное. Как бы это ни звучало высокопарно, но люди из деревенской глубинки были высоконравственными, совестливыми, кристально чистыми, готовыми прийти на помощь друг другу. И это не просто красивые слова.

О состоянии общественного сознания того времени свидетельствует такое «происшествие».

Мой старший брат Николай во время игры с деревенскими мальчишками под названием «Магазин» решил работать по Станиславскому, с его критическим «не верю». Он взял на себя функции режиссёра и заявил всем участникам игры – продавцам и покупателям – мол, надо играть по-настоящему, а не рассчитывать на фантики. Следовательно, нужны настоящие деньги, как у взрослых. Он помчался домой и притащил целую кипу денег, которые мои родители копили

для покупки дома и возвращения обратно в деревню Козловичи, на родину моей мамы. Они до Замошья и работали в Козловичской средней школе. Но война, даже после своей официальной кончины, продолжала калечить и судьбы, и тела, – не только взрослых, но и детей. Но об этом немного позже. Именно в этой школе в 1946 году мои родители встретились, полюбили друг друга и поженились. В Козловичах родился мой старший брат.

Судя по всему, брат был наблюдательным мальчишкой и знал, что папа и мама хранили деньги в шкафу на верхней полке под полотенцами. Фантики были заменены на настоящие деньги, игра получила второе дыхание, всем очень понравилась – особенно постановщику игры. После окончания игры мой брат, для закрепления успеха и поощрения игроков, раздал все деньги участникам и зрителям, заявив, что дома ещё есть пачка денег... Пришло время обеда, все разбежались по домам. Едва переступив порог, Николай с гордостью стал рассказывать о своих новациях, которые он внёс в игру. Дальше была немая сцена, родители переглянулись, мама метнулась к шкафу и ... начались следственные действия. Были выявлены все участники игры и подсчитаны потери. Я могу представить, какие мысли возникали у моих родителей по поводу возможности купить свой дом. А в это время, пока шёл экономический «анализ и аудит», стали приходить деревенские жители и приносить деньги. В течение последующего дня благородные жители Замошья вернули все деньги до последнего рубля.

Лет через пятнадцать после этой истории я, будучи студентом пединститута, приехал домой на выходные. А в это время у нас был гость по фамилии Павлов из деревни Замошье, непосредственный участник тех событий. Он со смехом вспоминал это происшествие с деньгами. А я невольно подумал: если бы это приключение произошло сегодня, смогли бы мы вернуться в Козловичи?..

Итак, как же мы оказались в Замошье? Мою маму сослали, как теперь говорят, в неперспективную деревню (далекую от райцентров) в виде наказания за «подрыв» ученика из её класса. Некто Ж., ученик пятого класса, нашёл ручную трофейную гранату, собрал друзей и решил продемонстрировать навыки бойца Красной Армии. Он выдернул чеку, но гранату бросить не успел. В результате взрыва мальчик едва не погиб. Однако Бог милостив, мальчик остался жив, хотя и сделался инвалидом: потерял глаз и левую руку, друзья отделались лёгкими ранениями. Сразу же после взрыва была назначена прокурорская проверка причин ЧП. Проверку начали с журналов на предмет наличия соответствующих записей о беседах с учениками о запрете всяческих действий с найденными послевоенными боеприпасами. Следовало также объяснять детям, как поступать в подобных случаях. Соответствующие записи были на месте. Компетентные органы вместе с директором также провели опросы учеников, которые подтвердили, что беседы действительно проводились. И это обстоятельство спасло маму от уголовного преследования. Однако наказание все-таки состоялось.

Прошло 5 лет (для меня 4 года) учительства моих родителей в Замошской семилетней школе. По воспоминаниям моей мамы, это были лучшие годы их жизни именно по теплоте и искренности человеческих отношений между учителями и учениками.

Между тем, мои родители не оставляли мечты вернуться на прежнее место работы. Наступило время – и мы купили дом в деревне Ближние Бондари, что в двух километрах от школы, куда и переехали в июле 1954 года. С того времени мои родители возобновили работу в Козловичской средней школе, где проучительствовали до самой пенсии.

ЧАСТЬ 1.

Мой отец – родитель и биологический, и духовный

Итак, моя судьба была предreshена. Впереди была вся жизнь: школа, институт, аспирантура, докторантура... Но главный путь был начертан судьбой – труд на ниве просвещения. Куда ещё я мог пойти работать, если я родился в школе? Кроме того, выбору профессии учителя способствовало ещё одно немаловажное обстоятельство. Когда я закончил начальную школу в деревне Ближние Бондари и пошел учиться в Козловичскую среднюю школу, то вскоре осознал, что большинство учителей – наши родственники... Мои мама и папа, мамы сёстры и их мужья, мои ближайшие родственники – дяди и тётки – все были УЧИТЕЛЯМИ. Наша учительская династия Трофимовичей

(по линии мамы, у которой было 6 сестер) – ДЛИНОЙ 5 ПОКОЛЕНИЙ – НАСЧИТЫВАЕТ БОЛЕЕ 50 УЧИТЕЛЕЙ. ОБЩИЙ СТАЖ РАБОТЫ НАШИХ УЧИТЕЛЕЙ – БОЛЕЕ 1000 ЛЕТ.

Наша учительская династия включает в себя все школьные профессии, начиная с воспитателей в детском саду, библиотекарей, учителей практически всех дисциплин, завучей, директоров средней школы и заканчивая заведующим ГорОНО, кандидатами и докторами наук, профессорами высшей школы. Но главным фактором моей профориентации был мой отец. Именно его жизнь и судьба, особенно военная, фронтовая, казалось, даст мне ответ на вопрос о природе человека и воспитании.

Работая учителем физики в своей родной школе (хотя совсем непродолжительное время), я озабочился вопросом, который не даёт мне покоя до сих пор. Преподавая физику, я даю своим ученикам знания в сфере физико-математических дисциплин или нечто большее, чем знания? Воздействую на становление личности, формирую определенную культуру, мировоззрение, систему ценностей. И когда, и как это происходит? Теперь ответ на этот вопрос понятен, когда процесс усвоения знаний ведёт к развитию души ученика – отношения к труду, другим людям, миру в целом. Более того, разработана методология проектирования развивающей образовательной среды и оценки саморазвития личности. Однако это не философское, а лишь технологическое решение проблемы в рамках педагогической науки в условиях искусственно сконструированной образовательной среды.

С философской позиции смысл воспитания, процесс формирования личности, социально оправданных ценностей человека – тайна глубокая есть. Согласно известному философу, существует две сверхзадачи для человечества: «Звёздное небо над головой», то есть тайна мироздания, природного космоса, и тайна космоса человеческого, смысл которого и состоит в природе воспитания, формирования человека. Смысл самой философии также связан с ответом на вопрос: «Каким надо быть, чтобы быть человеком?». Именно это главное для учителя – воспитать счастливого, гармоничного человека. По-моему, настоящие учителя не только знают секреты воспитания, но и практически его осуществляют, становясь духовными родителями для своих учеников наряду с биологическими. Мне в этом смысле выпал счастливый билет.

После выбора профессии прошло много лет. Я стал учителем, преподавателем философии, и по-прежнему мучаюсь над этой же проблемой воспитания, формирования личности. Хотя теперь акценты этой проблемы несколько другие – личность учителя, его миссия и призвание. Кого можно назвать Учителем с большой буквы? И когда, каким таинственным образом эта самая малая буква «у» превращается в большую? Другая не менее важная проблема – социальная среда, которую нельзя искусственно сконструировать в отличие от образовательно-дидактической. Именно социальная среда, деформированная злом и насилием, становится сильнее всякой педагогики и сама в нее превращается по причине экзистенциального воздействия на человека.

Размышляя над этими проблемами, я пришёл к весьма неожиданным выводам. Неожиданным не для себя, а для официальной педагогики. Если рассматривать проблему воспитания с практико-ориентированной позиции, то становится ясно, что гуманизация образования, снижение требований и забота только о комфорте ученика зачастую приводит к противоположному – деградации его личности. Более того, насилие и страдание, которым он подвергается иногда в реальной жизни, не рассматриваются в педагогике как факторы воспитания. И эта позиция уводит современную педагогику в своеобразную идиллию взаимоотношений учеников и педагогов, обретающихся в тиши кабинетов и уютного комфорта. Смысл такого воспитания «аквариумный», поскольку зло, которое присутствует в реальной жизни, просто не замечается и всячески изгоняется из гуманной педагогики. Несмотря на деструктивную роль «стрелялок-догонялок» современных СМИ и интернета, в педагогике зло не рассматривается как фактор воспитания, педагогика насилия под запретом и всячески осуждается. Более того, педагогу следует защищать воспитанника от страданий. Против этого возражать кощунственно. Но как быть с реальной жизнью... Возьмите хотя бы тот же буллинг, домашнее насилие... Похоже, что одной педагогике с этим не справиться... Как бы мы ни закрывали глаза, добро и зло идут рука об руку и выступают как значительные факторы формирования личности. Особенно в экстремальных ситуациях...

Страдания либо закаляют человеческую душу и делают человека высоконравственным, либо испепеляют её и не оставляют в душе человеческой ничего святого. Почему так происходит? Вот это для меня пока является тайной. И я полагаю, что не только для меня. Но я знаю ответ на вопрос о роли страданий на уровне практической педагогики, так называемых уроков жизни. Как мне кажет-

ся, судьба моего отца даёт возможность понять эти невыносимые проблемы антигуманной педагогики. Мой отец, учитель, попал в мясорубку войны, насилия и страданий. Античеловеческие условия сделали его, рафинированного интеллигента, дворянина по происхождению, ещё более гуманным и милосердным. Как это получается, что зло, насилие порождает добродетель? Как происходит духовное взросление, как рождается настоящий учитель, «гуру», учитель по жизни, Учитель с большой буквы? Именно об этом пойдет речь.

Нельзя расслабляться

Однако прежде чем попроситься с этим милым Замошьем, я должен рассказать ещё об одном курьезном событии, которое произошло с моими дорогими родителями и их друзьями. ...

Прошло 6 или 7 лет после войны, а она, проклятая, никак не хотела уходить из жизни моего отца, да и всех людей вокруг. Когда она полыхала пожарами, взрывами, выстрелами, принося страдания и смерть, – была понятна ее кровожадная сущность, но даже когда наступил мир – почему война продолжает бить, кусать, жалить «изподтишка»? Война даже в мелочах пыталась убедить, что жизнь – не только разноцветная радуга на ярко-голубом небе, но и свинцовые тучи и грозовые разряды молний, и проливной дождь.

Это случилось в последнее воскресенье августа, сразу после удачной переэкзаменовки, которая стала одним из счастливых событий на пути из войны в мирную жизнь. Паша рано утром сел на велосипед и помчался в родную деревню Кутнево, где проживал его отец Иван Петрович и сестра Маня, чтобы проведать и помочь по хозяйству. Домашняя работа, не только для женщины, но для хозяина бесконечна, то есть конца ей не видно. Мой отец поправил обвалившийся плетень, «катухи» для двух свинок, которых завели, чтобы прокормиться, выбросил навоз из-под коровы и распрощался.

По словам супруги Анастасии, дома всё было в порядке и всё хорошо. Однако присмотревшись внимательно, Паша заметил заплаканные глаза жены и стал выяснять, что случилось. Все началось с пустяка. Жена директора школы, медсестра Анна, гуляя по двору, «вляпалась» в прямом смысле. Дело в том, что коровы не только дают молоко, едят травушку-муравушку, но осуществляют процессы, обратные питью и еде. Следует сказать, что Анна была горожанка, моложе супруга лет на десять и согласилась поехать директорствовать в деревню с мужем в виде большого одолжения. Её многое раздражало из сельского быта, особенно туалет на улице. А тут такое... Она пошла к Насте и сказала всё, что она думает по поводу такой жизни и ненормированной работы её якобы подружки-учительницы. Её раздражала не только корова с её непотребствами, но и дети, которые целыми днями сновали по школьному двору и нарушали её внутренний комфорт. Не давали ей принимать солнечные ванны для здоровья и красивого цвета лица. Она решила это прекратить и наставить на путь истинный соседку.

Анна стала выговаривать моей маме за ее якобы ненужную активность и приводила в пример себя. В пять часов амбулатория закрывается, воскресенье – выходной. На что моя мама отвечала, что Анна не понимает сути педагогической работы, что... Последовали новые обвинения. И тут Настя не выдержала, решила ответить ударом на удар, побольнее уколоть, задеть за живое. И надо сказать, ей это блестяще удалось. Она заявила, что Анна не любит детей, поэтому Бог не даёт ей собственного ребенка. Это было уж слишком! Перешли на личности, понесли оскорбления с обеих сторон. Разразился женский скандал, непредсказуемый и беспощадный.

Не успела моя мама со слезами на глазах, вновь переживая полученные обиды и душевную боль, поведать о состоявшейся «битве», как Анна появилась на пороге со свертком в руках. Буквально с порога она заявила, что не хочет с обидчицей иметь никакого дела и возвращает подарок, который ей подарили супруги-обидчики на её день рождения буквально пару дней назад. Паша распахнул дверь, пригласил Анну войти, имея благое намерение примирить враждующие стороны.

Однако не тут-то было. Анна порог не переступила, в дом не вошла и тут же стала Паше изливать свои претензии теперь уже к ним обоим, но прежде всего к Насте. Паша опыта арбитра в таких баталиях не имел и наивно вознамерился разрулить женский скандал. Вначале он стал уговаривать, призывал успокоиться, одуматься, пытался всё превратить в шутку. Анна ехидно улыбалась и ждала,

по-видимому, оправдания своей позиции. Но когда Паша попытался объяснить законное право своей коровы существовать в этом дворе, а детей – получать консультации, то Анна применила главное оружие – она зловеще выдала фразу, от которой всем стало не по себе: «А ты, враг народа, непонятно как избежавший законного наказания, помалкивай. Если не хочешь опять оказаться в тюрьме». Затем гордо, не побеждённая, удалилась.

Паша остолбенел от удара, Настя не меньше супруга была ошарашена. Удар был настолько сильный и несправедливый, жестокий и подлый, – как удар в спину от друга, – что Паша замолк на полуслове, махнул рукой и вышел на крыльцо. Затем он вернулся в дом, взял папиросы «Беломорканал» и в полном смятении духа пошёл куда глаза глядят. Ну и собака женского рода эта Аська. Разве можно так подличать... Она упрекает меня в том, что я во время войны с фашистами, защищая и ее, чуть не утонул в этой дурацкой реке Нейсе, чуть не был добит фашистом из автомата, чуть не отдал Богу душу в концлагере, чуть... Все эти превратности судьбы она мне вменяет в вину. Мол, сам виноват. Никто не требует сочувствия и сострадания, но обвинять в измене Родине, делать врагом народа... Это уж слишком.

Получается, с её иезуитской логикой, что он же и виноват во всех бедах и несчастьях, да и ещё неизвестно, как выпутался из серьёзных обвинений. Ну и с–ка! А этот морячок тоже хорош. Зачем пересказывать этой лахудре наши боевые байки, которые поведали друг другу за рюмкой чая. Более правильно сказать, плёл байки Петруша. В его рассказе было много нестыковок. Он так и не объяснил, что его заставило скоропалительно уехать из Ленинграда учительствовать на свою малую родину. Паша по своей простоте душевной и искренности настоящей мужской дружбы поведал, как он встретил окончание войны. И после всего произошедшего он понял, что больше об этом никто и никогда не услышит.

Прошло много лет, появился рассказ М. Шолохова, а затем вышел фильм «Судьба человека». Плен перестал быть позором, а пленные – предателями родины. Мой отец, Павел Иванович, пытаясь придать этому событию характер не очень весёлого приключения, поведал о своём «лечебном голодании» в немецком плену. Но вначале требуется объяснить, кто же он – мой отец, изложить его биографию.

Мой отец, Старжинский Павел Иванович, родился 1 октября 1921 года в деревне Кутнево Слуцкого (ныне Солигорского) р-на Минской области БССР.

Его отец Старжинский Иван Петрович (1883 – 1955 гг.) был родом из обедневшей шляхты, или однодворцев. Мать – Мария Фоминична Старжинская (Арестович) (1883 – 1923 гг.) также была шляхетского рода. Его старший брат Михаил (1904 – 1920 гг.) умер в юном возрасте. Когда отцу исполнилось 3 года, умерла его мама, поднимала своего брата, заменила маму ему родная сестра Старжинская Мария Ивановна (18.02.1911 – 10.05.1998 гг.). После окончания Погостской средней школы мой отец поступил в Рогачевский учительский институт, где получил профессию учителя русского и белорусского языка и литературы. По направлению год до войны проработал учителем в семилетней школе в дер. Сковшин Старобинского района. Во время Великой Отечественной войны воевал с фашистами в составе партизанского отряда им. Александра Невского, бригады

№ 25 им. Пономаренко, действовавшей на территории Любанского района Минской области, в составе разведгруппы с 23 августа 1943 года по июль 1944 года. Партизанский отряд им. Александра Невского дислоцировался среди болот, в непроходимых для врага местах. Там находились и сражались с фашистами белорусские партизаны – подлинные патриоты и защитники своей Родины. На любанщине была партизанская зона, где не ступала нога фашистского агрессора, висели советские вывески, действовала Советская власть. После освобождения Белоруссии отец добровольно (имел бронь как учитель) пошёл на фронт. В рядах Красной Армии принимал участие в боевых действиях. Воевал на фронтах в составе 96 стрелковой дивизии, освобождал Восточную Пруссию. Во время боя, при форсировании на подручных средствах рек Одера и Нейсе был контужен и попал в плен. Через месяц пленения освобождён войсками союзников и после отказа ехать на работы в США передан в фильтрационный лагерь. После проверки советской контрразведкой был направлен для продолжения службы в фронтowej артиллерийский склад № 3740 в одном из городов поверженной Германии. Награждён боевыми орденами и медалями. Уволен в запас 19.05.1946 года. С сентября 1946 года был направлен на работу в Козловичскую среднюю школу, где проработал до 1982 года.

С 1964 по 1966 года учился на заочном отделении филфака Минского педагогического института имени М. Горького. Учительский стаж Старжинского Павла Ивановича составляет 37 лет. Такова краткая биография.

ЧАСТЬ 2.

Малая Родина. Деревня Кутнево

Как утверждает Е. Король¹, научный сотрудник ГУК «Солигорский краеведческий музей», территория нашего края входила в Слуцкий уезд в составе Вызненской, Старобинской и Погостской волостей. По состоянию на 1 января 1870 года на территории современного Солигорского района было 55 населенных пунктов, а население составляло порядка 30 тысяч человек. Основной массой населения были семьи крестьян-собственников, государственные же крестьяне проживали в деревнях Поповцы, Морочь, Ананчицы, Красное Озеро. Деревня Кутнево полностью состояла из семей обедневшей шляхты или однодворцев. Кроме того, однодворцы встречались в местечке Погост, в деревнях Зажевичи, Краснодворцы, Терушки, Тесово.

Деревня Кутнево отличалась от других поселений не только своим шляхетским (шляхта – обедневшие дворяне) составом, но и своей особой, я бы сказал, высокой культурой. Они практически не применяли в своей речи ненормативную лексику, не употребляли без меры спиртные напитки. Это зачастую сопровождалось в других деревнях насмешками «вы пьёте как кутнёвские – сотку на семерых». В этой шляхетской деревне парни женились только на ровне – невестах из шляхетского рода. Мой дед не был исключением и выбрал невесту Марию Фоминичну Арестович (1883 – 1923 гг.) из дер. Малая Сливка Слуцкого района, в которой тоже жила (и живёт) шляхта. В этих деревнях сохранился частично польский говор, например, усадьба называлась «седас», они применяли такие слова как «цимус», «застенок», «клек» и др.

Однажды в Государственном историческом архиве РБ мне на глаза попало «Дело о дворянском происхождении рода Старжинских». При изучении этого дела я нашёл записи Погостской церкви о рождении Петра, моего прадеда – отца моего деда Ивана Петровича. Так удалось восстановить наш дворянский род Старжинских до 13 поколения. Об этом можно прочитать подробнее в интернете «Как стать дворянином».

Однако вернёмся в Кутнево. Говорят, что эта деревня – одна из старейших в Слуцком уезде, ей насчитывается более пятисот лет. О ней существует отдельное исследование, которое, к сожалению, найти не удалось. Интересно также её географическое местоположение. Деревня Кутнево находится в двух километрах от местечка Погост по дороге на Любань. Расположена она в своеобразном природном закутке, так что её не видно с большака (так называлась в то время дорога), поскольку находится за невысокой горкой, поросшей тогда невысокими берёзками, а в настоящее время это уже берёзовая роща. Кажется, про нашу малую Родину написал поэт: «Мой родны кут, як ты мне мілы, забыць цябе не маю сілы». Дома находились на этой улице в то время только с противоположной стороны от горки, которая представляла главную достопримечательность и главную детскую площадку. (Замечу с горечью, что в настоящее время традиция односторонней застройки нарушена). Санки для скатывания с горы мастерили большие (по сравнению с нынешними), по аналогии с розвальнями для взрослых. На них помещалось 7-8 ребятишек, неслись эти минирозвальни с большой скоростью и сопровождалась криками и смехом счастливых ребятишек. Отец мастерил и коньки из дерева с металлическими полозьями из проволоки, коньки крепились при помощи кожаных ремешков на лапти, которые носило большинство и взрослых, и детей.

Уроки воспитания. Урок 1. Нравственный смысл потерь и обретений

Однажды зимой, в возрасте 6-7 лет Паша, как называли его отец и сестра, катался с горы с друзьями и, в частности, со своим другом Анатолием Рунцевичем, который был на год моложе его. После покатушек пошли к Анатолию домой пить молоко с булками, которые испекла его мама и позвала перекусить. Возвращаясь домой, – а друзья жили по соседству, – Паша заметил сверток, лежавший

¹ <https://www.lider-press.by/novosti/istoricheskaya-stranichka/927-istoriya-soligorskogo-kрая>

на дороге, еле заметный в снегу. Развернув платочек, Паша не поверил своим глазам – в свертке были деньги, много денег. Ну вот, наконец-то можно будет купить настоящие коньки, одежду в школу и ... Паша на крыльях летел домой, поделиться находкой с отцом и сестрой.

Иван Петрович осмотрел сверток, пересчитал деньги и вынес решение: коньки купим к следующей зиме, эта уже на исходе; обновку к школе справим за свои деньги, на следующие выходные поедем в Погост на базар; а найденные деньги следует отдать женщине, которая продала корову и, возвращаясь домой с базара, их нечаянно потеряла. Кстати сказать, в 1930 году корова стоила 30–50 руб., а средняя зарплата составляла около 65 руб.¹. В свертке и было 40 рублей, что дало возможность Ивану Петровичу проявить способности Шерлока Холмса и восстановить картину происходящего. На вопрос сына, а почему именно женщина уронила сверток, отец ответил, что муж управлялся с лошадьё, был возницей, а жена, как хранительница очага, выступала в качестве инкассатора. Дальше было сказано: «Одевайся и пошли встречать Машу-растеряшу, чтобы вернуть деньги».

Не успел Паша с отцом выйти на улицу, как они услышали причитания и плач женщины, которая искала потерю и взывала к совести людей: «Люди добрые, кто нашёл, отдайте, Христа ради, хоть часть денег! Кормилицу продали, детей малых четверо, пропадём... Не дайте умереть!». Она шла по улице, причитала и голосила, как во время похорон. Паша стоял с протянутой рукой, в которой был не просто сверток с деньгами, он держал в руках утерянное счастье и надежду, что горе не вечно длится и скоро сменится радостью. Осознал он это, правда, намного позже, когда мучился от бессонницы, от неизвестности, от страха возможного расстрела, от тихой надежды на хороший исход, лежа на нарах в немецкой тюрьме в Погосте, обвиняемый в убийстве. А сейчас Пашу поразила метаморфоза, произошедшая с её лицом, полным вселенского горя и отчаяния. Поравнявшись с мальчиком и его отцом, женщина внезапно замолкла. Наступила звенящая тишина. И вдруг как будто кто-то ударил её в самое сердце. Со слезами радости и умиления она бросилась на колени перед Иваном Петровичем и стала обнимать и целовать ему ноги, схватила за руку и стала прижимать к сердцу. Затем обратила взор на малыша и опять зашла в причитаниях: «Господи, дай этим людям добра, счастья и здоровья. Дай Бог тебе, хлопчик, долгой, долгой жизни, пусть никакая хворь тебя не затронет, пусть все напасти тебя минуют». Она что-то ещё хотела сказать, но рыдания заглушили все слова, слезы радости, избавления от страданий, счастье обретённой надежды были сильнее слов.

Ехавший позади на санях возница, её муж, не выдержал и закричал: «Ну хватит, Маня! Всё уже кончилось. Дай хлопчику подарок и поехали». Мария выпрямилась, дрожащими руками развязала узелок и дала ему 1 рубль, потом опять стала на колени перед ними и опять целовала руки.

Паша ночью не мог долго уснуть, перед ним сияли в темноте глаза ошарашенной им Марии, полные слез радости, умиления и не погасшего еще страдания. Затем он провалился в сладкий, глубокий детский сон. Сон был недолгим, но он запомнил его на всю жизнь. Женщина, которая потеряла деньги, а потом их нашла, оказалась похожей на Деву Марию, которую он видел на иконе в Погостской церкви, где был с отцом на пасхальном богослужении. Ему казалось, что похожей она стала немножко на его маму, когда увидела его с протянутым узелком. Её лицо одновременно светилось от счастья и было подернуто дымкой великой скорби. Она хотела его взять на руки как младенца на иконе, а он сопротивлялся. Он тихо лежал без сна и думал: «Зачем она хотела меня взять на руки, она ведь не моя мама. Ведь моя мама вознеслась на небо. Неужели это была она?».

Наконец он уснул опять, и теперь вместо благостных видений начались кошмары. Он сомневался в том, что они правильно сделали, что вернули утерянное. Теперь стало два Паши. Один утверждал, что не надо присваивать чужое, нельзя причинять страдания другим людям. Другой тихонько возражал: «А если бы женщина не появилась, то не нужно было бы возвращать деньги. Вот тогда бы мы разбогатели».

Наутро он поделился этой мыслью с отцом и получил ответ. Если бы Маня не нашла нас, то мы бы сами пошли её искать. И тут Паша понял раз и навсегда. Нельзя приносить страдания людям никаким образом, даже если не ты источник их страданий. И после этого ему стало радостно на душе, неразрешимая для него дилемма разрешилась тихим счастьем. Ну а венцом счастья стали настоящие, металлические коньки, на которых он катался уже этой зимой.

¹ <https://www.proza.ru/2002/08/25-40>

Сон про Маню, которая была очень похожа на маму и одновременно на Деву Марию, он не стал пересказывать папе, поскольку не хотел его омрачать. Всякий раз, когда он спрашивал про свою маму, отец тускнел и словно собирался заплакать, как маленький мальчик. И Паше было жалко папу. Также он не хотел быть ябедой, и не хотел жаловаться на больших мальчишек с соседней улицы, которые его задирали, кричали «Рыжий!». Не всегда ему хватало места на санях – розвальнях при покатушках с горы. Единственный и настоящий друг Толян всегда за него заступался и приходил на помощь.

Надо сказать, что Паша был невысокий и худенький, конопатый мальчик. Он пошёл в свою маму и был шатеном, в отличие от отца, похожего на цыгана – чёрного как смоль и кудрявого. Вскоре после случая с деньгами отцу стало известно об уличных проблемах сына, довольно тщедушного мальчика, которому уже исполнилось 5 лет. Иван Петрович стал закалять пацана и приучать к различным физическим упражнениям, помимо посильной домашней работы. Однажды, в классе пятом он и его друг Толян построили турник на седасе у Паши. Нашли пару железяк, которые таскали наперегонки, кто больше выжмет. Дошли до настоящих силовых упражнений, работая с металлической осью от телеги. Два друга постепенно превращались в афинских гладиаторов. По силе рук, жимам и другим физическим показателям им не было равных не только в деревне, но и в районе. Об этом говорили результаты различных соревнований ОСОВИАХИМА, ГТО, ВОРОШИЛОВСКИЙ СТРЕЛОК и др. И это обстоятельство – крепкое телосложение, накачанные мышцы – имело далеко идущие, судьбоносные последствия для обоих. Что касается Паши, то это наверняка.

Урок 2. Справедливость и милосердие

С тех пор прошло около семи лет. Иван Петрович по-прежнему считал большевиков хриstopродавцами, в колхоз идти не хотел, а, чтобы не подвергаться репрессиям и иметь постоянный заработок, устроился на работу в Погостскую хлебопекарню развозить по деревням и продавать хлеб. У них в семье была корова, а также лошадь и голубой фургончик для развозки хлеба с навесом для возницы. Естественно, что для домашней живности нужно было заготавливать на зиму много сена. Сено заготавливали в 25 км на болоте в Старобинском районе. Именно там, на сенокосе и произошло второе происшествие, имевшее колоссальный воспитательный эффект.

Однако коснёмся большевистской идеологии и домашнего идеологического воспитания. Отношение Ивана Петровича к Советской власти, которую установили большевики, было отрицательным. К 30-му году в Беларуси была в основном завершена коллективизация, которая осуществлялась при помощи жесточайшего насилия: реквизиции, аресты, высылки. Руководили всем этим беззаконием на местах комбеды (комитеты бедноты), в состав которых наряду с настоящими коммунистами входили лодыри и бездельники. По меткому выражению Ивана Петровича – «пустодомки». И ещё, Иван Петрович был очень набожным человеком, соблюдал все посты, ходил в церковь, не садился за трапезу, не помолившись. И несмотря на это, он не был фанатичным христианином. Когда пришло время поступать Паше в пионеры, а затем в комсомол, его отец этому не препятствовал. Напутствовал, чтобы помнил христианские заповеди и всегда поступал в соответствии с совестью.

Пионеры и комсомольцы были оптимистами. Они строили новый мир – мир справедливости и равноправия.

«Нам десять лет Америку догнать и перегнать,
Давайте, пионерия, уверенней шагать»

А теперь заглянем к старобинским заготовителям на сенокос. Выезжали всей семьёй, на две – три недели. Надо было не просто накосить травы, слегка подвялить, а затем вытащить её на двух жердях-«носилках» на грудок – высокое место, высушить и сметать в стога, чтобы зимой по замерзшему вывезти. Сена надо было заготовить пудов 200. Заранее готовились к сенокосной страде. Сестра Мария готовила сало, хлеб, картошку и другую снедь. Иван Петрович готовил транспорт, а главное, косу – основное средство производства. Косу следовало правильно отбить – отклепать «правильным» (без зазубрин и вмятин на рабочей поверхности)

молотком на специальном приспособлении – «бабке», затем наточить при помощи «менташки», специального наждачного камня на длинной ручке. Следовало также изготовить «косильно», на которое крепится коса, установить косу под определенным углом, для того чтобы она хорошо косила траву. Говоря техническим языком, главное было настроить косу, установить правильный угол атаки.

На этот сенокос ехали с обновкой. Иван Петрович купил новую косу в Погостском сельпо, и сделал к ней новое косильно, а старую оставили дома за ненадобностью, так как она из-за долгого использования и заточек сильно исхудала и значительно уступала своей молодой конкурентке. Выехали рано, около 5 утра, в дороге были немного больше 5 часов, лошадь была своя и бегом её гонять жалко. Пока готовили будан – шалаш из ольховых веток, травяную подстилку, – наступило время обеда, затем прилегли отдохнуть. Паша попросил у отца урок косьбы – коса не слушалась, то оставляла не скошенные проплешины, то зарывалась в землю. Постепенно дело налаживалась, однако отцу было жалко новую косу и решили, что продолжение обучения продолжится на старой косе, а сейчас Пашу будут использовать на подсобных работах – в качестве носильщика. Паша поставил косу за буданом и пошёл искать своего друга Анатолия. Кстати, на заготовку сена приехало полдеревни – все, у кого были коровы и кони.

Встали с первыми лучами солнца около пяти утра, наскоро позавтракали и решили идти на место косьбы, однако... коса пропала. Паша клялся головой, что он её не бросил на болоте, а принёс, обтёр травой жало косы и положил за буданом. Поиски не увенчались успехом. Постепенно пришло осознание, что косу стащили. Иван Петрович пошёл за лошадью, которая стреноженная паслась на сенокосе, чтобы ехать домой за старой косой. Пока собирали ссобойку и готовили лошадь к верховой езде (телегу запрягать не было надобности), примчался возбуждённый Паша и закричал, что не надо никуда ехать, что он нашёл косу – её косит Прасковья, женщина с соседней улицы. Иван Петрович ему возражал и преподавал урок не только ему, но, как оказалось, впоследствии и мне. Надо ехать за старой косой непременно. Поскольку Параска вдова и у неё трое детей, то кто ей купит и настроит косу? Поэтому женщину надо простить и помочь. Тем более, наша коса как бритва, ей будет легко управляться с этим нелёгким делом. Поздним вечером Иван Петрович возвратился со старой надёжной косой.

Прошло немало лет с той поры. Я рассказал эту историю своим студентам и спросил: «А вы как бы поступили?» Все ответили – по справедливости. Раз коса принадлежала нам, то и вернуть её надо законному владельцу. И ни один из них не понял, что милосердие и добродетель выше справедливости. Я безуспешно пытался им объяснить основу нашей христианской морали и менталитет нашей загадочной славянской души. Во всяком случае, мне так казалось, что безуспешно. Теперь я изменил свое мнение в лучшую сторону. И этому несколько причин.

Мой отец рассказывал о том, с какой ненавистью они били фашистского зверя. И самое удивительное состояло в том, что желание справедливого возмездия стало исчезать по мере продвижения вглубь территории агрессора. Желание отомстить за смерть друзей-фронтовиков, партизан, женщин, стариков и детей, за скотское человеконенавистническое отношение к нашим военнопленным, за отношение к славянам как унтерменшам – недочеловекам, за фабрики смерти... постепенно исчезало. И это было связано с прикосновением к душам гражданских людей, пониманием того, что нельзя уподобляться «насильникам, грабителям, мучителям...». Священная война предполагает милосердие к побеждённым, особенно гражданскому населению. Всякое искушение отомстить испарялось во всякой истинно Христианской душе, когда воин-освободитель видел испуганные глаза немецких женщин стариков и детей. Они же не были виноваты и не могли нести ответственность за те злодеяния, которые творили фашисты. Первыми преодолели искушение грехом мщения наши Солдаты. Именно советский воин ПРОСТИЛ вначале гражданское население, а затем всех немцев... А можно было превратить Германию в выжженное поле, чтобы фашизм никогда не возродился. Оценила ли просвещённая Европа благородство человеческого духа славян и сделала ли выводы? Вопросы остаются без ответов. Вернее, ответ, скорее, отрицательный. Я до сих пор не могу ответить на вопрос: добро должно быть с кулаками?

ЧАСТЬ 3.

Воспитание по-настоящему или игры со смертью

Я не думаю, что есть люди, которые не боятся смерти. Даже маленькие дети в случае небольшой ранки и вида крови начинают орать как резаные. Так случилось с моим племянником Димой. На вопрос «Чего ты так вопишь? Что, сильно болит?» он ответил, что не очень. А вопит он оттого, что вся кровь из него вытечет и он может умереть. Взрослые, понятное дело, понимают смертельную опасность. Но когда смерть смотрит в глаза пристально и неоднократно, каким она делает человека? Таким, каков был мой отец – бесстрашным, знающим цену жизни и смерти, настоящим Христианином.

Урок № 1. Прелюдия. Первая встреча со смертью

Лет двадцать пять назад мой шурин Николай Иванович купил седас (земельный участок в 30 соток) в деревне Кутнево, чтобы построить дачу. На участке все постройки сгорели, даже садовых деревьев не осталось, только полуразрушенный погреб. Во время оформления документов он не удержался и для наведения пушного контакта заявил, что его тесть родом из Кутнева. Продавец участка после того как узнала фамилию, заявила, что продавать участок зятю Старжинского П.И. не будет, поскольку он очень плохой человек. Все оторопели от такого поворота событий и попросили её объяснить причину отказа. И вот что она поведала.

Летом 1942 года на этом седасе произошло убийство её тети. Сестра Павла Ивановича Мария ударом лопаты по голове убила сестру хозяйки седаса. Разумеется, что это убийство было непреднамеренное. Началось со спора о том, что немцы якобы наведут порядок и жить будем хорошо. Хозяйка осуждала людей, которые ушли в партизаны и организовали сопротивление фашистам. Мария Ивановна умела постоять за себя и за Родину, за словом в карман не лезла, свара переросла в потасовку с тасканием за волосы друг друга. Хозяйка имела преимущество в весе, кроме того, Мария Ивановна была криворукая: то ли от рождения, то ли от болезни у нее левая рука усохла и была практически без мышц. Кстати, это не помешало ей впоследствии стать стахановкой, так как она была очень «увишная». В работе с ней никто сравниться не мог. За эту одержимость работой ей дали кличку «Маня-вертолет». Драка закончилась тем, что поверженная на землю Мария изловчилась, выскользнула из-под обидчицы, схватила лопату, стоявшую возле забора и ударила её по голове.

Рана оказалась смертельной. После заявления о случившемся в немецкую управу, которая находилась в Погосте, приехали полицаи для ареста Марии и препровождения её в тюрьму. Иван Петрович утвердил на семейном совете предложение Паши взять на себя убийство. Пока собирали узелок с бельем, краюху хлеба и небольшой шматок сала, сестра не выдержала и зарыдала в голос. Она смотрела на брата таким взглядом, что выдержать его было невозможно. Её губы шептали беззвучно: «А может, я пойду? Это же я преступница». Паша читал в её глазах мольбу, раскаяние, страдание за себя и невинного брата. Завязав узелок, он, глядя прямо в полные слез глаза Марии, решительно повертел туда-сюда головой. И она поняла его без слов, что решение окончательное и пересмотру не подлежит. И рыдания её стали сильнее. И это стало невыносимо. Паша быстро подошёл, обнял отца, затем Марию. С силой разорвал объятия и решительно вышел на улицу, где его поджидала арестантская телега. Полицаи-конвоиры следом вышли из хаты. Все погрузились в возок и Паша добровольно направился в тюрьму. Разве мог он знать, что это первое его заточение будет далеко не последним? И каждое последующее его попадание в неволю будет всё безжалостнее и жесточеннее испытывать его на прочность, угрожая его лишить жизни. Началось расследование, всплыли неприемлемые с точки зрения немцев факты и идеологическая причина конфликта. Паше грозила смертная казнь.

Лёжа на нарах в немецкой тюрьме, Паша заметил, что с ним происходит что-то неладное. Он не мог спать и просыпался от одного и того же видения. Перед ним как живой представлял образ сестры Мани – мамы Марии Фоминичны, Девы Марии. Он не мог понять, как три женщины воплощаются в одном образе. А затем появилась еще одна Мария-страдалица, обретшая счастье. Паше казалось, что он сходит с ума. Страх смерти порождал видения и он не мог с этим справиться. Эта обобщённая, каждый раз меняющая свой облик Мария хотела прийти ему на помощь, подсказать, а он безумно

сопротивлялся. Последний сон был связан с его детством. Мария опять протягивала ему знакомый свёрток со словами: «Не упрямься, возьми это. Так ты найдёшь своё спасение». После этого видения исчезли, и он поверил, что останется жить. Он был уверен в этом. И тихо радовался предстоящей свободе.

А в это время знакомый Ивана Петровича, который служил в немецкой управе, подсказал решение проблемы: надо дать взятку начальнику полиции. Иван Петрович достал из тайника в доме под балкой свои сбережения, 20 золотых червонцев. Отложил два, – по одному сыну и дочери, и спрятал обратно в тайник. На остальные выкупил сына от неминуемой казни. Сестра Мария Ивановна вспомнила про червонцы значительно позже, когда на седесе уже не было их родной хаты, она сгорела при пожаре. Вскоре Паша, очутившись на свободе, ушёл в партизаны воевать с фашистами.

А что с участком? Участок купили, и Николай Иванович построил чудесную дачу. Племянницу убиенной хозяйки удалось убедить, что Павел Иванович не виновен. Все это Николай Иванович долго держал в секрете и только после смерти Марии Ивановны он поведал нам эту историю. Стало понятно, почему Мария Ивановна никогда не соглашалась поехать в Кутнево на дачу.

Урок № 2. Вторая встреча со смертью

В этой истории те же главные действующие лица и исполнители. Мой отец был заместителем командира разведгруппы в партизанском отряде. А командиром был Павелко, судя по имени, украинец. Совместные рейды в тылу врага сблизили, два Паши стали неразлучными друзьями. Однажды во время рейда они пошли в деревню Застаринье (точное название не помню) за провиантом и тёплыми вещами. Добрые люди сами делились с партизанами последним, чем могли, помогали. Они понимали, что значит зимовать в лесу, подвергаясь смертельной опасности. Часть населения неприязненно относилась к партизанским поборам. Несколько человек были связными с партизанским отрядом и заранее собирали ценные разведанные и материальную помощь. В деревнях были и предатели, завербованные немцами.

К сожалению, последняя вылазка оказалось неудачной – ни тёплых вещей, ни провианта не было. Связная подсказала, что в соседней деревне живёт Марфа, у которой есть всё, но она делиться не будет, т.к. в каком-то партизанском отряде (в Любанском районе было несколько отрядов) находится её брат и занимает начальствующий пост.

Марфа встретила не просто враждебно, она сразу стала угрожать неминуемыми последствиями и «посадила на коня» Павелко. Он снял с шеи автомат и тихо произнес сквозь зубы: «Если всё не принесёшь, не увяжешь в клунки, то мы тебя тут же и уложим в этой хате. И пожаловаться ты никому уже не сможешь. Так что давай пошевеливайся!». Она поняла интуитивно, что партизан не шутит и быстро выполнила все, что от неё требовали.

Со зла, не от жадности, реквизировали все сало, хлеб и тёплые вещи (кожухи, валенки, само-тканые одеяла). До расположения отряда было километров тридцать, донести весь скарб было нереально. Решили часть вещей оставить у Паши дома до следующей okazji. Марии Ивановне строго приказали всё завернуть в рогожу и спрятать в сарае под навозом, который даже зимой в сарае не замерзает. Ни в коем случае не прятать в снегу, так как такой тайник легко обнаружить. Мария Ивановна послушалась и всё оставила дома.

Тем временем ограбленная пожаловалась брату, который действительно был заместителем командира соседнего партизанского отряда. Началась проверка, у Марии Ивановны в доме нашли тёплые вещи и доставили в отряд. За мародерство и ограбление мирного населения – расстрел. В это время уже была налажена связь с Москвой, в отрядах появились комиссары, навели армейскую дисциплину. Буквально через несколько дней после «ограбления» и Пашу, и Павелко арестовали и поместили в штрафной изолятор – специальную землянку, охраняемую часовым. Землянка не отапливалась и спали заячьим сном. Поняв, что влипли по-настоящему, подбадривали друг друга куражом. И опять Паше снилась Дева Мария – мама – Маня, и просила не волноваться, убеждала, что поможет спастись, но пока не знает как.

Два Паши, когда сидели в тюрьме, не очень верили в плохой исход и даже бравировали своим «подвигом», мол, у нас неприкасаемых нет, не надо быть жлобом и прочее. Когда же часовой тихо проинформировал, что дело пахнет «керосином», хлопцы сникли. Прискакал брат ограбленной –

замкомандира соседнего отряда, и уже час из командирской землянки доносился крик двух начальников. Паша понял: решается судьба...

Арестованных вывели из землянки-тюрьмы, поставили перед расстрельной командой и огласили результаты следствия и решение суда. Приговор был коротким и состоял из двух пунктов: 1. За мародерство мирного населения, проявившееся в отношении гражданки... 2. За укрывательство части реквизированного в целях личного обогащения в условиях военного времени, партизана ФИО приговорить к расстрелу. Приговор привести в исполнение немедленно. Командир партизанского отряда имени А. Невского бригады № 25 Пономаренко Г.И. Плышевский. Послышалась команда «Цельсь!». Отделение охраны вскинуло автоматы.

Наступила смертельная тишина. Все понимали, что есть ещё и смягчающие обстоятельства – родственные связи и статус неприкасаемой. Будут ли они учтены при вынесении приговора? Не об этом ли разговаривали на повышенных тонах в командирской землянке? Команды «пли» не было. Затем из командирской землянки вышел комиссар и огласил приказ, согласно которому штрафникам необходимо искупить свою вину кровью. Через несколько дней смертники будут идти первыми без оружия, снимать часовых и добывать оружие в бою. Справятся с заданием – останутся в живых (разумеется, если выживут в бою). Справились, выжили...

Когда-то я спрашивал отца, что он чувствовал перед расстрелом. Он отшучивался: «Разве можно передать чувства? Попробуй – узнаешь... А если серьёзно, то всегда одно и то же. Время останавливается, наступает ступор и раздвоение сознания. Начинаешь видеть себя со стороны и оценивать жизнь в целом. Оценки тоже одни и те же. Ну почему так глупо и быстро всё заканчивается? В общем, становишься философом». Я вскинул на него удивленные глаза. И, не дожидаясь вопроса, он пояснил: «Ты ведь сам своей Катюше (моей младшей дочери, – прим. авт.) несколько раз талдычил про рефлексию как главный признак философии, консультируя её к экзамену».

Вспоминая этот случай, я однажды додумался до совсем уж крамольной мысли с позиций материалистической науки, которую имею честь представлять. Неужели эти смертельные риски во время войны и непосредственные свидания со смертью, которые я подробно излагаю, зафиксировались в духовном опыте моего отца настолько, что превратились в экзистенциальные детерминанты? Закрепились так прочно в его сознании, что могли быть транслированы последующему поколению (то есть мне) подобно генетическому наследованию. Я начинал постигать, чувствовать законы судьбы. Вот почему меня, Ленинского стипендиата, отличника «боевой и политической подготовки», выпускника физико-математического факультета так безудержно, как самоубийцу к пропасти, тянуло в философию. Все обстоятельства были против этой затеи, стать профессиональным философом: отсутствие разрешения поступать в аспирантуру чужого вуза, отсутствие партийной принадлежности, первая и последняя тройка по специальности на вступительном экзамене. Ничто не могло остановить меня на пути к цели. Но эта и подобные ей мысли появились значительно позже.

А в тот момент осмысления факта несостоявшегося расстрела за мародерство я бесцеремонно попытался заглянуть в душу своего отца. И задал ему ещё один вопрос: «А тяжело убить человека?». Он помолчал и ответил: «Не человека, а врага. Но тяжело... всегда тяжело. Особенно в первый раз. Содрогаешься от мысли, что ничего нельзя повернуть назад. Кто ты, что распоряжаешься чужой жизнью? Ни жизнь (в смысле рождения), ни смерть человека ему не принадлежат. Ровно как не принадлежат какому-либо другому. И в этом смысле война, как способ убийства людей, расчеловечивает человека. С технической точки зрения легче всего убить, нажимая на курок».

«А вообще, Леля (он так меня называл вслед за моей младшей сестрой Тamarой, когда та училась говорить трудно произносимое имя Валерий.), давай договоримся раз и навсегда: ты ни мне, ни кому бы то ни было никогда таких вопросов не задавай». И по тону, и по потускневшему выражению глаз я понял глубину своей глупости и бестактности. Для него, профессионального учителя, призванного «сеять разумное, доброе, вечное», возвращать жизнь, молодое поколение, необходимость становиться профессиональным воином было невероятным насилием над его духом. Это было для него противоестественным состоянием. Духовными помыслами и устремлениями учителя-воина, неоднократно побеждавшего смерть, убиение даже противника было античеловеческим деянием. Его натура, его славянский дух не мог, не хотел, всячески протестовал против насилия и смерти.

Урок № 3. Третья встреча со смертью

Когда я еду в Кутнево, всегда проезжаю мимо указателя на деревню Гуляево. Эта деревня названа в честь Героя Советского Союза, командира партизанского отряда Гуляева Дмитрия Тимофеевича, который погиб в бою с немцами и полициями в этой деревне. В этой деревне жила связная партизанского отряда, родственница заместителя командира. Время от времени партизаны под покровом ночи навещали связную. Иногда к ней навещался и сам командир с охраной человек в пять. Через предателей об этом стало известно фашистам, и они решили взять в плен командира. Устроили засаду и открыли огонь. Мой отец и Павелко находились на выполнении разведздания. Причём были на лошадях и поэтому, услышав перестрелку, ринулись на подмогу своим. В процессе боестолкновения под Павелко убили лошадь, она завалилась набок и зажала ногу всадника. Полиции с криками «Не стрелять!» и «Брать живым!» побежали к Павелко. В последнюю минуту Павелко выдернул ногу, сапог остался под лошадью, и побежал в сторону леса. А в это время мой отец, доскакавший до спасительного леса, развернулся и помчался к Павелко. В одно мгновение беглец запрыгнул на лошадь, и всадники устремились к лесу. Успели скрыться в лесу. Автоматные очереди сбивали ветки, и вдруг Павелко вскрикнул: «Попали гады», и стал сползать с лошади. Павелко умер по дороге в отряд. Отец пообещал отомстить за павшего в боях друга и пошёл добровольцем в Красную Армию, пошёл на фронт.

Урок № 4. Четвертая встреча со смертью

Я с удивлением обнаружил, что не только студенты, но и их родители зачастую не понимают, что участники войны были разные. Сестра моей мамы тетя Люба после освобождения Беларуси работала санитаркой в Слуцком военном госпитале и получила удостоверение участника войны. Вполне заслуженно ими были и труженики тыла – военных заводов и предприятий. Но воевали с противником лишь фронтовики, те, кто находился на линии фронта, разделявшей при помощи различных заграждений и нейтральной полосы наших и фашистов. Кроме того, следует учитывать, что линия фронта включала в себя штабы, медсанбаты, хозчасти и другую вспомогательную инфраструктуру. Иногда в период крайней усталости и неурядиц в снабжении и т.п. окопники называли остальных «тыловыми крысами». Те, кто непосредственно воевал, а не помогал и обслуживал, находились в окопах. Именно они непосредственно сражались с фашистами, ходили в атаку, были на передовой. На передовой был и мой отец. Он служил «в 96 стрел. дивиз.» – так указано в военном билете.

96-я гвардейская стрелковая Иловаяская ордена Ленина Краснознамённая ордена Суворова дивизия получила задание провести разведку вражеских укреплений на противоположном берегу р. Нейсе перед генеральным наступлением, которое получило название Берлинской операции. 14 апреля 1945 года он в составе разведзвода получил приказ форсировать при помощи подручных средств р. Нейсе, захватить плацдарм, закрепиться и удерживать до подхода основных сил.

Теперь несколько слов о форсировании водного препятствия с помощью подручных средств. Это означает отсутствие всяких средств для переправы – ни понтонных, ни временно сооружённых саперами мостов, ни лодок. Вообще ничего. Опытные бойцы искали так называемые подручные средства для переправы. Обычно для этого использовали кусок бревна или доску, на которую помещали автомат, скатку-шинель и боекомплект. Одной рукой придерживали груз и опирались на бревно, другой рукой бесшумно гребли в сторону противоположного берега, на котором находился противник.

Документы оставили в расположении части у старшины. Переправа осуществлялась под покровом ночи. Когда миновали середину реки Нейсе, фашисты обнаружили разведчиков и открыли огонь с минометов, затем в бой вступила артиллерия. Начался кромешный ад: водопады воды вперемешку с разорвавшимися телами, кусками брёвен и грязи. Всё это сопровождалось оглушительным грохотом взрывов.

Впереди забрезжил спасительный берег. И вдруг снаряд с характерным воем разорвался в непосредственной близости. Ударной волной Пашу оглушило, и он пошёл ко дну. Инстинкт самосохранения сработал: он пришёл в сознание, оттолкнулся от дна и пошёл на всплытие. Однако на поверхности удержаться не смог. В воде снял сапоги, и, опускаясь до дна и отталкиваясь, по-лягушачьи, теряя сознание, достиг противоположного берега. Силы его покинули и он впал в забытье.

И опять ему снилась мадонна, которая держала на руках ребенка. И он никак не мог понять, это его мама Мария Фоминична, а он на руках у матери, или это Святая Дева Мария держит на руках Младенца Иисуса. Но почему младенец так похож на него? И вдруг мама уронила своего сыночка и он стал падать со всё большей скоростью, и, наконец, больно ударился о землю.

Паша очнулся от удара фашиста, который при помощи кованого сапога отделял жизнь от смерти, определял кто ранен, жив или мертв. Несмотря на невыносимую головную боль, звон в ушах и адскую боль правого уха мгновенно осознал – это конец. Опять начался полёт наяву, как перед расстрелом в партизанском отряде. Вместо одного Паши стало два. Один безучастно наблюдал, как немцы ходили по берегу, выискивали и добивали раненых. Другой думал: жалко, что так рано, так глупо, так бесславно... Главное – в конце войны. Состояние безразличия к происходящему и рефлексивного созерцания прервал фашист. Он наставил автомат и закричал: «Aufstehen, Russisches Schwein!».¹ Паша с трудом поднялся, прикрывая правое ухо, из которого сочилась кровь. Немец, увидев через прилипшую гимнастерку бугры мышц, подошёл и убедился, что перед ним живой, не раненый, а только контуженный солдат, причем физически крепкий. И, не отворачиваясь от Паши, он закричал офицеру: «Kann dieses mitnehmen? Er ist ein athlet und nicht verletzt».²

Урок № 5. Сколько можно играть со смертью?

Я регулярно практикую лечебные голодания. Полное воздержание от пищи от одних суток до недели, десяти дней. Максимальный срок голодания у меня 17 дней. При этом необходимо пить воду, ходить не меньше 10 км каждый день и делать очистительные процедуры. Однажды я приехал домой, пребывая неделю на голоде. Естественно, от обеда, ужина я отказался и объяснил почему.

И тогда мой отец рассказал о своём «голодании» в немецком концентрационном лагере для советских военнопленных. Первое, что бросилось в глаза – за колючей проволокой, где находились пленные, была абсолютно голая земля. Вокруг – наоборот, был зелёный ковер. Военнопленных не кормили, морили голодом... Поначалу привозили воду из речки, затем перестали даже поить. Не говоря про баланду, традиционную еду для пленных. У людей от голода и обезвоживания потрескались губы, распухли и потрескались языки... Они в буквальном смысле не могли ворочать языком. Было начало мая, весна вступала в свои права всё смелее, и всё меньше оставляла шансов узникам выжить. Война и здесь вносила свои противоестественные законы, солдаты мечтали найти спасительную тень, солнце вместо ласкового, долгожданного превращалось в пособника фашистским убийцам.

Через несколько недель, во время передислокации, когда отступали в сторону второго фронта, шли мимо поля с растущей сахарной свёклой. Пленные бросились на поле, вырывали и грызли свёклу, не успев очистить ее от земли. Раздались автоматные очереди, советские солдаты остались лежать на этом поле. Паша находился в середине колонны и не успел добыть себе вожделенную пищу.

Отступали несколько недель вглубь Германии, к границе с Чехословакией и Польшей. Во время переходов давали нечто полусъедобное, некую бурю жидкость, и это спасало. Цель фашистов была одна – поскорее попасть в юрисдикцию союзнических войск. Обессиленных и падавших красноармейцев фашисты добивали автоматными очередями. Добралось до места дислокации не больше четверти военнопленных. Наконец появились очертания «стационарного» концлагеря с каменными бараками в каком-то предгорье (Западные Судеты, со слов Паши). Накормили баландой, состав которой определить было невозможно. После этого в лагере началась повальная дизентерия. Болезни и голод косили солдат немилосердно. Фашисты даже в конце войны, понимая, что война проиграна, относились к советским солдатам как к скоту. Они в самом деле считали славян недочеловеками, низшей расой. Последний месяц мучений и страданий в плену, которые устроили фашисты, был бесконечным и запредельным.

Паша тихо умирал, лежа на земле в немецком концентрационном лагере.

Он не знал, что закончилась страшная война и наступила Великая Победа.

Смотрел в голубое бездонное небо широко открытыми глазами и ничего не видел.

¹ Встать, русская свинья!

² Может, этого возьмем с собой? Он спортсмен и не ранен.

Точнее, ему было всё равно, что происходит в этом мире.
 Жизненные силы постепенно оставляли его.
 Появилась Дева-Мария.
 Но сейчас он был уверен, что это была его мама Мария Фоминична.
 Паша, не бойся, смерти нет. Есть вечная жизнь.
 Страх смерти не было. Ничего не было.
 Наступало некогда испытанное состояние умиротворения.
 Появилось тихое и сладкое желание умереть.
 Паше казалось, что он слышит музыку, доносившуюся с неба.
 На самом деле это был триумфатор жизни – жаворонок, который из последних сил пытался удерживать Пашу на этой грешной земле.
 Затем все прекратилось. Прекратился лай сторожевых овчарок.
 (Немцы бросили лагерь и разбежались)
 Наступила абсолютная тишина.
 И опять началось падение со всё большей скоростью.
 Затем его начало закручивать в воронку.
 Затем началась тряска, словно он мчался на телеге по каменистой дороге.
 Паша открыл глаза и увидел перед собой «чёрта», который тряс его, улыбался и что-то говорил на непонятном языке.
 Ну почему в ад? Значит, все это правда...
 Избавление от плена принесли американцы. И тряс его в надежде, что живой, американский солдат Джон. Понимание, что это не сон, пришло, когда негр стал тыкать ему в грудь, крича – «Сталин!» с ударением на последнем слого. Затем он ударил себя в грудь, вопя: «Рузвельт!». Паша понял – жизнь продолжается. И зачем он хотел умереть?

А в это время в Кутнево пришла похоронка.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Ваш сын красноармеец Старжинский Павел Иванович
 Уроженец Минской обл. Слуцкого р-на, д. Кутнево, 1921 г.
 В бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге,
 Проявил геройство и мужество, пропал без вести в апреле 1944 г.
 Настоящее извещение является документом
 для возбуждения ходатайства о пенсии.
 (Приказ НКО № _____)

В Кутнево тихо справили поминки. Было несколько человек. Ближайшие соседи. Больше всех голосила и убивалась сестра Мария. Она оплакивала своего сыночка. Иван Петрович её успокаивал, говорил, что чувствует, что жив Паша, что всё будет хорошо. Война закончится, и он вернётся домой...

Американцы подлечили и выходили пленных красноармейцев. Умерли самые истощённые «доходяги», большая часть лагеря. Живых поместили в военно-полевой госпиталь, не давали много есть сразу. Именно в американском госпитале, на территории американской оккупационной зоны Паша узнал, что война закончилась. Молодость и медицина победили смерть, через месяц американского «санатория» Паша уже стал делать элементарные физические упражнения и физзарядку. Необычное для красноармейца, едва вырвавшегося из лап смерти, занятие привлекло внимание его спасителя Джона, который с помощью переводчика узнал профессию и краткую биографию Паши.

Джон постоянно жевал жвачку, улыбался, обнажая ослепительно белые зубы на тёмном фоне и громко разговаривал с подчёркнутой артикуляцией, что было не свойственно русскоговорящим. Этот стиль говорения сразу бросился в глаза учителю-лингвисту. Джон повадился проводить своего русского друга ежедневно и всегда тащил с собой шоколадки, галеты, тушенку. Общались «на пальцах». Особенное взаимопонимание наступило, когда он угостил Пашу американским «ви-

ски», хотя сам не пил. Паша отбросил задние мысли и выпил одну стопку за своё и Джона здоровье и почувствовал, что война наконец закончилась и для него, а он находится в американском санатории.

А Джон все время пытался что-то сказать Паше. Он тыкал в часы, потом урчал, изображая работу двигателя автомобиля. Убедившись, что Паша все понял, – что не совсем соответствовало истине, – куда-то умчался. Примерно через полчаса он вернулся, сидя за рулем автомобиля – джипа, с открытым верхом.

Паша не был трусом. С детства сознательно учился побеждать страх. Так, на спор с Толяном спал в детстве между могилами на Кутневском кладбище. Джон на военном джипе закладывал такие виражи на горном серпантине, что у Паши захватывало дух и он не мог отвести взгляд от пропасти, которая распростиралась в полуметре от переднего колеса, над которым находилось Пашино сиденье. Видя протрацию, в которую Джон загнал своего русского друга, он разошёлся ещё больше и это едва не закончилось трагедией. На одном из серпантинов они едва не столкнулись со встречным автомобилем. Колесо автомобиля Джона прошло «по-над пропастью, по самому краю». Это привело водителя в чувство и домой ехали спокойно. Затем началась агитация за жизнь в Америке. Особенно старался Джон: «доллар», «герл», «виски» – аргументы шли неиссякаемым потоком. Последним аргументом было изображение петли на шее и трудноуловимое из уст американца слово СМЕРШ. Однако что может остановить русского солдата, возвращающегося с войны по дороге домой? Нет таких сил и обстоятельств. Паша рвался домой в родное Кутнево.

Урок №6. Заключительные смертельные оскалы

Однако домой он попадет лишь через два года. После передачи бывших советских военнопленных в зону расположения Красной Армии их всех поместили в фильтрационный лагерь, где контрразведка со страшным названием СМЕРШ (смерть шпионам) начала проверку. И для учителя, солдата, красноармейца местом обитания стала опять тюрьма. Паша не отчаивался, свои, все-таки, родные, советские, разберутся по справедливости. Кто чувствовал за собой какие-то грешки, слиняли в Америку. Первый допрос был вовсе не похож на таковой. Так вначале показалось Паше. Расспросили и записали данные. Расспросили про партизанскую деятельность, фронт, стрелковую дивизию: имена командиров, друзей, их словесные портреты и много других подробностей и обстоятельств. НКВедистов было двое – капитан и старший лейтенант. Затем последовала неожиданная команда встать и раздеться. Паша обнажился до пояса. Предложили снять все, донага. Раздели, осмотрели.

– Да он цел как пасхальное яйцо. (Паша родился в рубашке, или спасла Дева Мария, или отмолил набожный Иван Петрович. Но он не получил ни одного ранения, кроме контузии).

– Смотри: нигде шкура не попорчена.

– Говоришь, воевал в партизанах? На фронте?

И цел, целехонек? Вот чудеса!

Осмотрев Пашины бывшие мышцы (после американского госпиталя Паша восстановил половину от того, что было до немецкого «лечебного голодания со смертельным исходом»), капитан спросил:

– Спортсмен?

– Нет, учитель.

– Учитель?

– Физкультуры?

– Русского языка и литературы.

После такого ответа НКВедисты переглянулись и старший лейтенант начал «разъяснительную работу». Он неожиданно ударил Паше в лицо кулаком, разбив губы и нос. Потекла кровь.

– Явки? Пароли? Адреса?

И ещё один удар в скулу.

– Хочешь жить – скажешь.

Если не будешь говорить, переломаем кости.

Живым ты отсюда не выйдешь.

Но все это было только прелюдией.

На следующий допрос пришли два красноармейца-амбала. Один из них, по-видимому, был боксер. Удары были поставлены профессионально. В нокаут Паша отправлялся с первого удара. Холодный душ – и все повторялось. После очередного «разговора с пристрастием» Паша сдался. – Хорошо. Я готов признаться. Диктуйте. От такого кульбита НКВедисты обалдели... А Паша им объяснил, что он не куражится над ними. Он готов подписаться под всеми показаниями, которые они ему продиктуют. – Сам я не могу ничего придумать, т.к. не знаю. Смершовцы переглянулись и поняли, что у Паши едет крыша, либо он не завербован. Наступила пауза в дознании. Паша опять вернулся в пограничное состояние между жизнью и смертью. Опять начались видения во сне и наяву. Дева Мария шептала: «Не бойся, не убьют, скоро придёт твоё спасение». А американцы не торопились. И только после тщательного анализа отдали союзникам лагерную документацию. Напротив фамилии Паши в лагерном спецжурнале стоял знак вопроса. Капитан-НКВедист расшифровал так: заметили подходящего кандидата, но не успели. Никаких пометок больше не было, в отличие от других узников, которых готовили либо собирались готовить в шпионы. Но это лишь догадка Паши. Бог смилостивился и опять спас Пашу от неминуемой гибели. Опять произошло чудо. Смерш шпионов живыми не отпускает. – Ну что, будешь курить, солдат? – Буду. Хотя хотелось плюнуть в рожу. Курить начал в партизанах. Курили самосад-махорку. – Ну ничего, ты крепкий солдат. Ещё послужишь Родине. Часть солдат за измену Родине расстреляли, часть отправили в советские тюрьмы. Счастливчиков реабилитировали, сняли обвинения в измене Родине и отправили домой, либо дослуживать срок до 3 лет по воинским частям. Мой отец служил в воинской части, охранявшей фронтową склад артиллерийских боеприпасов в одном из поверженных городов Германии. Уволен в запас летом 1946 года. Впереди мирная жизнь, любимая работа – Учительство.

Часть 4. Уроки по расписанию. Война и мир

Я не буду подробно описывать, как трудились обедневшие дворяне-однодворцы. Достаточно сказать, что мой отец в юности единолично лопатой выкопал небольшой пруд в конце огорода и запустил в него рыбу. По периметру седаса посадил вишни и превратил усадьбу в вишнёвый сад. Затем, создав семью, он собственноручно построил дом (кроме сруба, окон и дверей, производство которых требует специальных навыков и соответствующего инструмента), вырастил троих детей. В общем, жизнь состоялась.

Но я хотел вернуться к смыслу Учительства и этой самой духовности, которая с уходом из жизни ветеранов, поколения, опалённого войной, иссыкает как родники в нашем краю после бездумной мелиорации.

Хотелось бы понять роль войны в духовном становлении человека, задать несколько риторических вопросов. Почему мой отец, как и другие ветераны, не любил говорить о войне? Почему не считал себя героем и не гордился своими боевыми подвигами. Потому что в горниле войны и страданий он и все настоящие фронтовики стали высокодуховными людьми. Они понимали истинную цену жизни: благородству, правде и справедливости с одной стороны, материальному достатку, славе и чинам – с другой. Они воспринимали войну как болезнь человечества.

Отец говорил, что ему снились сны о мирной жизни, он мечтал о конце войны. Сидя в окопе в Восточной Пруссии перед боем, он думал о том, как было хорошо в мирное время. А на дворе была

весна, жизнь оживала после зимней спячки, сияло солнышко, пригревало и ласкало, в небе заливался жаворонок, пел гимн жизни, а человек сидел в окопе и думал о смерти – либо врага, либо собственной. Жизнь или смерть, – третьего не дано... Почему так происходит?.. Через несколько минут начнётся артобстрел и жизнь превратится в ад, время остановится... перед возможной вечностью небытия. Перед боем отец говорил фронтовому другу, что глупо погибать в конце войны, что он согласен питаться хлебом и водой всю оставшуюся жизнь, если выживет. Друг ответил, что он тоже согласен на хлеб и воду. После артобстрела друг не поднялся в атаку...

Вот как об этом написал русский поэт Семен Гудзенко в 1942 году в стихотворении «Перед атакой»:

Был бой короткий,
А потом глушили водку ледяную,
И выковыривал ножом
Из-под ногтей я кровь чужую.

Я категорически против того, что заповедь ветеранов «Лишь бы не было войны», становится объектом насмешек у псевдогероев-либерастов. И почему празднование Дня Победы, смысл которого в великом христианском прощении убийц и поработителей, становится победобесием? Все обстоит с точностью до наоборот. Бесы – это побежденные, которые как звери начали уничтожать, убивать и терзать, поработать другие народы. Бесы – это те, кто считает других недочеловеками, лишает их права жить по своим верованиям и культуре, а в случае неповиновения уничтожают при помощи людей с чёрными дырами вместо душ. Ангелы – это души наших погибших солдат, которые «превратились в белых журавлей». Побежденные, но не уничтоженные бесы начали реванш, новую войну в сфере слов и пропаганды, и это приносит свои зловещие плоды... Но сейчас речь не об этих мерзавцах, реваншистах, неонацистах и прочих иудах. Людям мира следует быть бдительными.

Я манифестирую вселенское величие духа нашего народа, которое выросло и завоевано ценой многомиллионных жизней, океаном страданий, которые нельзя забывать потомкам победителей.

Мой отец очень похож на Владимира Владимировича Путина: невысокого роста, шатен, ладно скроен, физически тренирован. Я думаю, что солидная физическая подготовка позволила ему выжить в партизанах и во время войны. Вспоминаю, как он в 50-летнем возрасте сделал подьем переворотом на школьном турнире на спор с учителем физкультуры. При этом отец был одет в кожаное пальто и хромовые сапоги.

К его необычным способностям и силе духа с «уважением» относились даже животные. Вот такой пример, которому я сам был свидетелем. После свадьбы в Козловичах (Тётя Таня выдавала замуж младшую дочь Ольгу) гостей размещали на ночёвку в домах у родственников. Хозяйка предупредила, что во двор заходить нельзя – злая собака. Хозяйка первая зайдёт во двор и привяжет собаку на цепь. Пёс в это время неистовствовал, захлёбывался в злобном лае. Мой отец предложил Анне самому укротить её собаку, на что получил твёрдое «нет». Шурин моего отца решил его подначить и сказал, пусть, мол, попробует. Отец открыл калитку, наклонился перед ошестившимся зверем, расставил руки и глядя ему в глаза, скомандовал: «В будку!». Пёс развернулся, заскулил как побитая собака и спрятался в будку.

Я думаю, что война стала главным событием жизни фронтовиков, она сделала их другими, лучше и чище нас. Именно военной закалкой можно объяснить «странное» поведение моего отца, когда он стал объяснять прописные истины и азбуку нравственности зарвавшемуся шофёру грузовика с помощью понятной всем педагогики. «Водила» на просьбу помочь погрузить свалившееся сено во время перевозки, ответил, что он на работу грузчиком не нанимался. И отцу приходилось вначале вилами закидывать сено в кузов, а затем лезть и укладывать его, чтобы не свалилось. Дело было зимой, мороз 29 градусов, не меньше, а водитель в это время отогревался в кабине. На войне такое поведение было бы немыслимо. Павел Иванович рывком открыл дверцу машины со словами: «Сейчас ты поймёшь, как Родину любить». Водитель, вываливаясь из машины, неожиданно наткнулся на кулак. Фронтовые аргументы сделали своё дело. Водитель сделал даже больше, чем его «настоятельно попросили». Поставив машину в гараж, он помог перетаскать сено с улицы на сеновал. Затем был ужин, разошлись заполнить друзьями.

Однако «воспитательные мероприятия» имели неожиданные последствия. Назавтра водитель пришёл на работу с фингалом... Как человек прямодушный, он рассказал, что на своём челе он несёт следы воспитательной работы партизана и фронтовика учителя Козловичской средней школы Старжинского Павла Ивановича. Водители веселились от души и несколько раз «на бис» просили рассказать приключение, которое с каждым разом обростало новыми подробностями. На беду, водитель жил по соседству с директором школы. После того как она услышала об инциденте, директриса пришла к водителю домой и настойчиво посоветовала написать заявление в милицию. Дескать, учителю 15 суток обеспечено, вещдоки на лице. Следует поставить хулигана на место. Тем более, учитель. Какой пример для подрастающего поколения? Она даже предложила помощь в написании заявления. Шофёр обещал подумать. Мне кажется, что не только люди войны, но и послевоенное поколение были твёрже в своих нравственных убеждениях и чётко понимало, где работает живая совесть человека, а где мёртвый формальный милицейский закон. Шофёр, к его чести, заявление писать не стал.

А я, вспоминая эту историю, подумал о другом. В это время начинал строиться город Солигорск. Туда на работу требовались специалисты разных профессий, в том числе и учителя. У Паши был шанс устроиться на работу в Солигорск. В течение года специалистам давали квартиры. Тем более, в Солигорске работал строителем его друг детства Толян, осуждённый за пособничество фашистам на 15 лет лагерей и отбывший срок от звонка до звонка. Временно проживал в Кутнево в родительской хате и призывал Пашу переехать в Солигорск. Кстати говоря, по совести, осуждён Анатолий Михайлович был несправедливо, так как не заслужил столь сурового наказания. Однако не будем вдаваться в детали, оставим это повествование до следующего раза и вернёмся к основной линии. А впрочем, пора подвести черту и закончить счёты с этой проклятой войной. И помнить о главном – Великой Победе, торжестве, величии и милосердии славянского духа. Фронтовики познали истинную цену жизни, когда их собственная жизнь висела на волоске, стали нравственным камертоном послевоенного бытия всего общества. Они стали Учителями не только в школе, но и по жизни. Победа. Победители – это наше всё. Мы будем помнить о них всегда. И гордиться.

Проза

Василий Воронов

Родился в 1948 году в Воронежской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького. Работал главным редактором журнала «Дон», председателем Ростовского регионального отделения Союза писателей России.

Молодого писателя заметил Михаил Шолохов, пригласил в Вешенскую. Книга «Юность Шолохова» выдержала семь изданий тиражом более одного миллиона экземпляров. Переведена на польский, болгарский и китайский языки.

Роман «Загряжский субъект», опубликованный в «Роман-газете», продолжился в «загряжском» цикле романами: «Пантеон», «Муниципальные люди», повестями «Жар-птица», «Скворцы прилетели», «Два егеря».

Романы, повести и рассказы печатались в журналах: «Молодая гвардия», «Дон», «Подъём», «Огонек», «Роман-газета», в газетах: «Литературная Россия», «Литературная газета», «Культура», «Правда», «Известия». Живет и работает в станице Старочеркасской Ростовской области.

Скворцы прилетели!

Повесть

1

— Шурка! Господи Иисусе, вылитый дед Шурка!

Тётка Дарья с тяжелой сумкой споткнулась и чуть не упала на пороге, встретившись с восемнадцатилетним племянником Тимкой, которого не видела лет десять. Перед ней стоял богатырь с лохматой кудрявой головой и застенчивой глуповатой улыбкой на толстых детских губах.

Тётка Дарья приезжала в Загряжск к сестре Матрёне из своего хутора очень редко. Хуторок в десять дворов, но с громким именем Атаманский, еле теплился где-то в степи на границе с Калмыкией. Давно, в молодости, тётка Дарья вышла замуж за атаманского казака и тридцать лет прожила в степи безвылазно, навещая только сестру Матрёну в Загряжске. Порядочно одичала, сторонилась людных мест и вообще чужих людей.

Отдохнув от долгой дороги на автобусе и расслабившись от рюмки-другой сливовой наливки, тётка Дарья долго рассказывала о дорожных впечатлениях. Она намолчалась дома и теперь была рада выговориться.

— На иностранном автобусе доставили прямо под Воскресенский собор. Не езда, а прохлаждение. Как на перине. И качает, убаюкивает. Говорят, на таких автобусах в Европу ездят... Эх, жизнь короткая! Я бы тоже съездила, хоть в Румынию...

Муж Матрёны, Егор весело слушал свояченицу и подтрунивал, стараясь сбить с толку. Он возражал убедительно и серьезно.

— Ну зачем тебе Румыния? Там одна мамалыга и кислое вино. Лучше в Польшу, там паны живут. Все как один важные паны, простого народа нет.

— Правда? – недоверчиво спрашивала Дарья.

Вмешивалась Матрёна. Она вразумляла сестру, как маленькую.

— Не слухай его, малохольного. Он сам в Загряжске всю жизнь просидел. Один раз, правда, в Москву позвали. Брежнев ему орден на пинжак приколот, я извиняюсь. А про Румынию и Польшу он только по телевизору видел.

Егор сердито отмахивался от жены и подвигался поближе к Дарье.

— Скажите мне: могут господа, а по-ихнему паны, качать говно из туалетов?

— Нет, господа не могут, – в один голос ответили сёстры. – Для этого пускают к себе из бедных государств гастарбайтеров, пролетариат по-нашему. Прибираться по дому, ухаживать за старичками, за детками. Ну и говно, конечно, качать из туалетов.

Егор торжественно возвышал голос.

— Авторитетно вам заявляю: польские паны не гребуют никакой работой. Надо, допустим, козу подоить, пан надевает камзол и садится доить козу. Надо картошку выкопать – копает картошку. Скирдовать – скирдует! От гастарбайтеров отличается только высоким происхождением и внешним видом. Например, если он идёт на работу чистить туалет. Что он делает? Он чисто бреется, одеколонится, надевает белую рубашку, камзол с пуговицами – сразу видно, что это пан, а не чернорабочий. Польша разбогатела, потому что не пускает гастарбайтеров. А Франция наоборот, опустила из-за избытка иностранной рабочей силы. Там господа не желают марать руки и ходят по Парижу в белых перчатках. А негры работают на них и живут в хижинах. И у нас к тому дело идёт. Никто работать не хочет...

— Никто! – громко поддержала зятя Дарья. – Вы давно ездили в наш хутор Атаманский? Или в Элисту? Через степи и пески? Не ездили. Не видели. Четыреста километров едешь автобусом, и никто кругом не работает. Вдоль дороги не заводы и фабрики строят, а забегаловки с вывесками «Камыши», «Шалашы», «Шашлыки», «Шаурма». И море разлитое: водка, вино, пиво. Пьют все: пенсионеры, студенты, учителя, господа-начальники и дети. Дети и милиционеры пьют. Штрафуют шофёров и пьют с детьми прямо возле дороги. Только грудные дети не пьют.

Такие или примерно похожие разговоры шли за столом допоздна. Ели горячий борщ, мясо, блины со сметаной. Играли в карты, в дурачка. Пили горилку из сливы, сладкую наливку из жерделы. Хмелели незаметно и хвалились друг другу. Дарья хвалилась своим хутором Атаманским, Егор с Матрёной рассказывали ей о Загряжке.

— У нас коровы калмыцкой породы с мраморной говядиной пасутся прямо за огородом в балке, – восторженно рассказывала Дарья. — Дикие, ничьи. Захочешь – лови, ешь мраморную говядину целый год. Только опасная скотина: у нее рога, как вилы. В степи не убежишь от неё, не спрячешься. Пырнёт – и готов, не захочешь больше мраморной говядины. Да мы, слава Богу, не охотники, свою скотину держим. Дудаки у нас водятся, по-вашему, дрохвы. Прямо великаны, страусы. Бегают быстрее, чем летают. Большие начальники за ними охотятся на вездеходах. Почти всех дудаков постреляли и в Красную книгу записали. А зачем стрелять, спросите? Домашний индюк вкуснее дудака. И стоит на базаре дешевле, чем ваша курица. Я вам своих индюков привезла.

— Калмыки не притесняют вас? – интересовался Егор.

— О, нет! – уверяла Дарья. – Самая смиренная нация. Жизнерадостная. Едет, к примеру, калмык на лошадке по степи в хутор Атаманский. Дорога дальняя, он разговаривает сам с собой. Благодарит своего бога за хороший урожай. Благодарит жену за новорождённого сына. Хвалит начальника за прекрасный характер и отеческую заботу о своих подчиненных. Хвалит своего президента за счастливую жизнь. Всех хвалит. Хорошее настроение у калмыка. Удачный день. А оторвись пуговица на штанах – начнёт ругать всех. И Ламу, и начальников, и президента, и даже любимую жену. Потом, глядишь, поёт. Песня обо всём, что видит калмык по дороге. Про травы-цветы, ямшан, кермек, про небо и облака, про коршуна и стрепета, про здоровье и силу богатырскую, про девушку, которую любил в школе и не может забыть её глаза и улыбку до сих пор. Про всю свою жизнь поёт калмык в дальней дороге. А когда зайдёт к тебе во двор, спросишь его, как дела? Как жена, дети? Все ли родичи живы-здоровы? Калмык только улыбается и обходится двумя словами. «Хорошо живы!». «Хорошо здоровы». «Жизнь хорошо». «Дела хорошо». И едет дальше проведать знакомых. Нет, калмыки не притесняют нас...

Когда очередь доходит до Егора, он говорит о Загряжке в превосходной степени, заносчиво, как о своей собственности, и не терпит возражений. Даже вопросов не терпит.

— Конечно, Загряжск тебе не хутор Атаманский. Тут и равнять нечего. Иностранных гостей у нас каждый день больше, чем коренных жителей во всех остальных хуторах. Едут и едут, прут и прут! Как мёдом тут им намазано! Но и польза от них, доложу вам, немалая. Скупают у наших коробейников всё подряд. Матрёшки, свистульки, горшки, ракушки расписанные. Корзинки, кошёлки,

сумочки. Фотографии и картины в рамках. Одна старушка просто пуговицы продаёт. У неё их целый сундук. Есть даже от кальсон, белые. Вроде как антиквар. Продаёт поштучно за доллары. Говорят, обогатилась сказочно. А один предприниматель старую кобылу купил, туристов верхом катает, как бы на коне будённовской породы. Отбою нет, в очередь стоят. Тоже миллионером стал...

Дарья слушала не без ревности и не упустила случая укусить зятя.

— А что же ты, разумный и грамотный, не догадался кобылу купить? Сейчас бы с Мотей миллионы считали.

Егора трудно было загнать в угол.

— Ты, Дашка, как дитё малое. Как можно орденосцу и бывшему колхозному бригадиру иностранных негров и барышень на лошадке за деньги катать? У меня свой бизнес. Три тонны мёда за сезон качаю. А пуговицы от кальсон пусть бабушки продают и богатеют.

Матрёна ревниво вступилась за мужа.

— Он, Даша, все лето по лесопосадкам с пчёлами живет. Там труд такой, что молодые не выдерживают. Многие люди побросали пасеки, невыгодно. А Ёра упорный, сорок лет с ульями возится. У него получается. Тимка вот школу кончил и права получил, отец ему новую машину купил. Тебя Тимка на своей машине и повезет обратно.

— О-о! – обрадовалась тётка Дашка и обняла племянника. – Я всегда говорила, что он в деда Шурку пойдет. И умный, и богатырь, вылитый Петро Первый! И тётку свою любит!

Тётка Дашка наговорила всем комплиментов, всех похвалила, поблагодарила хозяина за то, что всегда привечает её и не обижается на её вредный характер. Правда, наутро уже показывала сестре эту самую вредность, нашептывая на ухо свои опасения и предостерегая её от излишней доброты и доверчивости к своим мужикам, то есть к Егору и Тимке.

— Ты, Мотя, не дюже потакай старому. Хозяйство у вас большое, а он, давлен, запрёт тебя и погоняет. А сам в лесопосадках, как в санаториях отдыхает с пчёлами. Ты тут по дому, по хозяйству больше вкалываешь. Живности разной полный двор. Две коровы, два бычка. Огород полгектара. Куда столько!

— Без хозяйства нельзя, – нехотя оправдывалась сестра и отводила глаза. – Тимка помогает...

— Вот про Тимку хочу сказать! – перебила Дарья, спохватившись. – Вымахал парубок, весь в дедушку, папашку нашего, бабника, прости Господи. Красавец! За ним теперь глаз да глаз нужен, а твой Ёра ему машину купил для соблазна. Его, кобеля, женить надо, стреножить, пока волю не почувял...

Матрёна обиженно вставала со скамейки и молча шла полоть грядки.

Взаимопонимания не получалось. На следующий день Дарья притворно охала и, как бы извиняясь, вдруг вспоминала:

— Совсем памяти нету! В воскресенье ярмарка, поросят привезут. На моего Кузьмича надежда плохая, купит выбракованных. Сама поеду. Нагостилась.

Наутро, на рассвете, сёстры обнялись, всплакнули перед дальней дорогой. Тимка, улыбаясь, охотно и резво тронул ещё необкатанные «Жигули».

2

Дед Шурка, о котором говорилось выше, был отцом Матрёны и дедом Тимки. Родился и умер в Загряжске в возрасте 89 лет. Он был незаменимым человеком в городе. Народным умельцем, слесарем и столяром, и вообще мастером тонкой заточки. В его старинном казачьем курене девятнадцатого века с широким подворьем, длинными сараями, навесами и подвалом с выходом всегда толпились люди. Как на складе, или в ремонтной мастерской. Двор был завален разным бытовым хламом от детской коляски до резных буфетов, кованых запоров, решёток, медных самоваров и чайников. На стенах висели цепи, охотничьи капканы, подковы, пушечные ядра, каменные жернова и огромные судовые якоря.

Дед Шурка никогда не был женат и никогда нигде не работал, за что при Хрущёве его судили за тунеядство. Имел шесть или семь детей от разных женщин. Со всеми поддерживал родственные отношения, помогал и детям, и внукам. Весёлый и вольный был человек, от него шло тепло, к нему тянулись, его любили. До самой старости дед сохранил богатырское здоровье. В скульптурной мускулатуре силушка играла по жилушкам. Любо было смотреть, когда он работал молотом на на-

ковальне. Пот ручьями стекал по щекам, на спине валунами перекатывались связки мышц, в глазах горел огонь, пламя. Понятно, что он сводил женщин с ума. Один Бог знает, какие страсти кипели в доме загрязского холостяка. Дед Шурка никогда ни с кем не обсуждал свои любовные тайны. Он вообще как-то стеснялся говорить о женщинах. И пресекал, когда при нем кто-нибудь во хмелю начинал рассказывать грязные истории. Как ни странно, он был целомудрен, этот дед Шурка.

Он никогда не считал деньги, они шли к нему сами, много денег прошло через его руки. Деньги сами стучались в его окна.

Остановился возле дома джип, вышел человек, позвал хозяина, показал ружьё.

— Можешь новый приклад сделать?

— Попробую.

Через месяц хозяин джипа долго молча смотрел работу. Вместо треснувшего разбитого дерева светился янтарём новый ореховый приклад с инкрустацией. Швы соединения между деревом и металлом тоньше паутинки. Фактура дерева обозначилась под лаком как драгоценный рисунок, гравюра. Выпуклости и углубления вылизаны, отшлифованы до зеркальности. Дорогое ружьё фирмы «Зауэр» обрело более совершенную эстетическую форму. Хозяин, раскрыв рот, долго глядел на деда Шурку. Вынул из кармана пачку денег, сунул мастеру в руки и, не прощаясь, укатил восвояси...

Богатые заказы случались нередко, за работу платили большие деньги. Он ремонтировал, реставрировал и собирал различные раритеты. Книги, картины, часы, старинное оружие, бронзу, фарфор. Но деньги так же легко уходили из рук, как и приходили. Дед Шурка щедро одаривал детей, внуков, любовниц и друзей-собутельников. Он любил жизнь, и жизнь любила его.

Перед смертью, когда уже силы совсем оставили старика, он пошевелил пальцами и еле слышно прошептал с легкой улыбкой:

— Там меня похвалят...

Тимка с годами все больше становился похож на деда. И не только внешне. В его обманчиво ленивых телячьих глазах изредка вспыхивало такое жадное любопытство, такая неугомонность и соблазн, что он с трудом справлялся с внутренним волнением и уединялся. Чтобы прийти в себя. Он злился, стыдился и в то же время тайно желал соблазна, порока. Он мужал, зрел не по дням, а по часам и с радостью и нервной дрожью ощущал великий перелом в своей жизни.

3

Эти две семьи были больше, чем соседями.

— Доброго здоровьяца, Афанасий Афанасьевич! – хриплым грубоватым баском окликал каждое утро соседа Егор Егорович.

— А-а! – весело отзывался через забор Афанасий Афанасьевич, манипулируя гантелями. – Мое почтение, Егор Егорович! С добрым утром!

Егор Егорович и Матрёна Хворостовы крестили у Афанасия Афанасьевича и Варвары Хромовых дочку Настю. А Хромовы в ответ стали крёстными родителями сына Хворостовых Тимофея.

Егору Егоровичу было за шестьдесят лет, сорок из них он работал бригадиром сначала в колхозе, а потом в акционерном предприятии. И всю жизнь держал пасеку. А Матрёна, считай, одна, вела большое домашнее хозяйство, то есть горбилась за троих.

Афанасий Афанасьевич был инженером в строительной компании, жена Варвара работала медсестрой в городской больнице. Они принципиально не связывают себя подсобным хозяйством. «И правильно делают!» – вздыхает Матрёна с завистью.

Кумовья и соседи дружили, и в Загрязске трудно назвать других соседей, которые дружили бы так, как Хромовы и Хворостовы. Кто может сказать, как появляется привязанность и дружба между соседями? Никто не скажет, потому как материя эта необъятна. Премудрый Гоголь живописно описал, как поссорились соседи. А как подружились – не написал. Трудная это задача, и я не отважусь даже на малые потуги. Я только намекну на первопричину, на взаимное движение навстречу друг к другу. Ибо иногда довольно одного намёка.

Началось всё много лет назад, никто точно не помнит, когда. Афанасий Афанасьевич, как всегда, рано утром поздоровался с Егором Егоровичем и деликатно спросил:

— Не найдется ли у тебя, любезный сосед, немножко горилки?

Хворостов жестом показал подождать, нырнул в сарай и через минуту протянул через забор за-вернутую в газету бутылку.

— На меду, первак.

— Да мне не для этого. У жены поясница... Для растирки.

— И для растирки, и на компресс. И внутрь принять не грех.

Егор Егорович позвал соседа к себе во двор, в беседку. Принёс еще бутылку и тарелку с вяленным чебаком. Налил в рюмки.

— Ну!

Чокнулись, выпили. Закусили маслянистой янтарной рыбой. Афанасий Афанасьевич похвалил горилку. Егор Егорович налил ещё по одной.

— Будем!

Не спеша, за разговорами опорожнили бутылку. Егор Егорович высказал давно назревшую мысль.

— Вот ты хвалишь горилку, а я недоволен! Механизм устарел. Дед мой на нём лет пятьдесят копил. Ржавые трубки, грубые шланги. Примитивная очистка. И всё громоздко, вся кухня заставлена. Вонь стоит, как на консервной фабрике. Нужны революционные меры. Я на курортах познакомился с бывшим директором ликероводочного завода. Он на пенсии и большой знаток по части горилки, профессор. У него аппарат – маленький заводик. Весь механизм спрятан и заварен в цилиндры из нержавеющей стали. С трубками, датчиками, кнопками и приборами. В сумку помещается. И приставка электронная. Даёшь установку: 80 градусов. Аппарат капает ровно литр и автоматически отключается. Даёшь установку: 50 градусов. Аппарат выдаёт два литра и отключается. Устанавливаешь на 40 градусов – выдаёт остальные три литра и отключается. Можно, конечно, поставить и на 30, и на 20 градусов, — пойдёт вонь, сивуха, она и на продажу не годится. Вот о такой умной сортировке по ночам мечтаю. Ты, Афанасьевич, учёный человек, инженер, и у вас на производстве возможности большие, и специалисты хорошие. Узнай, закажи, любые деньги не пожалею!

Афанасий Афанасьевич подумал и сказал:

— Угу!

Через две недели он принёс в сумке заводик из нержавеющей стали. И на глазах изумлённого Егора Егоровича невозмутимо извлёк и поставил на стол в беседке сияющий стратегическим металлом самодельный аппарат XXI века! С термометром, манометром и электронной приставкой!

Егор Егорович заплакал, ей-богу, заплакал от счастья и долго не мог успокоиться.

— Сегодня же, сегодня! Заведу бражку из обрезков старых сот с мёдом!

Недели через две соседи закрылись в летней кухне, наглухо зашторили окна и приступили к операции. Подготовка аппарата к работе заняла считанные минуты. Подключили охладитель к водопроводу, вывели слив в мойку. Включили огонь под флягой с пенной медовой бражкой. Егор Егорович торжественно включил на электронной приставке режим 80 градусов.

— Это на лекарства. На растирку, на компрессы. Для жён.

И чтобы не томиться, сели за стол играть в дурачка.

— Я читал, что по статистике спрос на алкоголь упал, – глубокомысленно изрёк Афанасий Афанасьевич, тасуя колоду карт. – Власти делают вывод, что Россия стала пить меньше. А ты как думаешь?

Егор Егорович даже засмеялся от удовольствия, ему очень понравился вопрос.

— Это с какого боку поглядеть... Статистика посчитала бутылки в магазинах, и то не все. А нас с тобой не посчитала. Мы спрятались в кухне от статистики. Они что там, слепые? Люди еще при советской власти перешли на горилку. Из экономии. Бутылка водки стоит двести рублей. А бутылка горилки по себестоимости – двадцать пять рублей. Какое блюдо я буду кушать, спрашивается? Горилку, конечно! И дешевле, и полезнее.

Через час соседи продегустировали первак. Шумно выдохнули:

— О-о-о!

Горилка впиталась, всосалась в кровь прямо во рту. Мягкость, даже нежность крепкого напитка вызвала восторг всего организма.

— Мармелад! – воскликнули мастера. – Мармелад!

Результат превзошел все ожидания. Сортировка и калькуляция продукта выполнены новым аппаратом с аптечной точностью. Друзья разливали напиток по бутылкам и подписывали фломастером рабочие названия. «80 градусов. Растирка. Компрессы», «70 градусов. Для настоек на травах и ягодах», «50 градусов. Особая, лечебно-оздоровительная. От простуды», «40 градусов. Питьевая, повседневная».

— Кстати, забыл тебе сказать, – неожиданно вспомнил Афанасий Афанасьевич, – Варвара моя после растирки забыла про поясницу. Теперь главврачу радикулит растирает. И название для лекарства придумала: «Хворостовская».

— Заживём! – не без похвальбы поддакнул Егор Егорович. – Всех полечим! И сами оздоровимся. Теперь мы ого-го!

Заводик из нержавейки, который принёс с работы Афанасий Афанасьевич, имел в дальнейшем большое влияние на судьбы наших героев.

4

Тимка был большой и сильный. Настя же выглядела совсем малышкой, чуть больше своей куклы Нюши. Ребята всё время были вместе, но частенько поругивались и спорили. Настя всё время учила Тимку.

— Ты большой, а ума нету. Зачем котёнка за хвост таскаешь? Всех животных за шкурку носят.

— А я за хвост!

— Ну и дурак! Дурак!

Начиналась перебранка и заканчивалась обычно подзатыльником Насте. Она же храбро хватала песок горстями и кидала обидчику прямо в морду. Разбегались по своим дворам и тайком наблюдали друг за другом. Первой шла на попятную Настя.

— Тим, а Тим? – просительно окликнула она через забор.

— Чего тебе?

— Пойдём на речку купаться!

И неразлучные соседи, взявшись за руки, бежали на речку. На берегу было полно ребяташек разных возрастов. Барахтались, ныряли на мелководе в «лягушатнике», брызгались и визжали. Тимка показывал Насте, как он умеет плавать. Ложился на живот, задирает голову, выпучивал глаза и изо всех сил колотил по воде руками и ногами. Проплывал таким образом метра полтора-два и начинал тонуть, захлёбываться. Нащупывал дно ногами, громко откашливался.

— Видала!?! – хвастал Тимка. – Спорим, завтра вон до того куста доплыву?

— А меня научишь?

— Ты ещё мала.

На речке Настя шёпотом жаловалась Тимке:

— Вон тот ушастый, рыжий, видишь?

— Ну?

— Он дразнится и кулак показывает. Можешь дать ему в рожу?

Тимка смело подходил к обидчику, что-то говорил ему и показывал на Настю. Рыжий кивал головой и поднимал руки. Тимка всегда заступался за Настю, и она от гордости задирала нос перед ровесниками.

Одно из самых сильных впечатлений детства – весна. Пролески возле жёлтых сугробов, полая вода, колонии грачей на старых вербах. Горячее солнце и белый пар над маслянистой пашней. У Насти на носу цвели конопушки. Она в длинной маминой кофте, в валенках на босу ногу бежит по двору и, выпучив глаза, вопит что есть мочи:

— Шкворцы прилетели! Шкворцы прилетели!

У Насти выпали два передних зуба, она отчаянно шепелявит и присвистывает.

— Шкворцы прилетели!

Тимка выглядывает из-за сарая, передразнивает:

— Не шкворцы, а грачи!

Настя прыгает на одной ноге и показывает на скворечник:

— Шкворцы, шкворцы!

Матрёна напекла из сладкого теста печенье в виде птичек, жаворонков. Зовёт ребят за стол, угощает.

— Сегодня праздник Сорок Сороков, люди добрые весну встречают! Радуйтесь!

Настя почти всегда следовала за Тимкой и почти всегда подчинялась ему. Но иногда взбрыкивала и показывала характер. Однажды к Тимке пришли в гости два друга, с которыми он ловил бреднем рыбу в канале. Ребята были постарше и уже курили. Тимка принёс в чашке обрезки пчелиных сот с мёдом. Компания выбрала укромное от лишних глаз местечко за огородами, расселась вокруг чашки. Ребята пальцами вылавливали вошину, смачно жевали, чавкая и облизываясь. Настя увязалась за ребятами, и тоже жевала, чавкала и облизывалась. Потом гости решили покурить, достали из кепок сигареты, спички. Тимка тоже прикурил сигарету и красиво пустил дым струйкой. Настя завороченно смотрела на курильщиков и тоже потянулась за сигаретой. Хлопец в пляжной кепке протянул ей пачку, но Тимка больно шлёпнул Настю по руке.

— Ещё чего! Отсядь от нас подальше и жуй мёд!

Настя обиделась, но подчинилась, молча отодвинулась к цветущему кусту бузины...

Другой дружок Тимки, розовощёкий толстячок, курильщик со стажем, сделал важное лицо и объявил:

— Даю бесплатный урок для начинающих!

Он глубоко затянулся, задержал дыхание и, задрав голову, громко и отчетливо продекламировал:

Ехал паровоз об двенадцати колес,
И дым пускал....

Округлил губы трубочкой, старательно попыхивал, выталкивая изо рта круглые колечки дыма. Сизые кольца одно за другим медленно поднимались над головой и таяли в воздухе. Ребята завопили от восторга:

— О-о-о!!

— О-о! А-а-а! – завопила от боли Настя. – О-о! А-а-а!!

Она махала руками, прыгала на месте и кричала, не переставая. Над цветущим кустом бузины гудели пчёлы. Почувяв мёд, пчёлы окружили Настю и ужалили ее в ухо. Перепуганная девочка верещала и плакала навзрыд, пока на крик не прибежала Матрёна. Она увела Настю домой, сделала примочку, успокоила. Когда же пришёл Тимка, подруга ела вареники с молоком и осторожно трогала покрасневшее ухо. Тимка расхохотался.

— Ухо, как вареник!

Настя опять расплакалась, и от обиды, от злости стала кричать и топтать ногами:

— А ты курил сигареты с дружками! Курил! Курил! И мёд из дома дружкам своим носил! Носил!

Матрёна взяла рушник и шлёпнула Тимку по шее.

— Анчутка! Ну, погоди! Отец ремня всыпет!

Настя рассмеялась:

— Всыпет!

Ломался мартовский лёд на речке Серебрянке. Зацветали в палисаднике персидская сирень и кипенно-белая черёмуха. Звонили на Пасху тяжёлые старинные колокола на высокой островерхой звоннице Воскресенского собора. Многоголосо шумел и пестрел яростью красок загрязский рынок. Зычный и хриплый голос местного Будулая нахальным эхом летел на другой берег Дона:

— Цепи! Калёные цепи!

Счастливые свадебные пары фотографировались на крыльцах собора. Древние деды в праздничных казачьих картузах сидели в холодке на траве и смачно хлебали пиво прямо из бутылок. Дон серебрился за густыми метёлками камыша. Невесомо, как дыхание нёс он тяжёлую толщу воды изпод новомосковских торфяников и бочажин, от тульских ручьёв и речушек, от великих воронежских чернозёмов. И время текло, как вода в Дону. Таяло, как белые облака на голубой эмали летнего неба. Зрели, наливались силой новые урожаи. Новые молодые поколения, едва став на ноги, спешили, торопились в большую жизнь, как мотыльки на огонь...

Настя и Тимка выросли из подростков, от их недавней детской схожести следа не осталось. Они стали выразительно разными своей взрослостью. Она щекастая, с толстой косой и влажными большими глазами косули. Он – застенчивый богатырь, буйно кудрявый, с детскими губами. Настя остроумна и общительна, Тимофей скован и несмел.

Недавно он ощутил, что Настя отходит, отдаляется от него. Дружба и привязанность ушли вместе с детством. А сегодняшние, они ещё не привыкли друг к другу. Тимка робел от её непредсказуемости. Иногда она обжигала его таким чужим враждебным взглядом, что он долгое время избегал встретиться с ней наедине. Не знал, о чём с ней говорить, и как говорить. Да и не мог. Ни серьезно, ни шутя. Ребята постарше общались с ней запросто и позволяли себе, вернее, она сама позволяла говорить сальные шуточки. А то и рассказывать скабрёзные анекдоты. Она громко и откровенно хохотала. А Тимка сгорал от стыда, от ревности.

Настя стала модно одеваться, покупала дорогую косметику. Ходила делать причёску и маникюр в единственный в городе салон красоты. У нее появились друзья, которых Тимка не знал. Они заезжали за Настей на иномарке и увозили её на пляж или в лес на целый день. А вечером дискотека...

Варвара пыталась поговорить с дочерью о дальнейшей учёбе, о специальности, но та отмахивалась:

— Успеется.

— Ты бы с Тимкой хоть раз в кино сходила.... Ведь он сохнет по тебе!

Настя чувствовала себя виноватой.

— Давай больше не будем о Тимке...

Отчуждение кончилось тем, что Настя уехала устраивать свою судьбу в Москву. Даже не попрощавшись с другом детства.

5

Егор Егорович так увлёкся усовершенствованием горилки, что заполнил продуктом почти всю стеклянную посуду. Матрёна не на шутку встревожилась.

— Ай, на свадьбу готовишь? Пустых банок и бутылок в доме не осталось. Нашёл себе игрушку...

Егор Егорович огрызался и упорно продолжал своё дело. Неожиданно появился стимул. Заехал на днях старый знакомый, дальний родственник Михаил Мартынович Спотыкач, начальник загрязской полиции.

— Егорович, выручай! Еду в Москву, у начальства сейчас мода на горилку. А твой напиток будет почище таманской чачи. Давай всё, что у тебя есть.

— У меня, Миша, много... – растерянно признался хозяин.

— Говорю, всю давай!

После полковника Спотыкача было ещё несколько уважаемых людей. Главврач, прокурор, военком, начальник собеса, даже директор кулинарного колледжа. И все просили хорошей горилки на меду. У Егора Егоровича перехватило дух от внезапного прозрения: он сел на золотую жилу.

Но вместе с тем, появлялись и свербели мысли о законности бизнеса, но он гнал эти мысли. Разве прокурор или начальник полиции могут подложить свинью? Они берут горилку исключительно в лечебных целях. И прокурор, и начальник милиции, и военком, и директор кулинарного колледжа растирают своих жен и знакомых. Что же тут противозаконного?

Егор Егорович проникнулся к себе самоуважением, которого не чувствовал, когда Брежнев прикалывал ему орден на пиджак. Ему казалось, что загрязцы даже здороваться с ним стали как-то теплее и проникновеннее. Конечно, есть и завистники. Но кто попрёт против прокурора и начальника полиции?

Полковник Спотыкач заехал без предупреждения, зашёл в кухню, где Егор Егорович собирался ставить на огонь очередную флягу с пенной бражкой.

— Здорово, хозяин!

Егор Егорович засуетился, извиняясь, что не успел подготовить заказ, но полковник остановил жестом:

— Сядь и послушай. Меня переводят в Москву. На прощанье хочу сделать тебе подарок. Хватит коптить самопал, пора выходить из подполья. На торги выставлен бывший винно-водочный завод, цена символическая. Я договорился, вот тебе визитка, найдёшь этого человека. Езжай прямо сейчас, тебя ждут.

Говорят, что чудес не бывает. Бывает! На глазах у всех и, к великому удивлению соседа, Егор Егорович Хворостов стал капиталистом и владельцем винно-водочного завода.

Взял кредит, закупил новое немецкое оборудование, укомплектовал все службы и уже стал готовиться к торжественному открытию. Сын Тимофей только что вернулся из Баварии, где проходил стажировку на фирме известной марки. И, несмотря на его упорное нежелание и сопротивление, назначил молодого специалиста директором завода.

— Учись, пока я живой!

В первые же дни молодому директору случилась нежданная и непредвиденная прибыль.

Тимофей Егорович на своих «Жигулях» возвращался из командировки. На автобусной остановке женщина с грудным ребенком подняла руку.

— До Загряжска! – попросилась она. — Опоздали на автобус.

Девушка была очень молода и, кажется, стеснялась своего материнства, смущённо помалкивала. Ребенок спал. И ещё показалось Тимофею, что молодая мама похожа на Настю. Он вздохнул и невольно подумал о своей подруге. Настя вышла замуж чуть ли не за космонавта и жила с мужем где-то в Подмоскowie. Варвара по-соседски сообщала Хворостовым все новости. У Тимофея засосало под ложечкой. Он не мог забыть свою «невесту».

В городке Забалуеве девушка попросила на минутку остановиться возле автовокзала, купить ребенку воды. Малыш посапывал в пелёнках поперёк сиденья. Тимофей думал о Насте. Прошло полчаса. Его обожгло нехорошее предчувствие. Тимофей растерянно обошёл вокруг маленькой автостанции. Несколько человек подрёмывали на скамейках. Глупо спросил про красивую молодую девушку. Сонные пассажиры даже ответом не удостоили. Он разыскал дежурного полицейского, объяснил ситуацию. Сержант почесал затылок, улыбнулся сочувственно.

— Скорее всего, подкидыш. Но я ничего оформлять не буду. Ехала до Загряжска, значит, там ищи, обращайся в Загряжский отдел...

Матрёна упала в обморок. Егор Егорович, стоя на коленках, молча растирал виски жене, играл желваками. Ребёнок заполошно орал, сучил ногами. Тимофей ошалело шагал по комнате и не знал, что с ним делать, немилосердно тряс, качал в длинных неумелых руках. Нешуточные страсти кипели в доме Хворостовых до утра, пока все не обессилели, и малыш тоже. Тяжёлая дрёма повисла в комнате.

Тимка в десятый раз рассказывал историю с подкидышем. Родители осторожно, как больного, спрашивали:

— Сынок, может, ты встречал раньше где-нибудь эту женщину? На праздниках, на гулянках...

— Может, ты вина выпил, не помнишь?

— Говори правду, сынок... Чего уж теперь!

Невозмутимого Тимку трясло от злости, от ярости.

— Говорю вам – не знаю! Ничего не знаю! Не зна-а-ю!

В отделе полиции было ещё обиднее. Лейтенанты молодые, похихикали, поёрничали.

— Замуж не взял, вот и подарок. А заявление оставь, зарегистрируем.

— Обойдетесь! – осерчал Тимофей. – Без вас как-нибудь разберусь!

Соседи советовали отдать младенца в детский дом. Но тут возмутилась Матрёна. Она даже обиделась на Варвару.

— Ещё чего! Чьё бы ни было дитё, не оставим сиротой! Он теперь наш!

Малыша вскоре зарегистрировали в загсе как Ивана Тимофеевича Хворостова.

У Хромовых праздник, Настя приехала в отпуск.

На ужин позвали соседей.

Варвара волновалась, суежилась, накрывая праздничный стол в беседке. А мимоходом нещадно покусывала, покрикивала на Афанасия Афанасьевича, который лениво ходил по двору в затрапезных портках, почёсывая поясницу.

— Проснись, чучело! Дочка увидит, упадет! Побрейся, переоденься, галстук надень!

Афанасий Афанасьевич и не подумал бриться и переодеваться. Он налил себе чаю в большую кружку, сделал горбатый бутерброд с маслом и колбасой и в ответ поддразнивал жену. Варвара сердилась уже не на шутку.

— А если бы зять приехал?! Глянул бы на твои портки, на морду небритую? Что бы он сказал про своего тестя?

Афанасий Афанасьевич невозмутимо отхлебывал чай.

— Вот явится зять, тогда и надену галстук...

С зятем была заковыка. Из рассказов дочери зять представлялся фигурой неосязаемой. Вроде бы он есть, Антон Баранов, но увидеть, потрогать его нельзя. Он засекреченный.

— Он же ракеты делает! – с жаром объясняла Настя родителям. – Его охраняют круглосуточно. Привезу его в Загряжск, только не скоро....

— Не скоро доведётся поздороваться, – ехидно вздыхал Афанасий Афанасьевич. – А может, его и нет, никакого зятя, прости Господи?

— Мама, что он несёт! Антона президент знает! Его все знают!

Начиналась истерика. Дочь с матерью грозили кулаками бедному Афанасию Афанасьевичу. Он же быстренько ретировался в потайную калитку на территорию своего кума и возмущённо заявлял удивленному Егору Егоровичу:

— Все знают! Президент знает! Кроме отца родного!

Вечером добрые соседи и кумовья сидели, как в прежние времена, за праздничным столом и наслаждались общением.

Афанасий Афанасьевич с Варварой немножко поглупели от счастья и своим взаимоуважением показывали, как они рады приезду дочери. У Хворостовых внимание всех гостей привлекал внук Иванчик, который смирно сидел на коленях у бабушки Матрёны и грыз резиновое кольцо.

Егор Егорович щедро наливал в рюмки «Хворостовскую». Но не известную горилку, а новую марку водки, недавно выпущенную на винзаводе. Выпили за приезд Насти. Выпили за внука Иванчика. Выпили за винзавод и его владельца. Выпили за счастливого молодого отца Тимофея. Выпили за всех родичей, за родину, за Загряжск.

Выпили, в общем, не так чтобы много. Достаточно выпили. И всем захотелось откровенного разговора. Одни соседи застенчиво смотрели на Настю. Другие соседи застенчиво смотрели на Тимофея. Неловкое молчание разрешила Настя.

— Вы, наверное, хотите услышать, как я устроилась в Москве? – спросила она нетвердо и засмеялась. – Я расскажу про свою новую жизнь!

Все, даже Иванчик, захлопали в ладоши. И вот каков был её рассказ.

— Я Москвы боялась как огня. Думала, что там одни умы и таланты. Кто я среди них? В институте, куда я поступала, москвичи, конечно, выделялись. И одеждой, и манерами. Яркие косынки на шее, потертые куртки и джинсы. Потрёпанные сумочки. Никакой помады и косметики. И никаких причёсок. Ребята и девчонки на один манер. Провинциалы в белых рубашках и кофточках. Ребята с галстуками. Отутюженные, причёсанные. Москвичи смотрели на нас иронически.

Начались экзамены. Я, как и многие провинциалы стала сдавать на отлично. Москвичи чаще сыпались на экзаменах и громко выражали недовольство.

— Колхозный призыв! Набор передовиков!

Но в процессе учебы я лучше узнала и поняла москвичей. Первое впечатление было обманчивым...

Настя замолчала и задумалась, как перед невидимым препятствием. Покачала головой, как бы оправдываясь.

— Наверное, выпила лишнего... Зачем я говорю о москвичах? Ведь вы хотите услышать, как я вышла замуж? Вы не поверите... Мы с подругами были на свадьбе нашей сокурсницы в городе Королёве. Среди совершенно незнакомой компании. Был оркестр, пели песни, танцевали. Нас с девочками приглашали нарасхват, нам нравилась вечеринка, ощущение молодости и праздника. Вечеринка затянулась до утра. Когда ко мне подошёл высокий молодой человек с тяжёлым пристальным взглядом и решительно протянул руку, я вздрогнула от предчувствия, что он будет моим мужем. Больше того, он сегодня же попросит выйти замуж! Я боялась его тяжёлого взгляда. Танцевала сама не своя, не поднимая головы. И точно, отвёл в сторону, сказал ровно, как в микрофон:

— Я наблюдал за тобой сегодня и, кажется, не ошибусь.... Мне тридцать один год, и у меня нет времени. Если не сегодня, то, видно, никогда. Я тебя приглашаю прямо сейчас к себе домой в качестве жены и хозяйки.

Я успела заметить, что он все-таки волновался. До хруста сжал свои пальцы. Я долго молчала, да и не в силах была что-нибудь сказать. Не мои, чужие губы сами выговорили: согласна. Я вышла замуж под гипнозом, это точно.

Мой муж Антон Баранов оказался учёным в области космонавтики. Работает в секретной лаборатории в городе Королёве. У нас свой дом и большой участок с елями и грибами. Не верите? У нас всё-всё есть. Мы ни в чём не нуждаемся. Мы с мужем весело проводим время. Вернее, времени у нас совсем нет... Мы очень редко бываем вместе, потому что совсем нет времени... Я работаю завучем в школе. Могла бы, наверное, сказать, что счастлива. Вернее, счастлива... Ну, конечно, счастлива!

Настя вымученно засмеялась и расплакалась. Варвара увела её в дом.

Прошло несколько дней, прежде чем Настя выбрала время встретиться с Тимофеем. Она созвонилась с ним, глянула на себя в зеркало и через минуту застала соседа во дворе за сборкой детского манежа. Он был рад и выразил свои чувства шумно, как в детстве:

— Шкворцы прилетели! Шкворцы прилетели!

Это было так весело и откровенно, что Настя рассмеялась и подхватила:

— Ехал паровоз об двенадцати колёс!

Тимка вдруг понял, что больше не чувствует неловкости перед Настей, взрослость исчезла.

— Пойдем на речку?

— Поедем на Лебяжью косу.

Молодые люди сели в машину и поехали к знакомому берегу. Это было недоступное для туристов место, поэтому сохранило чистоту и первозданность. Плоский берег с промытым белым песком образовал здесь затон, длинная коса, огибающая заводь, далеко уходила в воду. Это и была знакомая с детства Лебяжья коса.

Настя прошептала:

— Боже, какая красота...

Только сейчас она ощутила и поняла, как соскучилась по дому, по Загрязску.

— Ты счастливый, Тимка. Ты дома...

Тимка притворно удивлялся, пожимал плечами:

— Кто тебе мешает? Бери своего космонавта, и живите тут на здоровье.

— Легко сказать... А что тут делать?

— Рыбу ловить, карасей жарить и есть. Что делать? Как все люди, работа везде найдется. Космонавт мастерскую откроет по ремонту авто, ты училка.

— Ладно, Тимка, хватит про космонавта. Ты про себя расскажи, мне интересно...

— Почему я отец-одиночка?

— Ну, и про это тоже.

— Ты все равно не поверишь. Никто не верит, даже родители.

— Тебе поверю...

Тимка остановился и пристально посмотрел на подругу. В его взгляде уже не было иронии.

— Я уже ни перед кем не оправдываюсь, Иванчик – мой сын.

— А мать, у него ведь есть мать?

— И ты туда же! Родители голову проели. Конечно, должна быть мать, но её нет, я её не знаю!

— Интересно...

— Иванчик подкидыш. Мать оставила его в моей машине и пропала.

Настя растерянно остановилась. Смятение выражало её лицо. И удивление.

— Ну вот, и ты не веришь!

— Верю! Тебе верю!

Настя отвернулась, плечи её мелко затряслись, она плакала.

— Извини, у меня после Москвы нервы...

Тимка не стал её успокаивать. Зашёл в воду, нырнул и поплыл, мощно загребая сильными руками. Он, кажется, понимал состояние Насти, но не решился сказать об этом. Настя тем временем тоже зашла в воду и плавала на мелководье. Потом они ходили по косе, по мокрому песку, оставляя скульптурно отчётливые следы. И оба понимали, что им не о чем говорить вдвоём.

7

Антон Баранов привёл молодую жену Настю в однокомнатную квартиру. Быт мало отличался от студенческого. Стол с рваной клеёнкой, несколько стульев, кровать и диван. На окнах газеты, пришпиленные кнопками. Но разве этого мало для счастливых молодожёнов? Я знал одного известного поэта. Вспоминая молодые годы, он с грустью говорил, поглаживая желтую лысину:

— Свои лучшие стихи я написал в туалете. Это было единственное место в однокомнатной квартире, где можно уединиться. В комнатке маленький ребенок, жена не спит. А я творю, пишу запоем. Потом была хорошая квартира, просторный кабинет с окнами до пола. Даже личный секретарь был. Только не было уже никогда той лёгкости строки, очарования жизни.... Запомните, молодой человек, молодость всегда права, старость всегда виновата.

Конечно, Настя навела порядок. Вымыла полы, окна. Постелила скатерть на стол, повесила занавески и шторы на окна. Появились вазочки, салфетки. Плюшевый пёсик на кровати.

Можно, конечно, улучшить холостяцкий быт, навести глянец. Но трудно исправить самих холостяков. В квартире Барановых каждый день собиралась компания коллег, сотрудников лаборатории. Молодые гении горячо обсуждали свои дела, спорили. Часто пили вино, много и жадно ели, курили. После гостей оставался пустой холодильник. Иногда утром к чаю не было даже сухарика.

К гостям так привыкли, что Настя переживала, если посиделки откладывались. Она запасала продукты, готовила, сама подавала на стол. Настя была богата, она работала в школе завучем и получала зарплату в два раза больше, чем сотрудник секретной лаборатории. Друзья Антона частенько занимали у неё деньги. Извинялись, пряча глаза. Настя смущалась и уговаривала:

— Миленькие, вам нужно, я знаю...

— Миленький, возьми, не обижай...

Её стали называть Миленькая и полюбили её. Антон сначала ревновал и возмущался.

— Ты им Миленькая, потому что кормишь-поишь всю шайку! Перестанешь кормить – они тебя крысой величать будут. Подхалимы! Придётся закрыть лавочку....

— Что ты, Антоша! – Настя не на шутку пугалась и умоляла мужа:

— Они как дети!

— Но едят, как взрослые!

Впрочем, Антон тут же снисходительно улыбался и крепко обнимал жену.

— Им некуда больше пойти.

В лаборатории остались одни оптимисты. Пессимисты давно удачно переженились. Жили в хороших домах и коттеджах, ездили на иномарках. О своих бывших сотрудниках по лаборатории отзывались с иронией:

— Гении!

Настя поневоле участвовала в ночных бдениях гениев. Она молча слушала разговоры и начала понимать суть их вожделенных мечтаний...

Молодые люди были настроены весьма решительно. Они камня на камне не оставляли от существующих порядков в своем институте и в отрасли в целом. Инструкции и нормативы не обновлялись больше пятидесяти лет. Приборы и оборудование устарели еще в прошлом веке. Подхалимство и чиновничество поощрялось начальством, как в армии. Процветало казнокрадство, немало знаковых чиновников прямо на глазах сказочно разбогатели. А в ведущей лаборатории зарплата меньше, чем у Насти в школе! Бунтари поднимались выше,

и уже крушили правительство и законы. Сотрясение воздуха, громы и молнии, однако, не выходили дальше квартиры. Судя по настроениям, молодые люди сожалели, что в своё время не рискнули вместе с однокурсниками искать удачи где-нибудь в Силиконовой долине. Однако же никто из коллектива Баранова не уволился и не уехал в Америку. И завлаб, и его товарищи упорно работали на вырост, на завтрашний день, просто про запас.

Главный проект был готов давно, наконец, дождался очереди. Его опробовали на Байконуре. Ракета взорвалась в воздухе на глазах, были жертвы, несколько погибших. И хотя взрыв произошёл не по вине конструкторов, лабораторию прикрыли. Завлаб Баранов и его товарищи на полгода ушли в отпуск. Болтались без дела, пили горькую и вели бесплодные споры. Когда после аварии страсти поутихли, ребята вернулись в лабораторию. Но с категорическим приказом директора института: навсегда забыть о проекте.

Директор института академик Горностаев, известный конструктор и один из организаторов космической отрасли, был главным тормозом и крушителем проекта Баранова и его товарищей. Он всю свою жизнь фанатично следовал разработкам своего учителя Королёва и уже давно использовал этот ресурс. Ничего нового он не мог предложить, но всячески препятствовал проектам молодых конструкторов. Это породило многолетний кризис в отрасли.

Последний аварийный запуск тщательно расследовали. Выводы комиссии были не в пользу Горностаева. Герой России, лауреат многих государственных премий, кавалер десятка орденов и прочая и прочая, со дня на день со страхом ждал решения Кремля. Не вытерпел и пошел по кабинетам наносить упреждающие визиты. Разумеется, его не пускали дальше приемных. Он позвонил президенту. «Президент не может вас принять», – ответили в трубке. Старый академик не мог придумать ничего лучше, как внезапно умереть где-то в кабинетах правительства. И таким образом, опередить решение Кремля.

Хоронили старика по высшему государственному рангу на Новодевичьем. Заставил себя уважать напоследок.

Новый директор очень буднично зашел в кабинет, мельком глянул на тесно стоящие ряды коллектива и как-то угрожающе спокойно улыбнулся:

— Обещаю, скучать не будете.

Директор был из поколения «гениев», из разночинцев.

Баранов с сотоварищи быстро пошли в гору. Лабораторию укрупнили, установили новое дорогостоящее оборудование и дали первой срочности заказ. Это была старая идея на новый лад. Лаборатория должна в короткие сроки разработать проект космического лифта. Суперпроект.

Сотрудникам втрое повысили зарплату. Семейным дали отдельные дома и коттеджи. За Барановым закрепили машину с шофёром. Привилегии потеснили мужскую дружбу и ночные посиделки. Да и времени уже не хватало. Новый директор не поощрял старые традиции. Служба безопасности давала ему подробную информацию о жизни сотрудников. Он любил повторять на планёрках с угрожающей иронией:

— Вы не на работе, вы на службе.

8

Старики Хворостовы ушли один за другим. Егор Егорович успел распорядиться по наследству, наказал Тимофею продолжать дело и непременно привести в дом хозяйку, жену. Умер тихо, как уставший от долгой жизни человек. Матрёна умерла через полгода после мужа.

Тимофей не выполнил наказ отца. Продал завод и почувствовал большое облегчение. Алкогольный рынок действовал на него удручающе. Он плохо ориентировался в хитросплетениях торговли и мог потерять всё. По совету доверенных людей Тимофей зарегистрировал новый бизнес, учредил реставрационно-строительную организацию, нанял управляющего и занялся своими делами.

Он давно мечтал построить особняк, усадьбу с прудом, с липовыми аллеями, с ветряной мельницей и непременно с конюшней. Долго выбирал место. В окрестностях Загряжска, недалеко от хутора Гривенного, в самом устье речки Серебрянки он увидел знакомое место, куда его не раз привозил отец.

На большом ровном плато проглядывали остатки фундаментов, заросших дерезой, конским щавелем и шалфеем. Подворья и огороды отделялись едва заметной обваловкой. Кое-где сохранились

одичавшие яблони и груши. Это были мощные искривленные стволы столетних деревьев, немые свидетели пепелища. Пёстрые дятлы быстро бегали по стволам, ныряя в зияющие дупла. Ветер шумел в густых кронах. Вспомнил Тимофей, как отец всегда снимал кепку и крестился на этом месте. Хутор Хворостов в три десятка дворов когда-то принадлежал его деду Григорию Ивановичу Хворостову. Тимофей же о своём прадеде знал только то, что он жил в большом доме, крытом оцинкованной жестью. Ездил на «лаковой» коляске. Кованые с узорами ворота всегда открывал сторож. Детей Хворостовых было восемь душ. Хутор раскулачили. Прадед сгинул где-то в Красноярском крае. От бывшей жизни остались только заросшие межи и несколько дичков яблонь и груш. Ещё недавно можно было спросить отца. Теперь спросить некого. Тимофей разволновался, рукавом вытирал пот на лбу.

Он стал искать место, где стоял дом прадеда. Возле дикой яблони различил следы строения большого периметра. Измерил шагами. Десять на пятнадцать. Здесь! На месте прадедовского фундамента будет новый дом Хворостовых! Тимофея как током ударило. Жизнь, кажется, начинала новый отсчет.

Не случайно выбирали предки это место для хутора. Рядом Дон в зелёной оправе тополёвых левяд, и речка Серебрянка, тихо вплетающая в донские струи свою сладкую, очищенную песчаными берегами воду. Крутой правый берег меловыми отрогами и буераками спускается прямо в пойму и шевелится множеством родников. Ключевая вода ломит зубы, на губах остается вкус талого снега и артезианской свежести. Высокое небо в лёгких прозрачных облаках. Влажный тёплый ветер дышит близостью моря. Щиплет в глазах, сердце стучит где-то в горле, как у птицы, собирающейся взлететь. Не может пустовать свято место. Правнук вернёт к жизни хутор своего прадеда.

Тимофей приучил Иванчика к машине. С малых лет с утра до вечера возил малыша с собой. Обращался с ним, как с товарищем и предупреждал других:

— Не сюсюкайте, он понятливый.

Знакомая тётенька как-то ласково погладила его по голове и, желая польстить, похвалила игрушку:

— Какая у тебя красивая красная бибика!

Иванчик строго нахмурил брови и назидательно, с нажимом сказал тётке:

— Это не бибика. Это машина Камаз.

Он во всем старался управляться сам, и только в затруднительных случаях обращался за помощью. Однажды описался, не успев расстегнуть пуговицы и снять комбинезон. Расплакался, разозлился на отца:

— Ты нарочно купил мне эти штаны без ширинки! Сам носишь с ремнем, как все люди!

Отец в тот же день купил малышу брюки с ремнём. Сын с достоинством кивнул головой:

— Давно бы так.

Иванчик имел склонность к рассуждениям и размышлению. Он часто задумывался и долго сидел молча, шевеля губами. Его вопросы удивляли. Например, спрашивал отца:

— Ты был маленьким?

— Был.

— А дедушка был маленьким?

— Был. И бабушка была маленькой. И тётка Варя. И наш Тузик.

Иванчик глубокомысленно вздыхал:

— Все бывают маленькими...

И добавлял с недетскою тоской:

— И мамы у всех бывают...

О матери малыш спрашивал не первый раз. Тимофей не мог найти вразумительного ответа. Он старательно подыскивал слова.

— Потерялась мама... Понимаешь, ехала домой и по дороге потерялась. Сейчас её ищут, все люди ищут, и милиционеры...

Умный Иванчик не верил отцу и молчал, насупившись.

Однажды где-то за городом Тимофей долго разговаривал с заказчиками на новой стройке. Вернувшись, он не увидел мальчика на привычном месте в машине. Обошёл вокруг, окликнул, стал

искать поблизости за кустарником, за штабелями досок... Заплаканного малыша привёл за руку сторож.

— Гляжу, а этот пешеход уже на трассу вырывается...

Тимофей не стал ничего говорить мальчику. А через несколько дней, когда всё забылось, Иванчик с какой-то упрямой обидой заявил отцу:

— Я всё равно найду свою маму!

Тимофей впервые почувствовал в мальчике нор, который со временем не обещал для отца ничего хорошего.

9

Настю не ждали, она явилась на такси, как снег на голову. С короткой причёской, в белых брюках, в больших квадратных очках. С огромным чемоданом на колёсах. Весёлая, разговорчивая. Приехала не одна, за спиной почтительно стоял лысый худой старичок с толстым портфелем наперевес. Родители вопросительно посмотрели на старичка. Он с достоинством сделал шаг вперед и, держа портфель впереди себя, поклонился:

— Адам Муздаковский. Помощник и биограф господина Баранова.

И с достоинством отступил назад.

Настя аккуратно перецеловала родителей, повторяя с восторгом:

— Миленькие! Как я соскучилась! Как истомилась!

В доме она одарила родителей дорогими и ненужными подарками. Среди прочего были ожерелье и браслеты из янтаря, бутылка французского коньяка, шоколад и конфеты, макет космического корабля из нержавеющей стали, кожаная куртка лётчика для отца, пара наградных часов, косметический набор для матери, одеколон и духи.

Учтивый Адам подписал свою книгу о космонавтах и, как дорогую награду, вручил её Афанасию Афанасьевичу со словами:

— Вы, несомненно, очень удачливый человек. Это тысячный, самый счастливый автограф. Полагается бонус.

Старичок быстро извлёк из пузатого портфеля оранжевую пляжную кепку со своим овальным портретом над козырьком и натянул на большую голову обладателя счастливого автографа. По козырьку лихо отпечатана шуточная надпись «Ух, ты! Ах, ты! Все мы космонавты!»

— Это надо обмыть! – радостно объявил Афанасий Афанасьевич.

Настя приехала с поручением от мужа. За обеденным столом, когда выпили за приезд дочери, она объявила о своей важной миссии.

— Моего Баранова вызвали на Байконур, видимо, надолго. Там началась работа по подготовке пуска аппарата, созданного коллективом лаборатории. Я была свидетелем бессонных ночей и творческих мук конструкторов. Представьте, этим ребятам, этим гениям по двадцать пять – двадцать семь лет. Нет, вы не представляете. Вот Адам, он знает. Этот человек все знает... Его любят все космонавты. Он душа, Адамчик...

Настя смутилась, закашлялась, решительно отмахнулась ладошкой:

— Я хотела сказать о важном поручении моего мужа. Дело в том, что...мой Баранов имеет отношение к Загряжску! Его дед Спиридон Баранов был первым председателем Загряжского ревкома! Антон попросил Адама поискать документы в архивах и в музее. С дедом связано какое-то семейное проклятие. Оно имело роковые последствия для всех Барановых, вплоть до сегодняшнего дня. Спиридон и его двое братьев были расстреляны. Дети деда-революционера, семь душ, перемерли от голода и болезней в тридцатые годы. Выжил только самый младший, отец Антона, Кузьма. Он единственный из рода Барановых, кто умер своей смертью на родине в Тамбовской области... Понимаете теперь весь ужас нынешнего стечения обстоятельств? Антон – последний из рода Барановых. Последний из могикан, так сказать, на сегодняшний день...

Варвара испуганно перекрестилась:

— Господи, Иисусе! Страсти какие!

— А как же бабы? Женщины, то есть?

Вопрос задал Афанасий Афанасьевич. Он очень внимательно слушал про Барановых. Настя осеклась, сбилась с мысли.

— Какие бабы?

— Ну, женщины Барановы... По женской линии. Что о них слышно?

Настя пожалала плечами, не понимая вопроса. Афанасий Афанасьевич пояснил.

— Под проклятие попадали мужики. А бабы? Сколько погибших, сколько выживших? Про женщин Барановых ты ничего не сообщила...

— Да, действительно... Но мы всё выясним, всё раскопаем, да, Адамчик?

Настя с уверенностью посмотрела на захмелевшего Адама:

— Вот он, на него вся надежда! Он и до женщин Барановых докопается!

Писатель боролся со сном и слегка похрапывал. Афанасий Афанасьевич налил ему полную рюмку «Хворостовской» и толкнул в бок. Адам выпил и стал смелее. Он говорил очень выразительно и никогда не терял ход мысли.

— Мне приходилось распутывать разные хитросплетения. Главный же секрет в том, что у меня есть волшебный ключик к секретам. И он хранится, этот ключик, в надёжном сейфе. Вот тут! – он постучал пальцем по своей жёлтой лысине.

Все как-то нервно и невесело рассмеялись. Адам продолжал:

— Мы установим первопричину проклятия. Я перетряхну весь город, но найду и документы, и свидетельства. Закажем молебен и литургию. Прилюдно покаемся и поплачем. Поплачем и покаемся. И попросим митрополита снять проклятие. Адам спас от забвения космонавтику. Адам снимет с рода Барановых проклятие.

Афанасий Афанасьевич заметил, как внимательно слушала писателя Варвара, как обожествлённо глядела на него дочка. Ночью уже в постели он спросил Варвару как-то таинственно, как в детстве загадывают загадки.

— Хочешь, я тебе всю правду угадаю ?

— Пить меньше надо! – огрызнулась Варвара. – Чего тебе?

— Скоро наша Анастасия поменяет своего космонавта на этого лысого старичка.

Варвара острым локтем ширнула мужа под рёбра и одним движением бедра притиснула его к стенке.

— Молчи, дурак! Сама вижу!

10

Адам погрузился в историю. С утра до вечера он терзал вопросами работников музея и снимал копии с ветхих протоколов ревкома. Ходил по адресам, где жили древние старики и старухи. Записывал свидетельства, воспоминания, слухи. Папка с надписью «Спиридон Баранов. Загряжск. 1919 – 1929 гг. Документы. Свидетельства. Воспоминания современников. Собирал писатель и историк космонавтики Адам Муздаковский», – папка росла, пухла, пополнялась с каждым днем. Документы отличались оригинальностью. Вот некоторые записи.

«Полоумная старуха. 94 года. Плачет. Мосластые руки, толстая палка. Не помнит, где родилась, кто родители, но чудесным образом знает Баранова. Даже подробности вспоминает. Бывают просветы у старухи. «Революционер сидел на колокольне и сбрасывал наземь иконы и колокола. Казаки сказали промежду собой: «Сколько можно!?» Поймали его за штаны и сбросили с верхотуры. Он схватился, и бечь к речке. Казаки с кольями за революционером. Он сиганул в речку, переплыл и пошёл к полюбовнице жить... Кажись, перепутала. Это революционер Баранов с наганом бегал, значит, за казаками. А они прямо всем стадом от него. Сигнули в Дон, да потопли все. И сел этот Баранов править в Загряжске».

Ветеран, милиционер, селькор и краевед. 89 лет. Склонен к преувеличению. Уши и ноздри заросли пухом. Глубокие морщины, глаз не видно.

«Наш начальник милиции Брухастый вашего комиссара Баранова матом лечил. Когда борьба против попов началась, Баранов всегда держал начальника милиции при себе. Попы напустили порчу на комиссара. Делают обход по дворам: «Иконы есть?» – «Как не быть, есть» – «Неси!» Комиссар вынает шашку и давай полосовать. Потом хлоп наземь, и сучит ногами. Из рта пена вожжой. Вот тут Брухастый оху.....ет его матом! Прямо басом! Громоподобно! Ах, ты Ах, ты Маму твою..... Бабушку твою..... Дедушку!..... Дышло в рот! Комиссар подымается, трогает голову и говорит: «Извините. Пойдёмте, товарищ Брухастый, пиво пить, жажда пекёт.» По слухам, его и мама

родная прокляла, когда он из дома иконы сам выносил и за сараем на колоде шашкой рубил. Дорубился! От падучей похудел, иссох, одни мослы остались. Никакие доктора не помогали. Спасибо моему начальнику Брухастому, матом вылечил. Перестал комиссар с иконами бороться и за попами с наганом бегать. А что касемо проклятия, по слухам, весь комиссарский род перевёлся. Нельзя иконы шашкой рубить!»

Адам записывал эти свидетельства современников и смачно плевался.

— Сами дикие, язык дикий! Да и комиссар Баранов дикий! А я тут сиди и лепи героический образ! Надо бросать эту халтуру и писать исключительно лирическую поэзию!

В редакции Муздаковского оба эти свидетельства стариков выглядели так.

«Вокруг Загряжска осенью 1919 года рыскали три или четыре хорошо вооруженные банды казаков. До сих пор Баранов и его немногочисленный ревком сумели отбивать внезапные налёты бандитов. Герои держали оборону и отстреливались на высокой колокольне Воскресенского собора. Но однажды осведомители из местных жителей не успели предупредить, бандиты появились ночью. Завязался неравный бой. Бойцы умирали молча, стиснув зубы. В ход пошли гранаты. К утру в живых остался один комиссар. Он выхватил шашку и с криком «Да здравствует мировая революция!» кинулся на врагов. Его схватили живым и потащили на колокольню. Оттуда, с верхотуры, бросали коммунистов на булыжник майдана. Таким зверским способом хотели расправиться с товарищем Барановым. Его поставили в узкий проём, толкнули в спину прикладом и сказали: «Лети!» Произошло чудо! Это было не падение, это был полёт! Что бывает с человеком, который падает с колокольни на булыжник майдана? От человека остается чашка студня. Но товарищ Баранов, как космонавт, широко раскинул руки и совершил пилотируемый полёт. Он встал невредимый, отряхнулся и могучими прыжками кинулся к реке. Вслед стреляли, кричали. Комиссар переплыл на другой берег. Это был, конечно, великий подвиг. Но это был и великий символ, предтеча, заря космической эры. Комиссар Баранов своим полётом с колокольни предвосхитил полёт космических кораблей, созданных его правнуком Антоном Барановым.

Что касается пристрастия Спиридона Баранова к изъятию у граждан икон и порче их холодным оружием. Это бред сивой и глухой бабушки, которую я выслушивал у неё дома. Вообразите старую старушку девяноста трёх лет, которая, опять же по слухам, рассказывает сказки про комиссара Баранова. Да она наврёт, навалит вагон и маленькую тележку! Дескать, он один гонялся с наганом за целым стадом казаков! Где вы видели таких вялых казаков? Да они бы его в секунду щёлкнули, как вошь! Информация о падучей болезни Спиридона Баранова соответствует действительности. Как и правда об излечении его нецензурным матом. Лично начальником милиции товарищем Брухастым. Об этом свидетельствует объяснительная записка Брухастого в органах ЧК. Но я не могу публиковать этот нецензурный документ с матом. Герои обрастают легендами, это естественно. Всё перемешалось. Через сто лет трудно отличить, где была, а где небыль. В этом состоит загадочная правда истории. А был ли комиссар Баранов? Сомнение есть двигатель истории...»

Вот как писать надо!

Адам чувствовал, как его внезапно окатывает горячая волна близкой удачи, молодого азарта и приключения. Он выскакивал из-за стола, крепко потирал сухие ладошки и пускался в пляс.

Бабушки-дедушки, тра-ля-ля, ля-ля-ля,
Папа и мама, и я...

Настя позвонила Тимофею, и они с Иванчиком заехали за ней.

— Шкворцы прилетели!

Тимофей обнял подругу и познакомил с сыном. Настя восторгалась и хвалила мальчика, хвалила и восторгалась. Иванчик слушал молча.

— Теперь мы будем с тобой дружить!

Мальчик отодвинулся и сказал строго и осторожно:

— Я сейчас тебя не люблю. Может, потом полюблю...

— Какой умный мальчик!

Настя продолжала хвалить и восхищаться. Тимофей посоветовал:

— Не сюсюкай, он взрослый. Сейчас поедem на нашу новую усадьбу.

В хуторе Хворостове заканчивали кирпичную кладку дома. И само место, и стройка произвели впечатление на Настю. Она не раз бывала здесь, но не запомнила, не оценила величественный ландшафт с меловыми кручами, пойменным лесом и устьем речки Серебрянки, опушенной зарослями камыша и краснотала.

— Как удачно выбрано место! Какая красота! Простор!

— Место выбирал мой прадед.

Тимофей в двух словах рассказал ей о хуторе и о судьбе его жителей.

Иванчик сухой веткой ковырял в траве, преследуя ящерицу, и в полуха прислушивался к разговору отца с красивой тёткой.

— Меня упрекают в маниловщине, – Тимофей говорил как-то устало, как бы оправдываясь. – Знаю. Да, я мог бы за эти деньги построить хороший дом в Загряжске и жить там до старости. Но походил по этому пустырю и стал думать. О себе, об отце, об Иванчике... Как в спину меня кто толкнул. Здесь! Прадед и все Хворостовы позвали меня сюда. Теперь уже не передумаю. Мечтаю, конечно, как Манилов. Но считать научился. Богатой усадьбы не осилю, денег не хватит. Но дом, бассейн, флигель и беседки построю, сад и парк посажу. А потом, даст Бог, позову сюда своих родичей, друзей. Места для всех хватит. Со временем вырастет полноценный хутор. Кстати, и тебя со своим космонавтом приглашаю. Рано или поздно всё равно на родину потянет....

— А гараж для машины? – по-хозяйски спросил Иванчик. – Забыл?

— И гараж для машины, – поддержал отец.

— И конюшню для лошадки! – добавила Настя.

— И конюшня будет!

Спустились к Дону, побродили босиком по воде. Сели отдохнуть под старым горбатым караичем в холодке. Иванчик заснул на коленях у отца. Настя собралась с мыслями и благодарно посмотрела на своего друга.

— Когда я увидела это место и твою стройку, у меня именно здесь пришло решение, ради которого я приехала. Теперь только от тебя зависит... Понимаешь, мой Баранов перед отъездом на Байконур дал мне денег и велел построить где-нибудь в Загряжске часовенку в честь иконы «Утоли моя печали». Дело в том, что его прадед был некоторое время председателем Загряжского ревкома. Отличился жестокостью по отношению к церкви и священникам. Лично рубил шашкой иконы. Родная мать прокляла, когда он снял с божницы икону «Утоли моя печали» и разбил о каменный порог. Икону сохранили и починили. Баранов получил её из рук своей матери по наследству, она же и рассказала о проклятии. До недавнего времени муж не вспоминал об этом. Икона висит у него в кабинете. Как фамильная память. Но в последнее время он почему-то стал вспоминать прадеда, проклятие и эту икону. Позвал писателя Адама Муздаковского, который пишет о наших космонавтах, и попросил вместе со мной съездить в Загряжск. Узнать подробности работы прадеда в Загряжске. И похлопотать у иерархов церкви о возможности снятия с него материнского проклятия. И помочь мне в организации сооружения часовенки. Муж был настойчив и просил ехать, не откладывая.

Когда ты показывал свою усадьбу, мне вдруг пришло в голову попросить тебя, то есть разрешить построить часовенку здесь, на месте хутора Хворостова. Как непостижимо переплелись судьбы! Как ты думаешь?

Тимофей, внимательно слушавший Настю, сказал просто, как о деле решённом:

— Выбирай место!

Отец увидел над кроватью Вани семейный портрет на картонке с наклеенными фотографиями. Под одним фото крупными буквами было написано: «Эта мой папа». Под другим фото – «Эта моя мама». Под своим фото Ваня написал: «Эта их сын». Маму Ваня вырезал из рекламного журнала, она оказалась певицей Бабкиной в кокошнике, с плетёной толстой косой на плече.

Отец спросил мальчика, зачем он приклеил чужую тётку? Ваня молча принёс из другой комнаты старую семейную фотографию, где маленький Тимка с оттопыренными ушами сидел со своими родителями.

— Видишь? — сказал мальчик. — Это твой папа, это твоя мама, а это ты маленький. У всех маленьких детей мамы бывают. Когда наша мама вернется, я приклею её фотографию. А пока пусть повисит эта мама. Потому что без мамы неправильная фотография. Ты ведь не против?

— Мы найдём нашу маму! — отец подхватил мальчика на руки и крепко обнял. — Обязательно найдем!

На следующий день Тимофей позвонил своему однокласснику, капитану полиции Бублику, и приехал к нему в городской отдел. Бублик знал историю с подкидышем, он подумал и сказал:

— Мамашу никто не искал, так как ты усыновил мальчика. Да ты и заявления не писал. Попробую помочь. Мы напечатаем в газете заметку с описанием инцидента на автостанции. Но без подробностей. С адресом нашего отдела полиции. Твоей фамилии называть нельзя, сам понимаешь... В общем, буду держать в курсе.

Через некоторое время капитан позвонил:

— Подъезжай, есть новости!

После публикации в газете стали приходиться письма. Бублик посадил Тимофея за отдельный стол и разложил конверты.

— На сегодняшний день шесть писем. Пишут в основном молодые мамы, потерявшие детей при разных обстоятельствах и в разных местах. Мамы оставляли грудных детей на руках у незнакомых людей, чтобы на минутку сбежать в буфет, в кассы или в туалет. Дети исчезали бесследно, поиски не давали результатов. Две мамы заснули, а проснувшись, обнаружили пропажу детей. А один папаша крепко выпил и не помнит, как потерял ребенка. У меня лично нет доверия к этим письмам. Дело в том, что я делал запросы в соседние районы, которые упоминаются в письмах. Заявление в полицию о пропаже ребенка было только в одном случае. Значит, причины надуманные. Скорее всего, молодые мамы, оказавшись в трудном положении, просто подкидывали новорождённых и бесследно исчезали. Таких случаев у нас сколько угодно, да и твой приёмщик из этого ряда... Но, кажется, теперь мы точно знаем, кто его мама. Вот, прочитай это письмо!

Тимофей вынул из конверта листок из ученической тетради с ровным уверенным почерком.

«Я пишу о подруге, оставившей своего новорождённого ребёнка в попутной машине на автостанции г. Забалуева. Теперь мальчику должно быть четыре года, о его судьбе мне ничего неизвестно.

Но всё по порядку.

Тамара моя подруга, мы выросли в детском доме. Родители её погибли в железнодорожной катастрофе, маленькая Тамара выжила, её определили в детский дом. Здесь мы подружились и уже не расставались. Моих родителей лишили родительских прав, и я больше не слышала о них и не знаю, живы ли они сейчас. В школе мы учились хорошо, даже отлично. Обе окончили педагогический университет, обе получили направление в одну школу в г. Забалуев. Она математичка, я русистка. Жили в одной квартире, всё делили поровну, тайн друг от друга не было. Всегда были вместе, пока Тамара не познакомилась с курсантом военного училища. Вот тогда и появились тайны. Она пропала на несколько дней и не отвечала на мои вопросы. Однажды её не было целую неделю. Пришла тихая, задумчивая и счастливая. «Мы были на море. Я выхожу замуж». И заплакала, разрыдалась. Еле успокоила её. Напоила валерьянкой, уложила в кровать. Проспала сутки, не вставая. Я чувствовала, что с подругой что-то не так. Она что-то скрывает. Тамара показала обручальное кольцо. «Вот, подарил. Скоро пойдём в ЗАГС». Каникулы кончились, курсант уехал в училище. Мне его даже не показала. Сказка кончилась. Ни звонка, ни письма, ни телеграммы. Тамара как полоумная каждый день строчила письма. Пока через полгода, кажется, её письма стали возвращаться со штемпелем на конверте «Адресат выбыл». Тамара перестала ходить на работу и целыми днями лежала на кровати. Молчала и почти не ела. Похудела до изнеможения. Я вызвала «скорую», и подругу надолго госпитализировали. Вернулась недели через три. Маленькая, с детским жёлтым личиком, глаза провалились. С заметным животом под халатом. «Вот, скоро сынок будет». И опять слёзы, тихие слёзы. И опять нет жизни в глазах. Тут уж я взяла её в оборот. Что ты, говорю, нюни распустила! Радоваться надо, сынок будет! В общем, кое-как взбодрила ее. Выпили сухого вина, пообедали. А она на следующий день сказала мне холодно и спокойно. «Сынок, конечно, счастье... Только моя песенка спета. Анализы показали, что у меня белокровие, лейкоз. От нервного потрясения». Тут уж я разревелась. За что ей, бедной, такая судьба!

Родила здорового мальчика. Кормила грудью, щёки у неё порозовели, повеселела, разговорчивее стала. Я боялась дышать и надеялась, что роды могут переломить болезнь. Но старалась не говорить об этом, боялась сглазить. Но Тамара думала о своём.

— Будь ему вместо меня... Кроме тебя некого больше просить...

Припозднилась как-то на работе, прихожу домой, а Тамара сидит на кровати, как с креста снятая. Глаза тихие, безумные, раскачивается взад-вперед. «Отдала сыночка в хорошие руки», — больше от неё не услышала ни словечка. Позже я поняла, что она не хотела обременять меня, и приняла такое решение под влиянием горькой минуты.

Похоронила я подругу на городском кладбище. Если объявится добрый человек, который приютил мальчика, то сообщаю свой адрес. Буду рада встретиться и рассказать всё, что знаю о моей бедной Тамаре. И, конечно, очень хочу поглядеть на мальчика. Мария Евдокимовна Великокняжеская ».

— Надо ехать!

Голос капитана Бублика прозвучал как-то неестественно бодро. Видно было, что он разволновался. Разволновался и Тимофей.

— Это она, — произнес он уверенно. — Это Ванина мама.

13

Несколько дней до поездки в Забалуев Тимофей чувствовал неясную тревогу. Слышал изнутри отдаленный ровный гул, как в проводах под напряжением. Тревога распирала грудь, но скорее от радости. Внутренний гул будоражил, волновал кровь, как в детстве перед грозой. Или перед половодьем, когда ломался лёд на реке, и льдины напозлали друг на друга, вставляли на дыбы, с треском обваливались, крошились, образуя пенистые буруны. Этот гул и тревога поднимались к самому горлу, не давали уснуть. Нечто подобное чувствовал Тимофей, собираясь в дорогу. Он решил ехать один, хотя капитан Бублик настоятельно просил взять его с собой. Чисто выбрился, надел белую рубашку. Пальцами разметал кудри в разные стороны, хмыкнул в зеркало и решительно шагнул через порог. Цветы он купил по дороге. Остановился возле павильонов с сувенирами и долго ходил по рядам. Взял в руки чугунную, каслинского литья статуэтку Дон-Кихота, повертел и попросил завернуть. Купил для чего-то толстый пук длинных павлиньих перьев.

Машина невесомо скользила по асфальту. Чувство тревоги переросло в ощущение полёта. От скорости холодок пробегал по спине. Дорога неслась навстречу, стремительно глотая прошитые белыми столбиками обочины. И мысли неслись, кружились. Что сулит запоздалая встреча? Может, лучше было не знать о судьбе несчастной матери? Зачем посвящать ребёнка в тайны его рождения? Сколько людей на свете живут и умирают, не зная своих отца и матери. Лучше ли? Ой, ли! Сколько безответного и невысказанного у человека, не знающего, кто его мать. Как она жила, чем дышала. Чему радовалась, кого любила. Как умирала. Это должен знать человек. Это должен знать его сын Ваня.

Тимофей свернул с трассы. Он впервые был в Забалуеве, но ему казалось, он знает дорогу, или кто-то подсказывал. Уверенно рулил по городским улицам, проезжал перекрестки и развилки. Уже за городом дорога по спирали пошла в гору и уперлась прямо в кладбищенские ворота. Тимофей даже вздрогнул, он собирался сначала заехать к Марии Евдокимовне, и только потом вместе с ней посетить могилу Тамары.

Он взял розы, и будто кто подтолкнул в спину, решительно двинулся по опоясывающей песчаной дороге на окраину погоста, где видны были свежие могилы. Ещё больше он удивился, когда через несколько минут оказался возле жёлтого холмика с деревянным крестом и овальным портретом на перекладине. Точно кто-то незримый подвел его к могиле. Найти её среди тысяч крестов и памятников без посторонней помощи было просто невозможно.

На эмалированном овале была она, его давняя попутчица, с детским личиком и грустной улыбкой на смущённых пухлых губах. Она словно извинялась оттуда перед Тимофеем за сына. Было и легкое сходство с Настей. Тимофей долго стоял с опущенной головой. Разложил белые розы по всему холмику. Две розы подоткнул под эмаль.

Марию Евдокимовну он нашёл по адресу. Поднялся на второй этаж, позвонил.

— Ой! – воскликнула пышнотелая красавица в бархатном халате, распахнув дверь. – Проходите, я сейчас мигом переоденусь.

Хозяйка скрылась в комнате, Тимофей шагнул в прихожую и стоял, с любопытством оглядывая крошечные апартаменты.

Хозяйка появилась в скромном длинном платье, схваченном в талии широким поясом. Тёмные волосы гладко зачёсаны назад и припилены на затылке каким-то перламутром. Большой лоб и большие серые чуть выпуклые глаза светились иронией и умом.

— Значит, вы Тимофей, Тима, – как-то покровительственно, по-учительски заговорила хозяйка. – А я Мария, Маша. Друзья называют Княгиней, хотя я дочь колхозников. Большая и сильная. И сама люблю больших и сильных.

Мария засмеялась так громко и откровенно, что невольно рассмеялся и Тимофей.

— Вот, значит, вы какой, Тимофей! А я представляла старичка. Нет, не старичка. Сельского домовитого холостячка, с животиком, умньего, степенного. Не то я говорю...

Мария недовольно отмахнулась рукой, сердясь на самоё себя.

— Как сыночка зовут?

— Ваня.

Тимофей включил планшет и положил перед Марией. Она так и впилась в экран. Долго смотрела, пересматривала. Вытирала платком глаза. Вздыхала.

— На Тамару похож... Ваня.

Потом Мария показывала Тимофею фотографии Тамары. Их было много. В детском доме. Школьные снимки с подругами, с Машей. В институте. В Забалуеве. Несколько последних фото с новорожденным.

Мария аккуратно сложила все фотографии в коробку, перевязала ленточкой.

— Это вам с Ваней. И ещё. Я отобрала кое-какие вещи и документы, возьмёте с собой.

Мария всплакнула.

— Мы ведь теперь родня. Я крёстная Вани.

Княгиня накормила Тимофея бутербродами, напоила чаем. И всё время рассказывала о своей подруге. Тимофею было интересно слушать, как рассказывает Мария.

— Есть люди, у которых судьба на лице написана. Везунчики. Плуты. Герои. Проходимцы. Артисты. Вот у Тамары прямо на лбу было напечатано: Безответная. Жертва. Всегда чувствовала себя виноватой перед другими. Извинялась, если её ставили в пример другим. Стеснялась своих пятёрок в школе. Выдумывала себе вину, если наказывали подруг. Если кто-нибудь хвалил её авторучку или часы, она тут же радостно предлагала:

— Возьми, пожалуйста. У меня ещё есть.

Я не помню, чтобы она сказала плохое слово о ком-нибудь. Заступалась за виноватых, всегда находила оправдание и утешение. «Она не воровка, она свой пирожок кошке с котятками отдала». «Он не хулиган. Он за первоклашку заступился». Помню, в институте наша студентка вывела из себя молодого преподавателя, и он обозвал её «куриными мозгами». Все засмеялись, а Тамара вскочила пунцовая, как мак:

— Нельзя так говорить о человеке! Вы должны извиниться!

Преподаватель извинился.

У всех людей есть защитная плёнка на сердце. У Тамары не было никакой защиты: чуть тронь, и сердце кровоточит. Такие долго не живут. Первая любовь и первый обман. Кто не переживал? Не страдал? Для Тамары это оказалось смертельно. Это редкая натура, редкий характер. Ей было трудно среди людей, Бог пожалел её....

Потом они вдвоём съездили на кладбище. У жёлтого холмика они долго говорили о Тамаре. Тимофей рассказал, как он случайно или по чьей-то неведомой воле нашел могилу. Мария не удивилась и сказала, задумавшись:

— Чудес не бывает. Это промысел, судьба. Значит, именно так Господь соединил вас с Тамарой.

Вместо эпилога

Прошёл год.

СМИ сообщили об аварии на космодроме Байконур и гибели группы инженеров и конструкторов. Среди погибших был Антон Баранов. Настя позвонила Тимофею и сообщила о своём решении похоронить мужа в Загряжске, а точнее, в хуторе Хворостове. Просила его согласия. «Примерно через неделю прибудет траурный кортеж с сопровождением военных. Никакой помощи не потребуется, процедуру обеспечит Институт, где работал муж».

Похороны состоялись в начале сентября.

Никогда ещё этот пойменный берег Дона не видел такого количества народу и машин, столько известных людей. Было много речей. Много венков, много цветов. Имя конструктора Баранова стало знакомо всей России. Убитую горем Настю еле живую привели с кладбища в новый дом Тимофея.

На следующий день Настя ожила и жаловалась своему другу:

— Сколько трудов, сколько слёз мне стоили эти похороны! Я наотрез отказывалась хоронить мужа в городе Королёве на Почётной аллее космонавтов. Сказала при всех, что отравлюсь, если не дадут похоронить Баранова в Загряжске. В конце концов, главная шишка, генерал, сказал: «Отдайте этой истеричке гроб и закопайте его там, где она скажет». Я делала это назло Муздаковскому. Я не хотела связываться с этой московской дрянью, с этим мерзавцем! Этот самозванец выступал душеприказчиком Баранова. Был его ближайшим помощником и доверенным лицом. Он распоряжался деньгами и авторскими правами моего мужа... Я буду судиться с ним!

— Но ведь ты сама привозила его в Загряжск?

— Привозила, дура! Я хотела даже бросить Баранова и уйти к этому карлику.

Тимофей от неожиданности даже засмеялся вовсе не к месту.

— Ну ты даешь! Помрачнение нашло?

— Баранов сам виноват! Он изменил мне! Два раза возил любовницу на министерскую дачу в Сочи. У меня есть доказательства, фотографии. Теперь, конечно, я всё простила, он умер моим мужем. Моё место рядом с ним, с его могилой. Я решу все проблемы с наследством, оформлю пенсию за мужа, продам недвижимость в Подмоскovie и вернусь домой, в Загряжск. Наши люди лучше, и воздух здесь чище! Я, Тима, родину люблю.

Тимка встал на табуретку и прокричал:

— Шкворцы прилетели!

Настя посмотрела недоверчиво, и даже не улыбнулась.

— Прилетели...

Отец и сын теперь ездили в Забалуев вместе. Ивану Хворостову понравилась тётка Маша, и он бросался к ней в объятия с радостным воплем:

— Княжеская Маша!

На могиле Тамары поставили пирамидку. Тимофей спросил Марию:

— Ты не против, если мы перезахороним Тамару у себя, в Загряжске, на нашем хуторе?

— Я даже не против, если вы с Ваней покажете мне этот хутор.

Сынок с укором посмотрел на отца:

— Что я тебе говорил! Уже давно надо привезти к нам Машу! Иначе она просто обидится.

Тимофей тут же покался.

— Едем сегодня же!

Маше понравился и новый дом, и место для будущего хутора, и даже маленькое огороженное кладбище на бугру с одинокой могилой. Они поднялись наверх.

— Жизнь и смерть всегда рядом. — Маша остановилась возле могилы Баранова и читала надписи на венках. — Конечно, Тамаре место здесь. Начало новой жизни и начало погоста.

Вечером Тимофей познакомил Машу с Настей.

— Это моя подруга детства.

Маша внимательно посмотрела на подругу.

— Это крёстная мать Вани.

Настя внимательно посмотрела на крёстную и сказала загадочно.

— Родня.

Первое впечатление бывает обманчиво. Но Маша и Настя изо всех сил выражали вежливость друг другу. Обе вскоре встали из-за стола и разошлись восвояси.

Пролетело лето. В первых числах октября в хуторе Хворостове второй раз хоронили бедную Тamarу. На могиле поставили памятник из белого мрамора. В овале необычная фотография на эмали. Застенчивая улыбка исподлобья. И взгляд в упор, прямо в сердце.

На могиле Баранова Настя поставила чёрный мрамор. С космическим кораблем, звёздами и золотой надписью: «Ты улетел, а я осталась...».

Пригорок с двумя могилами огорожен низким забором. Отсюда далеко видна уже схваченная золотом пойма. И в её пышном окаймлении крутой изгиб Дона. Солнечный ветер ровно гудит в вышине. Белохвостый орлан невесомо парит над поймой. Простор. Облака. Тишина.

И ещё с одной новости начинал свою жизнь хутор Хворостов.

К Тимофею подошел Ваня и как-то по-взрослому, настойчиво сказал:

— Нам нужно поговорить начистоту, и без всяких твоих шуток.

Отец с сыном вышли на крыльцо и, как серьёзные люди, сели рядом на ступеньки для серьёзного разговора.

— Понимаешь, – важно сказал Ваня, – я уже не маленький, и всё вижу. Если ты сам ещё не понимаешь, или не видишь, то я обязан тебе открыть глаза и сказать правду. Ты только, пожалуйста, не обижайся. Ты можешь не видеть то, что я вижу каждый день...

— Ну, говори, не стесняйся.

— Честно, не обидишься?

— Не обижусь.

— Ты совсем ослеп и не видишь, что Настя ходит к нам, чтобы вы с ней поженились.

Отец по-собачьи помотал головой и возразил:

— Нет, друг мой, я не могу жениться на Насте.

Ваня растерялся и с недоумением смотрел на отца.

— Почему?

— Потому что мне нравится другая.

И видя, как опять растерялся Ваня, отец сказал, успокаивая его:

— Ты её хорошо знаешь...

Ваня молча осторожно поднялся на ноги, из-за спины обхватил отца за шею и стал душить с торжествующим криком:

— Княжеская Маша! Маша!

Проза

Сергей Рогатко

Родился в Минске в 1959 году. После окончания Вильнюсского высшего военного училища радиоэлектроники ПВО служил в разных частях бывшего Советского Союза. В 1988-1993 годах учился во ВГИКЕ на сценарном факультете, работал во МХАТе им. А.М.Горького. С 1997 по 2000 г. работал корреспондентом в журнале «Провиант», а также сотрудничал с журналами «Обыватель», Пищевая промышленность, «Холодильная промышленность», «Родина», «Былое», Московский журнал, «Вопросы истории» и многие другие.

Автор сценария документального фильма «Сергеев канал» (1990); консультант-историк в фильме «Великий гастроном» (О знаменитом роде предпринимателей Елисеевых).

Автор литературных произведений: романа «Мирянин» (2003), «Промысл» (2009), «Родная глубина» (2011), автор многих пьес, в том числе «Волшебная Скрипка», рассказов, стихотворного сборника «СтихиЯ» (2013), и стихотворных публикаций в ряде поэтических альманахов.

Автор исторических монографий, ряда научных статей, фундаментальной научной концепции – фудология – наука о пищевом продовольствии человечества или об основах агропромышленной интеграции. Кандидат исторических наук. Член Российского комитета по истории и философии науки и техники РАН. Член Союза писателей России

Неизведанный берег

Рассказ

Это случилось с нами на Земле Александры архипелага Земля Франца-Иосифа в начале восьмидесятых годов. После «навигации», осенью, я с двумя солдатами, будучи тогда заместителем командира по технической части, перегонял солярку из больших береговых ёмкостей к нам на базу. Как правило, мы это делали всякий раз после прихода танкера с Большой земли. Танкер скачивал дизельное топливо в большие береговые ёмкости. А потом мы приезжали в бухту и вполне простым и примитивным способом из пятидесяти кубовых ёмкостей с помощью мотопомпы, работающей на двигателе «Москвич», по трубопроводу примерно в шесть километров перекачивали топливо к нам. Казалось бы, нехитрая операция, а всегда проходила по-разному. Всё зависело от многих обстоятельств: работоспособности техники, погодных условий и, конечно же, подготовки личного состава, то есть тех моих помощников, которые обслуживали мотопомпу и перекидывали вручную шланг из ёмкости в ёмкость, обеспечивая таким способом непрерывную подачу топлива в трубопровод. Всё это удовольствие занимало у нас два-три дня, если всё шло в штатном режиме. Из снаряжения у нас была радиостанция для связи с базой, карабины СКС, инструмент и запас продовольствия. А сами мы располагались в стандартном прицепчике, где кроме печки-буржуйки, работавшей на угле, были оборудованы простенькие лежаки из досок в два яруса и небольшой столик для командира.

В тот день старшина на грузовой машине доставил нас на берег океана, и, оставив меня с двумя солдатами в этом прицепе, как мы его ещё называли, «балочке», для выполнения «боевой» задачи по обеспечению топливом нашего хозяйства, мирно удалился восвояси. Оставшись одни среди бесконечного океанского простора, мы живо принялись за работу. Мои помощники легко управлялись с мотопомпой и также легко, почти играючи, перебрасывали довольно-таки увесистый всасывающий шланг мотопомпы из одной береговой ёмкости в другую. Один из солдатиков готовил на печке обеды из жареных мясных консервов и макарон, а я следил за связью с объектами и давал указания принимающей стороне по приёму топлива. Казалось, всё идет идеально. Настроение у нас было от-

менное, почти радостное и даже в чём-то восторженное. Ведь мы наконец-то получали долгожданное топливо для жизни на этом острове. Иногда я выходил из «балка», чтобы проверить, как идёт работа возле ёмкостей. Между делом любовался арктическими просторами, айсбергами, крутыми берегами и думал: «До чего же удивительным образом всё это устроено! Просто чудеса, да и только. Как всё замечательно кругом! Радует глаз – а что ещё нужно!»

Но как говорится, кто не знает Арктики и пренебрегает её законами – тому море по колено. То есть, что ни говори, а там всегда нужно держать ухо востро. Вот и на этот раз буран или, как мы его называли «вариант», долго не заставил себя ждать. Буквально через несколько часов после начала нашей дружной и слаженной работы от ясного, солнечного дня ничего не осталось. Ветер усилился, пошёл снег, и небо будто перевернулось. Над островом повисла тяжелая, страшная мгла. Мы поспешили в «балок», чтобы укрыться, надеясь, что всё это ненадолго. Впрочем, непогода только усиливалась и затягивалась. Потянулись томительные минуты, затем часы ожидания. Между тем моим солдатикам приходилось выходить из укрытия и в таких жутких условиях, когда невозможно было устоять на ногах, перебрасывать шланг. С каждым разом эта операция происходила все сложнее и сложнее. Наконец, они просто выдохлись и, будучи не в силах стоять на ногах, развалились на лежаках. Я попытался выйти и самостоятельно перебросить шланг, но получалось у меня это не так ловко. Пока я возился, солдаты задремали, и никто из нас троих не заметил, как мотопомпа заглохла. В систему попал воздух, и топливо перестало поступать на базу.

– Рядовой Долгих, вставайте! Мотор заглох! – тормозил я нашего тракториста-моториста, которого все звали просто Сашка. Это был настоящий знаток двигателей. Специалист с большой буквы. Этим он подчас бравировал и гордился. Если что-то серьёзное случалось на базе с двигателями на каком-либо объекте, всегда обращались к нему.

Моторист, проснулся, но ещё не разобравшись, что произошло, вышел, чтобы запустить двигатель. Пару раз ему это удалось. Но затем мотопомпа вовсе заглохла. И на этот раз окончательно. Оказалось, что вышел из строя бензонасос. Надо было ремонтировать. Но запасного, как на зло, не взяли. Да и был ли он у нас на базе – вопрос. Работа остановилась. Долгих снял насос и занёс его в прицеп.

Мы собрались в балке и стали ждать, пока буран утихнет. Дуло, как из вентиляционной трубы. Весь океан затянуло сплошной тёмной мглой, из-за которой вокруг ничего нельзя было разобрать.

Долгих возился с насосом. Всё это время я и другой рядовой по имени Василий пытались выйти на связь с базой. Мы по очереди вызывали на связь то дежурного, то командира, но нас попросту никто не слышал в эфире. Наконец, наши усилия установить связь, запустить насос, просто поддерживать жизнедеятельность иссякли. Мы погрузились в глубокое и монотонное существование. С каждой минутой я видел, как лица моих подопечных становились все мрачнее и мрачнее.

В это время неведомо откуда появилась ещё одна проблема, которая стала, что называется, последней каплей в нашем положении. Мы почувствовали, что вокруг балка кто-то ходит. Вначале мы как бы обрадовались, думая, что за нами приехали. Однако не тут-то было. Нас посетил одинокий белый медведь-шатун. Он пожаловал, наверное, на распространившийся по бухте запах жаренных мясных консервов. Шатун долго бродил вокруг да около, пока совсем не приблизился к балку. Мы забаррикадировались и приготовились к отражению нападения. На всякий случай я взял карабин и передёрнул затвор. Медведь стал ходить вокруг прицепа, вдыхать наши запахи и время от времени ударять лапой по деревянной стенке прицепа. А стенка была не ахти какая прочная. С каждым ударом страх заставлял нас, как бы сворачиваясь в себя, задерживать дыхание, обострять слух и в таком напряжённом состоянии сидеть неподвижно. Мы молча смотрели друг на друга и было видно, как ожидание чего-то неизведанного и страшного поселилось в нашей крохотной каморке.

– Да он сейчас перевернёт нас к едрит твоей бабушке... – ворчал и ругался Сашка. – Там точно – целая громила!

– Ага, смотри, как шарабанит... – шептал Василий.

– Тсс... – показывал я пальцем у рта солдатикам, чтобы те затаились, а сам ещё крепче держался за карабин. В эти минуты я весь сжимался и превращался в один сплошной слух.

Через крохотное решётчатое окно трудно было рассмотреть медведя. Да и желание лицезреть настоящего людоеда, как выяснилось намного позже, в моей полярной практике, у нас, честно говоря, не было.

Наконец, самые сильные удары медведя стихли, и мы только могли слышать его похрапывание и посапывание, да тяжёлый хруст снега от его грузного, монотонного передвижения вокруг прицепа. Потянулось томительное время нашей молчаливой обороны. Слышно было, как медведь то уходил, то снова возвращался, с каждым разом, как это не покажется странным, притупляя нашу бдительность. Всё это продолжалось почти целый день. Наконец, медведь-шатун и вовсе куда-то исчез. Мы попытались выглянуть из прицепа, но тут же были накрыты сильным, ураганным ветром. Мотопомпа оказалась почти занесённой снегом. Вокруг ничего нельзя было разглядеть. Больше попыток высовываться не предпринимали.

Так мы остались на острове без радиосвязи и с непрекращающейся метелью. Выходить за углем для печки-буржуйки мы не рисковали. Пользовались тем немногим, что осталось в прицепе. Поэтому наверху балка было ещё тепло, а вот внизу по стенкам уже наслаивался довольно-таки приличный слой изморози. К тому же наш скромный продовольственный сухой паёк из консервов, свежего лука после корабельной навигации, хлеба и полуварёной картошки в банках близился к концу.

Чтобы как-то коротать время, каждый занялся своим. Солдатики мои то спали без задних ног, то ковырялись в своих куртках, в надежде их привести в какой-то подобающий вид после работы на ёмкостях. Долгих время от времени возился с разобранным бензонасосом, ворча и приговаривая: «И кто только такое у нас делает? Руки бы повывёртывал!». Сквозь страшную пургу он все-таки пару раз пытался выходить к мотопомпе, чтобы приладить его, и всё время возвращался ни с чем. Наконец, я вовсе запретил ему это делать, так как боялся за его безопасность.

– Как хотите, товарищ лейтенант, а только так я ничего не сделаю. Бензонасос надо пробовать при запуске двигателя. К тому же диафрагма в насосе ни к чёрту. Совсем порвалась...

– Правильно. Вот тебе насос и свичет, как из ведра! – я пытался держаться на уровне своих технических знаний о двигателях.

– И без вас знаю... и что теперь? – дерзил Сашка.

– А то, рядовой Долгих, что с таким бензонасосом мы всё равно долго не проработаем. И бензина не хватит... да и медведь сейчас непонятно где...

– Где же я вам возьму тут новую диафрагму? – ворчал Сашка.

– Получается – нигде, – соглашался я и сворачивал этот бесплодный разговор. – Поэтому сидим и не дергаемся, пока погода не наладится.

После таких острых и бесполезных дискуссий мой приказ был воспринят подчинёнными как окончательное решение.

Чтобы отвлечься от не совсем простой обстановки, которая складывалась в нашем небольшом коллективе, я принялся читать томик прозы и драматургии Пушкина, который я захватил с собой в надежде скоротать свободное время, если оно вдруг окажется. Конечно, я не думал, что его может оказаться так много. В этом издании нашего выдающегося классика стихов не оказалось. Жалея, что не могу прочесть их солдатам, осилив «Повести Белкина», потихоньку вгрызлся в смысл трагедий «Скупой рыцарь» и «Моцарт и Сальери». Мысли о злосчастной сломанной мотопомпе, отсутствии связи, а главное – о том, что о нас попросту все действительно позабыли, наверное, думая, что у нас всё отлично и мы сидим здесь, словно на курорте, совсем утомили моё сознание. Я пытался всё это гнать из моей воспалённой головы, надеясь на лучшее. И в этом мне мог тогда помочь только... Пушкин. Я всё больше и больше погружался в чтение. Иногда особенно интересные с моей точки зрения отрывки поэтической формы произносятся вслух, тем самым заполняя молчаливое пространство в нашем замкнутом царстве. Таким образом, я думал заинтересовать моих помощников классикой. Но для них всё это было безразлично.

– А продуктов у нас, товарищ лейтенант, совсем с гулькины нос осталось, – всё больше и больше ворчал Василий, пытаясь что-то приготовить поесть и совершенно не слушая Пушкина в моём прочтении.

Я глянул на пустые ящики, где красовалась одна открытая полупустая банка тушёнки и несколько полусгнивших луковиц, и ничего не ответил.

– Протянем мы тут ноги, как пить дать, – вторил ему рядовой Долгих.

– Не протянем... – успокаивал я солдатиков. – Скоро за нами приедут.

– Как же приедут, если связи нет? – не унимался Василий. – Я их вызываю, а они молчат. Дежурный там спит что ли?.. И на командном пункте молчат.

– Нас никто не слышит. Они про нас все забыли! – в резкой, бескомпромиссной форме резюмировал наше положение Долгих.

– Ничего, скоро услышат, – как-то неуверенно успокаивал я солдат, а сам пытался не отрываться от текста.

Так продолжалось почти двое суток. За нами никто ни ехал.

Я потихоньку продолжал читать вслух, а мои солдатики отсыпались, что называется, без задних ног, словно за всю службу. Храп и стон раздавались на весь балок. А когда мы просыпались, машинально шныряли руками, что называется «по сусекам», чтобы найти хоть что-то съедобное. Не найдя, снова погружались, как мне казалось, в дикое, мрачное опустошающее отупение и бессмысленное раздумье о будущем.

Когда я дошёл в «Скупом рыцаре» до последней фразы Герцога: «Он умер. Боже! Ужасный век, ужасные сердца!», от радости, которую я испытывал от соприкосновения с настоящей классикой, с настоящим творением гения человечества восторженно от себя добавил:

– А, каков Пушкин! Ай, да Пушкин! Какое слово! – Не мог успокоиться я от той радости, которую испытывал в эти минуты. Но, похоже, моим помощникам было не до радости общения с классикой.

Вдруг неожиданно для меня в балке раздался почти безумный крик рядового Василия:

– Какой еще «век», товарищ лейтенант? Задолбали вы уже этим Пушкиным! Что жрать-то будем сегодня?! Ничего больше не осталось!

– Я тебя сожру! – направил на него карабин рядовой Долгих. – Надо было рассчитывать, ослиная голова твоя...

Услышав эти слова, мне показалось, что это рядовой Долгих спросонья так шутит. Это его, быть может, такое не совсем культурное развлечение. Но через несколько секунд стало понятно, что никаких таких шуток и близко нет.

– А ну, давай ищи, мать твою! – не успокаивался Долгих.

– Я тебе говорю, что всё закончилось... – робким голосом произнес Василий.

– Потихонько можно?.. – я аккуратно старался погасить их перебранку.

Вдруг я заметил, как на лице Долгих в это мгновение появилась какая-то безумная гримаса. Без смысла и малейших признаков человеческого разума.

– Чего, испугался? Я тебе не Пушкин! – Долгих передернул затвор карабина. – Мне плевать. Ты за «пайку» отвечаешь!..

Я глянул на Долгих, направившего карабин на Василия. Потом бросил взгляд на Василия и почти шёпотом произнес:

– Сашка, карабин-то положи ... – как можно аккуратней произнёс я.

– И тебя заодно! – Обращаясь ко мне на «ты», уже достаточно твердым голосом произнёс Долгих, направляя карабин на меня.

В этот момент я не заметил, как второй карабин оказался в руках Василия.

– А только попробуй! – наставлял карабин Василий то на Сашку, то на меня.

Я понимал, что, если я сейчас проявлю весь свой начальственный тон и покажу свою командирскую власть, меня могут ждать совершенно непредсказуемые последствия и весьма большие неприятности. Двое ребяток с карабинами были весьма серьёзным аргументом в пользу моих осторожных мыслей. К тому же рядовой Долгих был весьма внушительной комплекции. Да и Василий вовсе не ягнёнок. И всякое могло произойти после моих слов об Уставе, беспрекословном подчинении солдат командирам и начальникам, а также о достойном «перенесении советским воином всех тягот и лишений воинской службы».

– Э-э... поосторожней, братцы, – попытался я всё перевести в шутку, снова ложась поудобнее на кушетке. В этот момент я специально сделал вид, что меня их вольница вовсе не страшит и этими их угрозами меня уж точно не запугать. – Палка один раз в год и то стреляет, а уж карабин – и по-давно... – вспомнил я отцовскую поговорку про оружие.

В этот момент я почувствовал, как в воздухе запахло чем-то страшным, смертельным. Этот запах привёл нас троих в какое-то оцепенение, в наших глазах в эти минуты читалось что-то запредельное и жуткое. Боковым обострившимся зрением я видел, как оба солдата сжимали карабин и указательными пальцами дотрагивались до спускового крючка.

– А всё-таки, ребятки, у Пушкина всё удивительным образом замечательно! Какие образы ге-

роев! Сколько жажды жизни! – нёс я какую-то бессвязную околесицу, лишь бы только разрядить накалённый воздух в нашем трехметровом балке. Лишь бы отогнать прочь поселившуюся панику в нашем крохотном жилище.

– Ты это, кончай. Мы тебе не маленькие! – не унимался Долгих, «тыкая» мне вместо обращения на «вы» и тут же тыкая в меня карабином. – Что жрать-то будем, а? «Зампотех» ты наш хреновый! Я жрать хочу, а не подыхать здесь с твоим Пушкиным! Понятно тебе?

– Ну, почему за нами не едут, товарищ лейтенант? – уже тут же принял его сторону Василий и каким-то жалостливым и страшным голосом давал мне понять, что его терпение тоже не бесконечно.

Я понимал, что одно моё неловкое движение – и всё может закончиться непоправимым выстрелом.

– Да вы что, ребята... – я попытался дрожащим голосом успокоить моих помощников. – Конечно же, они скоро приедут. Как немного стихнет пурга, так обязательно и приедут. Куда же они денутся... Зачем так волноваться? Давайте я вам лучше «Моцарта и Сальери» почитаю.

– Да заткнись ты со своим Моцартом. И так тошно! – разъярённый Долгих особенно негодовал. В его простой, деревенской сути было что-то древнее и чистое. Но в то же время глупое и бессмысленное.

Я ещё долго пытался им что-то объяснить. Пускал в ход разные словечки из культурного лексикона. Приводил позитивные примеры из искусства, философии и общечеловеческого гуманизма. Пытался, словно лицедей на арене цирка, в шуточной форме увещевать. Даже зачем-то снова вспомнил ещё раз про Пушкина. Но классик явно сейчас был мне не помощник. При его упоминании солдатики вздрагивали, зверели и наотрез отказывались воспринимать авторитет бесспорного классика «всех времён и народов». Для них сейчас вообще никаких авторитетов не существовало. Что-то запредельное, нечеловеческое поселилось в их душах. А я, к сожалению, словно тот «вши-вый интеллигент», только без очков, был совершенно беспомощен перед ними. От своего бессилия я просто не знал, чем их успокоить, усмирить и как поселить в их сердцах веру и надежду, что всё будет хорошо. И даже более того – просто замечательно. Иногда у моих подопечных вдруг что-то просыпалось, и какими-то другими глазами они смотрели на меня. Затем, переглянувшись и думая, что у меня от голода совсем крыша поехала с моим этим Пушкиным, опять смотрели на меня, как на какую-то вражину и бесполезную вещь. Мне казалось, что свой приговор они мне уже давно вынесли. Дело было только во времени его исполнения.

Впрочем, надо заметить, что всё-таки мои жалкие потуги навести порядок в нашем замкнутом пространстве, мои уговоры и увещевания возымели пусть небольшой, но успех. В какой-то момент я воспользовался тем, что они потеряли бдительность, отставили карабины в сторону и снова улеглись как два полновластных хозяина положения в этом беспросветном царстве тьмы, где по-прежнему царили ужас и смертельная опасность.

В этот момент со словами: «А впрочем, вы всё равно ничего не поймёте!», – я соскочил с верхнего лежака, резко рванул ручку дверного замка, и, открыв двери, оказался на свободе. Меня сразу же обожгло ледяной пургой. Но это был словно освежающий душ после раскалённого пламени удушающей и раздражающей власти беспросветной тьмы. Моя неспособность что-либо доказать, объяснить и как-то повлиять на этих двух молодых людей, которые своими безумными действиями ослушались своего начальника и по сути поставили себя вне закона, теперь безжалостным образом гнали меня от этого места прочь.

В эти минуты, отвергая всякую опасность и хоть какой-то здравый смысл, я брёл куда глаза глядят, подальше от нашего балка. Я не оглядывался и совершенно был уверен, что никто за мной не погонится и никто меня не остановит. Так оно и случилось. Я удалялся в сторону океана совершенно один, забыв обо всём на свете, обуреваемый одним только желанием – оказаться как можно дальше от смертельной опасности. Опустошительные чувства бессилия и беспомощности, раздражение и стыд за мои педагогические неудачи горе-начальника гнали меня всё быстрее и быстрее в непонятную, беспредельную даль.

Не помню, сколько я прошёл в этой белой беспросветной мгле. Но когда немного стало стихать, и ветер прекратил свои бесконечные бесчинства и разгул, я заметил, что удалился от берега на приличное расстояние. По сути, бухта оказалось у меня за спиной, и я оказался в открытом океанском пространстве среди бесконечного ледяного пространства, множества торосов, айсбергов и

подавляющей всё на свете белизны полярного дня. Нигде не было никаких примет хоть какой-то жизни, за что можно было бы, как говорится, зацепиться глазом. Всё казалось единым, бесконечным и совершенно однообразным пространством. Все краски состояли из двух цветов: бледно-голубого и белого с серыми бесформенными тенями от торосов. Я попытался сориентироваться на местности, но у меня ничего не получилось. Берега не было видно. Вернее, его еле заметные черты лишь угадывались где-то далеко-далеко. Причём когда я смотрел в океанское пространство, то мне вдали тоже мерещилась береговая линия. И наоборот. В какой-то момент мне стало совершенно ясно – я здорово заплутал. Да так, что не знал толком, где север, юг, запад и восток. Я был один. И у меня ничего не было. Впрочем, вдруг я ощутил некий прилив энергии. От беспомощности я позабыл, что держу в руках карабин, который машинально прихватил, когда словно пуля вылетал из балка. Весь этот длинный, бессмысленный путь я, оказывается, ощущал его в руках, словно никому не нужную палку. Но лишь только я увидел на снегу совершенно свежие следы медведя, эта «палка» в моих руках тут же превратилась в спасительное оружие. Я снял мою офицерскую шапку-ушанку и положил на след. Она едва закрывала его.

«Вот и он! – жуткая мысль сразу же поселилась в моей голове. – Где-то здесь бродит наш шатун».

В эти мгновения я понял, что, убежав от одной угрозы, я столкнулся, по сути, с другой. От испуга я стал оглядываться по сторонам и блуждать на месте кругами. Затем мне казалась, что я, вроде бы, иду обратно, к берегу, надеясь, что там как-нибудь выберусь к нашему балку. Однако чем дальше я шёл, тем непонятнее становилось, куда лежал мой путь. По сути, я брёл наугад. Я плутал, обходя большие, фигурные торосы и окончательно теряя хотя бы – пусть иллюзорную – ориентацию на береговую черту. Между тем, медвежьи следы становились всё отчетливее и, как мне показалось, всё свежее и свежее. Зрение стало обостряться, и я всматривался в каждый торос, стараясь не пропустить ни одного крупного, за которым мог бы притаиться мой единственный здесь грозный соперник. Слух также обострялся до предела. Я останавливался и вслушивался, но нигде ничего не было видно и ничего не слышно, словно я находился в бескрайнем белоснежном вакууме. Я стал рассуждать, что при появлении медведя, стоит мне только промахнуться – и моё дело совсем будет плохо. Ибо уже тогда я знал, что шатун-самец весом от пятисот килограмм даже с места прыгает на восемьдесят метров. И стоит мне допустить с первого выстрела роковой промах – я покойник. А как белый медведь умеет ловко снимать скальп – мне тоже было известно не понаслышке, а по тем случаям, которые у нас на острове произошли уже в мою бытность. Именно в эти минуты во мне поселился жуткий, животный страх. Я чувствовал, как мороз пронизывает меня и сковывает всю мою грудь, спину, руки и другие части тела. Я тут же дослал патрон в патронник и постарался несколько раз прицелиться по одному из торосов. Вероятность неожиданной встречи со зверем натолкнула меня на мысль, что надо постоянно передергивать затвор карабина, чтобы он в случае чего не застрял от замерзающей с каждым часом оружейной смазки. Так я и брёл, всё время правой рукой потихоньку двигая туда-сюда затвором и зыряка обезумевшими глазами по сторонам. С каждым движением затвора я ощущал, как этот пронизывающий страх всё глубже и глубже погружается в меня. Мои ноги от усталости и тупой трусости перед дикой природой становились ватными и совсем меня не слушались. И хоть говорят, что у страха глаза велики, но в те часы совершенного одиночества страх, как ни покажется странным, был совершенно оправданным и натуральным чувством, ради которого я ещё каким-то образом передвигался. Животный страх становился опорой моего первозданного животного существования и выживания. Без него я бы совсем пропал.

Временами мне хотелось остановиться, присесть, а лучше вовсе упасть и забыться крепким сном. Но свежие медвежьи следы не давали покоя. Они возбуждали приступы всё того же уже прочно поселившегося животного страха и одновременно были теми ориентирами, которые мне указывали хоть какой-то путь. Пусть даже снова в открытый океан или, возможно, даже к ближайшему берегу. Неважно. Главное – хоть какой-то путь!

Я брёл по следам медведя и всё время задавал один и тот же вопрос: «Ну, где же ты, дружок мой? Покажись, наконец-то, и тогда дело с концом. Я больше не могу от этого ожидания. От этой безумной неизвестности. Ты только покажись, и тогда уже само собой выяснится, кто из нас на что способен...». Однако медведя не было, и это совсем разрушало все мои планы и мысли. По сути, если смотреть на всю эту картину со стороны, как я и представлял её тогда, то со мной могло случиться всё что угодно. Ведь опасностей хватало и без медведя. Множество встречающихся трещин во льду,

вереницы торосов, малых и больших, которые я всё более с трудом преодолевал, охлаждение организма от усиливающегося мороза, и, конечно же, присутствие где-то поблизости арктического царя зверей, да ещё одинокого, наверняка голодного, шатуна. Всё это говорило мне, что ты непонятно ещё каким образом сейчас жив.

Устав от этого состояния мыслей и переживаний, я стал равнодушно разглядывать местность, бессмысленным взглядом смотреть на небо. С каждым шагом мне всё становилось безразличным. Безразличным – от возможной встречи с медведем. Безразличным от того, что вообще может произойти со мной через мгновение. Безразличным от мыслей об оставленных солдатах, о которых я уже совсем не переживал, как ранее, в начале пути. Скорее, даже не думал о них. В эти часы одиночества я даже почему-то позавидовал им, тем сумасшедшим бойцам, которые сейчас пребывали в относительной безопасности в нашем уютном балке, по сравнению с моим положением. Наконец, безразличным оттого, что я просто могу от всего этого сойти с ума. Просто свихнуться. «Зачем я от них ушёл? – примитивные муки совести вконец истерзали меня. – Кому это было нужно? Вот дурак! Какой же я всё-таки дурак!»

Мне всё более становилось всё безразлично до тех пор, пока вместо этого чувства в моей душе не появилось новое, неизведанное мне чувство покоя и смирения. В этот момент я был настолько ничтожен и незаметен, что осознавал себя крохотной песчинкой в этом бесконечном белоснежном мире. От моего понимания, что человек – это царь природы, не осталось и следа. Меня вдруг осенила мысль, что есть какая-то одна, совершенно непостижимая сила, которая всех в этом мире устраивает, всеми нами управляет, всех нас хранит и бережёт. Хранит несмотря ни на что. Во все времена и обстоятельства. Я тогда ничегошеньки не знал о Боге, я был совершенно не верующим. Мне не ведомы были никакие молитвы. Я, естественно, не имел никакого отношения к церкви и подобным вещам. Каким богам молиться в моём положении, я действительно не знал. Я, можно сказать, был из комсомольского, атеистического племени материалистов. Но сейчас всей своей кожей, всей шкурой я стал ощущать на себе эту неведомую, эту бесконечную благодатную силу, которая безраздельно распоряжается этим миром, которая сохраняла каждый мой вздох, каждый мой взгляд и моё первозданное животное существо в этой природе – такой же первозданной, не изведанной моей волей, сутью и моими чувствами. Всё в этом мире казалось мне одной сплошной запредельной тайной. Теперь же, непонятно отчего даже мой привычный глубинный страх стал рассеиваться как туман. Ибо я понял, что эта тайна и есть та неведомая мне сила. И вдруг я ощутил на небе яркое солнце. Оно светило как предвестник радости и всеобщей гармонии в моей душе.

Чем более я размышлял на эту тему, тем более успокаивался. Каждая клеточка моего организма наполнялась каким-то странным покоем и уверенностью, что всё кругом, всё со мной и вообще со всеми нами будет хорошо. И даже просто замечательно. И что это всё окружающее есть во мне, и я во всём этом. А значит, есть какой-то смысл и ясность во всём этом безбрежном пространстве. Безмятежная полярная тишина сейчас мне уже казалась не такой дикой и таинственной. Не такой пугающей и бессмысленной. В ней я находил что-то теплое и спасающее от страха и смерти. Какое-то странное чувство радости переполняло меня. Оно, как страх прежде, стало наполнять все клеточки моего уставшего организма, избавляя меня окончательно от всех мрачных переживаний. Эта радость стала придавать мне новые, невидимые для меня потоки энергии. Меня словно некая обволакивающая благая весть заставляла увериться, что над нами существует тот самый Творец мира и вселенной, о котором я не раз читал в философских книгах, но не ощущал его реально. Та самая Истина, тот самый Дух правды, без которого нам нет жизни не только на этом заброшенном в арктических просторах острове, но и вообще на земле, во всей вселенной. Причем этот Творец существует реально, а не абстрактно. Он существует не в книгах, а здесь, наяву, сейчас. С нами, всегда и везде. При любых обстоятельствах и при любом раскладе нашей жизни. Наконец я понял, что у меня совершенно чудным образом появляется новая живая вера, что над нами именно он – Бог Вседержитель, творец будущего Века. Что на место моих идеологических блужданий проникает что-то совершенно новое, непостижимое, но такое родное и значимое.

«И как только я раньше этого не понимал! – будоражили воспалённое сознание мои новые мысли. Неведомые мне. Моё новое открытие. – Почему я не смог этим поделиться с ними, моими такими близкими, такими дорогими помощниками раньше! Почему всё так бездарно случилось? Почему я теперь один, а они там! Ведь это – неправильно, несправедливо!»

Все эти мысли заставляли меня скорее спешить к ним, хотя я ещё по-прежнему находился в какой-то слепоте и опасении перед моими изголодавшимися помощниками. Но интуитивно всё-таки видел, что цель моя уже близка и снова я окажусь рядом с ними. В безопасности и в нашем примитивном, счастливом уюте. Наконец-то я смогу им всё объяснить, поделиться главным и сокровенным моим открытием. Убедить их сохранять спокойствие и веру в лучшее, что бы с нами ни случилось в дальнейшем.

Незаметно для себя, совершенно чудным образом успокоившись и находясь в приподнятом, почти восторженном состоянии духа, я, наконец, заметил очертания настоящего, а не призрачного берега. Мне показалось, что я со страха прошёл более десяти или пятнадцати километров. Немыслимое арктическое расстояние для одинокого путника без снаряжения и припасов. Затем я уже отчетливо видел над обрывом первый триангуляционный знак – береговой символ ориентации для проплывающих кораблей. Этот знак, – словно символ новой неведомой моей духовной жизни, – совсем приободрил меня, и я зашагал ещё более уверенно.

Спустя какое-то время я уже был на берегу, среди заброшенных ржавых никчемных пустых бочек, скопившихся здесь после многих «навигаций». А ещё через какое-то время я отыскал вдали наш балок, до которого мне предстояло пройти еще пару километров.

Сколько времени я отсутствовал – я не помню. Помню только, что, оказавшись, наконец, возле балка, я бесстрашно распахнул открытые двери и увидел двух с побледневшими лицами, испуганных солдатиков. Они сидели с понурыми носами и дикими, испуганными глазами смотрели на меня, словно на привидение. Тут я понял, как на них подействовало моё отсутствие.

Мы тут же обнялись, словно не виделись вечность. Словно не было родней нас друг для друга. Запуганные до смерти моим длительным отсутствием, они ничего не говорили. Они что-то, возможно, интуитивно понимали, но не могли умно и толково объясниться. Рядовой Долгих, не охотник до разговоров, всё время лепетал:

– Где же вы столько времени были, товарищ лейтенант? Как же это так? Совсем пропали! А мы-то и не знали, что думать, что делать. Вас-то нигде не было.

– Боялись выходить. Медведь же кругом бродит! Опять приходил и стучал по стене... – проговорился дрожащий от ужаса Василий о том, что они, от страха за свою жизнь, даже и не думали меня искать.

Я, чтобы не смущать моих приободрившихся помощников, совершенно спокойно произнес:

– Обследовал соседние бочки и запасные ёмкости. Приказ командира...

– И вы не побоялись там ходить? – осторожно спросил Василий, и было непонятно, на что он намекает.

– Нет, – соврал я.

– А мы так испугались... за вас испугались. Это же почти полдня вас не было... – дрожал от пережитого испуга уверенный до этого голос Долгих.

– Мы уж думали, может, чего случилось! Может, вас уже медведь... Мы так перепугались, товарищ лейтенант! Простите нас... – смотрел на меня немного приходивший в себя Василий и всё не мог понять – почему я такой спокойный и уверенный?

А я даже и не показывал вида, что вижу их страх и трепет, в который они погрузились за эти долгие, томительные часы моего отсутствия. Разместившись поудобнее у себя на лежаке, я как ни в чём не бывало снова принялся читать Пушкина.

С той минуты в нашем замкнутом царстве поселились мир и безмятежность. Нам даже совершенно не хотелось есть. Чувство голода абсолютно покинуло нас.

– Может, почитаете вслух? – неожиданно попросил робкий голос Долгих.

– С удовольствием! – обрадовался я и принялся читать моим помощникам драматические сцены из «Моцарта и Сальери».

В эти минуты каждый из нас испытывал счастье, что мы все живы и здоровы. А что ещё нам нужно было теперь, когда весь мир для нас стал совершенно иным?

Уже не помню, каким таким чудным образом появилась радиосвязь с базой. А вскоре за нами приехали командир с замполитом. Долго и подробно никто ни в чём не разбирался. Через день доставили новый бензонасос и работы продолжились. Но уже с другим офицером и другими солдатами, которые сменили нас на этом посту.

В расположении радиолокационной роты, где мы служили, об этой истории, о моей внезапной отлучке мои солдатики не распространялись. Обо всём, что с нами произошло, никто так и не узнал. Всё это мы хранили как какую-то особую важную тайну.

Проза

Алёна Даль

Алёна Станиславовна Даль родилась в Воронеже. Объездила четверть мира. Примерила на себя десяток профессий. В литературу пришла осознанно в зрелом возрасте. В 1997–2002 г. – журналист, колумнист. В 2002–2008 гг. – издатель, главный редактор региональных журналов. В настоящее время – писатель, публицист. Автор двух книг прозы: «Хождение по Млечному пути» (2014), «Живые души» (2017). Публиковалась в изданиях: «Русский переплёт», «Подъём», «Молоко», «Литературный оверлок», «Журнальный мир», «Мысли», «Время культуры», «Жить интересно!» и др. Автор сайта «Своя дорога» – www.alenadal.ru

Скрипка

Рассказ

Обычно в музыкальную школу Таню водила бабушка Зина, но мама поссорилась с ней и велела ехать самой. Сесть на трамвай №15, выйти на остановке «Верхняя», а там пристать к общему потоку детей и идти с ними. Девочка так и сделала.

Школа встретила её привычной какофонией звуков, дощатым музыкальным полом и портретами бородатых композиторов вдоль узкого коридора. Таня отзывала скучную теорию музыки, написала на пятёрку диктант по сольфеджио и без запинок сыграла концерт ре-минор Гайдна, заслужив от Ларисы Андреевны благодарности в дневник. Теперь мама непременно её похвалит, немного полюбит, а может быть, даже обнимет!

Дорога домой всегда короче. Таня запрыгнула в трамвай и стала смотреть на пробегающие за окном дома. Дома были старые, с облупившимися барельефами по фасадам. На них плечом к плечу теснились военные с мячами в руках, играющие на скрипках сталевары, колхозницы с книгами, балерины в окружении флагов и колосьев. Всякий раз, проезжая мимо каменных картин, девочка спрашивала бабу Зину: «Почему у военных в руках мячи, а не сабли, сталевары со скрипками, а балерины со снопами?». Та только пожимала плечами и теснее прижимала внучку к просторному, тёплому боку. Мама же объясняла путаницу с предметами культурным развитием, одинаково необходимым и военным, и рабочим с колхозниками, а уж тем более интеллигенции. Что такое «интеллигенция», Таня не вполне понимала, спросить стеснялась, но смутно догадывалась, что и её походы в музыкальную школу были продиктованы маминым замыслом культурного развития. И она готова была этот замысел воплощать, и быть культурной, и играть на скрипке, и получать одни пятёрки – лишь бы только мама её любила...

Люди входили и выходили из трамвая, заскакивали в закрывающиеся двери, сползали с подножек, волоча за собою сетки с грязной, похожей на земляные комья картошкой. Подсаживали детей и старушек, выносили коляски, заталкивали под сиденья чемоданы и узлы. Жалостно тренькал звонок, с шипом раскрывались и закрывались двери гармошкой, громыхали на стыках рельсы.

Сумерки приглушили очертания домов и стёрли барельефы. Сталевары опустили скрипки и с недоумением рассматривали гибкие смычки, застрявшие в заскорузлых, негнущихся пальцах. Мячи выпали из рук военных и покатались в сторону решающих уравнения футболистов. Колосья и флаги опали – освобождённые балерины радостно закружились в фуэте...

– Остановка «Дворец Тельмана», следующая остановка «Сквер», – голосом диктора объявила вагоновожатая.

Таня вздрогнула и вскочила на ноги.

– Стойте, стойте! – закричала она на весь вагон. – Это моя остановка. Я забыла!

Она помчалась к выходу, куда уже вползала угрюмая вечерняя толпа. Девочка зацепилась ногой за чью-то сумку и больно ударилась коленкой о поручень. Но плакать было некогда – Таня пробиравшись к двери, преодолевая сопротивление неизвестно откуда взявшихся людей.

– Подождите, не трогайте состав! Там девочка не вышла, – раздался с передней площадки бас.

Трамвай дёрнулся и застыл.

– Как тебе не стыдно, девочка, всех пассажиров задерживаешь, – прошипела ей вслед тётенька в дымчатом берете.

– С кем не бывает! – вступился другой пассажир.

– Эй, ты чё прёшь по ногам как по паркету! – чей-то острый локоть ткнул Таню в бок.

Было тесно и жарко. Ранец с нотами колотил по мокрой спине. Лента развязалась и застревала в людской трясине, цепляясь за пуговицы и застёжки. Но вот и спасительный выход. Девочка кубарем скатилась со ступенек, двери с лязгом захлопнулись за её спиной. Трамвай медленно пополз по чёрным, маслянистым рельсам. А Таня осталась стоять, умирив дыхание, остужая разгорячённое борьбой лицо. Потёрла рукой ушибленное колено. Поморщилась. Но колготки целы – это хорошо. Другой рукой на лету подхватила выскользнувшую из косы ленту и запихала в карман. Рук было непривычно много. Одна из двух обычно занята.

– Скрипка! Моя скрипка! – пронзило Таню.

Её скрипка осталась в трамвае. Проспав свою остановку, продираясь к выходу, она совсем о ней забыла. И скрипка осталась под креслом, и уехала вместе с пассажирами, наверное, уже далеко. Что теперь будет? – с ужасом подумала девочка, и слёзы полились по щекам горькими ручьями. Она знала, как дорожила мама этим инструментом, купленным с рук у дяди Вити – скрипача филармонического оркестра. Как долго искала она заветную четвертушку, как охотилась за кленовым корпусом. Как перетягивали потом смычок, и дядя Витя битый час подгонял инструмент к угловатой Таниной фигуре, соразмеряя её сутулость и скрипичное совершенство. Ещё и новый футляр с фланелевым подбоем! И канифоль, и запасные струны, и бархатная подушечка, сшитая на заказ. Беда!

Девочка застыла, не зная куда идти – то ли домой, то ли прочь от дома. Если домой – то попадёт, это точно. Если прочь – то куда? Разве что к бабушке Зине? Но Таня плохо помнила её адрес, знала только, что жила бабушка в двухэтажном доме, называемом бараком, в левом подъезде со скрипучей лестницей, у основания которой всегда лежал на подстилке очередной бездомный кот или кошка. Но где стоял тот двухэтажный дом? Кажется, неподалёку была детская горка. Таня запомнила её потому, что на боку горки нарисован играющий на скрипке кузнечик. Но нарисован неправильно – не так держал скрипку, и смычок короток, и не натянут как следует, и струн-то пять, а должно быть четыре. К тому же кузнечик был левшой, а Таня сомневалась, можно ли играть на скрипке левой рукой.

Вечерняя мгла сгустилась. Девочка удручённо брела в сторону сквера, позади которого толпились старые бараки. Было страшно. Но не оттого, что вокруг ночь и темень, а оттого, что не знала она, что говорить теперь маме про скрипку. Как рассказать о пропаже? Чем объяснить свою преступную забывчивость? Простит ли её мама? Улыбнётся ли, сказав безобидное: «Эх ты, Маша-растеряша...»? Или будет кричать весь вечер, вспоминая папу и бабушку Зину? Как назло, и папы нет – уехал.

Между бараками было ещё темнее, чем в сквере. Единственный на весь двор фонарь освещал огромную лужу, в центре которой утонула старая шина. Чуть дальше маячили мусорные баки, остов дивана. Морщинистый тополь, стена ветхого сарая, и... – вот же она! – горка! Та самая, с кузнечиком на скрипке. Таня перевела дух и улыбнулась. Нашарила глазами подъезд, оттянула тугую пружину и вошла в дом. Острый кошачий запах ударил в нос, но перебил ароматом свежих булочек с корицей, какие могла печь только бабушка Зина. Девочка поднялась по лестнице и нажала кнопку звонка. Шаркающие шаги – и дверь распахнулась.

– Таточка! – всплеснула руками бабушка, – что стряслось? Как ты меня нашла? Почему одна? – она обхватила внучку выпачканной в муке рукой и увлекла за собой в прихожую.

Таня держалась до последнего, чтобы сказать всё по-взрослому – рассудительно и спокойно, но не выдержала и расплакалась, припав к тёплой бабушкиной груди.

– Я, я... – всхлипывала она, – я скрипку в трамвае забыла!

– Скрипку? В трамвае?

– Да-а-а! – уже в голос ревела Таня.

– О, господи! – вздохнула баба Зина. – Я думала, что-то случилось, – она подняла за подбородок заплаканное лицо внучки, и Тата поняла, что бабушка на неё ничуть не сердится. – С тобою всё в порядке? Дома всё хорошо?

Девочка кивала, размазывая по щекам слёзы.

– Ну-ну, хватит реветь, – бабушка гладила девочку по растрёпанной голове тыльной стороной ладони, но мука всё равно осыпалась на воротник. – Подумаешь, скрипка!

Тане на миг показалось, что скрипка никуда и не пропадала, а стоит сейчас за нею, на полу, прямо на полосатом коврикe. Девочка покосилась назад, но скрипки там не было.

– Мама-то знает, что ты здесь? – спохватилась баба Зина.

– Нет.

– Ах, незадача. Ладно, я сейчас тебя отведу, – бабушка схватила Танины ладошки в свои большие, горячие от духовки руки. – Ой, да ты совсем замёрзла. Так, сначала греться! Марш на кухню! – командовала она и решительно стащила с внучки куртку.

На маленькой бабушкиной кухоньке было тепло и уютно. Тикали ходики. В тесной плошке громоздилось голенастое растение со смешным названием «золотой ус».

Баба Зина спрятала тесто, вымыла руки и поставила на плиту чайник. Перед Таней появилась любимая тарелка с зелёным ободком, доверху наполненная пленительно золотистыми булочками. Сладкий дурман корицы плыл над столом.

Бабушка вытащила из тяжёлого узла на затылке гребень и принялась расчёсывать им спутанные волосы внучки. У неё это получалась совсем не больно. Мама обычно торопилась, злилась на непослушные Танины косы, то и дело выдёргивала волосинки. Таня ойкала, а мама злилась от этого ещё больше. Бабушка скользила по волосам легко и плавно, будто ветерок обдувал голову. Если же встречался узелок – крепко зажимала его между пальцами и терпеливо распутывала. Пока вскипал чайник, Танина коса приняла первозданный утренний вид. Только банты баба Зина не умела завязывать так красиво, как мама. Но Тане этого и не требовалось.

– Ну-ка, давай, грейся! – бабушка поставила перед девочкой чашку с чаем и подвинула ближе тарелку с булочками.

Ничего вкуснее Таня никогда не ела. Булочки были маленькие, на два укуса, сверху – карамельно-хрустящие, с коричневыми узорами, а внутри мягонькие, как пух. Бабушка не торопила, а только глядела и глядела на внучку тихо, недвижно, с грустью, а может, с жалостью, – Таня не очень-то разбиралась в лицах.

– Наелась, Таточка? – спросила баба Зина, когда Танины щёки зарумянились. – Я тебе сейчас с собой в мешочек положу. Маму угостишь, папу.

– Не хочу уходить, – насупилась Таня. – Бабуль, а можно я у тебя останусь?

– Таточка, мама волноваться будет. Она ведь не знает, где ты, – бабушка сняла фартук.

– Не пойду! – упрямылась Таня. – Я боюсь, боюсь! – твердила, вцепившись в табуретку.

– Чего ты боишься, Тата? Ещё не так поздно. Я тебя провожу, – бабушка, кряхтя, надевала шерстяную кофту.

– Как я маме про скрипку скажу? – в глазах девочки снова заблестели слёзы.

Бабушкины булочки с чаем оттеснили сегодняшнюю трагедию. Но теперь неотвратимость разговора с мамой выросла перед ней вновь.

– Я сама ей всё объясню, – пообещала бабушка. – А завтра с утра в депо схожу. Там есть уголок забытых вещей. Никуда не денется твоя скрипка. Небошь уже лежит там и ждёт, когда за ней придут.

Бабушка с внучкой оделись и вместе вышли в неудобную вечернюю мглу.

По дороге баба Зина рассказывала про танцы под духовой оркестр в этом самом сквере, куда она бегала ещё девчонкой. И даже рассмешила Таню описанием одного танцора, который, чтобы казаться выше, подкладывал под пятки сложенные газеты, а во время Летки-енки они возьми да и вывалились! Ботинки-то были отцовские, на два размера больше, чем надо.

Вот и дом. Чем выше поднималась Таня по крутым ступеням, тем медленнее переставляла ноги и тем сильнее вжимала голову в плечи. Даже бабушка Зина обогнала её, хотя дважды останавливалась отдышаться.

Мама стояла в проёме двери – красивая и неприступная.

– Ты где шляешься? – взгляд её был суров и непреклонен. – Ты знаешь, сколько сейчас времени? Занятия закончились два часа назад!

– Погоди, Белла, она у меня была, – вступилась за внучку баба Зина.

– Зинаида Николаевна, я вас не спрашиваю! – еле сдерживая ярость, ответила мама. – Я дочь свою спрашиваю – пусть сама учится отвечать за свои поступки, – она схватила девочку за рукав куртки и рывком втащила в дом.

Баба Зина проворно нырнула следом.

– Где ты была? Отвечай!

– У бабушки, – испуганно пролепетала девочка.

– Да у меня она была, у меня! – в сердцах воскликнула баба Зина. – Скрипку в трамвае забыла. Переживает очень.

– Что-о-о? Скрипку? – закричала мама. – Переживает? Да вы посмотрите на неё – не переживает она, а издевается надо мной! Ты знаешь, сколько я за эту скрипку отвалила? – мамино лицо исказилось и стало неузнаваемым. – Знаешь, сколько ждала, пока дяди Витин сын вырастет из неё? Как волновалась, чтобы эту скрипку Гринёвы не увели? Да что я говорю! Кому я говорю! – Белла развернулась и вихрем бросилась прочь, вглубь квартиры.

Бабушка скинула боты, начала суетливо раздевать Таню, но девочка вырвалась и побежала вслед за матерью.

– Мамочка, я, я, я...

– Что ты якаешь как ишак? – оборвала её женщина. – Слушать противно. Глаза б мои на тебя не смотрели! Непутёвая, вся в отца.

– Ничего, ничего, она сейчас остынет, – шептала бабушка, переобувая окаменевшую Таню в тапочки. – Ты на неё не обижайся, наверное, на работе устала.

– Беллочка, не волнуйся! Я завтра прямо с утра пойду в депо, верну скрипку, – баба Зина изо всех сил старалась восстановить мир в семье. – Только прошу тебя, не ругай Тату, она ведь нечаянно, она ребёнок, – добавила тихо, чтобы не слышала внучка.

– Носитесь все со своей Татой, как с писаной торбой! Хоть бы кто меня пожалел! Сколько сил я в неё вложила, сколько труда, заботы. А она, неблагодарная...

– Но это всего лишь скрипка. Кому она нужна? Найдётся!

– Что за чушь вы несёте! – нервно рассмеялась Белла. – Всего лишь скрипка, говорите? Да эта скрипка... она стоит... Если Таньку не ругать, она и голову свою потеряет! – женщина решительно затянула пояс халата. – Вот что: отправляйтесь-ка вы лучше домой, Зинаида Николаевна! Как-нибудь сама разберусь, как свою дочь воспитывать. Без вашей помощи. Вы своё уже отвоспитывали!

Она схватила бабу Зину за пальто и, не дав опомниться, выставила за дверь.

Таня стояла возле окна, грызла ногти и зверем косилась на мать. Глаза её сухо блестели.

– Зачем ты бабу Зину прогнала?

– Тебя не спросила!

– Она хорошая.

– Да у тебя все хорошие, только я плохая! – взвизгнула мама. – Вот умру – поймёшь тогда, кто хороший, кто плохой, – она упала в кресло и прикрыла глаза.

– Не надо, мамочка, – Таня затряслась в беззвучных рыданиях. – Не умирай! Я найду скрипку!

– Да где ты её теперь найдёшь, дура? Её кто-нибудь умный уже нашёл. А тебе отец пусть в комиссии дрова покупает – будешь на них пиликать!

– Я всё равно на «отлично» год закончу. Обещаю! – не сдавалась Таня, глотая слёзы. – И «Полонез Огинского» разучу!

– Учи, – равнодушно ответила мама и ушла на кухню.

Таню трянуло, потом ещё раз. Ноги подкосились, и она упала на пол. Закричала, забилась, заплакала, замолотила руками. Её боль была так нестерпима, что девочка не могла дышать. Воздух входил и выходил из неё только с криком. Только сбитые до крови костяшки пальцев помогали переносить муку. Баба Зина ушла. Если б папа был дома, он бы обнял её и увёл в другую комнату. Он сказал бы, что всё пройдёт, всё наладится, и необязательно играть на скрипке, чтобы тебя любили. Но и его не было рядом.

Мама вбежала в комнату с перекошенным лицом. В руках она держала стакан воды и какие-то таблетки.

– На, выпей! – протянула она лекарство, но Таня отбросила её руку. – Ах, ты так?!

Мама налегла на дочь всем телом, обхватила рукой её голову, и стала одну за другой запихивать сквозь сомкнутые зубы жёлтые горошины. Дочь брыкалась, но мать была сильнее. Женщина заливала воду в рот дочери. Вода текла по шее и капала на ковёр. Дочь хрипела и рвалась. Но таблетки сделали своё дело, и вскоре истерика утихла. Таня обмякла и сидела, привалившись к маминому плечу, всхлипывая и вздрагивая всем телом.

– Всё, всё, всё, – повторяла мама, думая о том, что нужно бы показать дочь хорошему психиатру. А девочка нежилась в лучах этой случайной, недолговечной близости.

Наутро пришла бабушка Зина. В руках она держала Танину скрипку.

– Вот, скрипочка твоя нашлась, целёхонькая, – она протянула её внучке, – как я и думала, в уголке забытых вещей стояла.

Мама выхватила футляр, щёлкнула застёжками и заглянула внутрь – всё цело, даже канифоль на месте.

– Вовремя, – заметила удовлетворённо, – ей к специальности как раз нужно готовиться. Ну, говори спасибо, что молчишь? – она ткнула Таню в спину, – и выпрямись, наконец!

Как же девочке хотелось броситься сейчас через порог к бабушке Зине, прижаться к её мокрому от дождинок пуховому платку! Как не терпелось сказать спасибо не только за найденную скрипку, но и за то, что она просто есть – такая тёплая, такая добрая. Похвалить булочки с корицей. Спросить про рыжего кота с порванным ухом. Но рядом стояла мама. И Таня только вымученно улыбнулась, проговорила «спасибо» и поцеловала бабу Зину в холодную щёку.

– Ну, всё, нам пора заниматься, – сказала мама. – До свидания, Зинаида Николаевна! – и закрыла дверь перед самым бабушкиным носом.

Таня слышала, как вздохнула за дверью бабушка, как пошла вниз, ступая грузно и виновато, как вспомнила на полпути о пакете с горячими булочками в сумке, охнула, хотела было вернуться, да только махнула рукой, не решаясь нарушить хрупкий мир между мамой и Татой. Как шла она по грязной дороге в свой двор с горкой, как заходила в подъезд и трепала за ухом рыжего кота. Потом поднималась к себе на второй этаж, надевала клетчатый фартук, месила тесто и пекла новые булочки...

Надежда Мирошниченко

Надежда Александровна Мирошниченко, русский национальный поэт, народный поэт республики Коми. Автор 12 книг стихов и множества публикаций в литературных журналах России. Дважды лауреат Государственной премии Республики Коми, Большой литературной премии России, Международной премии «Имперская культура» им. Эдуарда Володина, премии Союза писателей России и Республики Саха (Якутия) «Северная звезда» и др. Родилась в Москве 3.07.1943 г. С шести лет живёт в Сыктывкаре

Родина моя, моя Любовь!

* * *

Скажу вам на всякий случай:
Меня эта тайна мучит.
Я Родиной упоена.
Я Родиною пленена.
И я не видала лучше,
Хотя я видала лучше.
Но всё там иноплемённо.
И всё против нас – война.
И поле твоё размыто.
И сердце твоё разбито.
И маленькие народы
Пошли на народ большой.
Но сердце томит обида:
Какая-то Посполита
Грозит то ли нам, то им ли
То бомбою, то вожжой.
Но я не видала лучше,
Хотя я видала лучше.
Но нам это лучше – хуже.
И значит – не нам оно.
Раз опыт нас всех не учит,
Хотя бы казалось – учит,
Скажу вам на всякий случай:
Мы выстоим всё равно.

* * *

И кого это в наши края занесло?
То-то снег всю неделю валил.
Странный вечер. Какое сегодня число?
И о чём он со мной говорил?

Ладно-ладно, уж пожили вдосталь и мы.
Нагляделись, набрались ума.

Что за прихоть: являться в начале зимы,
Разгребая стихов закрома.

То-то станет от жарких речей горячо.
То-то сердце забьётся не в такт.
«Положи мне, хозяйюшка, ягод ещё.
Не гляди недоверчиво так».

И кого это в наши края занесло?
А уж весел и ласков, и мил...
Странный вечер. Какое сегодня число?
То-то снег всю неделю валил.

Из цикла «Русские сказки»

* * *

Я ходила в белые берёзы.
Я искала там девичьи слёзы.
Я хотела в молодость вернуться,
Да назад посмела оглянуться.
Оглянувшись – не окаменела,
Но зато Хозяйку разглядела
Той горы, что называют Медной.
И была она смертельно бледной.

– Не ищи Данилу, – мне сказала, –
Красотою я его связала.
И к тебе он больше не вернётся.
Если только камнем обернётся...
И опять давала самоцветы.
Я спросила: – А зачем мне это?!
Забери себе камнейев груды.
Не нужны твои мне изумруды.

И пропало всё. И растворилось.
Ящеркой хозяйка обратилась
И исчезла в ярких самоцветах.
И забыла я, где было это.

* * *

Отдыхает зимой река.
Одевает в снега бока.
И не знаешь: она течёт?
Да зимою это – не в счёт.
Под стеклом льда – вода.
Над водой – лёд – плен вод.
Надо льдом – в круг города
И деревни. И небосвод.
И молчит природа сама,
Потому что пришла зима.

А весною из-подо льда
Вновь вернётся к людям вода.
И так длится уже века:
Отдыхает зимой река.
Ты зимой весны не проси,
Потому что мы на Руси.
Ты дождись, пока ледоход
Нам вернёт движение вод.

* * *

Никакой тебе экзотики.
Только ровные поля
Да дороги поворотики,
Да родимая земля.

Всё в ней любо, что посеяно
И куда ни выпал путь:
И овраги, и расщелины.
И ещё чего-нибудь.

Только тот, кто знает Родину,
Знает, что она таит:
И курганы, и смородину,
И пшеницу, и гранит.

В параллельном этом таинстве
Горизонта полоса.
И ликуешь тут, и маешься.
Плюс и минус полюса.

Что ты, русское и резкое.
Режешь душу между тем
Облаками. Перелесками.

И ещё – не знаю, чем.
Что ничем не покупаешься.
Не сдаёшься никому.
Только мучишься да каешься,
Неизвестно почему.

ДВА ВОПРОСА

А ну, попробуй не ответить, русский:
Ты знаешь, что такое рай и ад?
Уже по-аглицки, и по-французски,
И по-китайски дети говорят.
Но разве зря запомнил ты от века,
Что нам на веки памятью дано –
Свою дорогу из славян во греки?
И Куликово? И Бородино?
А если русским словом и пространством,
Которые всей жизни на виду,
Владеешь ты, на зависть иностранцам,
Ты всё считаешь, что живёшь в аду?
А ну, попробуй, русский, не ответить,
А то тебя я уж не узнаю,
Так где ты есть, разбросан по планете?
Ты всё ещё считаешь, что в раю?

* * *

Умом Россию не понять...
Ф.И. Тютчев

Умом Россию не понять.
Но сердцем понимаешь точно:
Она бессмертна и бессрочна.
России быть не перестать.
Нам испытания даны
За наши малые усилья.
За наши проклятые дни,
Что мы позволили в России.
И сколь Россию ни гнети,
И сколь, родной, ни соболезнай,
Её великие пути
Под Божьей помощью над Бездной.

* * *

А в городе нашем был парк и оркестр.
Оркестр духовой с танцплощадкою – в круг.
И был дядя Саша – фотограф и друг
Всех нас, молодых женихов и невест.
И он, как встречал меня, сразу вопрос:
«Как мамка твоя, красавица?!
Ты ей намекни, если что...Я всерьёз.
Женюсь. Шибко уж она нравится».
Шли годы, но шутки он не оставлял.
И мы всей семьёй веселились.
А папа бурчал: «Я б ему навалял.
Да вовремя мы поженились».
А в городе нашем вай-фай есть и бар.
Есть граф и об этом есть где-то графа.
И даже гостиница есть «Сыктывкар».
Но нет дяди Саши-фотографа.

ТЫ СКАЖИ – РАССКАЖИ...

Памяти Анатолия Федулова

Я не з н а ю, из чего состоялась эта
 Беззаветная любовь к Родине моей.
 Может быть, из лепестков солнечного света.
 Может, просто из тоски серых журавлей.
 Что же, мама, не глядишь ты в глаза мне прямо?
 Что уводишь от меня мнимую беду?
 Ты скажи мне, Расскажи, как жила ты, мама,
 В 33-м горевом радостном году?
 Ты зачем рвала траву с именем Осока,
 Принимая в жизнь свою слово Лебеда?
 По отцу, по лагерям сгнившему до срока,
 Ярко падала с небес красная звезда.
 Где ж взяла ты этот Свет в жизнь свою и память –
 Беззаветную любовь к Родине моей?!

Ты же всё перенесла, всё, что было с нами,
 Ничего не предъявив в обвиненье ей.
 Я иду по той Тропе, что называли Русской,
 Где осоку с лебедой повязала кровь,
 А ко мне несётся встреч призванная Муза:
 -Ты не знаешь, – говорит, – из ч е г о Любовь?

КАРТЁЖНИКИ

Золото жжёт азарт.
 Правила – ни к чему.
 Манят просторы карт.
 Азия – на кону.
 Пробил знакомый час,
 От возбужденья пьян.
 В новый рабочий класс
 Новых возьмут крестьян.
 Главное – разобщить.
 Главное – раскалить.
 Главное – растащить.
 Главное – распилить.
 Новый железный век
 Взятся за новый плуг.
 Время берёт разбег –
 Это коснётся всех
 На рубежах разлук.
 Но на Амуре свет.
 Север встаёт в дозор.
 Мало ли?! Столько лет
 Нам застлала взор.
 Этот циничный ход
 По освоению карт...
 Мой ли поймёт народ:
 Золото жжёт азарт.

* * *

Не допели, не доспали, не допили.
 Пирогов тебе я всех не допекла.
 Не доспорили и не договорили.
 Да, к тому же, я тебя пережила.
 И теперь на каждой строчке, как на точке
 Запинаюсь я об эти вот «не до...»
 Вот такие, дорогой мой, заморочки.
 Если б знали мы заранее про то.
 И допели б, и доспали б, и допили б...
 Только я не прекращаю разговор,
 Потому что мы с тобой не долюбили.
 И люблю тебя я, милый, до сих пор.

СЛАВА РОССИИ

Надоела слава всем и всякому.
 Родина моя – моя Любовь!
 Только ты о Золоте не плакала,
 Лишь за Веру проливая кровь.
 Слава бесконечному и русскому
 Слову, что живее всех живых!
 Слава, многократно златоустову
 Мужеству, пронзающему стих!
 Слава нашим братьям и товарищам,
 Нашим пьедесталам и вождям!
 Слава колыбелям и пожарищам,
 Славой обернувшиеся нам.
 Только Ты опять надеждой новою
 Над планетою возникла вновь.
 Слава тебе, Русь моя бедовая,
 Родина моя, моя Любовь!

ПТИЦЫ УСТАЛИ

Птицы устали. Ракеты за пять минут
 Не долетели пока, но уже взбесились.
 Смелые ярятся. Трусы кричат: «Капут!»
 Бесы нацелились ангелам резать крылья.
 Что же ты, Родина?! Разве кто отдаёт
 Тысячелетье, не дрогнувшее в походе?!
 Скифы – за нас. Даже гунны... Но Киев вот
 Против. А турок с евреем пока не против.
 Самые наглые роют веков песок,
 С каждой минутою к золоту, видно, ближе,
 Но про минуты, прошу вас, читайте выше.
 Запад померк. Но сверкает в песке Восток.
 Всё-то мне снится ночами под светом звёзд:
 Князь Святослав, в тех местах не отыщешь лучше,
 Встал, потянувшись, и вышел на Крымский мост.
 Да и остался стоять там на всякий случай.

Поэзия

Владимир Корнилов

Православный русский поэт, член Союза писателей России. Автор 19-ти поэтических книг и 2-х книг прозы, изданных в Москве, Санкт-Петербурге, Иркутске, Германии. Дважды лауреат международного фестиваля «Звезда полей» им. Николая Рубцова; международных фестивалей «Славянские традиции» (Украина, 2010; 2012); литературной премии им. Владимира Даля и Всероссийской литературной премии «Левша-2018» им. Н.С. Лескова; обладатель международной литературной премии «Литературная Канада-2018» и мн. др. литературных российских и международных премий и фестивалей; награждён Грамотами Союза писателей России.

Публиковался в журналах «Наши современники»; «Москва»; «Юность»; «Сибирь»; «Всерусский соборъ», «Великороссь», «Сибирские огни», «Дальний Восток», «Новый Ренессанс» (Германия); «Эмотикон» (Германия), «Наше поколение» (Молдова), «Простор» (Казахстан), «Метаморфозы» (Беларусь); в альманахах и антологиях российского и международного уровня

Барышня осень

ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Ярмарку солнечной осени
Трудно в словах передать.
Жёлто-багряные просеки.
Дней золотых благодать.
Взгорки брусничкой румянятся.
Бор построжал, словно теть.
Всё здесь душе моей глянется
И затевает в ней песнь...
Песня с осенними звонами
Вдаль понесётся рекой.
Ей над плавучими бонами
Сплавщик помашет рукой.
Песня с реки перекинется
И зазвенит над селом.
То хлеборобы в гостинице
Ждали её за столом...
Песня – ты гостья крылатая!
Кто же твой ведает путь?
... Скоро я Настеньку сватаю –
Нас навестить не забудь!

ИРКУТСКАЯ ОСЕНЬ

Не встречал я осенью нигде
Красочней и трепетней картин:
Лучезарен каждый божий день

С серебристой дрожью паутин.
Золотые свечи сентября,
Придают торжественность лесам.
Всякий миг такой боготворя, –
Свой восторг дарил я небесам.
...Храм осенний светел и велик –
Благодатью Вышней сотворён.
Как прекрасен он и огнелик,
Солнцем осиян со всех сторон!..
Чуть поодаль купола церковей
В ярко-жёлтом пламени берёз –
Это образ Родины моей –
Дорог мне и памятен до слёз.

* * *

Днём ещё тепло стоит, как летом,
Солнце льёт на землю благодать.
Но уже по собственным приметам
Осень нам нетрудно угадать.
Серебристы утренники стали.
Вновь страда бессонницей в село.
Стайки птиц повсюду сбились в стаи –
До отлёта пробуют крыло.
Воздух аж звенит от паутины.
Женщины безумно хороши!
Эти ежегодные картины –
Трогательный праздник для души.

Посмотри, как высветила осень
Дальние отсюда берега!
Сквозь её пронзительную просинь
Подступила к берегу тайга.
Всё в природе близко и знакомо,
За версту дотянешься рукой
До тайги, охваченной истомой,
До звезды над утренней рекой.

БАРЫШНЯ ОСЕНЬ

Небо бездонно от просини.
Смехом искрится река.
... Барышня, нам не до осени –
Мы Вас не ждали пока.
Что же Вы лету перечите, –
Если ещё зелены
Сопки на всём междуречии,
Женщины счастьем пьяны.
Если блестящими нитями
Марево веет с полей.
... Барышня, Вам по наитию
Чудится крик журавлей.
Зреет их грусть над болотами
В зареве солнечных выюг.
Ими ещё не налётаны
Первые стёжки на юг.
Это приснился Вам давнишний
В золоте весь окоём.
... Осень, откуда Вы, барышня,
В ярком наряде своём?

БАБЬЕ ЛЕТО

Бесшабашный рыжий листопад
Щедро сорит осени монеты.
А у нас в Сибири говорят:
«Это наступает бабье лето»...
Будто сам художник шелкопряд
Выткал дни из паутиной пряжи.
Паутинки в воздухе парят
И узоры на травинках вяжут.
Журавли мерцают в облаках,
Светлой грустью наполняя вечер,
Бабьим летом ивовый закат
Обнимает женщину за плечи.

* * *

День сегодня залит ярким светом –
Сколько красок расплескала осень?!
Это просто, просто бабье лето –
В белой дымке голубая просинь...

У осин рубиновые листья.
Мир как будто создан для поэтов.
И горят рябиновые кисти,
Наливаясь солнцем в бабье лето.
... Вечерами не сидится дома.
В тишине грустит гитара где-то.
Нашим мамам эта грусть знакома –
Под гитару песни до рассвета.
... А сегодня нам не до занятий,
Но учитель требует конспекты.
И кого-то вызвали некстати.
А в окно стучится бабье лето.
... На вопрос про комплексные числа
Не составил ни один ответа:
Вместо формул у мальчишек в мыслях –
В паутинках солнца бабье лето.
... День сегодня залит ярким светом –
Сколько красок расплескала осень?!
Это просто, просто бабье лето –
В белой дымке голубая просинь...

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Бабьим летом ветер нетверёзый
Налетел и смял в руках берёзу.
Сбросив листья, обнажил ей плечи.
Страстно шепчет ласковые речи...

Та словам не верит и хохочет,
Только целоваться с ним не хочет.
Изогнула стан свой, отстранилась.
Всё в глазах у ветра помутилось.

... Скомкав, платье он сорвал с березы,
С её тела нежного, как розы.
И она в руках его не билась:
Ветреным порывам покорилась,
С жаркой страстью в губы целовала –
И у ней сердечко ликовало.

... Но не долго радовало счастье:
Вскоре разлучило их ненастье.
Дни настали пасмурно постылы, –
И у ветра сердце постыло...
И уже от чувств своих тверёзый,
Не сходил с ума он от березы.

... Как ни грустно это, ни плачевно,
Ему снилась новая царевна.
Та, что ветру сердце присушила
И к березке путь запоршила.

* * *

Осень с багряным золотом
Лёгкой пришла поступью.
Ночи дышали холодом.
Зори вставали россыпью.
Дни становились пасмурней,
Воды в озёрах синими.
Гасли закаты красными.
Утро рождалось в инее.
...Словно художник красками –
Дивной поре в угоду –
Яркой осенней сказкою
Нарисовал Природу.

ЖУРАВЛИНАЯ ПЕСНЯ

Пустынно стало на песчаных мысах.
Лишь я да ветер – вот и весь народ.
С последней стаей в журавлиных высях
Прощальной песней осень уплывёт.
...Но разве с ней иная песнь сравнится?!
В бездонном небе неземная грусть...
Торжественно летят над миром птицы,
Печальным звоном наполняя Русь.

ОСЕННЕЕ НАСТРОЕНИЕ

Грусть вселенская разлита,
В душу въелась тишиной.
Сеет в меленькое сито
Серый морок ледяной...
Неуютно, зябко, сыро
После тёплых летних дней.
Прохудилась крыша мира –
Заненастило под ней...
Выткан день из ткани ветхой,
Незаштопанной давно.
...Осень яблоневою веткой
Грустно тенькает в окно.

* * *

Ночь ли это?.. Сумрак ли сгустился?
Только стало жутко и темно.
Говорят, в колодце месяц утопился –
Пил над срубом и упал на дно.

Потому и люди приутихли.
Не скрипит журавль пустым ведром.
Златокрылый месяц, не для них ли
Санний путь ты выстилал пером?..

Даже птицам нынче не поётся.
Льют дожди... И в траурном платке
Ночь-вдова склонилась у колодца
Над утопшим месяцем в тоске.

ГРУСТНЫЕ СТИХИ

Душа томилась у меня,
Рвалась наружу:
Ей скучны скорбный морок дня,
Седые лужи.
Как будто кто-то на Руси
Вдруг умер тихо.
Всё утро дождик моросил –
Без передыха...
На небе сером, как зола,
Померкли краски.
... Душа же с трепетом ждала
Осенней сказки.

У КАМИНА

Люблю сумерничать в ненастье,
Когда с грозой бушует дождь.
Тебе никто не скажет: «Здрасьте!»
И никого ты сам не ждёшь.
...Но в этом смысл есть великий –
С душой побыть накоротке...
Мерцают огненные блики
Гвоздиками на потолке...
Всё – суета и быстротечность,
И только мир самой души,
Познавшей яркий миг и вечность,
Очистит нас от зла и лжи...
Гудят камин и непогода –
И ты один меж гневных муз.
...Душа в согласии с Природой
С себя отряхивает груз.

ОСЕНЬЮ

Михаилу Ермаченко

Задождила, закуражила погода,
Раздувая пламень огненной листвы.
Это осень – золотое время года,
Где в ненастье даже – помыслы чисты.
...Вновь по-русски будут щедрыми застолья,
А дождям – земная слякоть надоест.
И над Родиной, над всем её раздольем,
Солнце радугою вспыхнет до небес.

* * *

Сто бессонных рассветов горело в глазах.
Как безумно и жарко бродил во мне хмель.
Время выткало пряди седин в волосах
За короткое счастье весенних недель...
Вот и осень моя, пожелтев головой,
На ветру отгорела в закатном огне.
Говорят, у любви горизонт голубой,
Но совсем не безоблачный выдался мне.
Снова застило небо осенним дождем,
Загрустил подоконник о солнечном дне.
...Белокурая девушка, с кем ты вдвоём?
Вспоминаешь ли ты иногда обо мне?

* * *

Однажды, любимая, стань мне женой!
Не знать чтоб разлук и тоски.
И сердце моё, словно ландыш весной,
Раскроет свои лепестки...
От радости будет хмельной голова.
Друзья нам подарят цветы...
И станут кричать, чтоб тебя целовал,
Мальчишки аж за три версты.
...Наш свадебный поезд обступят толпой –
Уж так повелось на Руси.
Посыпят старухи дорогу крупной
Нам под ноги в две полосы...
Сыграем мы свадьбу с тобой в сентябре,
Чтоб гнулись столы от цветов.
...И ветер нам будет сорить во дворе
Монеты осенних листов.

* * *

Я выбит из обычной колеи,
Как всадник из седла, упавший наземь.
Коль в сердце свили гнёзда соловьи –
В такое время наш бессилён разум.
...Вернись, весна, в накидке голубой,
Где месяц май улыбочивый и звонкий
Мне насулит свидание с тобой –
Черёмухой пропахшею девчонкой!..
Сияя счастьем, ты придёшь ко мне,
Даруя свой по-женски нежный лепет.
Такое нам лишь видится во сне,
Томя сердца и вызывая трепет.
...Не рук твоих мне грезится тепло,
Не сладких губ медовых поцелуи, –
А чувствую, как сердце расцвело,
И ангелы поют нам: «Аллилуя».

В РАЗЛУКЕ

С.М.А. Одари меня нежным своим поцелуем!
Озари лучезарным сиянием глаз!
И с душою моей мы тогда возликуем,
Славя гимном любви этот радостный час...
Будут петь нам с тобой в зимнем парке синицы,
Осыпая с ветвей серебристую звень.
Ты в восторге прикроешь густые ресницы,
Глядя солнцу в глаза сквозь мерцающий день.
...А пока – я томлюсь, словно узник в неволе,
Попеняв на судьбу свою в тысячный раз.
И тоскуя душой, и страдая от боли, –
Понимаю – всю горечь разлуки сейчас.

УВИДЕВ ВАС, Я СЕРДЦЕМ ОБМИРАЮ...

При виде Вас я сердцем обмираю
От светлых чувств восторга и любви.
Моя любовь сродни безумству мая,
Как дар весенний в этом «селяви»...
Вы так юны и хороши собою.
От злых наветов Вас хранит Господь.
Он одарил Вас дивною судьбою.
Вам душу дал и трепетную плоть.
...Скучаю я по Вам, моя Голуба!
По солнцу в синем поднебесье глаз.
Как целовать я жажду Ваши губы!
Как жду любви я трепетной от Вас...
С мечтой о Вас встречаю я рассветы.
Ночами мне Вы грезитесь во сне...
Мои стихи и нежные сонеты –
Они о нас, – о Вас и обо мне.
...И пусть Ваш смех серебряный растаял,
В разлуке стал он тише и бледней.
Но незабвенным он в душе оставил
Восторг любви и память светлых дней.

* * *

Блехману Григорию Исааковичу

Что может быть дороже жизни –
В гостях у жизни у самой,
Когда с рожденья и до тризны
Нам уготован путь земной?..
И мир такой необъяснимый!
И жизнь кипящая во всём!–
Где каждый миг неповторимый
Мы с божьим промыслом несём.

Поэзия

Светлана Курач

Поэт, эссеист, художник-дизайнер. Родилась 14.06.64 на Дальнем Востоке. Детство и школьные годы прошли в Холмске на острове Сахалин. Окончила художественный факультет Омского Технологического института. Автор восьми поэтических книг, многих публикаций в российских журналах, в антологиях и коллективных сборниках. Лауреат международных, всероссийских и региональных конкурсов.

Член Союза писателей России.

Живёт и работает в Омске

Мои берега...

У ИСТОКА ИРТЫША

Течёт река
Откуда-то с верховий
Далёких гор, неведомых земель.
Несёт вода
Толику чуждой крови,
Чужой мотив
Доносится в метель.

Отрава стрел
Иль братский зов оттуда?
Степи полдненной терпкий аромат.
Ведёт степняк
Двугорбого верблюда, –
Далёкий враг,
А по реке – твой брат...

Течёт река,
В себя вбирая время –
Густой поток
Веков, событий, дат.
А русич вновь,
Вставляя ногу в стремя,
Летит вперёд
Путём, что Богом дан.

ОМЬ

Ремешки, пояски и цепочки следов –
Омь.
Заблестят, зашумят, зашуршат, зазвенят –
Тронь!

Одеянье твоё – белоснежный хитон –
Блеск.
Тишина, белизна, усмирён, заглушён
Плеск...
Засмеётся весна, пустит в зеркало льдов
Луч.
Повернётся в реке, в глубине, в тайнике
Ключ.
Ты вздохнёшь глубоко, сбросишь тяжесть оков
В ночь.
Все тропинки зимы, все цепочки следов –
Прочь!
Запоёшь, забурлишь, к Иртышу побежишь –
Власть!
Целовать, миловать, руки-реки сплетать
Власть.
Расплетёшь, разорвёшь ремешки, пояски –
Тронь!
Но влюблённых замки не срывай, береги,
Омь!

* * *

Целовал нам ступни подорожник,
Мягко спорыш стелился ковром.
Чтобы чай вскипятить, – осторожно
Ты закат черпал в речке ковшом.

Пахли вещи ночными кострами
(Нет – парфюму, лишь ветер и дым),
Пропитавшись свободы ветрами,
И травой, и простором речным.

Солнце щедро палило лучами –
Запасайтесь на зиму тепла!
И качали, качали, качали
Нам прохладные волны тела.

И, спасённые от перегрева,
Здесь одни мы – на весь окоём,
Молодыми Адамом и Евой
Выходили на берег вдвоём.

Звёзды нам обещали полмира,
В небе Млечная вилась метель,
И полынная степь Ачаира
Разнотравьем стелила постель.

И качал нам палатку, как зыбку,
Братец Месяц на тонком крюке,
И сверкала чешуйками рыбка,
Тихо булькая в сонной реке.

Шум утиной охоты – под утро,
(Где-то в мире – стреляли в людей...)
Песню старую – нет, не про уток! –
Мне напомнил...
Про двух лебедей.

* * *

Отгорев высокими кострами,
Отзвенев сердечною струной,
Отшумев весенними ветрами,
Жизнь моя, ты встала предо мной.

Что же мне пройти ещё осталось?
В светлом храме – причащенья миг.
Над водою – лебединый танец,
Над землёю – журавлиный крик...

Никуда не нужно торопиться.
От сует напрасных отрешась,
В дальнюю дорогу, словно птица,
Тихо собирается душа.

У колен Христовых милосердных
Исповедавшись во всех грехах,
Я прошу: рождённой в воскресенье,
Дай воскреснуть в песнях и стихах!

Песнями, стихами, дневниками
(Если я их завтра не сожгу),
Нежною зарёй над облаками
И костром на дальнем берегу.

* * *

В Россию текла боль.
Н. Иванов «Засечная черта»

Ежевичные заросли вдоль побережья,
Утончённая графика тёмной осоки...
На Иртыш выбираться мы стали пореже,
Ачаир, как всегда, – это случай особый.

Отдыхает душа от тревог и исканий,
Наслаждается тело прохладной волною.
И врачует земля – то травой, то песками,
Очищается взор высотой голубою...

Лаконичен ландшафт... Только много ли надо,
В час, когда чей-то дом навсегда уничтожен?
Созревают ли яблоки мёртвого сада,
И течёт чья-то боль сквозь границы таможен?

Ты гори, мой костёр, как свеча мировая!
Вознеси мою потребу созвездьям и Богу!
Чтобы братья-славяне, славян убивая,
Понимали, куда выстилают дорогу!

Ты гори, мой костёр!
Будет Ангел Последний,
Что мечом и огнём нам границы очертит,
Выжигая в сердцах заблужденья столетий...
Да прольётся над родиной Свет Невечерний!

Как нужна тишина над любимой рекою...
И крылатое облако с кромкой закатной...
Это мой Ачаир осеняет покоем,
Вдаль уносит тоску – навсегда, безвозвратно!

УТРО ПОСЛЕ ГРОЗЫ

После вчерашнего ливня
Влаги полна колея.
Травы танцуют в заливах,
Свежестью дышит земля.

А на реке устоялась
Гладью зеркальной вода,
Словно в грозу не металась
В ужасе здесь никогда!

Не полыхали зарницы,
Лес не ходил ходуном,
Молний летучие спицы
Не вызывали здесь гром.

Миром забыта атака,
Скрылись в пещерах волхвы...
Спит, растянувшись, собака
На изумруде травы.

* * *

...А с мокрой травы взлетали бабочки,
Спугнутые прерывистым собачьим дыханьем,
В утренней тишине слышны были шорохи
Крыльев вспорхнувшей с дерева птицы...

Под первыми лучами травы потягивались,
Переливались листья, от росы блестящие.
И в благодушном моём настроении
Мне виделся цветок в пакетике от «Лэйсов».

А крылья бабочек, влажные и тяжёлые,
Не давали порхать им легко и празднично.
И бабочки спросонья в мои колени тыкались,
И в удивлённую собачью физиономию.

* * *

Дремлет Иртыш, натянув одеяло тумана,
Замерли волны, как будто пропало течение...
Булькнула рыбкой монета на дно из кармана.
Бабочка крыльями перелистнула мгновенье.

Вытянул шею репейник в предчувствии чуда,
Травы в лугах загустили свои ароматы.
Сдвинула плечи тайга и на берег оттуда
Выступил сумрак – смолисто-иглисто-кудлатый.

Сквозь пелену облаков глянул лучик заката,
Тысячелистник собрал дни июля в соцветья.
Бабочка, крылья сложив, вдруг исчезла куда-то,
Словно захлопнула книжицу тысячелетья...

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

– Как этот день прошёл?
– О, был прекрасен он!
Я к золотым куполам
Ездила на поклон.
Ветер дышал чабрецом,
Пел молодой листвой,
Солнце сияло в лицо,
Брызгало синевой!
В храме, где крещена, –
Тёплой молитвы мёд.
В сердце глядит Она –
Та, что всегда поймёт...
На золотых куполах
Праздник сиял, не гас.
Руки воздев, Николай
Благословлял всех нас!

– Как был окончен путь?
– У воды и огня!
Долго горел костёр
И согревал меня.
Ивы раскидистой сень –
На берегу реки,
Водная свежесть и звень,
Новый полёт строки...
Облачный шёл караван,
Вечно зовущий вдаль.
Плыл от костра аромат –
Древняя пища дань.
Негу, усталость и сон
День уронил в траву...
Были родные со мной –
Те, для кого живу.

Поэзия

Вадим Новожилов

*Вадим Александрович Новожилов родился в 1954 году в г.Рига.
Окончил ЛГУ им. П. Стучки, историко-философский факультет.
Место жительства: Калининград – Рига.
Член Союза писателей России.
Автор четырёх поэтических сборников.*

Три богатыря

Пьеса

Начало в предыдущем номере «Берега» 4 (34)-2019

ЧАСТЬ 2

Яга

Я имею, чтоб ты знал,
из кикимор персонал
и тебе продам со скидкой, что желаешь,
но за «нал».
Не чугуний, не тефлон,
а продвинутый айфон...
Заодно и сеть подгоним, хошь «Яглайн»,
хошь «Ягафон».
Нужный выбор менеджмент
обеспечит сей момент.
Связь, Илья, сегодня в мире самый веский
аргумент.
Ну ж, давай, не будь упрям,
подходи смелей к дверям,
и себе смартфон прикупишь, и своим богатырям.

Илья

Слышь, Яга, не мельтеши,
прыть маленько притуши.
Испокон служу Отчизне я за честь, не за гроши.
Буде прыгать да скакать:
я наживе потакать
не намерен. Мне б Алёшу да Добрыню отыскать,
да разведать как-нибудь
до жилья Кощея путь,
чтоб покончить с ним, и князю жизнь
с невестою вернуть.
Если можешь, помоги,
но при этом не солги,
а солжешь – метлу сломаю и лишу одной ноги.

Яга

Лгать тебе резону нет.
Есть в смартфоне интернет,
там на все свои вопросы ты всегда найдёшь
ответ.
А теперь, Илья, смотри,
если отгадаешь три
мной загаданных загадки, задарма смартфон
бери!

Илья

Ха, в отгадках я мастак.
И по жизни не простак.
И айфона стать владельцем я готов
за «просто так»
Хоть я ловок и удал,
Мне ещё Создатель дал
Ум.

Скоморох 2

Сказал. И в три приёма все загадки отгадал.

Яга

Отгадал... взяла твоя...
Что ж, держи смартфон, Илья,
Он дорогу и укажет до Кощеева жилья.
И добавлю, чтоб ты вник,
«Гугуль» тут, поисковик,
он любую закавыку освещает в тот же миг.

Скоморох 1

И Илья берёт айфон,
Нажимает кнопку «ON», –
Где Добрыня и Алёша, отвечай мне, телефон!

Не томи, держи фасон,
мы ж – не сказочных персон!

Скоморох 1

И смартфон мигнул и выдал в тот же миг и в
унисон

Смартфон

Благостны и сладостны,
твой Добрыня смотрит сны,
здесь под шапкой-невидимкой невидимый,
радостный.
Алексей же, в час любой,
прикрывая Русь собой,
вызвал в данную минуту Змей-Горыныча на бой.

Яга

(толкает Илью в бок)

Нету времени сердчать:
надо Лёшу выручать!
Поспешай, Илья, скорее! Не давай им бой на-
чать!

Илья

Эй, Добрыня, выходи!
Много дела впереди...
Ты своим исчезновеньем навредишь, того гля-
ди.

Добрыня (объявляется)

Не суди, Илья сурово,
дай в защиту молвить слово.
В час, когда ты под покровом сумерек ката
шерстил,
я, под шапкой невидимкой,
в ожиданье поединка
задремал с конём в обнимку и чего-то пропустил.

Илья

Будя, друже. Ты в порядке?
Завершаем игры в прятки.
На коня – и без оглядки, чтоб быстрее ветра
мчать!
Скачем Лёше на подмогу,
а укажет нам дорогу
до Горыныча порогу то, что «эплом» величать.

Скоморох 2

Словом, души облегчили,
обнялись, потом вскочили
и помчали, как учили, изо всех возможных сил.
А Горыныч в это время
на коне Алёши стремя
оборвал и дырку в шлеме богатырском проку-
сил.

Скоморох 1

Тут Алёша меч хватает,
напрочь всё с пути сметает,
да на змея налетает, рубит головы с плеча.

Но заметил, дело худо:
голова летит куда,
исцеляя чудо-юдо, – лезет новая, рыча.

Алёша (удивлённо)

То ль Горыныч, то ль двойник...
То ли сказочный парник?
Только голову отрубишь – отрастает в тот же миг!

Горыныч

Ха! Ручонки растопырь
да сдавайся, богатырь,
а не то хвостом огрею, будешь нюхать нашатырь!

Алёша

Врёшь, Горыныч, я за Русь,
и с тобою разберусь,
и тебя, и всех нечистых сей момент повергну
в грусть.

Горыныч

Ха-ха-ха... тогда молись!
Да не обижайся, please.
Знать, Кощея ждёт сегодня удивительный
сюрприз.

Скоморох 2

Вдруг раздался храп коней,
пыль – до неба, а над ней –
как раскаты громовые, голоса богатырей.
И, едва заслышав их,
хоть и был Горыныч лих,
враз обмяк и, взор потупя, присмирел и приутих.

Илья

Эй, Горыныч! Ты, вояка,
облапошился, однако.
Мы сейчас начнём атаку и тебе несдобровать!
Для начала, для согрева,
заходи, Добрыня, слева!
Я же, выкипев от гнева, буду головы срубать!

Скоморох 1

И Горыныч вдруг заплакал,–

Горыныч

Отменяй, Илья, атаку:
я же, мыслящий инако, для Кощея – как изгой.
Между нами нету дружбы,
все дела в пределах службы...
пощадите... мне бы в душ бы, да соснуть
часок-другой.
Тем, что головы срубили,
вы мне сильно подсобили:
все они с изъяном были, под гипнозом
и вообще...
Вместо них, без хирургии,
тут же выросли другие,
в них намерения благие, не указ для них Кощей.

Появляется Яга

Эй, он правду говорит,
и разбоя не творит,
и ещё в ячейке местной демократом состоит.
Задурил его Кощей.
Нету ворога пущей.
Пусть Горыныч вас проводит до Кошечьих
мощей.

Илья

Коль Горыныч невменяем,
мы атаку отменяем,
но при этом знать желаем, не вникая в суть
вещей,
досконально всё про место,
где нахально под арестом
прячет княжью невесту злоумышленник Кощей.

Добрыня

Я, Илья, с тобой согласен.
Нам Горыныч не опасен.
Алёша
Но дальнейший план не ясен...
и куды податься впредь...
как и в сторону какую?

Яга

Я ж не даром тут кукою,
всё, ребята, растолкую, чтоб Кощея одолеть.
Но замечу, между прочим,
вы со временем – не очень!
Если вдруг мы срок просрочим, будем попусту
тупить,
рассуждая да балуя...

(закатывает глаза)

Мама мия! Аллилуя...
Мало будет поцелуя, чтобы князя оживить.

Горыныч

Про Кощея-иноверца
я открою тайны дверцы:
проживает он без сердца, сердце спрятано в яйце,
то яйцо в желудке утки,
утка та гнездится в будке,
ну а будка – в чаще жуткой бора тёмного в конце.

Яга

Потому Кощей и вечный,
что по жизни бессердечный.
Дерзкий и бесчеловечный, он не ведаёт добра...

Илья

Ну тогда скорей, в дорогу!

Добрыня

Что мы топчемся, ей богу?

Алёша

Скороходы нам в подмогу!
Ноги – в руки и уррра!

Илья

Без уловки и обману
будем действовать по плану.
Сам Кощей по барабану.
Чтоб не вдарить в грязь лицом,
надо нам сыскать ту будку,
в коей прячет тело утка,
а у утки из желудка втихаря изъять яйцо.

Скоморох 2

Вот и бор... навис зловеще,
и деревья, словно клещи,
давят, мнут, ветвями хлещут, рык разносится
зверья.

Презирая всех рычащих,
в шлемах витязи блестящих,
продираются сквозь чащу до утиноного жилища.

Скоморох 1

Через топи и ловушки
так добрались до опушки.
Видят – будка! В будке – тушка утки,
а яйца и нет...

Алёша

Это как же... это что же?

Добрыня

Сдали нас, Илья, похоже.

Илья

Ну, Горыныч, уничтожу! За семь бед – один
ответ!

Яга

Не спеши судить, Илья!
Змей-Горыныч, знаю я,
не при чём: здесь, за границей нынче тесно
от жулья.

Ты у нас хотя и босс,
толку нет с твоих угроз.
Лучше яблочко заугли и задай ему вопрос.

Скоморох 2

Достаёт Илья смартфон,
нажимает кнопку «ОН».
Катит яблочко по блюдцу, рассыпая тонкий
звон.

Видят три богатыря
и долины, и моря...

Илья

Полагаю, мы картину наблюдаем эту зря.
Будя, Apple, дезу гнать,
Сей же час желаем знать:
где яйцо, и как, владея им, Кощея спеленать?
Ну ж...

Смартфон

... не нукай, не запрят.
Мне ответить не в напряг:

утке той наведни кречет абсолютный сделал
кряк.

Он гнездо в утиль пустил
и яичко проглотил,
и сюжет былины нашей тем слегка поворотил.
Только это не беда,
подойди, Илья, сюда.

Для развязки возникает в метком снайпере
нужда.

Цель понятна и ясна.
Видишь – старая сосна,
а на ней тот самый кречет,
разморённый ото сна?
Ты стрелой его сними,
да резину не тяни:
нам остались в этой сказке только
считанные дни.

Добрыня (обращается к смартфону)

Где ж Кощей? Секрет открой!

Смартфон

Во пещере, во сырой,
в месте, где сосны напротив,
мошкары кружится рой.
Там с невестой, средь мощей,
и упрятался Кощей,
а вокруг его скелеты машут крыльями плащей.
Не пугайтесь тех бойцов,
как добудете яйцо,
перед всей «нечистой силой» ваша сила налицо.
Хоть Кощей на зло горазд,
но невесту вам отдаст,
потому как он, Бессмертный,
не желает «склеить ласт».

Добрыня

Если Apple нам не врёт,
надо двигаться вперёд,
только пусть Илья сначала эту птичку приберёт!
Мы ж окружим деревцо,
заклучим его в кольцо
и в конце концов добудем злополучное яйцо.

Скоморох I

Тут Илья хватает лук.
Кречет вздрагивает вдруг
и, стрелой поражённый, издаёт протяжный звук,
и яйцо летит на гать...
Все – давай Илью ругать, –
Это ж... если разобьётся, как Кощей нам пугать?!
Лёша ж глазом не моргнул,
в скороходы сиганул
и словил яйцо, и фразу недвусмысленну загнул.

Алёша

Прекращай, Илья, палить
да фортуна даром злить,

направляемся к пещере, чтоб Кощею
предъявить!

Скоморох 2

Чуть прошли вперёд, и вот
стал багровым небосвод,
задрожал и яркой вспышкой осветил
в пещеру вход.

Скоморох I

Лёша крепче сжал яйцо,
помянул святых отцов
и шагнул в пещеру первым,
сделав строгое лицо.
Вслед – Добрыня и Илья,
вслед – Яга, диrol жуя,
замыкающим – Горыныч, всюду головы суя.

Скоморох 2

Поначалу в тесноте
привыкали к темноте,
и от страха у Горыныча бурчало в животе.
Молча шли друг дружке вслед,
вдруг внезапно вспыхнул свет...
И погас, и показался, весь светящийся, скелет.

Скоморох I

А за ним, крутя ногой,
объявился и другой,
а потом ещё и третий подкатил к гостям дугой.
Кто в накидке, кто в плаще,
кто в одних носках вообще –
кто в чём мог. И тут из мрака вышел медленно
Кощей.

Кощей

(распевает, пересчитывая скелетов)

Вот те раз, а вот те два,
я концы свожу едва.
Хнычет кто, сюда смотри:
было два, а стало три.
Вот ещё четыре-пять...
Вышли кости погулять.
Так и хочется присесть:
вышло пять, вернулось шесть!
Вот так экономика
у Кощей – комика!
.....
Я на это не куплюсь.
У меня повсюду плюс:
князя нет, а на невесте на его – я сам женюсь!
Этим я повергну в грусть,
навсегда, святую Русь
и, при помощи женитьбы,
до престола доберусь.
Коль невеста здесь сидит,
кто наследника родит?
Я на русском троне буду, это каждый подтвердит!

У-уххх, делов наворочу –
всюду земли захвачу:
мне, с богатствами России, все задачи по плечу!

Скоморох 2

Тут не выдержал Илья, –
Илья

Да за Русь святую я...
хоть на плаху, – вот такая конституция моя.

Добрыня

Прекращай творить разбой,
как навалимся гурьбой –
разнесём твою пещеру, заколотим вход тобой.

Мы не будем повторять:
возвращай невесту вспять!
Нам посредством поцелуя князя надо исцелять.

Скоморох 2

Алексей поднял яйцо
и промолвил с хрипотцой
убедительно и веско, как известный рокер Цой:

Алёша

Эй, Кощей, смотри сюда,
здесь она, твоя беда!
Пожелаем лишь – и сгинешь, тут же,
раз и навсегда.
Сердце нам твоё разбить –
не участок застолбить.
Ну, а хочешь – на невесту обменяем, так и быть.

Кощей

Вот вам, витязи, ответ:
Миновало много лет
С той поры, как я без сердца посещаю
белый свет.
Я ж как вы когда-то был,
с детства очень петь любил,
но родители сказали, чтоб о пении забыл.
Мол, заводит не туда
эта нотная среда,
мол, о пении из сердца мысли вырви навсегда.
И, расстроенный, друзья,
с мыслью – сердце вырвал я,
и помчалась жизнь по кочкам, бессердечная моя.
Причинил немало бед
мне родительский запрет,
хоть бессмертен я, и знатен, и богат, а сердца
нет,
а без сердца нет любви,
как удачу ни лови.
Вот такая, извиняюсь, у Кощей c'est la vie.
И выходит, по всему,
сердце это ни к чему
мне, а вам домой вернуться предлагаю посему.

Скоморох 1

Вышла тут Яга вперёд, –
Яга

Это правда. Он не врёт.
Есть, однако, предложение: напоследок пусть
споёт.

Илья

А и вправду, спой, Кощей
для моих товарищей.
Нет смысла без невесты возвращаться нам
вообще.
За семь бед – один ответ.
Нет невесты – князя нет.
А без князя мы сироты и не мил нам Белый
Свет.

Скоморох 1

Тут Кощей оторопел,
Хмыкнул, костью поскрипел,
А потом вдохнул поглубже, вскинул руки
и запел.

Скоморох 1

Без подмостков, без кулис,
голос плыл то вверх, то вниз...
а затих – аплодисменты раздались, а следом –
«бис!».

Илья

Ну, Кощей, до слёз прошиб,
если только мы смогли б
оживить внезапно князя, записали б
классный клип.
Был бы ты в большой цене
в нашей русской стороне.
Да с твоим вокалом сразу – в зарубежное турне!

Скоморох 2

А Кощей стоял, молчал.
И, казалось, скромничал,
а потом собрался с духом и душевно отвечал:

Кощей

То ли видится во сне,
то ль навеяло извне, –
не припомню, чтобы люди аплодировали мне.
Если это всё не бред,
значит – ложь, что правды нет,
значит, правду укрывали от Кощей тыщи лет!
Да за правду я сейчас
возверну невесту враз!
Ну, а сердце?.. Бог с ним, с сердцем! Пусть
останется у вас.

Кричит слугам

Эй, который впереди,
к нам невесту приведи!
Но гляди, чтоб с уваженьем, ей наряд не повреди.
За такую за красу

князя лично я спасу
и его сейчас в пещеру с трёх дорог перенесу.
Только, чур, отныне, впредь
я повсюду буду петь,
вы турне мне обещали за границу, правда ведь?

Илья

Это правда, а пока
вот, Кощей, моя рука –
мы слова рукопожатьем закрепляем на века.
Коль решат богатыри,
ты и сердце заberi,
и живи себе на радость, и другим добро дари.

Скоморох 1

Алексей шагнул вперёд.
– Я не против, пусть берёт.
И Кощею тотчас сердце на ладони подаёт.

Скоморох 2

Тот же что-то зашептал,
загремел, зарокотал,
а потом внезапно замер, будто памятником стал.

Скоморох 1

Постоял, подребезжал,
что-то вытащил, нажал...
И возник в пещере камень... а на камне князь
лежал.

Скоморох 2

Засветилось всё впотьмах
и, под рук Кощея взмах
подвели невесту к камню, и она сказала, – ах!

Невеста

Коли, князь, ты во гробу,
заberi мою судьбу...

Скоморох 1

И губами прикоснулась нежно к каменному лбу.
Тут же князь открыл глаза
да окинул взглядом зал,
да, прижав к груди невесту, слово веское сказал.

Князь

Хоть злословь, хоть прекословь,
повторяю вновь и вновь:

править миром будут вечно только дружба и
любовь.
Мой наказ – уразуметь
всем присутствующим, впредь
никогда любви и дружбы верной злу не одолеть.

Скоморох 2

И со временем в ладу,
у народа на виду
начались преображенья в том неведомом году.

Скоморох 1

Абсолютно нестрога
стала к путникам Яга,
да ещё похорошела, обрядилась в жемчуга.

Скоморох 2

И «нечистая» среда,
с нею вместе, навсегда
стала чистой, а Горыныч стал красавцем хоть
куда!

Скоморох 1

И большим прослыл певцом,
с обаятельным лицом,
тот Кощей, что был когда-то прековарным
хитрецом:

у него, как ни суди,
сердце доброе в груди,
он и жизнь отдать готовый за добро, того гляди.

Оба

И до осени самой
возвратился князь домой,
и украсили хоромы золотою бахромой.
И, вступив в законный брак,
Зажил он с женой средь благ,
А над Русью и поныне водружён
победный флаг.

Ну, а три богатыря,
не теряя время зря,
сухопутную границу охраняют и моря.
Не жалея ратных сил,
берегут покой Руси.

И молва о них по миру – хоть на небо возноси!

Ульяновские берега

Ольга Даранова

Даранова Ольга Николаевна – учёный секретарь Дворца книги – Ульяновской областной научной библиотеки имени В.И. Ленина, председатель Правления Карамзинского фонда поддержки культурно-исторического наследия, финалист Всероссийской премии «Чеховский дар» (2010), победитель международного конкурса поэтической декламации «О, сто моих колец: посвящение Марине Цветаевой» (2017), заслуженный работник культуры Ульяновской области.

Автор и ведущая многих презентаций, встреч с творческой интеллигенцией города, литературных передач на «Радио России – Ульяновск». Куратор регионального проекта «Литературная филармония».

Публикации в журналах: «Симбирскъ» (Ульяновск), «Сура» (Пенза), «Волга – 21 век» (Саратов), «Нижний Новгород», «Бийский вестник» (Бийск), «Родная Кубань» (Краснодар), в газете «Литературный маяк» (Вологда). Член Союза писателей России.

На солнечной полосе

* * *

Ах, эти летние прогулки!
Солнцестояние души!
Кустарник в старом переулке
Царапнул руку: «Не спеши...».

Я с радостью умерю шаг свой!
Я слышу тех, кого уж нет...
И слабый звук калитки шаткой
Встревожит сон ушедших лет.

Там рдеет мальва, плющ прижался
К уютной дедовской стене,
И запах родины остался...
Так пахло в стародавнем дне!..

Я с этой стариной в созвучье,
Мне здесь покойно и светло,
Где руку жжёт листок колючий,
Где утро жизни протекло.

И, залитые летним солнцем,
Мы здесь однажды и всегда...
Как этот сад, как неба донце,
Как дней бесценных череда.

Как истина, проста дорога,
И чувств глубинных вскрыта суть.
Земная жизнь – как это много!
Как короток он, этот путь!

За счастье жить, за праздность эту
Благодарю, благодарю.
Не верю я, что кану в Лету,
А верю в то, что воспарю.

Голубкой стану, веткой вишни,
Травой, жасминовым кустом,
Дождём прольюсь и еле слышно
Я буду с вами в дне ином...

* * *

«Как семейно шуршанье дождя...»
Иосиф Бродский

Как хорошо у тебя там, в том доме,
Где так уютно за столом сидишь!
И руки сложены, и тишина, и кроме
Тебя и осени нет никого. Грустишь,

Печалишься светло и милосердно,
Найдя отдохновенье в сером дне
За стопкой книг, за вышивкой усердной,
За сумраком в остуженном окне.

Пришёл черёд воды. Исыкло лето...
В саду цветы осенние горят,
За изгородью пурпур бересклета,
А в доме том печалются и спят...

О, как мне дороги порогов этих скрипы,
И этот куст, и влажное окно,
Скамья у одинокой старой липы
И выцветшее прадедов сукно!..

Здесь вещи величаво неслучайны,
Они хранят минувшего мотив.
... Позвякивая ложечкою чайной,
Угаснет день, земное завершив.

Всё это живо в нас и рядом с нами,
И этот сад, и женщина в окне...
И прошлыми пленённые годами,
Мы в осени, как в длинном, длинном дне.

И в доме том нам мирно и не тесно,
Там маятник отмеривает год,
И правда дня чиста и бессловесна,
Как женщина, что дом тот бережёт.

СТАРИННАЯ ФОТОГРАФИЯ

Сударыня-барыня, графинюшка старая
Под яблоней дремлет, молитвенник сполз...
А может, прабабка моя то, Варвара,
Под чепчиком прячет корону из кос?

Она рукою своей пергаментной
Яблоню гладит, молитву творит.
Когда это было? В поре незапамятной...
Слеза запоздало в ресницах дрожит.

Сказали, красивой была и мудрою,
Как мать её и как матери мать.
И статной была, и рисовой пудрою
Лицо выбеливала, графине под стать.

Тяжёлая юбка её раструбами,
Как неизбежность, на листьях лежит.
И в нитку собраны властные губы её,
И тайное пламя во взоре горит.

И может быть, я там, за креслом ореховым,
В переднике белом незримо стою?
Чепец поправляю, рукой-неумехою
Варенье вишнёвое в блюдечко лью...

Но даже и в этой девчонке-нескладнице
Я профиль твой твёрдый в себе узнаю.
И в день, когда стану я чьей-то избранницей,
Такую же юбку себе я сошью.

И стать твою барскую, поступь неспешную
Я в правнучке нежной своей разгляжу.
И гладить головушку буду ей грешную,
И чепчик на память, как ты, завяжу.

*2019, январь, 13-ое,
память прабабушке Варваре*

* * *

День детства солнечной пастелью
Вернётся к нам во взрослых снах
Лучом, скользнувшим в дверной щели,
Лампадкою на образах.

Подсвечен бережною краской
Тех дней старинных декупаж.
Гасился день добром и лаской,
А начинался с «Отче наш...».

Ты вспомнишь, как крыльцо скрипело,
Как пахло деревом в сених
После дождя. Как вишня спела,
Темнея прямо на глазах.

Ты спишь ли, гредишь ли – не знаешь...
Подушка, мокрая от слёз.
И мёд черёмухи вдыхаешь,
И зелень майскую берёз.

И всё, казалось, будет вечным:
Трава, деревья, дом и сад!
Так восхитительно беспечным
Бывает только стар и млад...

И год от года всё острее
Та сладость пролетевших лет!
Печаль светла, и душу греет
Родства неугасимый свет.

САНКИ

Откуда-то из детства, из-под спуда,
Из давних дней, спрессованных годами,
Всплывает этот вечер, это чудо
И девочка с печальными глазами.

Я вижу себя маленькой, стоящей
Среди двора. Зима была крутая!
Крест-накрест шаль, и шариком блестящим
Звезда с небес далёкая сияет.

Уж вечереет, тишина стозвонна,
И в сумерках все очертанья строги,
И слитность неба и двора бездонна,
И сон людей оберегают Боги.

Я помню снег тот, краски близкой ночи...
Вы спросите, чем снег тот отличался?
А тем, что был он ярче, глубже, звонче,
И за калиткой долго не кончался.

Ещё я вижу санки. Что за санки!
С вершин лапландских, где живут саамы,
Из сказки древней, из деревни Санты
Они мне переданы Снежной Дамой.

О, Андерсен! Ведь мы всё также плачем
Над мотыльком, булавкой пригвождённым,
И над солдатиком, огнём охваченным,
Расплавленным, но всё ж непобеждённым.

Но гаснет чудо! Молоко в постель мне,
Чтобы заснуть... А по снегу звеняще
Полозья скрипнули – и в Вечность улетели!
А дальше – сон... Но санки – настоящие.

* * *

Ещё не сброшен мальвы цвет,
И Спасы яблоком и мёдом
Одаривают белый свет,
Венчая сердцевины года.

Какая радость слушать ход
Тех летних дней благословенных
В сплетенье вечных и мгновенных
Приобретений и забот!

Ещё лазурна неба даль,
И зной ещё томит и нежит,
Но вечеров душистых свежесть
Приносит лёгкую печаль...

И ветра дальнего прилёт
Несёт прохладу и тревогу,
И день бледнеет понемногу,
И скоро осени черёд.

БЛАГОВЕЩЕНЬЕ

Ветви тополя в каплях воды,
Дворник кормит крупной голубей.
Ещё холодно, стыло и льды,
Но становятся дни всё длинней!

Льётся светлая влага с небес,
День апрельский прозрачен и чист,
Словно птиц ожидающий лес,
Словно повести будущей лист.

Всю бы землю на вдохе одном
Удержать, всё земное впитать!
И парить, трепеща, мотыльком,
И любить, и прощать, и желать...

Спит младенец в коляске моей,
Спит младенец во чреве Ея,
Благовещенья счастье испей,
Ты, Мария, и чады Твоя.

7 апреля 2019 г., Благовещение

* * *

Брату Игорю

От моей боли до твоей –
Цветенье юности и зрелость,
И череда летучих дней,
Когда всё ладилось и пелось.

Когда венчался длинный день
Молитвой двух старух любимых
Там, где жар солнца грел плетень
И мордочки котят игривых.

Как быстро ходики стучат!
Как много их, ушедших в осень...
В саду вновь яблоки летят,
Раскалываясь остро оземь.

Отец твой очень их любил.
Разламывая с хрустом чрево,
Как молодость, нектар их пил,
Грустя с есенинским напевом.

Калитку тихо открывал,
Когда под утро шёл из клуба
И на прощанье целовал
Подругу в яблочные губы.

Мы сдержаннее во сто крат,
Но с каждым днём мы снова дети.
Нас прошлое – в родимый сад
Однажды примет на рассвете.

* * *

Дни мои, золотые слитки!
В каждой грани их – мир цветёт!
Так жасмин у родной калитки
Расцветает из года в год...

Пусть недолго его цветенье –
Эта радость всегда со мной.
Вот и мальвы густое рденье
Обрамляет июньский зной.

День за днём – вереница счастья!
Липа дарит медовый цвет...
В этот жар ароматный пасть бы,
Задержаться на много лет!

В этих днях будет жить мой голос,
Моё платье и лёгкий шаг.
Будет вновь наливаться колос
И алеть на полянах мак.

Всё вернётся: весна и лето,
В свой черёд и в своей красе.
Здесь ли буду, а может, где-то
Там, на солнечной полосе...

Ульяновские берега

Александр Лайков

А. Лайков – автор поэтических сборников: «Из пепла и света», «Подкова в золе», «Зимородок» и других. Публиковался в литературных изданиях Москвы, Санкт-Петербурга, Минска, Калининграда, Поволжья и Сибири. Стихи вошли в антологию «Ульяновская словесность: начало 21 века», переведены на венгерский язык, некоторые стали песнями.

Один из создателей ульяновских альманахов «Карамзинский сад», «Беседка муз», журнала «Симбирск».

Лауреат нескольких журналистских премий, поэтической премии им. Николая Благова (Ульяновск, 2015), Международного поэтического конкурса им. Игоря Григорьева (2016, 2017), конкурса патриотической поэзии и прозы им. Героя Советского Союза Мусы Джалиля (Астрахань, 2017), конкурса одного стихотворения 2015 года в Красноярске и других. Награждён медалью Фонда памяти поэта и воина Игоря Григорьева (2018 год): «За большой вклад в сохранение и развитие культуры, русской словесности, традиций патриотического воспитания, а также изучение и популяризацию творческого наследия Игоря Григорьева».

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

«Как умеют любить однолюбы...»

РУССКИЕ ПОЭТЫ

* * *

Баню натопил стихами...
Павел Радочинский

Не топите баньку горькими стихами:
Рукописи, знаю, не сгорят дотла...
Помню, как на зорьке вместе с петухами
В мокром палисаднике вишня расцвела!

Мы с тобою русские, а не самураи.
Не бросайте рифмы в топку для огня!
Нас не развращали в глянцево-м журнале –
Веником берёзовым парила родня!

Угли воронные тлеют в поддувале,
В ковшике на доньшке греется луна...
Сторона родимая! Сколько повидали!
А стихи крамольные – горе от ума.

Плещутся метафоры в медном самоваре,
В мокром палисаднике вишня расцвела...
Ах, какие барышни здесь нас целовали!
Мы поэты русские – вот и все дела.

А в саду поспели вишни,
На варенье липнут осы.
Воробей, как солнце, рыжий
Расчирикался с берёзы.

Вперевалку ходят гуси,
Слышен беглый звон гитары...
У окна, в зелёной грусти,
Я с компьютером гутарю.

Деревенские напевы
И пейзажи – сплошь шедевры!
Вон, бельё полощут девы,
Все прекрасны, как Венеры...

Хорошо на тихой речке
У кувшинок и осоки.
Наши годы быстротечны,
Думы – благостно-высоки.

И мои друзья-поэты
В меркантильную эпоху, –
Неподкупные, как дети,
Разговаривают с Богом.

В ЭТОМ ДОМЕ
КОЛЮЧИЕ СНЫ...

В этом доме колючие сны,
Будто хвоей набили подушку,
И шершавые шишки сосны
Бередят мою грешную душу.

Чуть колеблется пламя свечи,
На окне отражаются блики...
Это тёща в крошечной ночи
У иконы читает молитвы.

Как знакомы святые слова,
Что глаголила бабушка в детстве!
Поседела моя голова,
Потерялся серебряный крестик...

Только тянет в родные места
К заповедным кувшинкам лимана.
Слава Богу, что совесть чиста,
И жива моя добрая мама.

Сколько бурь пронеслось над страной!
Ветер свеж и, как рельсы, протяжен...
Ничего – мы тряжнём стариной
И отважно по рюмочке вмажем!

Я испил свою чашу сполна
И в распутье не сбился с дороги.
Краснопёркой всплывает луна
Прямо с неба в заветные строки.

Я опять у обрыва стою.
Мне до крови обветрило губы.
Всё равно эту землю люблю,
Как умеют любить однолюбы.

ПЕРВОКЛАССНИЦА

Мама мыла раму.
Из «Букваря»

Над городом курлычат журавли,
Как будто им пространства мало!
А первоклашки смотрят в «Буквари»
И по слогам читают: «Ма-ма».

О, сколько им явлений суждено
Открыть за школьную программу!
...Осенний дождик тренькает в окно,
А Маша снова моет раму.

И сиротливо смотрят из угла
Забывший мяч и кукла Барби.
А школьница вертлява, как юла,
Косички прыгают по парте.

Сосед за бантик дернул не со зла
В порыве детского азарта...
Девчонка неуклюжа и мала,
Но расцветёт ещё внезапно!

Семь раз с деревьев облетит листва
И возвратится вновь на ветви,
Когда мальчишка вымолвит слова,
Которых чище нет на свете!

Отведает печалей сентября
И горечь школьного романа...
И всё опять начнется с «Букваря»,
Где по слогам читают: «Ма-ма!»

* * *

Ночью приходила мама
и светила фонариком.

(Сон как наяву)

Она приходит ночью.
Фонариком посветит
И говорит: «Сыночек...» –
Живая, как до смерти.

Стоит белее мела,
И дышит невесомо
Горюет, что без тела,
И не ночует дома...

На краешек кровати
Присядет до рассвета
В застиранном халате,
Мерцающая каплей света.

И строго так накажет
Племяннице и братьям:
«Живите дружно, Саша.
А дом не продавайте!»

От ледяного вздоха
Мне одеяла мало...
...Как ночью было плохо!
И приходила мама.

* * *

Что мне делать совсем одному
Посреди мироздания и быта?
Серым волком повить на луну?
Да она облаками размыта...

Зажимаю слезу в кулаке:
Как пустынно без матушки в доме!
Отражается детство в реке,
Красный бакен горит на затоне.

Моет косы над плёсом ветла,
Как вопросы, задумались цапли,
И стекают проворно с весла
Виноградно-багровые капли.

Это я так отважно гребу
По судьбе на студёном рассвете.
Кто там ждёт на крутом берегу?
Никого. Только чайки да ветер.

Возвращаюсь к родному крыльцу,
Где мои зарождались глаголы,
И частицы Вселенной – пыльцу
Собирают проворные пчёлы.

* * *

Ничего не приходит на память:
Ни имён, ни событий, ни дат...
Но всё время отчаянно тянет
Выйти ночью в намокнувший сад,

Где на ветках змеиные тени,
И луны апельсиновый срез,
И дурман от персидской сирени
Вдоль Икрянки разносит норд-вест.

Шебуршат моложавые листья
В предкушенье весенних дождей...
И рождаются вещие мысли
В голове поседевшей моей.

Хлопнет ветер распахнутой ставней –
Хлынет в горницу солнечный свет...
И пойму я, что в мире светает,
И с природой один человек!

КУКУШКА

А кукушка с берёзы опять куковала:
Всё: «Ку-ку!» да «ку-ку». И отважно «ку-ку!»
И считал я «ку-ку» – сколько жить на веку.
А она, как на грех, куковать перестала.

И обидно мне стало до вещей слезы,
Что я скоро уйду из прекрасного мира,
Где любил постоянство Полярной звезды,
Шорох трав, всплески вёсел и волн Бахтемира.

Где нашёл я однажды подкову в золе –
«Опалённое счастье», – промолвила мама.
Я влюблялся и пел, как скворец на заре,
И меня целовала Крестовая Дама!

Каркал ворон – предвестник разлуки-беды,
И дрожала роса на кустах краснотала.
Я стоял на яру у дремучей ветлы.
...А кукушка с берёзы опять куковала.

ВОРОБЕЙ

Я когда-нибудь стану растением,
Перейду в шелестенье страниц.
Приходи ко мне в полдень весенний,
С молодым топольком обнимись!

И почувствуй, как бродит по порам
В ритме пульса живительный сок.
Рвутся почки, и слышится шорох,
Нарождённых до времени строк.

В прошлой жизни я был человеком,
Не имевшим доходных рублей.
На моих перепутанных ветках
Поселился смешной воробей.

Все чирикает: зной или дождик.
Даже вьюга ему нипочём!
Может быть, он опальный художник
С городских позабытых трущоб?

Я поэт, не поладивший с веком,
И огню не плебейских кровей.
В прошлой жизни я был человеком.
Почирикаем, брат-воробей?

АРМЕЙСКОМУ ДРУГУ

Как живёшь, ефрейтор Кобылинский?
По какую сторону Майдана?
Пьёшь горилку, водку или виски –
В башне танка иль в тени каштана?

Только этим не залечишь нервы,
Если брат с оружием на брата...
А ведь все мы христианской веры
От Крещатика и до Арбата!

Мы родня по духу и по крови:
Щит Олегов на вратах Царьграда!
Но тревожно за Сулою ржали кони,
Обагралась маками Непрядва.

И рождалось в муках государство,
В Киев-город всех вела дорога.
Спят в курганах и могилах братских
Воины без страха и упрёка.

А у нас с тобой «ключи от неба»,
И в квадраты втиснуты зарницы...
Помнишь, я читал стихи о вербах,
А ты звал в Днепровскую станицу?

Здесь теперь район военных действий,
Дым пожарищ – даже солнце меркнет.
И, глумясь над памятью, злодейски
Свастика чернеет возле церкви.

Как же так, товарищ Кобылинский?
Растоптали Родину и веру...
Эх, явился бы Богдан Хмельницкий
И прищучил этого Бандеру!

Ты кохаешь дивчину в Донецке,
А в развалах каркает ворона.
...И горит огнём калёным в сердце
Шрам от Беловежского разлома.

* * *

Я с трудом размыкаю капкан немоты,
Не могу докричаться до ровней своих...
А на Красном бугре вырастают кресты
Закадычных друзей – одногодков моих.

Ах, какие все были они пацаны!
Но спились иль погибли в разборке крутой...
Мы – последние дети великой страны.
Это кто там стоит у обрыва с клюкой?

Лейтенанту в походах не жмут сапоги:
Он в боях пол-Кавказа прошёл без дорог
И в Чечне схоронил половину ноги,
Но безногий сапог, как зеницу, берёт...

Я оглох от словесной пальбы и вранья,
От казённых бумаг леденеет висок...
На колхозных полях – караван воронья,
Да седую полынь заметает песок.

На лугах у Икрянки растёт лебеда.
На корявых дорогах – удушливый смог...
И опять я шагаю, видать, не туда.
А куда, если Ерик совсем пересох?!

Есть примета, что много грибов не к добру:
Будет много гробов и семейных утрат.
...Это кто там стоит на кручёном яру –
Мой двойник, лейтенант или маленький брат?!

Ульяновские берега

Раиса Кашкирова

Раиса Иршатовна Кашкирова окончила Казанский химико-технологический институт. Инженер-эколог, специалист по традиционной аюрведической медицине, член Национальной аюрведической медицинской ассоциации, диетолог.

Регулярно читает лекции по здоровому образу жизни и питанию, поднимает в своём творчестве темы духовного и физического оздоровления человека, занимается просветительской деятельностью.

Автор книг «Я любовью исцелю», «Белый ангел», «Души моей распахнуты врата» (2007). Многие стихи стали песнями.

С 2018 года руководитель димитровградской писательской организации «Слово».

Член Союза писателей России.

ИДУЩИЙ К БОГУ

Идущий к Богу найдёт дорогу,
освоит с честью нелёгкий путь.
Ведь если к Богу, то на подмогу
пришлёт Всевышний кого-нибудь.
Душа к собору – и дело в гору,
в трудах упорных крепчает дух.
Найди опору и, вторя хору,
тверди молитву – в уме и вслух.
И вспыхнут силы в душе бескрылой,
и будет воля вперёд идти,
идущий к Богу пройдёт дорогу
и не споткнётся на полпути.
А если всё же, устав до дрожи,
ты кожей множишь тоску и страх,
проси у Боже, и Он поможет
понять, что счастье в твоих руках.
Осилив бремя, вставай с коленей,
стараясь немощи превозмочь!
А выйдет время – в ладу со всеми
уйди смиренно из мира прочь.
Шагая к Богу, найдёшь дорогу:
она светлее, чем все пути,
пусть не отлога, пусть круче тропа –
не сомневайся, мой друг, иди!

В ТРИНАДЦАТЬ МЫ СЕБЯ СЧИТАЛИ ВЗРОСЛЫМИ

Ах, детство-детство...
Дочь простилась с куклами
И стал солидным старшенький, сынок.
И ждут на полке внуков книжки с буквами,

А детям по плечу высокий слог.
В тринадцать мы себя считали взрослыми.
Казалось, знали, как себя вести,
Но все ответы на свои вопросы мы,
Как грабли, находили по пути.
И собирали шишки в шапку с опытом,
И, становясь мудрее всякий раз,
О многом говорили только шёпотом
И чувств не выставляли напоказ.
Стеснялись поделиться мы с учителем,
С родителями – Боже сохрани!
В театре жизни были словно зрители
Чужой, далёкой, будущей любви.
Сейчас иначе всё – и шестиклассники
По статусу «ВКонтакте» «влюблены»,
И заменили игры в наши «классики»
На Интернет ребята всей страны.
И получают там образование,
И даже больше хочется сказать –
Инет им подменяет воспитание,
Которое дают отец и мать.
Сидит «ВКонтакте» дочка, интересно ей,
Смеётся так, что в пору бы к врачу
Прикрикну, а в душе, сказать по-честному,
Сама над этой шуткой хохочу.
Растут другие дети, не похожие
На прежних пионеров-октябрят...
Я не грущу, судьбу свою итожу я,
Но не стремлюсь, как прочие, назад.
Я жизнь люблю – такой, какая выпала
На мой безумный, суматошный век!
Ей ни к чему быть показушно-липовой:
Пусть будет чёрной грязь и белым снег.
Пусть всё идёт, как есть, и всё меняется,

Хоть не по нраву что-то старикам.
Но только дети учат нас не стариться
И быть счастливей вопреки годам.

Я РИСУЮ СЕБЯ

Я рисую себя каждый день, каждый час,
неустанно мазки наношу на полотна,
я ищу бесконечность в сиянии глаз,
воплощенье живого в прозрачно-бесплотном.
Я художник души и творю для себя,
создаю из мельчайших деталей основу,
добавляю штрихи к обновлённому «Я»
разноцветными гаммами света и слова.
Но конечный итог неизвестен и мне.
Что ещё приготовил великий Создатель?
Доверяясь Ему, утону в глубине
исцеляюще ласковых сильных объятий.
...Тихо льётся мерцающий звёздный поток
на бумажный эрзац нарисованной жизни.
Справедливый Творец не бывает жесток:
я сумею принять, и совсем не капризна.
Неожиданно сложится новый сюжет,
возникая в пространстве почти эпатажно.
...Я с картины смотрю. А художника... нет.
Только это теперь совершенно неважно.

У КОТОВ ЕСТЬ АНТЕННЫ

У котов есть антенны? Несомненно!
И в глубинах Вселенной бессменно
кто-то ловит сигналы по тончайшим каналам
из кошачьих хвостов, голосов и усов –
и из кухни моей, и из зала.

Кошки смотрят на нас неустанно,
отправляя на чьи-то экраны
фото разных людей, запись важных идей,
все достоинства или изъяны:
что надел, как поел, где сидел, чем болел
и во сколько и с чем принял ванну.
Кошки вечно у нас под ногами снуют
и, мурлыча, в сердцах обретают приют,
потому что иначе не решить им задачи,
что слегка обозначены тут.
Лишь немногие из миллионов
в нарушение негласных законов
начинают любить нас не хуже собак.
Кошка вам и не друг, и, конечно, не враг –
наблюдатель. И хранилище скрытых симпатий
или тайных пристрастий. Но – тсс! Не сейчас:
всё фиксирует фотозрачок, фотоглаз,
и глядят изумлённые кошки
в наши души, тарелки и ложки.
Вы, возможно, не знали о кошачьем портале?
Только он существует в реале.
Так давайте же будем светлей и добрей,
пусть увидят, что всё хорошо у людей!

ПОРТАЛЫ ПАМЯТИ

Нам помогают жить порталы памяти
и чувствовать забытое порой.
Когда виски укроет снежной заматью,
я с грустью вспомню, что была другой.
Увижу сквозь портал иные лики я –
не те, что греют жизни круговерть, –
и станет мелочь ценною реликвией,
и станет жизнь пронзительней, чем смерть...

Ульяновские берега

Илья Таранов

Илья Александрович Таранов родился в городе Ульяновске. В 1982 году с отличием окончил Ульяновский политехнический институт. Более 20 лет трудился на Ульяновском механическом заводе, занимался разработкой и внедрением в производство промышленных роботов-манипуляторов, автор нескольких изобретений. В настоящее время И. Таранов – генеральный директор ЗАО «Симбирская литейная компания».

Автор семи книг для детей, сборника стихов и новелл «Белая птица», исторической повести «Как Богдан Хитрово Симбирск строил». Роман-сказка «Маэлла и Башия господина «В» на областной выставке-конкурсе «Симбирская книга-2003» признана лучшей книгой региона для детей и юношества. Член Союза писателей России. 16 октября 2018 года на отчётно-выборном собрании И. А. Таранов единогласно был избран председателем Ульяновского регионального отделения Союза писателей России.

Молчание Клио

Рассказ

По ночам под грустной лампадой Луны она записывает в свою вечную книгу всё важное, что произошло за день. У неё удобное место для наблюдения – самый центр Ульяновска на правом берегу Волги. Тихий Карамзинский скверик с вязами, липами и берёзами. Когда устало прогремит последний трамвай, она открывает бронзовые скрижали и невидимым грифелем пишет бесконечную историю города. Она – муза истории, дочь Зевса, прекрасная Клио.

Она безмолвно стоит на гранитном постаменте и смотрит на шумные улицы. Она знает их историю и помнит всё, что здесь произошло 23 августа 1845 года. В тот день Клио очнулась от первых ударов колокола на Троицком кафедральном соборе и услышала пожелание многая лета Императору российскому Николаю I и вечной памяти Историографу Николаю Михайловичу Карамзину, великому писателю. Она увидела в парадных одеждах губернатора Симбирска, дворянство, воспитанников гимназии и духовной семинарии. Она услышала слова поэта: «Так Русский юноша, теперь идущий мимо, взглянув на этот лик, сияющий в меди, любовь к отечеству, сей огонь неугасимый, восчувствует в груди...». Она поняла, что хоть и венчает пьедестал, но не в её честь этот праздник. Клио услышала похвальное слово Карамзину: «Пусть памятник, здесь поставленный, одушевляет ваших детей и все следующие поколения в благородном стремлении к высокой цели Карамзина! Пусть он останется навсегда идеалом Русского писателя, Русского гражданина, Русского человека...».

С тех пор она живёт жизнью города. Её интересуют не только большие события, но и судьбы маленьких людей. Сегодня у Клио праздник. Пришла её старая знакомая и положила за кованую ограду душистые ландыши. Каждый год она приходит сюда с букетиком нежных цветов. И с каждым годом время неумолимой кистью старит её лицо, удаляя сочные мазки на румянце щёк, на нежных уголках губ. Но вот глаза! Их, как и музу, время не старило. Время не властвовало над Клио – темнела лишь бронза. Сама же она оставалась молодой и царственной, как создал её сам Гальберг – академик, великий скульптор.

Взгляд этой женщины всегда поражал Клио. Его внутренний огонь, казалось, был вечным. Встретив такой взгляд, Клио мучительно пыталась понять, откуда исходит это непостижимое пламя силы и любви. Но единственное, до чего муза могла добраться в своих раздумьях, так это до той догадки, что в ней самой нет того, что есть в человеке. И она вновь и вновь писала историю людей, чтобы в конце концов узнать истину...

Гостья присела на лавочку в скверике и задумалась. И муза задумалась – она вспомнила первую встречу с этой женщиной. Её младенцем принесла на руках мать. Это было в 1943 году. Мать плака-

ла и говорила: «Вот, Лизонька, и остались мы вдвоём. Не увидишь ты своего отца никогда. Окаянная война забрала его у нас. Нет Бога, нет!.. В кого теперь верить? Может быть, в эту дивную статую. Вырасти такой же красивой. Буду молиться ей о твоём счастье...»

Эта речь тогда сильно растрогала Клио. Плакать она не могла. Но записала в эту ночь всё до слова и даже оставила грифонажи на полях. Не часто она делала такие быстрые наброски своим грифелем. Когда коммунисты взрывали кафедральный собор в 30-е годы, она нарисовала падающий купол и крест. И плачущих монашек рисовала, когда разрушали Спасский женский монастырь. Он стоял напротив Карамзинского сквера и украшал город солнцезвонками куполами. И изящную Никольскую церковь. И потом, в 60-х, сделала наброски снесённого в пожарном порядке красивого здания бывшего губернаторского дворца. Всё это записано в её скрижалях!..

Муза по лицу женщины догадалась: сегодня что-то должно произойти. Та взволнованно поглядывала по сторонам, очевидно, ожидая назначенной встречи. Клио предугадала свидание и первой заметила гостя. Из-за молодой листвы липы она рассмотрела его глаза. «Не может быть!» – удивилась муза. Она не видела этого человека много лет. Как он постарел и обрюзг!.. Хотя внешний лоск и дорогой костюм указывали на привычки важной персоны. Он подъехал на дорогой машине с московскими номерами. Водитель с необходимой долей подобострастия открыл перед ним дверь. Клио молниеносно перелистала историю и раскрыла забытую страничку...

– Пойми, Лиза, мне предложили новую работу. Я уезжаю в Сибирь строить новые города и дороги, я стану руководить большой стройкой, – читала Клио свои записи.

– Ты меня бросаешь!? – девушка нервно отрывала белые цветки ландыша от стебля, сминала их, кидала под ноги, будто пыталась забросать невидимую пропасть, образующуюся между ними волей злого повелителя.

– Нет, Лиза! Сейчас семья станет помехой для моей карьеры. Я устроюсь на новом месте и тебе напишу. Ты не понимаешь, что такое Сибирь!

– Но у меня будет ребёнок!

– Пока он не нужен ни тебе, ни мне... И слёзы ни к чему. Ну, всё-всё! Давай без лишних сантиментов. Через год, если не напишу, встретимся здесь в это время. Прощай!

– Но я же тебя люблю-ю-у... – эхо времени стёрло слёзы прощания...

Клио разглядывала свои старые наброски на полях: рыдающая девушка с букетом ландышей и стремительно удаляющийся молодой человек. Он шёл, одержимый романтикой новой жизни...

«А ведь я точно нарисовала их последнюю встречу», – похвалила себя муза и только сейчас опомнилась: гость уже подошёл к красивой женщине и с крайним любопытством разглядывал знакомые черты её лица.

– Здравствуй, Лиза! – импозантный мужчина преподнёс женщине роскошный букет роз.

– Здравствуй, – ответила она глухо, не поднимаясь с лавки, взглядывая на него своими ясными глазами.

– Странно, ты совсем не изменилась. Ты так же смотрела на меня перед нашим расставанием. Да, а я вот, видишь, постарел. Отяжелел. Разреши всё же присесть рядом. Хотя, поехали в хороший ресторан!

– Скажи, зачем ты приехал? – прервала его женщина, держа в руках цветы, словно вязанку хвоста, готовясь бросить её в костер.

– Как же, мы столько времени не виделись, – он начал привычным тоном, но осёкся под её взглядом. Смущение, которое он прятал, вышло наружу. Он сжал губы, взглянул на Клио и тяжело вздохнул:

– Эта статуя всегда молчит. На её лице нельзя прочесть никаких чувств, кроме милосердия! В этом вы схожи. В молодости ты была прекрасна, как эта богиня. Да и сейчас... Расскажи, как ты живёшь?

– Ты не ответил, – женщина с удивлением рассматривала колочки на толстых стеблях роз. И почему у таких красивых цветов такие острые шипы? Не для того же, чтобы ранить? Скорее для защиты своей первозданной нежности.

– Мне стыдно и больно говорить. Серые волосы, а краснею, как мальчишка... Я хотел тебя увидеть! Посмотреть в твои лучезарные глаза. Услышать твой голос. Я виноват перед тобой! Когда мы расстались, моя жизнь помчалась, как курьерский поезд. Я гнал его всё дальше и дальше. И не

мог остановиться. Жажда карьеры, власти, денег привязала меня словно наркотик. Я давно живу в Москве. У меня солидная финансовая компания. Первую жену бросил в Сибири. Вторую лет пять тому назад. Сейчас у меня длинноногая молодая красавица. В Европе на атлантическом побережье вилла. Всё есть. Всё, кроме любви!.. Все любят лишь мои деньги, а мне хочется тишины и покоя. Я, Лиза, сорвал стоп-кран и выпрыгнул на ходу. Знаешь, как приятно бродить по улицам, где прошла молодость. Дышать этим родным воздухом. Хорошо!.. Лиза, я приехал за тобой. Хочу устроить тебе достойную жизнь. Лиза, когда мы были молодыми, свято верили, что построим коммунизм. Не наша вина, что разрушили прежнюю страну. Но теперь ты будешь жить при коммунизме. У тебя будет всё! Поедем в любую страну мира. Хочешь – в Италию, хочешь – по Парижу погуляем, в Лувр заглянем, посмотришь своих любимых мадонн с младенцами. А захочешь – полетим через океан в Америку. Нет проблем, Лиза. Теперь я всё могу!

– Ты лжёшь! Ты ничего не можешь. Ты не в силах вернуть чувства, – в её глазах на мгновение промелькнула неутолимая скорбь. – Ты не дёргал стоп-кран. Ты просто сделал остановку. Тебя гнетёт твой последний вагон. И ты хочешь его отцепить. Но это невозможно! Ты безудержно мчишься всю жизнь на красный!..

– Сейчас, Лиза, я уже никуда не помчусь! Скоро последняя остановка. Неделю назад врачи вынесли приговор! Никакие хирурги мне уже не помогут. Ты права. Я ничего не могу. Мне осталось несколько месяцев... Помнишь, как мы пели: «Не расстанусь с комсомолом, буду вечно молодым!..» Теперь мы и с комсомолом расстались, и с молодостью. И поэтому я решил повидаться с тобой. Вспомнить о нашей любви!

– Я о ней никогда не забывала.

– Правда?! Лиза! Значит, ты меня простила?

– О любви не забывала ни на минуту. А ты давно умер в моём сердце. Тот, кого я любила, всегда со мной. На того, любимого, так был похож его сын.

– Сын?! Лиза, почему был похож?.. Ты родила сына? Где он сейчас? Я хочу с ним встретиться! Умоляю! Это последнее желание в этой жизни, – мужчина упал на колени перед женщиной и принялся целовать её руки. Она ждала, потом сказала:

– Я к нему завтра поеду. Хотела сегодня, но ты назначил встречу. Поеду завтра. Соберу букетик. Он любит ландыши. Его могилку легко найти... Там растёт куст белой сирени! Хотели положить его на центральной аллее, как героя! Но я решила рядом с моей мамой. Она мечтала о внуках. Там они встретились. Он погиб в Афганистане... Да, я не плачу, потому что счастлива. У меня внучка. Мы очень любим друг друга! Как-то она написала в школьном сочинении: «Я люблю свой город, потому что в его центре красивый скверик, где мы с моей бабушкой любим гулять. А мой папа – герой!» – женщина взглянула на Клио. – Меня любят мои ученики! Меня любит мой город! Меня любят эти деревья! Это небо! Потому что я их люблю бесконечно... Я счастлива, что сохранила свою душу. Тебе этого не понять. Слишком поздно! В отличие от тебя я не боюсь смерти.

– Не боишься? – машинально переспросил он, ошеломлённо разглядывая её опустошёнными глазами, отстраняясь от неё, вставая с колен.

– Ты приехал за покаянием? Но ответственность тебе надо не передо мной! – она взглянула на величественную скульптуру Клио.

Он последовал своим взглядом за ней. Муза истории стояла в спокойной естественной позе с грустным лицом. На её грациозной фигуре изящно накинутые древнегреческий хитон и плащ подчёркивали красоту её тела, обрисовывали её совершенные формы. Удивительно гармоничный образ бронзовой музы поразил мужчину.

– Перед кем? – он, будто придавленный бронзовой скульптурой, смотрел на женщину испуганно и нетерпеливо.

– Перед той, что смотрела тебе вслед с этой лавки много лет назад!

– Ты права, Лиза. Ты права, – он выдохнул и распрямился. – Я перед поездкой к тебе зашёл в храм Христа Спасителя. Поднял голову и посмотрел на свод купола, и меня пронзил взгляд Его... Ты не была там?.. На своде среди облаков и голубого неба написан Создатель. Я понял, что надо ехать к тебе... Ты меня всё же простила или нет? Я так и не понял. Ты всегда была для меня недоступной. Всё же я предлагаю тебе поехать со мной в Москву.

– Тебе была недоступна моя душа, потому что твоя была одержима другой страстью. Взгляни

на памятник. Ты знаешь, что запечатлено на этом горельефе? Нет, ты не можешь знать! Карамзин изображён на смертном одре в окружении близких людей. А перед ним Фортуна – богиня счастья и удачи – сыплет из рога изобилия золотые монеты. Писатель жестом останавливает Фортуну, как бы говоря ей, что её чудесные дары запоздали... Перед смертью Карамзину император пожаловал большие деньги. На что он промолвил: «Это уже слишком много... Благодеяние чрезмерно: никогда скромные мои желания так далеко не простирались».

В наступившей паузе Клио вдруг услышала дивные голоса птиц. Они и не переставали возглашать миру свою любовь. Клио подумала, что до этого она их не слышала. Да-да! Весь мир вокруг поёт. Интересно, а как звучит молчание музыки? Надо об этом поразмыслить в какую-нибудь безлунную ночь.

– Я не люблю колючих роз. Мне нравится скромная нежность ландышей. Они созвучны моей душе. Прощайте, – женщина с сияющими глазами медленно поднялась и вышла из скверика, направилась вниз к шумной улице Гончарова, по которой двигались в вечно гудящем потоке автомобили и люди – угрюмые и весёлые – в непроглядь спешащего тысячелетия...

Ночью при тихом свете Луны Клио раскрыла на жертвеннике бессмертия бронзовые скрижали и принялась скрупулёзно записывать историю канувшего в Лету дня. Луна в свою очередь старательно рассматривала в гранитной нише бюст Историографа государства Российского Николая Михайловича Карамзина. Открытый, смелый взгляд пламенного патриота России устремился вдаль, в глубь веков. Карамзин слегка сдвинул брови, его морщины на высоком лбу явствовали о гигантской работе души, чувств и мысли. Этот взгляд отягощён озабоченностью судьбами Родины. Этот взгляд мудрый, призывающий грядущие поколения: «Трудитесь умом, играйте воображением, живите сердцем...».

Клио взглянула на грустный лик ночного светила и в своей вечной книге написала: «Сегодня я поняла, чего нет в моем бронзовом совершенстве. Во мне нет человеческой души...».

Берега Новороссии

Виталий Даренский

Даренский Виталий Юрьевич – родился в 1972 году в Луганске, окончил исторический факультет Донецкого университета. Член Союза писателей России, член Правления Союза писателей ЛНР. доктор философских наук. С 1999 года преподавал в университетах Луганска, в 2017 – в Дальневосточном Федеральном университете.

Автор поэтического сборника «Притяжение неба» (2017), монографии «Парадигма преобразования человека в русской философии XX века» (2017). Публиковался в журналах «Подъем», «Москва», «Грани», «Родная Ладога», «Голос эпохи», «Александръ». Лауреат конкурса к 60-летию журнала «Москва».

Преобразование памяти

Альманах «Воля Донбасса» как художественное целое

Издание альманаха «Воля Донбасса» Союза писателей ЛНР было давно ожидаемым: это уже третий альманах этой серии, посвященный теме войны на Донбассе (ранее выходили «Время Донбасса» и «Выбор Донбасса», ставшие вехами литературного движения ЛНР). Как и в первых двух, его авторами стали не только авторы из ЛНР и ДНР, но и россияне. Книга издана при содействии с Интернациональным Союзом писателей (ИСП). Был проведен открытый литературный конкурс, и по его результатам отобраны 26 поэтов, восемь прозаиков и два драматурга, чьи произведения и вошли в альманах.

Литература Донбасса о войне, начавшейся в 2014 году, давно уже стала знаковым явлением в современной русской литературе. К ее неоспоримым достоинствам относят возрождение лучших качеств литературы о войне, которые были явлены в свое время авторами старших поколений – солдатами Великой Отечественной. Эти особые качества – «оголенность» человеческой души перед лицом смерти, обнажающая ее до самого дна и делающая невозможной никакую ложь и фальшь; особый военный стиль, в котором выброшено все лишнее, и язык оживает своей внутренней силой – все это, действительно, вновь ожило в «донбасской» прозе и поэзии.

Новый альманах, как предшествующие, полностью посвящен военной теме, однако в нем явно ощутимо изменение ракурса ее видения и соответствующее этому изменение тональности. Как и прежде, большинство текстов, имеют «репортажный» характер, написаны если не по «горячим следам» событий, то по не менее горячим воспоминаниям, однако в них появилось новое измерение – особая дистанция памяти, заставляющая перейти от непосредственного переживания событий не только к их осмыслению (это было и раньше), но уже и к новой «картине мира», порожденной опытом прошедших исторических событий. Как известно, классика русской военной литературы – роман «Война и Мир» – создан полвека спустя после описанных в нем событий. Наиболее значимые произведения о Великой Отечественной войне также выходили лишь начиная с 1960-х годов, а завершающий эту тему шедевр – роман «Прокляты и убиты» В. Астафьева – точно так же только через полвека, в 1990-х. В нашем же случае, даже пятилетняя дистанция от начала войны уже привела авторов к ее цельному художественному осмыслению.

Общую смысловую доминанту всех произведений альманаха можно определить как *преобразование памяти* – это не просто память о трагических событиях, но ее преобразование в новый опыт народа, который будет передан будущим поколениям. В этом преобразении память о войне предстает в первую очередь как память о человеческих поступках, о нравственном выборе и смысловых прозрениях людей, втянутых в водоворот событий. Над общим разделением мира на «своих» и на

«врагов» надстраивается новое видение и тех, и других не только как героев, жертв и преступников, но и как в равной степени участников одной общей драмы Истории, разделившей людей на своих и чужих, но все равно судимых по одним и тем же законам Божиим и человеческим. Война лишь выявила в людях то, что было в них и раньше, но проявлялось скрыто и под личинами. Война и разделение на врагов сделала внутреннее и скрытое – внешним и явным; война поставила эксперимент, а его результаты должны теперь исследовать писатели, исполняя порученное им народом ремесло – говорить то, что тоже пережито, но не высказано другими.

Первый раздел альманаха – «Поэзия» – очень удачно открывается стихотворением Елены Заславской «Новая заря», которое, как нам кажется, является смысловым и эмоциональным камертоном всего альманаха. Тот смысловый стержень преобразования памяти, о котором сказано ранее, явлен в этом стихотворении весьма зримо и по-настоящему пронзительно:

Душа моя, о чем ты плачешь?
О ком ты плачешь и болишь,
Не веря, что убитый мальчик –
Убийца, нацик и фашист?

Зачем заранее прощаешь
Всех каинов, проливших кровь?
Так общей болью причащаясь,
Ты узнаешь, что есть любовь.

И ею как щитом хранима
Вся наша русская земля.
Уходит ночь. Над Третьим Римом
Восходит новая заря.

В этом стихотворении дан «код» русского мировоззрения. Начинаясь словами библейского Псалмопевца «Душа моя, о чем ты плачешь?», оно начинается с основы основ – жалости и сострадания ко всем людям без исключения, и в первую очередь к тем, кто был обманут и творил зло не по своей воле. Вот это и есть внутренняя основа христианской души, которую в наше время «не поймет и не заметит гордый взор иноплеменный» (Ф. Тютчев). Отсюда рождается любовь в библейском смысле – не как «чувство», которое не вечно, но как способ мысли и мировосприятия, который приобщает нас к Вечности. Такая любовь «заранее прощает всех каинов, проливших кровь» – это Христова любовь, на которую отчасти способны и люди. Именно такой любовью «как щитом хранима вся наша русская земля», и только благодаря ей, как чудо, Русь стоит тысячу лет. Именно поэтому она и стала Третьим Римом – хранителем преемства священного Православного Царства, которое, по пророчествам святых, ей дано нести до конца мира сего.

По этой мистической линии и происходит разделение людей и наше время, как и раньше. По одну сторону – русские, по другую «Европы сытой холуи», как сказано об этом в другом ее стихотворении:

Для вас, Европы сытой холуи,
Зажглись артиллерийские зарницы!

Эта война *праведная* и сродни мученическому подвигу, о чем нам и напоминает взятый автором эпиграф из стихотворения Н. Гумилева о Второй Отечественной войне, позже обогнанной и переименованной в «Первую мировую»: «И воистину светло и свято / Дело величавое войны...». Поэтому и сам поэт мыслит себя как воина на этой священной войне против тьмы мира сего. Его слово – на грани бытия и живет болью о всех живущих и умирающих:

И ты исчезнешь в темной бездне,
Погаснет тонкая свеча.
Зачем же ты слагаешь песни,
Болишь, светла и горяча?

Удивительно то, что в альманахе есть несколько сильных стихотворений историсофского содержания, казалось бы, очень далеких от конкретики войны, но несомненно, порожденных ее опытом. Таким же библейским духом наполнено стихотворение Натальи Литвиненко (Перепелки):

Не ищите града земного,
Не ругайте 20 век.
Мы увидим, честное слово,
Что не видел еще человек.

Будем бледны, и гладны, и сиры,
Сгинем мертвы в изгибах земли.
И сего прекрасного мира
Больше уж не увидите вы.

Неуместны права человека,
Как он хрупок, хладом палим,
Мир не знал подобного века –
До другого, что будет за ним.

Столь апокалиптическое видение истории – это дар православной души, уже почти забытый современной поэзией. Удивительно, как поэты Донбасса чувствуют мировое призвание русского слова. Людмила Гонтарева грустит:

Где вы, озимые строки,
пышная всходов речь,
тонкая мудрость Востока,
гудящая прозы печь?

Громких томов – пустыня.
И только молчанье – вверх
взмывает. Но небо стынет
и сеет бумажный снег.

Нет, есть в нас и тонкая мудрость Востока, и молчание, из которого рождается неведомое вещее слово! Таких «озимых строк», родившихся после долгой зимы молчания души – много в этом альманахе.

В этом обзоре мы не можем упомянуть всех поэтов, представленных на страницах альманаха, и сознательно делаем выбор в пользу текстов, не связанных с одной лишь конкретикой войны, но несущих в себе вот такие «пророческие» прозрения и мирообъемлющее видение жизни. Это важно не только для развенчания пошлого мифа о литературе Донбасса как о якобы региональной и замкнутой на местной тематике, но и в силу реальной ценности этих произведений, относящихся к вершинам того, на что вообще способна современная литература. Ведь задача современной литературы – не только художественная; это в первую очередь необходимость преодолевать скудость и ущербность экзистенциального опыта современного человека, оторванного от великих традиций прошлого и загнанного в свой узкий мирок мифов и предрассудков «современной» цивилизации. Литература призвана разрушать этот мирок и распахивать душу вечному и неведомому. В альманахе есть удивительное стихотворение как раз об этом – о том, как растет душа:

Чужих стихов прочитанные строчки,
Как мотыльки сгорают надо мной.
Тянусь, приподнимаюсь на носочки –
Так шире горизонт. Мой след земной...

На каждый час, на каждое мгновенье
Достаточно ли слов и тишины?
В чужих стихах, их строчках – откровенья,
Мечты и страхи, и чужие сны...

Одни горят – и грея, и питая.
Они сияют, разгоняя мрак,
Другие – мрак и стужу нагоняют...
Они живут... В моём, в иных мирах...

Так пишет Марина Бережнева своё «метафизическое» стихотворение. Нам кажется, оно совсем не случайно оказалось в ее подборке. Ведь это столь реальное чувство открывающейся запредельности – это тоже особый опыт военной поры. Всем памятна строка песни из кинофильма «Батальоны просят» огня, которую исполнял Н. Караченцов: «Как ни странно, в дни войны / Есть минуты тишины». Вот такая неожиданная тишина и рождает то совершенно особенное состояние, о котором говорится в этом стихотворении.

В альманахе представлены и стихотворения Юнны Мориц – поэтессы, соединяющей в себе много разных эпох: когда-то ее строчку взял эпиграфом к своему стихотворению Н. Асеев, в свое время споривший с Н. Гумилевым, а теперь она гремит своей стихотворной публицистикой, отзываясь на все мировые события. Вот, например, о «санкциях»:

Санкции – разве они из-за Крыма?
Врете! А чистая правда без грима –
В том, что покуда Россия жива,
Санкции будут расти, как трава!

Санкции будут за вдох и за выдох,
Будут они в нескончаемых видах...

Санкциям если назначили цену,
Чтобы они подлежали обмену, –
Значит, у сделки цена такова:
Чтоб не осталась Россия жива!

Но кроме стихотворной публицистики с ее редкой остротой и слова, и смысла, Ю. Мориц остается и поэтом пророческого слова, формулирующем мощные прозрения в суть истории. Вот ее слова о сущности бытия России:

Иди, Россия, себе навстречу,
Себя не мимо – не в бездну бед,
Иди навстречу себе, как речью
Идёт навстречу прозренья свет!

Вот тот «путь России», о котором спорят уже два века лучшие умы – «себе навстречу»! Не «в Европу», и не в мифическое «светлое будущее», а *к себе*. Потому что другой такой нет. И любое отклонение на ложный путь – не к себе, а куда-то по чужой указке – неизбежно приведет к «бездне бед». И сама Россия являет только как прозрение, она не дана чужим и злым умам. Это прозрение открывается и в речи поэта как тайновидца России.

То особое ощущение, появившееся в 2014 году, что Донбасс на какое-то время стал «сердцем», духовным центром Русской земли, хорошо выразила в своем стихотворении Марина Орлова:

Только столица сейчас прорастает в Донцке,
Как и великая Русь – прорастает в Донбассе.

В стихотворении «Донецкий ветер» поэт вопрошает, словно переживая какое-то внезапное прозрение:

Отчего у здешних людей так прекрасны лица?
Отчего у здешних людей так красивы дети?

Это именно прозрение, а не вопрос. Наверно, людям посторонним так не покажется – чтобы увидеть эту красоту, нужно ею жить и чувствовать ее в себе. Однако нельзя сказать, чтобы это впечатление было лишь субъективным. Действительно, и это замечали многие, что у людей на Донбассе появилось что-то особенное в лицах, придающее им тихую внутреннюю красоту.

Такая красота появляется тогда, когда человек почувствовал особый вкус жизни после смертельного риска. Донецкий поэт и бард Владимир Скобцов умеет афористически передавать такой опыт. Вот его строчки:

Скажи себе строго:
– И хуже бывало.
И боли так много,
что водки всё мало.

Не будь атеистом,
душа не блудница,
здесь к Богу так близко,
что грех заблудиться.

Автор не стесняется тут совмещать в одном сюжете и человеческую слабость, и человеческую высоту: ведь и то, отчего бывает «водки мало», и то, что приводит человека к Богу – это обычно одно и то же испытание. Такова человеческая душа, и нужна поэтическая смелость для того чтобы показать ее во всей ее внутренней неоднозначности, в ее окольных путях к свету.

Московский поэт Лаура Цаголова захватывает нас своими стихами, в которых парадоксально сочетаются мистичность и натурализм, эпичность и афористичность. Здесь для погибших «Смерть оказалась светом»; а «Моей России вечность лет», ибо она существует «с незапамятных наитий». Поэт очень изысканно передает состояние души между временем и Вечностью:

Пустующих дворов тетрадные листы
Осваивают дробь дождливых сожалений.
Там, очень высоко, где помыслы чисты,
От нас уже не ждут особенных умений.
Сноровки узнавать о главном между строк
Не требуют творцы заоблачного «вкратце».
Нездешний мир привык додумывать мирок,
В котором без нужды опасно оставаться.

При всех своих стилистических и смысловых аллюзиях на Пастернака и Рильке, этот стих по-настоящему свеж и самобытен. Такую медитативную лирику трудно встретить в наше время, и поэтому весьма отраднo, что она публикуется в Луганске и называется «Песня Горловки». Но есть у Лауры Цаголовой и строки, эпически мощно схватывающие метафизику России и русской судьбы – победу бессмертия над смертью и близость рая души:

А после бабы запоют,
наохают заупокойно.
И этот плачущий уют -
подмога думе колокольной,
занянит душу мертвеца
до первой радости младенца.

Жизнь продолжается с конца,
растёт у Млечности под сердцем.
Спешит Небесный Краевед
из милости проговориться:
– Моей России столько лет!
Здесь Рай был некогда столицей...

Тема преображенной памяти, приобщающей нас к вечности, дана у Владислава Русанова:

Но память выцветшим конвертом
расставит все как надо точки –
и через годы в строй бессмертный
войдёт твой путь отдельной строчкой.

Раздел прозы начинается отрывком из романа Алексея Ивакина «Чернухино. ИК-23» о событиях, произошедших с заключенными одной исправительно-трудовой колонии, находящейся рядом с Дебальцево. Когда начался обстрел, охрана разбежалась, и з\к оказались одни под убийственным огнем украинской артиллерии. Проза А. Ивакина – яркая, точная, динамичная. В построении образа – явный набоковский импрессионизм; вот, например, как сказано о ногах з\к, замерзших в ледяной грязи: «ноги до колен превращаются в колодки, обтянутые ошпаренной кожей». (У кого так отмерзли ноги – тот знает, что точнее этого уже не скажешь). Особое его достоинство – умение наполнять бытовые детали глубинным символизмом. Например: «Тех, кому не повезло, оттаскивали в душевые. Там хоть кровь стекала в канализацию. Война всех уравнивает. Вместе лежали и “смотрящие”, и “опущенные”. И таскали мертвых тоже вместе. Понятия остались в довоенной жизни».

К сожалению, все зверства украинских войск, описанные здесь автором – документально подтверждены. Текст абсолютно реалистичен в плоть до действующих лиц, спрятанных здесь под псевдонимами. Именно такие речи говорили и военные, отделяя от толпы з\к тех, кто согласился «защищать Украину» в рядах Нацгвардии за амнистию и «1000 долларов месяц» (в этом, правда, обманули и погнали в бой забесплатно). И тех, кто не согласился, и кого обманом погнали в поле на расстрел. Их действительно было сто двадцать два, а выжило двое. Об этих двоих и ведётся повествование. Они выжили чудом, упав в канаву и отползая в сторону от места зверской казни. Они видели:

«...над черно-белым полем повис многоголосый вой. Солдаты Украины обливали раненых бензином из канистр. Потом поджигали.

Таял снег, высыхала грязь, сгорали люди.

Если бы Хохол и Боцман смотрели кино, то они решили бы, что это пропаганда. Но они лежали в грязной ледяной луже, накрытые тополиными, вишневыми и абрикосовыми сухими ветвями, и смотрели, как горят костры из людей.

Сначала один, потом другой потеряли сознание. Может быть, поэтому и остались живы.

...по краю заснеженного поля шли солдаты с красно-черными нашивками на руках. Просто разливали бензин на раненых, потом поджигали их. Впрочем, не все. Некоторые просто ржали над судорогами горящих. Некоторые же плясали вокруг человеческих костров и орали...

Вот и все.

Когда-то по этому полю, как и по другим полям бескрайней России, шли солдаты в другой форме, цвета фельдграу, чаще всего они не жалели патроны. Потому что бензин был дорог, патрон дешевле. Этим, которые были одеты во “флору”, бензина было не жалко. Волонтеры, за которыми прятались заокеанские партнеры, на бензин не жалели гривен».

Во всем мире уже знают про Одессу, но до сих пор мало кто знает, что Одесса была только началом, и подобные зверские сжигания людей живьем украинские нацисты практиковали потом неоднократно. Историки когда-то напишут об этом целое большое исследование, ибо свидетельств и свидетелей этих преступлений осталось более чем достаточно. Известно также, что некоторые из тех, кто сжигал людей живьем, считаются на Украине «героями» и носят военные награды. Это и не удивительно, если главный украинский «герой» гауптман Р. Шухевич тоже начинал свои «подвиги» на службе фюреру с сжигания в Белоруссии целых деревень вместе с жителями.

Достоинство текста А. Ивакина состоит отнюдь не в документировании военных преступлений Украины. Как и во всякой настоящей русской прозе, главная ее цель – увидеть путь преображения человека. Два бывших з\к, сидевшие по очень серьезным статьям, попадают к ополченцам. Один из них гибнет в первом же бою, прикрывая отход остальных. Оставаясь добровольно на почти верную гибель, вчерашний з\к преображается в Человека в высшем смысле этого слова: «В глазах его появилось что-то такое, что невозможно описать словами. И усталость от жизни, и понимание того, что пробил твой час, и готовность уйти. Ну и что, что разбойник? Вторым в рай, после Христа тоже разбойник вошел. А ноги Иисусу вообще проститутка обмывала».

Если бы нам нужно было представить себе тоже бывшего з/к Александра Матросова, подползавшего вплотную к немецкому ДЗОТу, то мы могли бы перечесть эти строки А. Ивакина – и их было бы достаточно.

Так преображается бывший преступник: увидев человеческой зверство в его самом крайнем проявлении, он самой силой вещей выброшен на сторону добра – ведь кроме сопротивления этому зверству, у него теперь уже иного пути нет. Конечно, автор в этом своем сюжете берет самый экстремальный случай, однако эта экстремальность позволяет лишь более наглядно увидеть внутреннюю логику жизни. Суть этой логики в том, что не просто так человек пойдет воевать, если его к этому не принуждают. Он добровольно пойдет воевать и умирать только в том случае, если он вдруг столкнулся с чем-то таким, чему необходимо противостоять уже ценой собственной жизни и жизни других людей. Случай сжигания раненых – экстремальный, но он и является самым мощным символом того зла, с которым уже невозможно жить рядом. Увидев такое зло, люди берут в руки оружие, и другого выхода нет.

Тема бывших заключенных на войне вообще очень важна и символична. Как известно, одним из хамских трюков украинской пропаганды всегда был миф о том, что в ополчении Донбасса, как и вообще среди населения Донбасса много «уголовников». В реальности, как раз наоборот, это среди украинских карателей бывшие уголовники всегда составляли большую и очень важную категорию людей, из них в 2014-м году набирали целые батальоны. Идя на войну за досрочную амнистию, они фактически просто возвращались к своей преступной деятельности, и устанавливали свои порядки «зоны» на больших прифронтовых территориях, занимаясь террором, грабежом и убийства людей. В одной только Луганской области достоверно известно о сотнях замученных ими людей. В составе ополчения бывшие заключенные тоже бывали, но они здесь не составляли какую-то заметную категорию людей. Здесь их было на порядок меньше, чем на украинской стороне. Это тоже точно известно.

Но здесь важен в первую очередь литературный и мировоззренческий аспект этой темы. Украинская пропаганда основана на расистской психологии Запада – делении людей на так называемых «успешных» и на отребье (white trash, буквально «белый мусор» – термин, используемый в обиходной речи в США для обозначения социальных «лузеров»). На этом делении, лицемерно спрятанном за мантрами о «свободе и демократии», основаны все отношения в западном обществе, и на нем же основано отношение Запада ко всему остальному миру – он изначально относится к категории «отребья».

Русское мировоззрение не допускает такого цинично антихристианского отношения к людям. Для нас любой человек – это образ Божий, имеющий высшее достоинство и способный преображаться, преодолевая свои грехи и недостатки. Русская литература – это литература преображения человека; ее самый главный и магистральный сюжет – это та «история постепенного обновления человека, история постепенного перерождения его», о которой говорит Ф.М. Достоевский в завершении «Преступления и наказания». В русской литературе бывший преступник – это всегда перерождающийся и обновляющийся человек. Повесть А. Ивакина – в этом магистральном сюжете.

Если текст А. Ивакина и своим натурализмом, и своей экзистенциальной глубиной и напряженностью сразу погружает нас в самую суть войны, данную без всяких масок и умолчаний, то следующие за ним тексты показывают ее иные стороны, но по-своему не менее важные. Повесть луганчанина Дмитрия Митрофанова «Жаркое лето 14-го» – это воспоминания водителя «Скорой помощи». Эти люди тоже много повидали и в тылу, и почти на передовой, и это в любом случае ценно как человеческий документ. Но и художественные достоинства этого повествования не вызывают сомнений. обстоятельно и точно автор рассказывает о событиях – здесь можно узнать много важных фактов, тщательно собранных и сконцентрированных в небольшом тексте. В такой концентрации создается впечатление очень большой интенсивности событий, хотя на самом деле они переживались совсем не так, поскольку были отделены друг от друга затишьями. Но в том-то и преимущество литературы, что она способна этот «размазанный» во времени опыт сжать в одну точку. Один случай выезда, описанный автором, – на квартал Шевченко, я видел и сам, и возможно, видел самого автора – водителя «скорой», но не запомнил его в лицо. Это недалеко от моего дома. В тот день около 9 утра минометный обстрел прошел квартал по диагонали – первая мина упала на кладбище возле часовни старца Филиппа, вторая – между школами (38-й и 14-й),

третья – как раз там, куда потом и приехала «скорая» – у подъезда сзади от бывшего супермаркета «Марс», четвертая – в детский сад у дома с бывшей телефонной станцией, последняя – в гаражи за троллейбусной линией. По звуку тогда казалось, будто по земле идет великан, страшно топая ногами по земле...

Безыскусное повествование автора не только ценно с фактографической точки зрения, но часто имеет неоспоримые художественные достоинства. Вот, например, его описание весьма типичной ситуации: «Пока врач занимался оформлением бумаг, мы стояли на выезде и слушали, куда упадет очередной снаряд. Как-то особенно нервничала медсестра, страх одолевал её. Бесконечные причитания сменялись молитвами и даже обещанием налить каждому по стакану спирта в случае успешного возвращения». Когда молитвы перемежаются с обещанием налить стакан спирта, причем последний рассматривается как еще более действенное средство спасения – это принято называть «трагикомической ситуацией», которая лучше всего передается именно тогда, когда сам повествователь ее и не замечает. А книжному выражению «страх одолевал её» здесь позавидовал бы сам М. Жванецкий.

Многие свидетельства автора представляют собой ценный исторический документ и их следует использовать в будущем именно в этом качестве. Уникальна рассказанная им история легендарного танка Т-72, прикрывавшего развязку дорог возле бывшего ВВВАУШа; вид колонны полугражданских ополченцев перед штурмом аэропорта, зрелище только что освобожденных Хрящеватого и Новосветловки, и многое другое, талантливо рассказанное автором, войдет в историческую летопись нашего города.

Помимо прочего, автор отличается и природными аналитическими способностями – он не только точно замечает, откуда именно «укры» ведут обстрел, но и сделал точно такой же вывод о главной цели этих обстрелов, как и профессиональные военные эксперты. Автор пишет: «Применяемая ВСУ тактика, прежде всего, решала задачи новых украинских властей по удалению враждебно настроенного населения Донбасса... перепуганное обстрелами население было вынуждено бежать. Приверженцы Украины бежали в Украину, “сепаратисты” – в Россию. Те, кто остался с оружием в руках или без такового, подлежали уничтожению. В случае успешного военного возвращения свободной от населения территории Донбасса, враждебное население осталось бы в России, дружественное вернулось, свободное жилье и землю раздали бы участникам АТО. При таком раскладе Донбасс стал бы действительно украинским.

Летом 2014-го все так и вышло. Большинство жителей покинули свои дома. Первая часть поставленной задачи была выполнена, но оставшиеся в практически окруженном городе люди и его защитники не сдавались. На примере Новосветловки все понимали, чем грозит сдача города Украине».

Если же кто-то сочтет такой план государственно организованного геноцида невероятным, то тем самым лишь продемонстрирует свою наивность и неосведомленность. И дело даже не с том, что украинские «вояки АТО» никого не стеснясь, сами озвучивали этот план, а у некоторых из их трупов были нашивки с надписью «Рабовладелец» (так они понимали свою роль на Донбассе, что тут поделаешь). Намного серьезнее то, что такой план является самой обычной стратегией марионеток Запада – например, он совсем недавно дважды был осуществлен на сербах – в Краине, а затем в Косово.

Поэтому особый смысл имеет и рассказ Кирилла Часовских «Оперетка. Эпизод». Это воображаемый сюжет об одном из возможных – самом худшем – варианте нашего будущего. Это рассказ-предупреждение. О том, что реально произойдет, если будет реализован сценарий якобы «разрешения конфликта» путем введения международных миротворческих сил, активно продвигаемый на Западе вопреки Минским соглашениям. Тот сценарий, о котором любит упоминать американский куратор киевских марионеток К. Уолкер. Это не что иное, как сценарий геноцида населения республик Донбасса по косовскому сценарию. Характерно, что в рассказе одну из ключевых ролей играют как раз албанские и косовские «миротворцы», со знанием дела налаживающие свой наркотрафик через Изварино и по ходу расстреливающие местных жителей, не вовремя подвернувшихся им под руку. Автор тоже ведет повествование с большим знанием того, как все это делается в других «горячих точках» мира под бдительным контролем специалистов из Госдепа. А как осуществляют геноцид украинские власти, особо представлять себе и не требуется – они это наглядно демонстрируют, начиная с 2014 года в зоне военных действий.

На примере этих действий автор очень хорошо показывает, и как будет создаваться глобальная информационная ложь западными СМИ, ведь эти технологии лжи мы ежедневно наблюдаем и на множестве других примеров. В рассказе есть еще один очень острый аспект – это внутреннее предательство Новороссии в самой России, которое может произойти в случае возвращения марионеточной прозападной власти (что сделало бы возможным и весь этот сценарий). И как, скрываясь от новой власти, будут продолжать бороться герои Новороссии. Один из них, поменяв паспорт и внешность, становится учителем истории. Он действует: «Важно – закладывать в эти пустые головы то, что необходимо. Важно – не попадаться как можно дольше или, что еще лучше, вовсе не попадаться. Возможно, страна полностью просрана и летит в пропасть. Возможно, что у него ничего не получится. Но он не имеет права сдать. Даже если все будет уничтожено, он обязан сохранить максимум из того, что есть. Он – вирус из прошлого, который должен проснуться через десять, сорок, через тысячу лет и сделать то, что не смогли все они, здоровые, крепкие, тренированные, вооружённые, сделать в 2014. Он должен».

Пока такие люди существуют, Россия непобедима.

К сфере художественного воображения относится и рассказ Василия Бокаева «Цена коррекции» – о том, как погибший ополченец, у которого в Горловке погибли жена и дочь, чудом оказывается не сразу на том свете, а на некоторое время попадает в прошлое – в 1993 год. Пытаясь предотвратить будущие события, он ликвидирует всех будущих лидеров «майдана», а затем подрывает себя гранатой, отправляясь далее по назначению. Конечно, такой сюжет кажется несколько наивно-эмоциональным, но в нем есть и важный подтекст: ведь действительно, казалось бы, не было бы людей, начавших войну – не было бы и войны. Но увы, не все так просто. Если глобальным диктаторам нужна война на подконтрольной им Украине, то она в любом случае будет. Подонки-исполнители, к сожалению, всегда найдутся.

Новелла Николая Иванова «Северный ветер» вновь возвращает нас к грубой конкретике войны – но не в те натуралистические кошмары, о которых писал А. Ивакин, а во внутреннюю, душевную часть военного быта и боев. Здесь очень точно, во всех деталях показан бой, есть убитые и раненые, но сам рассказ совсем не об этом. Он – о душе, точнее, о душах людей, оказавшихся здесь. Автор – заслуженный мастер военной прозы и нынешний глава Союза писателей России – незаметно погружает читателя во внутренний мир героев так, что уже почти сразу они начинают нам казаться близкими и давно знакомыми людьми. В небольшое повествование об одном бое российского добровольца (ночная атака «вояк» из бывших заключенных), вместились и вся его личная судьба – потеря любви, воспоминания о другой войне, и портрет всего его поколения – не «потерянного», как принято кем-то вздыхать, а как раз наоборот, *нашедшего себя* в войне за спасение своей великой Родины.

Рядом с прозой мастера совсем не скромно смотрится и яркий рассказ луганского автора Андрея Кузнецова «Автобиография». Это современная версия «Повести о настоящем человеке» (эту повесть ее герой и читает по совету врача перед операцией). Автор уникально вживается в состояние тяжело раненного бойца, чудом уцелевшего под обстрелом (вся его группа погибла), и не меньшим чудом не замерзшего в снежной степи, а доползшего до своих без руки и с перебитой спиной. И ему еще предстояло победить и отчаяние от своей ненужности на гражданке, и даже вернуться в строй.

Рассказ ростовчанина Богдана Штыбенко «В двух часах от мира» весьма интересен в фактическом отношении, показывая сопереживание русских людей, наблюдающих бои и бедствия людей через границу, оказывая всю возможную помощь, а также фиксируя факты обстрела украинскими войсками российской территории, о которых сейчас уже почти забыли. Не менее важно и чисто художественно обретение автора – то, как он показал парадоксальный контраст мирной и военной жизни, соседствующих совсем рядом.

Наконец, нельзя не упомянуть и маленький столь умильный рассказ луганчанки Светланы Тишкиной «Форточник» – о том, как почти сроднились люди и птицы в дни войны, когда люди делились последним, не давая погибнуть с голоду братьям нашим меньшим. И голубь, чувствуя, что его спасут, вдруг стал без страха залетать на кухню, с разгона ударом открывая форточку. И так некоторые голуби выжили тогда в блокаду летом 2014-го. Хотя сколько их тогда валялось на земле – от взрывов у них останавливалось сердце! Автор от жалости даже не уничтожила осиное гнездо на балконе, пока осы не закусали ее до полусмерти. И такие хозяйки, спасавшие брошен-

ных котов, собак и голубей, хотя сами уже почти голодали – были тогда явлением массовым среди тех, кто остался. По контрасту с теми, кто бросил их на голодную смерть и уехал. Война обнажает людей до конца.

В разделе альманаха, посвящённом драматургии – два произведения. «Orus 23» луганчанина Олега Ивашева – хороший сценарий для фильма. В основе сюжета – история тайной продажи украинским генералом целого эшелона бронетехники ополченцам летом 2014 года. Похожих историй было много, поэтому случай достаточно типичный. На основе такого сюжета можно весьма компактно показать «анатомию» украинской армии в ее человеческом «материале». И этой возможностью автор очень удачно воспользовался. Типичные образы – это не столько сам генерал, показанный ситуативно, сколько два украинских «главных героя» с позывными Вуйко и Моцарт. Если первый – это достаточно стандартный типаж недалекого «западена» с его инфантильными мечтами «про Европу», то второй – это современный тип человека их артистической богемы, не по своей воле оказавшегося на войне. Как водится, – это образ достаточно известный по романам об обеих мировых войнах, – человек искусства служит духовным контрастом ужасам войны. В финальной сцене он расстреливает очередью из автомата дорогой трофейный рояль, дабы он не достался жадному генералу. Это романтическая сцена не очень реалистична, однако удачна для сценического эффекта, как и целый ряд других. Сюжет явно изначально написан под стиль «экшн», и был бы весьма удачен на экране, если фильмы об этой войне будут сниматься.

Пьеса «Перемирие» дончанина Алексея Куралеха также сделана по всем законам этого жанра и готова для воплощения на сцене. Сюжет, правда, тоже не отличается особой реалистичностью, хотя вполне вероятно, что похожие ситуации могли быть и на самом деле. Но предложенный автором сюжет ценен не этим, а тем, что позволяет поставить художественный эксперимент – свести лицом к лицу врагов, но так, чтобы они не могли воевать и вынуждены были общаться. Во время краткого перемирия обе враждебные стороны высылают в нейтральную зону своих людей для ремонта сельского дома, в котором осталась лишь одна хозяйка – беременная женщина с домашней скотиной. Позывные героев символичны: «укры» Че Гевара и Шумахер; ополченцы Ной и Ахилл. Первые отсылают на Запад, причем Че Гевара действительно болен «революционным» сознанием (что весьма точно, поскольку исторически и большевики, и бандеровцы были революционерами, по своим характерам и методам похожие, как близнецы); Шумахер же символизирует стремление к так называемой «успешности». В свою очередь, Ной и Ахилл символизируют вечные начала человечества: первый – спасение праведников в море греха и деградации; второй – честь и безрассудный героизм. Беременная женщина – также архетип: она символизирует единую для всех Родину, страдающую от раздоров, но которую когда-то будут восстанавливать вместе бывшие враги.

Правда, Че Гевара сам же и сомневается в смысле «революционных» преобразований: «Знаешь, я раньше думал, гражданская война – это когда встаёт вся страна: половина за красных, половина за белых. Кто кого. Чья правда – тот и победит. А выходит, народ на трибунах сидит и смотрит, как две команды друг друга мочат. Будто бои без правил. Или футбол: “Шахтер” – “Динамо”... Ждут тупо, чья возьмет. А реально – всем пофиг!.. А если всем пофиг, для чего тогда всё? В чём смысл?! Объясни!». Да, к сожалению, до всего этого людям на Украине приходится доходить своим умом, ибо историю они не знают. Впрочем, в наше время ее и нигде не знают. И поэтому можно манипулировать людьми по тем же стандартным лекалам, как и раньше, разжигая войны по всему миру, как это успешно и делает Запад. И сто лет назад Гражданская война на территории бывшей Российской империи была точно такой же – разожженная внешними силами, устроившими «революцию» и натравившими одну часть народа на другую. И абсолютное большинство в ней не участвовало, лишь наблюдая со стороны, как два процента населения яростно истребляет друг друга. И победили тогда вовсе не те, «у кого правда», а те, кто был более подлым и жестоким. Но когда это стало понятно, уже невозможно было что-то изменить. То же самое повторилось и сто лет спустя – на украинском, и прочих «майданах» бывшей Российской империи.

Сюжет пьесы развивается ярко, но при этом очень логично: герои начинают с игнорирования друг друга, затем переходят к спорам с жестоким мордобоем, наконец, вместе работают и выпивают, естественно, становясь почти друзьями. Правда, под конец Ахилл засовывает в вещмешок

«украем» взведенную мину, но Ной открывает тайну и спасает их от гибели. Ополченец кричит: «Героям слава!», на что «укры» отвечают: «“Шахтер” – чемпион!». Кроме того, предупреждают друг друга о засадах на пути назад, а под конец вместе попадают под обстрел, который идет непонятно с чьей стороны. Не важно, повторим, могло ли все это произойти в реальности – суть не в этом. Автор создал экспериментальную ситуацию, в которой реальные враги смогли встретиться и поговорить, как люди, а не как враги. Такое в реальной жизни как раз и происходит очень часто, хотя, естественно, и не на нейтральной полосе фронта. Задача драматурга – сконцентрировать эту ситуацию в рамках плотного сюжета с живыми, а не абстрактными героями. Как нам кажется, автору это удалось как по содержанию, так и по сценическому воплощению. Этот эксперимент крайне важен именно для того, о чем мы писали выше – для преобразования памяти. В пьесе охвачены все точки зрения на происходящее, читатель и зритель может узнать много таких подробностей, о которых не сообщали СМИ ни на той, ни на другой стороне, – но над всеми частностями стоит целостное видение гражданской войны на Украине как неизбежного результата всех тех обманов, которым подвергался народ до этого. Вследствие этого возникло разделение и ненависть. Невозможно просто «примирение» между сторонами в том состоянии, в котором они сейчас находятся. Мир наступит только тогда, когда Украина перестанет врать своим гражданам буквально во всём – начиная со лжи о светлом «европейском будущем» и заканчивая мифами о «сепаратизме» и «российской агрессии».

При всей своей многообразной тематике альманах «Воля Донбасса» обладает смысловой и художественной целостностью. Но это не только целостность общей темы, но в первую очередь – это целостность той мудрой и героической «картины мира», которую несут в себе столь разные авторы, но совсем не случайно объединенные под одной обложкой. О главной сути этой «картины мира» очень точно написала Наталья Литвиненко (Перепёлка):

Война присутствует намеком,
 Как взгляд тяжёлый за спиной.
 Она не только о высоком,
 Но чаще в жизни бытовой...
 Вот стол.
 Вот хлеб.
 Под град событий,
 Под их победы и печаль
 Простым вещам их вкус забытый,
 Простым вещам их смысл сокрытый
 Она способна возвращать.

Этот маленький стихотворный шедевр можно было бы даже поставить эпиграфом ко всему альманаху. В этих проникновенных строчках, в которых явно слышится мелодика А. Твардовского, очень ёмко выражен тот опыт переживания войны, который хранит народ и который так ярко передали нам авторы – как дар преобразенной памяти, который останется с нами навсегда.

Берега Новороссии

Ирина Горбань

Коренная макеевчанка. Член МСП, СП ДНР, СП России. Лауреат премии имени М. Матусовского, имени Л. Татьяничевой, имени «Молодой гвардии», автор девяти сборников стихов и прозы. Презентовала две книги «В зоне видимости блокпоста» и «В осколках отражается война» в Москве на фестивале «Красная площадь – 2019», а также в Рязани на фестивале «Читающий мир».

Червивое яблоко

Рассказ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Все случайные встречи до противного банальны. Иногда эти встречи переворачивают всё твоё утро, а иногда замыкают твою душу на все мыслимые и немыслимые замки.

Дед Юран был заперт на все замки, застегнут на все пуговицы, зачехлён на «молнии» от паха до подбородка. Поди пойми, что у него в душе творится.

Собственно, никто не пытался расчехлить этого старого ухоженного дедугана. Кому это надо?

Только потихоньку среди соседей по селу шла молва о том, что непростой этот дед. Ой, непростой.

Кто-то говорил, что служил в НКВД, кто-то – что сдал своих фашистам, а еще говорили, что ГУЛАГ – его место на все времена.

На чужой роток...

Только знала Иришка, что непростой это дед. Не сама знала – подсказал друг-одноклассник Колька. Догадывался, что она умеет хранить тайны. Тем более, эту «тайну» они вдвоём закопали под старой ивой, далеко от людских глаз. Завернули в старую тряпицу, чтобы поскорее сгнила в земле, притоптали так, чтобы никто и никогда не смог раскопать, и надолго забыли. Юран был родным дедом Кольке. Естественно, как и всякий внук, он защищал его. А как бы вы поступили? Нельзя подозревать родного деда. Не имеем права. Но здесь история глубоко утонула в тайне. Да так, что и спасать не стоило. Утонула – да и ладно.

Долго Колька не мог успокоиться, что его родного деда называли ЗЭКом. Ладно бы ЗЭК, – его ведь предателем сквозь зубы обзывали.

Тогда Колька решил доказать всей улице, что его дед что ни на есть – настоящий герой.

Зря он ввязался в эту борьбу. Ой, зря.

Детские мозги зачастую гаснут перед сплетницами бабами. Им только дай возможность потолковать на скамейке.

– Ой, Юран, доброго вечера, – натянуто улыбнулась баба Фрося.

Сосед только кивнул головой и отвернулся, держа в руках развернутую книгу. Что толку улыбаться соседкам? Подвергать себя гнусным попыткам ему давно не хотелось. Всё, что было пройдено

давно, в Великую Отечественную, не расскажешь. Никто не поверит. Да и кому надо, что он, разведчик, взял на себя роль предателя, чтобы обеспечить своих постоянной информацией. Он жил под чужим именем. А вот помирать придётся под своим. Думал ли когда солдат, что жизнь будет заканчиваться в позоре и недоверии? Нет, не думал. Тогда некогда было об этом думать. Родине нужна была информация.

Колька страдал оттого, что ни школа не приглашает деда на торжества, ни к Вечному огню не ходит, ни в театре не выступает. Что это за героизм такой, от которого надо постоянно прятаться?

– Ты читай книги, – говорил ему дед. – В них вся правда.

– Я читаю, – отвечал внук.

– Значит, не то читаешь. Смотри, на книжной полке, в дальнем углу, стоят книги в потёртых переплетах. Я их никому не даю. Тебе советую: читай. А потом мы с тобой поговорим.

С тех пор внук с дедом были как заговорщики. Никто не мог понять, почему пацан хвостиком бродит за дедом, почему в рот заглядывает, ловя каждое слово.

А здесь и объяснять ничего не надо. На одной волне были мужики. На секретной волне.

– Дед, а почему на войну пошли не все? – как-то спросил Колька.

– Не все были героями.

– Но ведь всех могли убить.

– Могли. Всех...

– Но ты ведь пошёл.

– Это я. Знаешь, ты мог бы убить человека?

– Мог! – выпалил Колька.

– Не торопись. Представь, что в десяти-двадцати метрах от тебя лежит человек с автоматом. Он хочет тебя убить. Ты знаешь, что у него дома маленький ребенок, мать, жена. А ты, такой-сякой, его сейчас грохнешь.

– Нет. Не могу убить.

– Вот в этом и заключается всё мужское естество. А если и у тебя дома мать, жена, крошечный ребенок? И этот вояка пришёл их убить?

– Я убью его.

– Дрогнет рука?

– Не знаю, дед. Я не пробовал. Но за своих я постою.

– Молодец, парень. Таких было много в Великую. И я был среди них. Но были и те, кто боялся выстрелить. Вот тогда и было страшно. Поражение от слабости духа – позор для мужика.

– А я знаю, что тогда практически все выезжали в безопасные зоны.

– Я это тоже знаю. И это было гнусно. Ладно бы, бабы с детьми уезжали. Мужики прятались вместе с ними.

– А кто тогда страну освободил от фашизма?

– Настоящие мужики, настоящие пацаны и самые настоящие бабы и девчонки. Остальные работали на заводах и фабриках, помогая фронту. Но были и те, кто в это непонятное время зарабатывали себе деньги.

– А разве так можно?

– Нельзя. Но кто их остановит? Не было времени за ними следить. Не было сил на посторонние проблемы. Страну надо было освобождать.

– Дед, а соседка, баба Настя, рассказывала, что во время войны жила с семьёй в Казахстане. Сказала, что было очень тяжело и голодно. Мне её очень жаль.

– Не жалей, внук. Здесь было сложнее. Просто думать об этом некогда было.

– Но они считаются «детьми войны». Это честно?

– Думаю, нет. Но кто в те времена ходил по дворам и расспрашивал? Каждый живёт по совести.

– А они? Они по совести?

– У каждого своя планка совести. Отвечать всем не здесь, на земле.

– А где? И не надо говорить, что перед Богом. Где он был, когда фашисты открыли концлагеря и печи для уничтожения людей.

– Читай книги. Ты не всё прочитал, Коленька. Поговорим ещё.

Так Колька пристрастился к исторической литературе. Он узнал и о войне, и о несправедливости, и о голоде, и о предательстве. А ещё он узнал о том, что не все были патриотами. Простых смертных было куда больше тех, кто грудью встал на защиту родного дома от фашизма. И своими мыслями он делился и с Иришкой, и с Лариской, и с Надькой-врединой. Очень хотелось мальчишке рассказать соседским детям о том, что его дед был настоящим героем. Но дед категорически запретил внуку рассказывать о себе. Сердце разведчика продолжало отбивать ритм в той же тональности, несмотря на преклонный возраст.

Как-то Колька наткнулся на притчу (в книге лежал вкладыш, написанный от руки на листочке из школьной тетрадки). Автор не был указан. Но эта история запала в душу пацану, как стишок Агнии Барто. Вот она: «Жила-была Яблоня. Обычная такая Яблоня. Одно её устраивало – плоды были краснобокими. Одна сторона яблока жёлтая, а другая – красная. Дождь пойдёт, омоет яблоки, и они сияют на солнце то одним, то другим боком.

Росла Яблоня не на даче, а в чистом поле. С одной стороны была степь зеленая, а с другой – пыльные терриконы. Она любила терриконы. Никто не понимал Яблоню, как можно любить пыль, а не зелёную траву. Но тем она и отличалась, нерадивая, что была не такой, как другим хотелось.

И поселились в плодах её черви. Да-да, обычные черви, которые хотели доказать, что плоды без химических добавок, поэтому они облюбовали себе красивые крупные плоды. Доказывали они рьяно. И стали яблоки портиться.

Откуда ни возьмись, подул ураганный ветер, сметая на своём пути и зелёную траву, и верхушки терриконов, и слабые листья Яблони. Закачалось дерево то вправо, то влево. И посыпались черви из яблок на землю, и поползли они по траве зелёной подальше от терриконов.

Долго ли, коротко ли, но приползли всё-таки они в новые сады. Другие Яблони с испугом стали наблюдать за тем, как быстро поглощали яблоки червячки. Им и своих хватало, а тут новых прибыло. И стали новые яблочные черви рассказывать коренным постояльцам о своём житье-бытье. И стало жалко горемычных. Подвинулись они, предлагая свою порцию хрустящей сердцевинки. Время шло. Черви выросли, наплодили новых отпрысков, оставив после себя огромные червоточины. А при случае, выбравшись под ясно солнышко, занимались написанием мемуаров. И стали себя называть сынами Яблони терриконовой.

П.С. А морали здесь не будет. Сожрали черви»

* * *

– Дед, ты читал этот рассказ?

– Читал.

– Тебе понравился?

– Да как тебе сказать?

– Так и скажи. Понравился?

– Это я его написал.

– Ты? Ты разве умеешь?

– Нет. Я злился. Злился на то, что живу, дышу, знаю правду, и никому не могу о ней поведать.

– А я?

– Вот тебе и решил всё рассказать.

– Ты мне доверяешь?

– Безусловно.

– Спасибо, – прижался к деду Колька.

– Ты мне пообещай быть честным.

– Обещаю.

– Нет. Ты пообещай, если вдруг фашизм придёт к твоему порогу, ты никуда не уедешь.

– А как я могу обещать? А если у меня будет семья, дети?

– Ты мало читал, внук.

– Дед, не обижайся. Я буду честным. Я знаю, что фашизма не будет. Войны не будет. Смерти тоже не будет.

- Ты уверен?
- Нет. Но так не должно быть. Фашизм побеждён. Он никогда не вернётся.
- Я умру, а ты помни мои слова. Ты не опозоришь. Я тебе верю.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Призывной пункт Донецка выглядел совсем не так, как показывали в фильмах о войне сороковых. Это там были толпы народа, женщины пока ещё в белых, не траурных, платках, детвора, снующая под ногами, старики с папиросами-самокрутками и да, виновники торжества – сами призывники. Все как на подбор – в белых рубашках, серых пиджаках и с торбами с нехитрым скарбом. Конечно, в XXI веке абсолютно никого не удивишь иномарками-внедорожниками. Их вон пруд пруди. Но почему-то ни одной машины такого уровня вдоль дороги не было. Понятное дело, они, эти машины, в спешном порядке вывезли своих хозяев подальше от войны. Конечно, о войне тогда говорили только дома, на кухне, в трамвае, да в очередях за хлебом. Какая война может быть между своими и своими? Просто АТО. Просто вброс разгулявшегося нацизма. И ещё – не вброс, а выброс отрицательной энергетики, накопившейся непонятно откуда.

Не секрет, что народ всегда недолюбливает свое правительство. На то он и народ, на то оно и правительство. Вот если правительство с народом сольются в одном поцелуе, одном порыве объятий в мёртвой хватке, вот тогда точно – крах системе. А краха допускать нельзя. Поэтому глас правительства: «мир во всем мире» всегда воспринимался на ура. Тем более, «весь» мир всегда имел очерченные границы. Например, границы собственного города, собственной квартиры, да просто собственного дивана.

Сергей любил собственный диван. Нет, он никогда не был лодырем. Он просто любил после работы поваляться на диване, почитать газету, посмотреть телевизор, а если выдастся свободное время – обязательно читал классику. В отцовском доме была большая библиотека, доставшаяся ему от деда. Летит время. По всем родословным правилам Сергею он доводится прадедом. Странное имя у него было: не то Борис, не то Юран. Дома он был просто дед. Да какая разница? Главное – книги. Особенно в доме ценились книги, расположенные на самой высокой полке книжного шкафа. Возьмёшь в руки тяжёлую, с жёлтыми страницами и неровными уголками книгу, прижмёшь к груди, и словно чувствуешь биение сердца. Да-да, у старых книг есть сердце. В отличие от людей, бессердечных книг не бывает.

Особенно Сергею нравилась та, где вместо закладки на 45-й странице был листок-вкладыш с притчей, написанной мелким бисерным почерком. Вот и сегодня ему захотелось не прочитать знакомую притчу, а просто подержать в руках хрупкий, в некоторых местах затёртый шершавыми пальцами вкладыш. Поудобнее разместившись на диване, подложив под голову махровое банное полотенце, удачно валявшееся рядом, Сергей рассматривал до боли известный почерк. Как вдруг его привлекли возгласы, доносящиеся из телевизора.

Показывали Киевский майдан. Парень словно подпрыгнул на месте. Нет, не словно – он по-настоящему подскочил с дивана, подбежал к телевизору и начал нервно шарить по тумбочке в поисках пульта. Оглянувшись, увидел, что прямоугольный брусок с кнопками валяется на полу рядом с полотенцем. Быстро схватив пульт, начал нервно тыкать в него пальцем. Кнопка настройки звука выскользала, словно была намазана маслом. Сергей забыл, что надо возвращаться к дивану. Стоял среди комнаты, как вкопанный, и всматривался в экран. Молодчики в балаклавах били беркутовцев. В ход шли палки, дубинки, биты, цепи. Беркутовцы не уворачивались, не отступали и не бежали. Они закрылись металлическими щитами и стеной стояли перед разбушевавшейся молодежью. Потом была кровь, раненые, убитые. Кто позволил? Кто дал им в руки металлические цепи и бутылки с зажигательной смесью? Ни на один вопрос не было ответа. Пристально всматриваясь в экран, молодой человек нервно вглядывался в лица – только бы ни одного знакомого. Хотя, а незнакомые в чём провинились? В том, что их начальник дал приказ молча терпеть этот беспредел? В том, что ни у одного беркутовца нет оружия? В том, что именно они оказались в Киеве? А где президент? Почему молчит? Сергей взял в руки телефон и тут же ощутил его вибрацию. Звонил друг.

– Серега, надо срочно встретиться. Ты смотрел телевизор?
– И сейчас смотрю. Паш, ты понимаешь в этом что-нибудь?
– Нет, не понимаю. Но впечатление – полной подготовки краха правительства.
– Нет, не бери так высоко. Сейчас всех возьмут в кольцо и на том все решится. Ладно, не телефонный разговор. Встречаемся на своём месте через двадцать минут.

* * *

На призывном пункте было многолюдно. Кто-то нервно курил, кто-то травил анекдоты, другие разговаривали по мобильным. Таких было много. Они кому-то в трубку улыбались, успокаивали, ввали. Именно ввали. Это потом выяснится, что каждый второй дома никому не сказал, что уходит в ополчение. Ведь родные не подозревали, что если не объявлена полная мобилизация, ребята могут самостоятельно уйти на войну. Да и какая война? С Киевом? Такого не может быть по той причине, что не может быть в принципе.

Сергей был не один. Рядом стоял Павел. Оба крепкие, высокие, подтянутые, словно спортсмены.
– Серый, может, вернёшься? – толкнул локтем в бок Пашка.
– С дуба рухнул? Я второй раз не улизну из дома. Сам знаешь, чего мне стоило наговорить мамке чёрте чего. Думаешь, поверила? И тут зазвонил телефон.
– Сынок, ты где? – друзья переглянулись, и Пашка отскочил в сторону – мол, ври сам.
– Мам, ты чего волнуешься? Мы с друзьями собрались...
Он не успел рассказать, куда собрались. В трубку плакала мать, что-то шумел подбежавший отец, а из двери призывного пункта – громко позвал капитан.

* * *

В палате было тихо, как в гробу. Вот белый потолок, вон два угла, вон штора. Штора? Где вы видели шторы и занавески в гробах? Сергей хотел дёрнуть головой, чтобы остатки сна рассыпать в разные стороны, но острая боль резанула все тело так, что он застонал. «Значит, жив», – подумал он и снова провалился в пустоту.

* * *

– Андрюха, привет! Айда на гороховое поле. Говорят, завтра его травить будут, а мы сегодня успеем.
– Его уже потравили – мамка сказала. Погнали лучше в сад. С яблоками всё равно ничего не случится.
– Проверено, – засмеялся Андрей и надавил ступнёй на педаль велосипеда.
Дорога была песчаной, словно на морском пляже, но это не мешало братьям целыми днями гонять на велосипедах по улице, пока взрослые заняты огородами, скотиной, чисткой сараев.
Сергей каждое лето приезжал в гости к тетке. Она сама сестре писала письма и упрашивала привезти племянника. Пусть сорванец месяц-другой на молоке поживет, да и сын будет присмотрен. Разница всего два года, но сдружились, как двойняшки.
Яблоки были кислыми. Да разве это остановит пацанов? Сергей смачно хрустнул зелёным яблоком и застонал...

* * *

В палате было тихо. Откуда такая тишина? И откуда эта головная боль? Сергей ясно ощущал чей-то каблук на виске. Кто позволил так с ним обращаться? Зачем Сергей позволил так с собой обращаться? Он рванулся всем телом в сторону и вверх, словно выделывая финт, уворачиваясь от противника во время рукопашной борьбы, и снова провалился в пустоту.

* * *

– Хлопці, додому!
– Зараз, матусю. Дивись, скільки яблук назбирали.

Сидя на холме, братья радостно обсуждали поход в колхозный сад, демонстрировали друг другу набитые яблоками майки и картузы. Даже в маленьком кожаном карманчике для велосипедных инструментов лежало яблоко. Больше туда не вместились, но оно лишним не было. С небольшого холма прямо перед мальчишками простиралось поле жита. От легкого дуновения ветерка колосья качались, напоминая волны Азовского моря. Внизу стояла тетка Галина, и непонятно было, она на краю поля стоит или на берегу.

* * *

Сергей пришёл в себя от чьего-то прикосновения. Приоткрыв глаза, увидел, что над ним склонилась незнакомая девушка и мягко поглаживает руку. Не шевелясь, повёл глазами вправо, влево, затем уставился на незнакомку.

– Я Даша. А ты, солдатик, молчи. Ты не в окопе и не в Иловайске.

Сил не было у Сергея спросить, где всё же он находится, а медсестричка не рассказывала. И тут он услышал стон. Поведя глазами в сторону стога, тут же вернулся в исходное положение. Что же у него с головой? Контузия? Осколок? Ушиб? Но если больно, значит, жив. А это уже что-то значит. Только бы мать не узнала. Она думает, что сын уехал к тётке в село под Чернигов. Пусть так и думает. И тут Сергею невыносимо захотелось почесать колено. Оно так зудело – сил не было терпеть. Пусть больно шевелиться, но терпеть этот зуд... Потянулся к колену, вскрикнул...

* * *

– Пашка, а давай на следующее лето ты приедешь к нам в Донецк. Я тебя поведу на рыбалку. У нас есть река, лес, терриконы.

– А что такое терриконы?

– Это такие искусственные горы.

– Как это искусственные?

– Вот у тебя на Родине огромные холмы. Их никто не насыпал, они сами появились на земле. А терриконы – вроде рукотворных. Это когда добывают уголь, а лишние камни и породу отсыпают в сторонку, чтобы не мешали находить уголь. Горы получаются высокоокие, до неба. Я тебя на самую верхушку поведу. Это не страшно. Там такой ветер! Весь Донецк как на ладони.

– Серёжа, Паша, спускайтесь вниз, обед давно! Где вас носит?

* * *

– Серёжа, как вы себя чувствуете? – склонилась над раненым медсестра.

– У меня чешется колено. Больно чешется.

– Больно – это хорошо. Заживёт до свадьбы. Ты женат?

– Нет, попытался улыбнуться парень.

– Женишься. Отсюда многие уходят жениться.

– А как же те, кто давно женат?

– Они не считаются. Но возвращаются домой как молодожены. Война что-то делает с мужчинами. Испытывает на прочность, что ли. Или на любовь. У тебя есть руки. Целых две. Коляска – не приговор. Женишься, заживёшь.

– Я вернусь назад, к ребятам. Им без меня никак. Какая коляска?

– Похоже, с твоим ранением тебе ещё долго быть дома. Надо постепенно привыкать к тому, что ты не калека, а просто инвалид. Сколько ещё дел тебя ждёт дома!

– Я знаю. Дома мать, отец. Я должен встать на ноги.

– Тебе, дружище, повезло – у тебя руки есть и голова разумная. У кого-то и этого нет. Лежи, отдыхай. Тебе надо много лежать. Говорят, тебя из Иловайска привезли. Жарко там было.

* * *

Узловая станция Иловайска имела стратегическое значение. Соседнее Кутейниково давало возможность перерезать железнодорожное сообщение с Россией. Ветка шла через Амвросиевку, Кутейниково, Иловайск, а потом на Макеевку и Донецк.

С конца июня 2014 года Вооруженные Силы Украины были нацелены на реализацию одной из главнейших задач: создание коридора между Донецком и Луганском. Были попытки пробить этот коридор через Дебальцево, но дошли только до села Ольховатка. Затем – Шахтерск, Ясиноватая. Реализация плана всё время срывалась.

Причина была всегда одна: нескоординированность и малая численность войск, которые должны были наступать с разных сторон.

Несмотря на то, что во время штурма Шахтёрска батальон ВСУ получил тяжёлые потери и не смог создать коридор, решено было всем докладывать о выполнении задания. А задача была – взять Дебальцево – огромный узловый центр. Наиболее удобным местом для прорыва в район Дебальцево был Иловайск. Там штаб АТО и начал планировать наступательную операцию. По состоянию на середину августа 6000 солдат-контрактников, которые имелись в начале года, были уже утомлены, многие – ранены, многие погибли. Но наступление частей, укомплектованных мобилизованными, в июле 2014 года закончилось полным провалом.

Украинские солдаты оголтело носились по пустующим домам и мародёрствовали. Местные жители не могли им противостоять, так как круглосуточно находились в подвалах и убежищах. Но это было не самым страшным. Когда приходили отряды фашиствующих молодчиков – начинался типичный фашизм. Это было страшно. Как-то один из группировки взял в плен простых мирных жителей. Под прицелом автомата местные жители пришли в старый заброшенный дом. Их заставили раздеться, забрали всю одежду и закрыли хибару на все запоры. Никого не интересовало, как в одном помещении могут находиться голые разнополые люди. В течение недели им подбрасывали какие-то куски сухого хлеба. И тут до пленных дошел слух, что утром их расстреляют. Одна из узников не желала погибать в свои чуть больше сорока. С наступлением ночи она изловчилась и смогла выбраться в форточку. Убежала. Только потом, когда освободили город, она тайком ходила смотреть на то место, откуда удалось сбежать. В мирное время никогда эта попытка не увенчалась бы успехом. Недельная голодовка довела женщину до истощения, позволив телу быть более гибким и податливым.

* * *

Сергей больше не проваливался в пропасть и темноту. Но всё ещё не мог дотянуться до колени.

– Лежи спокойно, брат. Тебе там нечего трогать. Нет у тебя ног – это нервы. А помнишь, как на велосипедах гоняли по улицам.

Раненый боец не мог понять, откуда ему знаком этот голос. Этот акцент, саркастическая интонация. С трудом повернувшись в сторону говорящего, Сергей вскрикнул радостно:

– Андрей!

– Узнал, – улыбнулся тот. Значит, будешь жить.

– Да я и так живу. Нет ног? У меня колено чешется. Значит, всё на месте. Подожди, ты как здесь оказался? Откуда узнал, что я ранен? Мамке не рассказал?

– Я был в Иловайске.

– Ты к нам в гости ехал? Война ведь у нас, бомбят. Какие гости?

Сергей не мог взять в толк, откуда появился брат во время интенсивных боев. Когда многие бегут отсюда, кто-то решается ехать в эти места, не понимая, что здесь смерть ходит полной хозяйкой, не пряча свою кровавую косу.

– Я на танке сюда приехал, – прошептал Андрей. – Хотел освободить тебя, тётку, отца твоего – дядьку Николая. Не получилось. В такой огневой переплёт попал, думал, что только в могиле могу спрятаться. И в Шахтёрске был, и Саур-Могилу освобождал, а в Иловайске застрял. Наши ушли без меня – мой танк подбили, я смог выбраться и так и остался лежать на улице. Ранило в самый последний момент. Во время отступления меня не заметили, а то забрали бы с собой.

– Так ты нацист?

– Почему нацист? Я освободитель. Нам так командиры сказали.

– Фашист!

– Кто тебе такое сказал? Кто научил всех вас принимать нас за врагов? Мы пришли вас освободить от России.

– А тебя кто-то об этом просил? Я же тебя звал в гости посмотреть на терриконы. К нам хорошо ходили поезда, а ты на танке попёр.

– Когда меня брали в армию, сказали, на бульдозере буду работать. Я эти бульдозеры сам видел. Ты бы не поверил? Поверил бы. Я тоже поверил. А потом пересадили на танк. Но я уже присягу принял. Понимаешь, присягу на верность Украине. Какой я фашист? Я освободитель. Я сам не знаю, что происходит. Нам выдали сухпайки, водку, автоматы, загнали в танки и приказали ехать. Меня к стенке надо поставить, но вот уже несколько дней меня, врага, лечат ваши доктора и не водят на пытки.

– Ну, придурок! Какие пытки? Валил бы ты отсюда вместе со своими «освободителями». А чего это ты на русском со мной болтаешь? Боишься?

* * *

На следующий день Андрея увели на перевязку. Больше братья не виделись. Сергей знал, что брат, скорее всего, будет обменян по какой-то программе. Он даже был уверен, что Андрей, с которым провёл всё детство, больше сюда не вернётся. Разве здравомыслящий вернётся в такую мясорубку? Он лежал и вспоминал, как с товарищами выбивали укропов из железнодорожного депо, как, рассредоточившись по периметру, бойцы шли лоб в лоб на врага. Оружия не хватало, но ребята готовы были зубами рвать эту тварь, посягнувшую на Донбасс. Дрались за каждый метр родной земли. Враг был настроен любой ценой захватить Иловайск, но под натиском ополченцев приходилось прятаться по подвалам, окопам, кукурузным полям. Многих страх смерти загнал в болота.

Сергей уже чётко понимал, что находится в госпитале, что ребята не дали умереть, перетянув обе ноги у самого паха во избежание полной кровопотери, что первым танком отправили друга в больницу, а сами продолжали отстреливаться до последнего патрона.

Дверь в палату открылась, и на каталке завезли седого старика. Аккуратно подхватив с четырех сторон одеяло, на котором лежал раненый, санитары перенесли его на кровать.

– Что за дед? Откуда привезли?

– Тише ты, помолчи. Командир ещё под наркозом. Еле из комы вывели. Серьёзную операцию перенёс. Теперь точно будет жить.

– Молодым надо воевать, а не старым. Сидел бы дома, книжки почитывал, телевизор смотрел. Я своего отца не пустил бы на смерть.

– И правильно бы сделал, солдатик, – вошла в палату медсестра. – Кто же вас остановит? Да и надо ли? Николай Борисович не такой, – девушка подошла к кровати новенького и прислушалась.

– Стучит сердце?

– Стучит.

– Тебя как зовут?

– Даша. Ты уже спрашивал.

– Даша, а ты знаешь, что не только у людей есть сердце? Вернее, ты знаешь, что не у всех людей есть сердце? Что-то я не то говорю.

– Ты хочешь сказать, что у тебя есть сердце.

– Нет, у меня нет сердца.

– Похоже, ты совсем запутался, солдатик, – засмеялась медсестра.

Седой дед застонал, и все притихли. И тут в палату вошла мать.

– Ты откуда узнала? – только и успел сказать Сергей. Мать упала на колени и горько зарыдала.

– Господи, спасибо, что оставил живых.

– Живых? А кто ещё?

Сергей повернулся к старику:

– Отец!

Как он мог не узнать в седом бойце родного отца? Он был уверен, что...

Заплаканная и обессиленная Галина, не поднимаясь с колен, подползла к мужу:

– Коленька, родной, как ты?

– Помните червивое яблоко? – вдруг прошептал раненый боец.

– Какое яблоко? Галина начала быстро осматривать палату в поисках яблок.

– Помню, – отозвался сын.

– Помни, сынок. Это наша совесть. Это память.

– Это наш позор и долг перед дедом, который мы до конца не исполнили. Всё в жизни повторяется: предательство, фашизм, слёзы, страх, подвиг.

И червивые яблоки...

Берега юбилеев

К 200-летию юбилею открытия Антарктиды

Виктор Боярский

Виктор Боярский – директор Российского государственного музея Арктики и Антарктики (1998–2016), профессиональный путешественник, почётный полярник России, председатель Полярной комиссии Русского географического общества, член Национального географического общества США, действительный член Национальной академии туризма и Международной академии холода, кандидат физико-математических наук, член Союза писателей России. Литературная премия «Правда – в море», Российская премия Людвиг Нобеля.

Семь месяцев бесконечности

Отрывок из книги

Книга Виктора Боярского «Семь месяцев бесконечности» посвящена крупнейшей Трансантарктической экспедиции 1989–1990 года. Участникам этой экспедиции – представителям шести государств мира (США, Франции, Великобритании, Японии, Китая и СССР) – удалось преодолеть на лыжах и собачьих упряжках более 6000 километров, пройти через Южный Полюс и впервые пересечь Антарктиду по самому протяжённому маршруту без использования механических средств. Экспедиции предшествовала трёхлетняя подготовка. Автор книги – её участник – описывает свои встречи в США и Франции во время подготовки экспедиции, рассказывает о подлинных её героях – собаках, их взаимоотношениях с участниками экспедиции и взаимоотношениях самих участников.

10 декабря, понедельник, сто тридцать восьмой день

Я увидел Полюс в 11 часов 40 минут. Маленькая чёрная точка, рядом с которой виднелся небольшой белый холм, появилась всего в двух градусах справа по нашему курсу. Это был незабываемый момент моей жизни. Я вдруг подумал, что ни Амундсен, ни, может быть, Скотт, первыми пришедшие к Полюсу, не смогли бы, как это ни парадоксально, сказать: «Я увидел Полюс», — по той простой причине, что его просто не было, причём вовсе не потому, что он не был ещё открыт, а потому, что не было ничего, что бы отличало эту точку от окружающей её белой пустыни. То же и на Северном полюсе. Точка, которая ещё сегодня имела магическую, притягивающую взгляды путешественников многих поколений широту 90°, уже через несколько часов становилась одной из многих ничем не примечательных точек на поверхности находящегося в вечном движении льда Северного Ледовитого океана, и поэтому каждый новый путешественник, которому посчастливилось достичь Полюса, открывал его для себя заново.

Какое счастье для исследователей! Кто знает, где сейчас тот Полюс, на который впервые ступила нога человека! То же самое могло бы случиться и с Южным полюсом, несмотря на то что лёд в его окрестностях выглядит незыблемым монолитом, хотя и движется, правда, очень медленно. Но вот около тридцати лет назад в точке Южного полюса американцы построили станцию, назвав её в честь первооткрывателей Полюса Амундсен-Скотт, и теперь задачей всех последующих экспедиций было не открыть свой Полюс, а отыскать этот, единственный. То, что прямо на Полюсе находится какое-то сооружение — творение рук человеческих, — несомненно, отчасти лишало Полюс ореола таинственности, окружающего это слово в нашем сознании.

Мы обнялись. Полюс был наш! Несмотря на трудное начало, потери собак, непогоду, проблемы с горючим и все прочие трудности, неизбежно связанные с подобным путешествием, мы дошли до

Полюса! И это произошло через сто тридцать восемь дней и ночей после старта. Буквально через полчаса после нашего открытия, как бы давая нам ещё одно подтверждение, прямо по курсу из-под облаков вынырнул военный транспортный самолет «Геркулес», совершающий регулярные полёты между Мак-Мердо и Южным полюсом. Самолет плавно снизился и приземлился рядом с невзрачной чёрной точкой, которую мы для себя уже окрестили Полюсом. В 16 часов уже можно было ясно различить все строения станции. Чёрная точка увеличилась в размерах и приобрела очертания большого купола серебристого цвета, а белый холм оказался гигантским снежным шлейфом, примыкавшим к куполу. Справа от купола мы увидели множество тёмных продолговатых низких строений, антенны локаторов, чёрные флаги, ограждавшие взлётную полосу аэродрома, а перед ними, ближе всего к нам, несколько знакомых палаток бирюзового цвета — это был лагерь нашей, запрещённой на Полюсе, киногруппы. Рядом с этими палатками я заметил одну побольше, около неё стоял снегоход. Было тихо, как бывает рано утром. Легкий белый дымок, бесшумно вырывавшийся откуда-то из-под снега рядом с куполом, выдавал местонахождение электростанции. Подойдя поближе, мы увидели одинокую фигурку в оранжевом костюме. Я подумал, что это, скорее всего, Мустафа или Ибрагим, поскольку такими же ярко-оранжевыми они были и в базовом лагере. Расстояние не позволяло мне распознать, кто же это был, но оказалось вполне достаточным для незнакомца, чтобы увидеть нас и забить тревогу.

Все ребята, вероятно, ещё спали, поскольку по стационарному времени было раннее утро, а мы пришли на два часа раньше, чем обещали. Нам было видно, как оранжевый человек мечется между палатками, поднимая товарищей. Лагерь моментально пришёл в движение. Из палатки выбрался Лоран с камерой и начал поспешно монтировать её на треногу. Мы остановились. Богатая практика нашего общения с Лораном подсказывала, что сейчас последуют указания о том, как нам двигаться, на каком расстоянии от камеры надо пройти. И точно. Было видно, как Лоран, отделившись от собравшейся перед палатками группы людей, побежал в нашу сторону, глубоко проваливаясь в снег. Он подбежал ко мне, сильно запыхавшись. Прилетев на Полюс всего два дня назад, Лоран, конечно, не успел еще адаптироваться к этой высоте. Мы обнялись. Переведя дыхание, Лоран объяснил мне, что я должен провести упряжки как можно ближе к камере, а затем остановиться и подождать около палаток, пока он не перебазировается вместе с камерой в район места основной встречи экспедиции на Площади Наций перед куполом станции. По словам Лорана, там нас должны уже ожидать полярники станции Амундсен-Скотт. Погода была в равной степени неподходящей как для ожидания, так и для съёмок. Туман, ветер, минус 30 градусов и едва-едва просвечивающее через дымку солнце. Но люди стояли и ждали, ждали встречи с нами.

Большая палатка оказалась кают-компанией и кухней одновременно. Она была собственностью компании «Адвенчер» и, как правило, служила походным рестораном для тех богатых туристов, которых возили на Полюс за весьма умеренную плату (примерно 35 000 долларов) «Твин оттеры» предприимчивого «Адвенчера». Сейчас, при отсутствии туристов, палатка стала штаб-квартирой экспедиции «Трансантарктика». Как я и предполагал, бдительным человеком в оранжевом костюме был Мустафа, который вместе с Ибрагимом был близок к осуществлению заветной мечты народа Саудовской Аравии — поднять на Южном полюсе священное зелёное знамя.

Маневр, который заказал Феллини, удался на славу, и вскоре мы остановились среди окруживших нас друзей. Мы обнялись с Крике, Ибрагимом и Мустафой, Брайтоном и Эриком, познакомились с Гордоном — высоким сухощавым человеком, увешанным фотоаппаратами. Лоран вместе с камерой уехал на снегоходе к месту встречи, куда некоторое время спустя направились и мы.

До места встречи на Площади Наций от нашего палаточного лагеря было метров четыреста. Мы пересекли взлётную полосу, на скользкой, хорошо укатанной поверхности которой собаки заставили меня развить бешеную скорость, и вскоре увидели двенадцать огромных установленных полукругом на высоких древках флагов государств, которые, как выяснилось позже, первыми ратифицировали Договор об Антарктике тридцать лет назад. Это и была Площадь Наций. Перед площадью стояло множество людей, одетых в одинаковые ярко-красные куртки и тёмные брюки. У всех были фотоаппараты, двое держали огромный плакат: «Привет из Миннесоты!». Этот плакат привёл в неистовое возбуждение собак Уилла. Они нарушили строй и понеслись прямо на него, как будто желая оказать особое внимание тем, кто, судя по плакату, были их земляками. Всё смешалось. Свист, приветственные крики, клацанье затворов, улыбки, рукопожатия, похлопывание по спинам — всё это как шквал обрушилось на нас со всех сторон. Собаки совершенно ошалели от тянущихся к ним со всех сторон рук. Все это продолжалось около часа и было очень приятно. Мы ждали продолжения. И оно последовало. Начальник станции Том, с красным от долгого пребывания на ветру лицом, украшенным чёрными заиндевевшими усами, с плотно обмотанным вокруг шеи башлыком, заставлявшим его поворачивать голову вместе с

туловищем, предложил нам разбить лагерь в том месте, где стояли палатки киногруппы, а затем возвратиться сюда на станцию и познакомиться с ней. Не без труда собрав собак и составив некое подобие упряжки, мы поспешили назад с тем, чтобы, поскорее поставив палатки, вернуться на станцию и поближе с ней познакомиться. Я уже говорил о том, как мы представляли это знакомство, когда шли к Полюсу: сауна или душ, шампанское, прекрасный стол, улыбки, танцы, наконец. (Во время встречи мы заметили, что на станции много женщин.) И, конечно же, в довершение всего, настоящий кофе с сигарами. Именно для этого случая Уилл припас коробочку гаванских сигар. Понятно, что мы установили лагерь несколько быстрее обычного и, накормив собак, отправились на станцию. Перед входом под купол, над которым красовалась сделанная крупными буквами надпись: «Соединённые Штаты приветствуют вас на Южном полюсе», нас ожидала невысокая, хрупкая, несмотря на большую тёплую куртку, женщина, которая оказалась нашим гидом. Следуя за ней, мы вошли в огромный тоннель с гофрированными металлическими стенами. Сразу же за входом с левой и с правой сторон к основному тоннелю примыкали два таких же, едва освещённых убегающей в темноту длинной цепочкой электрических лампочек. Стены и потолок тоннеля были покрыты густым махровым инеем. Главный тоннель привел нас прямо под купол, внутренние размеры которого просто потрясали. Этот огромный алюминиевый каркас, установленный над станцией лет пятнадцать назад, был призван предохранять её от снежных заносов. Однако мне показалось, что он, скорее, должен был демонстрировать силу и мощь американской инженерной мысли и технологии. Из-за снежных заносов сам купол почти до половины был скрыт под снегом, несмотря на свои размеры: 55 метров в диаметре и 15 метров в высоту.

И тоннели, и собственно купол были без пола, и здесь мы почувствовали оставшийся, наверное, ещё с зимнего времени холод. Потолок купола, особенно со стороны находящегося снаружи снежного шлейфа, был покрыт инеем и свисающими, как огромные сталактиты, сосульками, что делало перемещение между стоящими внизу домиками небезопасным.

Как только мы появились под куполом, из домиков вышло несколько молодых достаточно легко одетых людей — они просили автографы. Ну как тут отказать! Пришлось расписываться непишущей ручкой и негнувшимися пальцами. Мы ждали продолжения. И оно последовало. Нас наконец-то впустили внутрь. Мы попали в тёплое, устланное коврами и заставленное книгами помещение библиотеки. На стенах висели портреты Амундсена, Скотта, адмирала Бэрда. Том выдал нам небольшие свидетельства в память о посещении станции. Экскурсия продолжалась. Мы прошли через напичканное современной аппаратурой помещение радиостанции и вновь вышли наружу, хотя никому из нас этого ужасно не хотелось. По нашему внутреннему экспедиционному времени мы должны были уже ужинать. Как бы читая наши мысли, наша маленькая «гидша» провела нас в небольшую, но уютную и чистенькую кают-компанию. Это был мир запахов и тепла. У плит возились две немолодые женщины в белых передниках. Шла подготовка к завтраку. Том сказал, что на станции зимой работает около двадцати человек, а сейчас в сезон приехало около девяноста — мест не хватает, приходится питаться в несколько смен. Видит Бог, как нам хотелось помочь бедняге Тому в организации этого трудного процесса, выступив в качестве первой смены, но, увы, никаких предложений не поступило, и мы, отнюдь не растерявшие своего достоинства в снегах Антарктики, проследовали за неумолимой «гидшей» в соседнее помещение, сохраняя в своих обугленных морозом и солнцем носах неземные ароматы настоящей кухни.

Соседнее помещение оказалось просторным гимнастическим залом. Здесь уже находилось человек пятьдесят. Нас встретили аплодисментами. Мы сели прямо на пол перед этой аудиторией, и началась первая пресс-конференция на Южном полюсе. На голодный желудок мы разговорились. Мне был задан вопрос: «Почему вы всё время идёте впереди?» Пришлось применить домашнюю заготовку относительно необычайной любви собак к моему запаху, что вызвало оживление в зале. Было много вопросов, касающихся, в основном, наших взаимоотношений со спонсорами, между собой, самых трудных дней и так далее. Уилл очень подробно рассказывал своим соотечественникам обо всём. Пресс-конференция длилась около полутора часов. По нашему внутреннему расписанию, мы уже должны были заканчивать ужин, и наши желудки ни за что не соглашались принимать внезапное изменение уже привычного режима. Мы ждали продолжения. И оно последовало. Когда стихли аплодисменты, от стены отделилась какая-то небольшого роста женщина со скорбным лицом и в гробовой тишине зачитала Приговор экспедиции «Трансантарктика», вынесенный руководством Дивизиона полярных программ Национального научного фонда США.

Согласно Приговору, наша экспедиция в лице всех шести представителей шести государств мира, являясь частным предприятием, не приносящим на алтарь антарктической науки ничего, кроме забот о её собственной безопасности, лишается на станции Амундсен-Скотт всех видов поддержки и помо-

щи со стороны её руководства. Это означало, что нам нельзя было официально питаться на станции, принимать душ, пользоваться почтой и даже вообще «находиться на её территории». Мы ждали продолжения и... дождались, но оно было, скорее, похоже на окончание. Женщина эта — я не запомнил её имени — прилетела сюда специально, чтобы проследить за неукоснительным соблюдением Приговора. Разумеется, мы ни на что сверхъестественное не рассчитывали, особенно после сообщения Крике о том, как их приняли на Полюсе, но чтобы вот так — от ворот поворот! Это было неожиданным даже для нас, подготовленных, не говоря уже о полярниках станции, которые всячески пытались сгладить неприятную ситуацию. Нам оставалось только пожелать всем приятного аппетита и с высоко поднятой головой удалиться.

Мы устроили праздник на нашей тихой заснеженной улочке в палаточном городке, тем более что и продуктов, и вина было предостаточно. В самый разгар пиршества явились Уилл и Джеф с подозрительно розовыми лицами и влажными волосами. «Родной язык, он и на Полюсе до душа доведёт», — пояснил Джеф и поставил на стол картонную упаковку со свежими яйцами и большой полиэтиленовый пакет с нарезанным тонкими ломтями беконом. Уилл сказал, что завтра он всё организует для нас: и душ, и радиосвязь, и всё остальное, а пока тост за Полюс, за нашу удачу, за тех, кто нас ждёт!

Разошлись около полуночи по нашим часам, на станционных же было три часа пополудни. Спать пришлось недолго: пришел Крике и сказал, что станция Восток на связи. Я пошёл в стоящий рядом с палатками «Твин оттер» и, включив радио, услышал в наушниках громкий и радостный голос Сани Шереметьева с Востока. Он поздравил меня с прибытием на Полюс и спросил, когда ожидать нас на Востоке. Я ответил, что, скорее всего, дней через тридцать пять. Договорились о сроках связи, и я, коротко обрисовав Сане ситуацию, попросил позвонить домой Наташе и передать ей, что я дошёл до Полюса, а так как дальше идти некуда, то я через два дня выхожу в сторону дома. Утром на следующий день мы с Уиллом предприняли смелый рейд на станцию, взяв с собой Пэнду и Сэма. Оставив собак у ребят в одной из палаток летнего лагеря, мы с ним, дерзко нарушая Приговор, пересекли запретную зону и забрались под купол. Встретившийся нам на пути Том ничуть не удивился нашему присутствию и даже пригласил нас на чашечку кофе. Оказалось, что наша роковая женщина улетела рано утром, поэтому некому будет в случае чего жаловаться на Тома за нарушение страшного приказа. Том предложил даже устроить небольшой праздник на территории летнего лагеря специально для участников экспедиции. И всё же на всякий случай он предложил нам с Уиллом уйти из-под купола, чтобы не было неприятностей. Мы с Крисом попытались дозвониться до Ленинграда. Крис — радиолобитель, и у него в летнем лагере есть портативная, но достаточно мощная радиостанция. Он безуспешно пытался в течение часа выловить какого-нибудь радиолобителя, чтобы через него связаться с Ленинградом. Никто не отвечал, и Крис решился на отчаянный шаг. «Пойдём, — сказал он мне. — Мы сейчас всё устроим». Я последовал за ним, и скоро мы оказались в одной из палаток. Там было темно, тихо и очень тепло. Она была перегорожена на небольшие комнатки и закутки плотными чёрными занавесками, такие же занавески висели на окнах. После яркого солнечного света глаза долго привыкали к темноте. «Т-с-с..., — прижал Крис палец к губам. — Здесь спят». Мы на цыпочках прокрались в каморку Криса. Он задёрнул занавеску и включил небольшую настольную лампу. «Переодевайся», — кивнул он мне на лежащие на койке тёмные, как у него, брюки. Я, не очень понимая, для чего весь этот маскарад, послушно переоделся. Крис протянул мне знакомую красную куртку с меховым капюшоном, и я её нацепил. «Надень капюшон», — сказал мне Крис. Я повиновался. Крис осмотрел меня и, оставшись, видимо, довольным этим осмотром, кивнул: «Пошли». Мы вышли наружу, и солнце нас ослепило. Мы быстро, не разговаривая, пошли в сторону купола, но не к главному входу. Крис подвел меня к наминавшей рубку подводной лодки стальной трубе, торчащей из-под снега рядом с куполом. Оглядевшись по сторонам, Крис достал из нагрудного кармана небольшую радиостанцию. Такими радиостанциями пользуются практически все полярники станции, что даёт им возможность легко связаться с центральной радиостанцией и получить любую информацию и в то же время легко отыскать друг друга в случае необходимости. «Лора, — негромко сказал Крис в микрофон, — мы у аварийного выхода, как обстановка?». Высокий приятный голос Лоры, стройной белокурой девушки, дежурившей в информационном центре станции, так же заговорщически произнёс: «Все в порядке, тихо, можете идти». Крис, спрятав радиостанцию, стал спускаться по вертикальному стволу трубы, а я последовал за ним, окончательно заинтригованный происходящим. «Уж не задумал ли Крис какой-нибудь переворот с использованием отборных частей «Трансантарктики»?» — думал я, спускаясь. Солнечный свет померк, сжавшись в небольшое светлое пятнышко горловины трубы над нашими головами. Труба переходила в узкий заснеженный коридор. Мы остановились у его начала. Крис попросил меня понижее натянуть капюшон и следовать за ним, не отвечая ни на какие вопросы по пути. Коридор привел нас под знакомый купол. Оставшись незамечен-

От редактора: сейчас этот подвиг уже не повторить: часть пути стала морем, собакам по международному соглашению въезд на Ледовый континент запрещён.

ными, мы проникли в небольшую комнату в помещении радиостанции. Стены комнаты были оклеены радиолюбительскими карточками, на столе стоял японский любительский радиопередатчик.

Крис запер двери и скинул куртку. Я сел рядом. На наш вызов откликнулся сразу же один радиолюбитель из штата Мэриленд. Крис коротко обрисовал ему ситуацию, не забыв упомянуть, что связь эта неофициальная и должна быть проведена побыстрее. Наш корреспондент, выслушав просьбу Криса, спросил, на каком языке будут вестись телефонные переговоры. Крис вопросительно посмотрел на меня. «На русском, — ответил я. — Во всяком случае, в основном, на русском». После минутной паузы, во время которой Крис поминутно оглядывался на дверь и прислушивался к каждому постороннему шуму, наш невидимый корреспондент ответил, что не может нам помочь, поскольку по правилам ведения таких переговоров он должен знать их содержание. Крис чертыхнулся и крутанул ручку настройки, переходя на другой участок диапазона. В дверь негромко постучали. Крис быстро выключил станцию, скинул наушники и подошёл к двери. «Кто?» — спросил он тихо. «Это я, Лора», — послышалось в ответ. Крис немного приоткрыл дверь, и Лора просунула две тарелки из плотного картона, на которых был аккуратно сервирован ленч. Дверь закрылась. Видя, как переживает бедняга Крис, опасаясь, наверное, достаточно жёстких санкций со стороны руководства за своё самоуправство, я сказал ему: «Крис, пойдем. Выключай всё это, я уже через месяц буду на Востоке и прекрасно поговорю оттуда, так что не стоит тебе рисковать». Крис с явным облегчением вздохнул, и мы с ним также по-шпионски выбрались обратно.

На солнце было великолепно. Сегодняшняя тайная вечеря должна была состояться в летней кают-компании, находящейся в одной из больших палаток. Здесь была небольшая кухня, телевизор, видеомагнитофон, холл с удобными креслами. Перед праздником мне удалось принять настоящий горячий душ с мочалкой и мылом, и все мы, за исключением Джефа, опасавшегося, наверное, подмочить свою репутацию трезвенника, собрались вечером в кают-компании. Праздник удался на славу. Пицца, пиво, вино, водка — все это поддерживало настроение и энтузиазм собравшихся. Этьенну подарили огромный красочный торт ко дню рождения. Среди общего разгула над головами танцующих, смеющихся, поющих, пьющих, кричащих и молчащих плавала камера Лорана. После трёх часов ночи праздник перешёл в новую фазу: отмечали свадьбу начальника станции Тома с одной из девушек, с которой его связывали до этого не стеснённые брачными узами отношения. Масла в огонь, зажжённый неумеренным потреблением вина, подлил Лоран, предложивший Тому отснять замечательный и оригинальный сюжет: «Свадьба на Южном полюсе». Тому идея явно понравилась. Совершенно неожиданно откуда-то появился ящик шампанского, и праздник начался с новой силой. Забегая вперёд, скажу, что наутро молодожёны подали на развод, а удручённый столь очевидным проявлением своей слабости Том даже не вышел нас провожать. Мы с Уиллом последними покидали поле боя в кают-компании и на бреющем полёте дотянули до палаток. Сэм и Пэнда остались ночевать в лагере у кого-то из ребят.

Весь следующий день прошёл в многочисленных съёмках для спонсоров. Местом съёмок была определена Площадь Наций. Мы выстроились рядом с возвышавшейся в центре полукруга из флагов символической земной осью, выполненной в виде зарисованной красно-белыми полосами короткой, толстой бамбуковой палки, которую венчал большой серебристый шар. Погода для позирования была не слишком благоприятной: дул сильный ветер, и было холодно, так что пока мы отсняли около тридцати сюжетов с различными флагами, эмблемами, супами, шоколадами, очками, спальными мешками и прочая и прочая, мы здорово замерзли и сразу после съёмок помчались в кают-компанию погреться. Воспользовавшись тем, что на станции было ночное время, мы отвели душу на кухне, приготовив массу бифштексов, яичниц и тостов. Приняв напоследок душ, мы все вернулись в лагерь, надо было готовиться к выходу.

Берега юбилеев

К юбилею Эльвиры Поздней

Владимир Вахрамеев

Вахрамеев Владимир Сергеевич - член Союза журналистов России (СЖР), Международной Федерации журналистов (IFJ), Международной Ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Он ветеран Вооружённых Сил СССР, Войск ПВО страны и имеет около 30-ти правительственных, государственных и ведомственных наград СССР, РФ и ЧССР, Кавалер Почётного Нагрудного Знака главных редакторов «Четвёртая власть. За заслугой перед прессой» (2012), лауреат премии «Журналист года – 2014» и Международного литературного фестиваля-конкурса МАПП «Балтийский гамаюн» (2018), обладатель диплома «Золотое перо» ACADEMY OF ARTS AND LETTERS (2017) и многочисленных отечественных и зарубежных дипломов. Владимир Вахрамеев - автор трилогии «Опалённые ложью» (2010–2012), книг «Я не хотел бы всех печалить», «Лики Балтии», «Мои друзья на книжной полке» и др., а также сотен статей, очерков, рассказов и иных публикаций в отечественных и зарубежных периодических изданиях.

Твои, моя родина, песни пою

Уверен, что поклонники поэзии вспомнят известное изречение о том, что «бич для дружбы – страсть», принадлежащее Джорджу Байрону, которого А.С. Пушкин считал не только Гением поэзии, но и «на троне славы, видел в мучениях великой души», и который, «оплаканный свободой», оставил «миру свой венец». Безуспешно я попытался найти или вспомнить полный текст стихотворения лорда Джорджа Байрона, где упоминается эта фраза, ставшая афоризмом. Взяв с одной из книжных полок гениальный роман Д. Байрона «Дон Жуан» в замечательном переводе с предисловием и примечанием Георгия Шенгели, на несколько дней окунулся в атмосферу высокой поэзии. И вот, в октаве 93 «Песнь XIV» (Джордж Байрон «Дон Жуан», ГИХЛ, М, 1947, стр. 456) читаю: *«Коль вы не влюблены (а бич всей дружбы – страсть), / И верно поняты, / конец любым исканьям: / Нет друга лучшего, чем женщина, – но честь / Да не позволит нам в любовники к ней лезть».*

Память мгновенно переносит в школьные годы, подарившие мне очарование первого знакомства с поэзией не только Д. Байрона, но и А. Блока, В. Маяковского, С. Щипачёва, Р. Бернса, С. Есенина, Г. Гейне, М. Цветаевой, Я. Райниса, Э. Асадова и многих других, а также нескончаемые споры о литературном и поэтическом творчестве, о реалиях дружбы между юношами и девушками. С появлением плеяды поэтов-шестидесятников споры не утихли, а перенеслись из школьных классов в студенческие аудитории и общежития, в зал Московского Политехнического музея, куда я вместе с тульскими поклонниками поэзии частенько ездил из Тулы в Москву (с пересадкой в г. Подольске). Затем были годы курсантской юности и офицерской службы, связанные не только со службой в Войсках ПВО страны, но также с журналистской и литературной деятельностью. После увольнения в запас из рядов Вооружённых сил СССР моё увлечение стало основной профессией. Однако, тема любви и дружбы – эта вечная тема нашей жизни и творчества – оставалась неизменно важной и актуальной. Более того, с годами пришло осознание того, о чём писал лорд и поэт Д.Г. Байрон: *«... Нет лучше друга женщины. Таков / Мой взгляд; но чтоб вполне союз был тесен, / Не надо другу петь любовных песен».* Конечно, можно поспорить на эту тему, но должен заметить, что если за прожитых мною более трети четверти века, мужчины, считавшиеся друзьями, предавали и продавали меня не единожды, то подобных случаев от женщин, с которыми довелось дружить, не припомню. Ярким

подтверждением тому стала наша дружба с замечательным поэтом и эссеистом Эльвирой Поздней, первое упоминание о которой можно найти в моей «красной» книге, завершающей трилогию «Опалённые ложью» (см. Владимир Вахрамеев «Опалённые ложью», Калининград, 2012, кн. 3, стр. 374–376). Именно в период работы над книгой моё внимание в интернете на форуме ВРТУ-ВВКУРЭ привлекла «Страница Элочки», размещённые стихи на которой были созвучны поэзии моего закадычного и безвременно ушедшего в мир иной друга – поэта, актёра и режиссёра Валерия Петровского. Как вскоре выяснилось, за названным именем скрывалась известная русская поэтесса Литвы Эльвира Поздня. Дружеская словесная пикировка с талантливой поэтессой привела меня к мысли выложить на форуме последнюю поэму Валерия Петровского «Пусть никогда в твоём почтовом ящике не будет сиротливой пустоты...». Бесспорно, своеобразной иллюстрацией к этим «Письмам, рифмованным любовью...» (Вл. Вахрамеев «Я не хотел бы всех печалить...», Калининград, Изд-во «Кладезь», 2014) стали не только наши размышления по каждому из писем Валерия, но и стихи поэтессы, которые по духу и тематике не только прелестно перекликались с письмами моего друга, но и душевно дополняли их. Через пару лет наша замечательная приятельница, доктор гуманитарных наук, председатель Общества любителей русского романса в Литве «Мелос» Елена Бахметьева напишет: «Женская поэзия, а Эльвира – «женщина с большой буквы», – лирична, прежде всего, и зачастую только лирична». Быть может, в этом секрет того, что наша переписка вызвала немалый интерес не только у почитателей таланта моего друга, но и у любителей, многочисленных поклонников классической поэзии. Несколько месяцев шло оживлённое обсуждение почти полусотни писем поэта В. Петровского, которое вскоре стало побуждающим началом для нашей совместной с Эльвирой Поздней работы над книгой «Я не хотел бы всех печалить...» и частично нашло своё отражение на её страницах. Новый всплеск интереса к творчеству Валеры Петровского вызвало стихотворение Эльвиры Поздней, посвящённое жизни и творчеству моего друга, в котором будут и такие замечательные строки: *«И надо мной, раскинув звёздный зонт, / Пошли мне сон в минуты откровенья, / И все мои тревоги и сомненья / Ты унеси с собой за горизонт...»*.

Замечу, что отправной точкой наших дружеских отношений стал отменный разнос, устроенный Эльвирой Поздней одному из зарвавшихся плагиаторов. С этого воспоминания начинается и мой очерк «Спадала музыка с небес...», ставший предисловием к книге Эльвиры Поздней «Русский акцент» (Вильнюс, 2014, «Spausdino spaustuve Rotas», стр. 3–8): «Судьбе было угодно познакомить меня с автором сборника «Русский акцент» летом 2011 года. В короткой и резкой по содержанию публикации упоминались не только популярные, но и малоизвестные, а подчас, и совершенно незнакомые многим поэты, стихотворения. Выяснилось, что за редким именем пользователя скрывается даровитая поэтесса Эльвира Поздня». Безусловно, столь решительный отпор и прекрасное знание современных поэтов и прозаиков не могло не вызвать уважения, интереса к личности, столь хорошо знающей современную литературу. Такая щепетильность в оценке не только своего творчества, но и коллег-соратников по Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП) и его региональных отделений по сей день свойственна поэту и эссеисту, редактору и организатору творческих встреч Эльвире Поздней.

При активном содействии первого президента МАПП, известного журналиста-международника и писателя, академика Марата Каландарова и генерального секретаря МАПП, писателя Олега Михалевича Эльвира Поздня (Э.И. Дудицкая), совместно с Георгием Деканидзе, Львом Месенгисером, Ириной Мастерман и другими стояла у истоков создания республиканского общества МАПП в Литве, которое за десять лет своего существования стало международной литературной альма-матер для многих любителей поэзии и прозы в нескольких десятках стран. К середине первого десятилетия двухтысячных годов у Эльвиры Поздней уже накопился опыт работы над стихом в поэтической студии «Созвучие» с поэтами, выходцами из объединения «Русло» при кафедре русской филологии ВГУ, который она впоследствии перенесла в литературное объединение «Логос». А в 2002-м году в Вильнюсе увидел свет её проект Литературно-музыкальной гостиной «Русские посиделки».

Вспоминая те годы литературного творчества, мы оба частенько, перебивая друг друга, обсуждали факты и эпизоды из собственной практики жёсткого отбора произведений для будущих публика-

ций, критического отношения к творениям своих коллег. (N.N.B., – Как это было, кажется, недавно и как быстро снизился порог критического отношения не только к литературному творчеству коллег, но и к собственным трудам?!). Такая дружеская критика, конечно, и в те годы не всегда была понимаема друзьями-товарищами по студиям и литературным объединениям, но, прежде всего, служила своеобразным фильтром для отсева любителей плагиата и откровенных графоманов, повышения профессионализма и знаний, уровня и качества работ прозаиков, публицистов и поэтов. Столь жёсткий (если не сказать – жестокий) подход, быть может, и стал первопричиной появления целой плеяды талантливых русских литераторов из бывших республик Прибалтики, среди которых можно уверенно назвать и имя поэта, эссеиста Эльвиры Поздней.

Вот лишь несколько восторженных откликов любителей поэзии и почитателей её таланта с различных уголков земного шара. Прозаик и публицист Валерий Барбар: «Грамотная поэзия, насыщенная образами и внутренними эмоциями, красивая по звучанию и красивая словом... много тонких, деликатных оттенков... у вас получается всё! – и тонкая любовная лирика, и гражданская...»; поэт Павел Кузовлев: «Вы умеете удивлять своим талантом. Я в полном восторге!»; Николай Лаврентьев: «Ваша поэзия – глоток чистой родниковой воды...»; писатель и журналист Валерий Анипко: «Спасибо, очень тронуло...». Член СП России, гл. редактор калининградского журнала «Берега» Лидия Довыденко, открывая литературное мероприятие в Калининграде, скажет: «Так совпало, что на творческую встречу смогла прийти наш замечательный автор и друг – прекрасный поэт Эльвира Поздняя, которая привезла из Вильнюса, где она живёт, литературный альманах «Ступени» с её стихами, а потом прочла, весьма волнуясь, свои действительно талантливые стихи из новой книги «Русский акцент»... Но, пожалуй, самый дорогой для неё отклик – от Светланы Савицкой, председателя Содружества литературных сообществ, куратора «Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва), которая ей напишет: «Эльвира, вы талант. И вы молодец. И ещё вы – боец. И у вас особая миссия на земле». Таких восторженных откликов можно привести великое множество, однако в их чередё есть и отклики-раздумья, отклики-откровения. Так, Галина Климова после знакомства со стихотворением «Неизбежность» напишет: «Очень понравилось это красивое философское творение. Не один раз перечитала. Задумалась о неизбежности всего, что обязательно приходит к человеку в судьбе... в свой срок...». А на стихотворение «За что?», прочитав строки: «*Дай же, Господи, откровенья мне: / – В чём вина моя, не пойму – / Что я, русская, на чужой земле / Неприкаянная живу?*», Александр Григорьев напишет: «Эльвира, Вы даже боль и обиду высказываете как-то по-особому, мягко, так, как это выражали настоящие русские интеллигенты!»

Значительная часть жизни Эльвиры Поздней была связана с Дальним Востоком и жизнью в авиационных городках, в которых жила семья отца-фронтовика. Детская память способна сохранить многие эпизоды гарнизонной жизни, сурового бытового житья тех послевоенных лет, которые позднее лягут строками в её прозу и поэзию: «*На том краю земли, где в скалы била / И разбивалась вдребезги вода, / Меня качала и меня взрастила Тихоокеанская звезда. / Вот оттого здесь, под балтийским небом, / Где между туч теряется просвет, Не устаёт она сквозь быль и небыль / Лить на мои страницы Яркий Свет...*». Но в те годы её ещё робкие попытки литературного творчества не всегда находили должный отклик среди одноклассников, школьных учителей, да и... родителей. Даже спустя десятилетия поэтесса вспоминает, как в 12-летнем возрасте, во время летних каникул, написала традиционное домашнее сочинение на тему «Как я провела лето». Учительница русского языка и литературы, подивившись грамотному изложению темы и замечательному литературному языку, не поверила, что юная пионерка самостоятельно написала сочинение, о чём она и поведала маме своей ученицы. На долгие годы сохранился у Эльвиры неприятный осадок о недоверии учительницы и мамы, поверившей ей. Менялись школы и учителя, количество которых нередко за год менялось по несколько раз и, нередко, их профессиональный уровень оставлял желать лучшего. Как замечал великий Г. Гёте, что «не всякий, кто учит нас, заслуживает это имя». Однако, такова участь большинства офицерских детей и жён тех давних лет... Быть может, и в этом кроется причина того, что огромнейшая любовь к литературе и поэзии не нашла в те давние годы воплощения в собственном творчестве. Более того, учёба, замужество, работа требовали времени, забот, да и двоим подрастающим сыновьям необходимо было уделять внимание...

Шли – бежали – летели месяцы и годы... И вот, вместо необъятных просторов Дальнего Востока в середине 70-х годов прошлого столетия в повседневную жизнь входят уютные улочки древнего Вильнюса, солидная должность на известном предприятии Литвы, женитьба сыновей, внуки... развал Державы и... скромная пенсия... *«Я приду к тебе поклониться, упаду в твою стылу борозду. / Что ж ты, Русь моя, тройка-птица, / Отдала своё тело ворогу? / Иль тебе ему поклоняться?! / Иль не ты знала не жалеючи?! / Как позволила надругаться / Над красой своей статной, девичьей? // То не ворогом в час ненастья / Поступь гордая изувечена. / То сыны, как псы, в одночасье / Душу светлую искалечили. // Ты прости же их неразумных – / Покуражатся да опомнятся, / Отыграются в драках шумных. / Всё хорошее да исполнится... / Лейся дождичек, дай умыться. / Осуши лицо, красно солнышко. / Дайте силушки оживиться, / Чтоб не знала ты лиха-горюшка»*, – напишет через несколько лет поэтесса в своём стихотворении «Плач Ярославны» (Эльвира Поздняя «Русский акцент», 2014, Вильнюс, типография «SS Rotas», стр. 30).

Будучи человеком волевым, энергичным, творчески одарённым, будущая поэтесса и эссеист свои первые, пока ещё робкие шаги, совершает уже в зрелом возрасте (не отсюда ли позднее и появляется псевдоним ПОЗДНЯЯ?!). Более того, поэтесса делится сокровенным: *«Словно выросли крылья сейчас / И уносят меня к новой жизни, / А о прежней в который уж раз / Я молебен пою, как на тризне. // Лишь увёз мою душу Харон, / Бьёт ключом новой жизни начало – / Запоздалый стихов перезвон... / Оттого себя «Поздней» назвала...»* (Эльвира Поздняя «Опрокинутый фужер», Вильнюс, 2004, УАВ Укана, стр.6). Её первым учителем по основам поэзии и стихосложения стала София Викторовна Орловская, в те годы возглавлявшая ЛС «Созвучие», писатель и драматург, член СП СССР. С огромнейшей благодарностью Эльвира Поздняя вспоминает и последующих, дорогих её сердцу литературных учителей Ирину Мастерман и Ивана Гажимона. А Елену Бахметьеву считает своим путеводителем по творческому пути. Это она постоянно заставляла её нести свои стихи в периодические издания г. Вильнюса для публикаций. И их публиковали. Это она в 2004-м году предложила ей 400-местный зал своего «Мелоса» для проведения презентации первого сборника стихов «Опрокинутый фужер» и творческого вечера, который был полон благодарными слушателями – любителями поэзии. Это стараниями Елены Бахметьевой её первый сборник поэзии «Опрокинутый фужер» находится в Москве в Библиотеке русского зарубежья.

Именно Эльвира познакомила меня с Еленой Петровной Бахметьевой – доктором гуманитарных наук, членом-корреспондентом Академии российской словесности, награждённой Президентом РФ медалью А.С. Пушкина, медалью Ф.И. Достоевского «За красоту, гуманизм, справедливость», орденом «За вклад в культуру», почётным знаком «За вклад в дело дружбы», медалью ЮНЕСКО и пр. пр.(N.B. – совершенно случайно во время одной из наших встреч с Еленой Бахметьевой весной 2018 г. выяснилось, что родились мы оба на Вологодской земле). Талантливый учёный и общественный деятель России и Литвы, она в одной из своих публикаций заметила, что «Эльвире Поздней подвластна и публицистика, и юмор, и даже сатира. Параллелей ей в русской женской поэзии найти трудно».

Конец XX – начало XXI века для русской творческой интеллигенции Прибалтики, несомненно, был невероятно сложным периодом не только с творческой, но и с политико-экономической, морально-нравственной, семейно-бытовой стороны. Естественное состояние растерянности от смены общественно-политического строя, резкого падения жизненного уровня, закрытия предприятий и появления безработицы, роста националистических настроений среди некоторой части населения, необходимости элементарного выживания в этой обстановке привело к тому, что часть научной и творческой интеллигенции эмигрировала. За этой элитарной частью общества массово начала покидать бывшие благополучные прибалтийские республики и молодёжь. Сколько же мужества и терпения, оптимизма и веры, целеустремлённости и знаний, сил и средств потребовалось наиболее активным представителям русской культуры и литературы, взвалившим на себя трудную ношу по возрождению, сплочению, приданию нового творческого порыва тем представителям русской интеллигенции, которые остались в Литве. Среди таких замечательных подвижников можно назвать многие имена, достойные немалых добрых слов, и, уверен, что они ещё будут вы-

сказаны. Однако в нашем повествовании речь идёт об одном из них – поэте, прозаике и редакторе Эльвире Поздней.

Ныне имя Эльвиры Поздней известно не только в Литве и странах Балтии, но и далеко за их пределами. Она – лауреат Республиканского конкурса русской поэзии (2016); дипломант конкурсов «Под небом Балтики» (2010 и 2014, Таллинн, Эстония); обладатель диплома «Золотое Перо» Европейской академии литературы и искусств (2015); обладатель диплома Михаила Ножкина, премии и звания «Серебряное Перо Руси» (сертификат № 134) Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (2016, Москва, Россия); первый обладатель премии «Золотое перо МАПП» (2018), учреждённой генеральным секретарём Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП) Олегом Михалевичем. «За активное творчество, обогащающее наследие русской поэзии в Литве» она награждена дипломом Департамента по делам национальных меньшинств при Правительстве Литовской республики (2006, Вильнюс), а в 2018 году ей вручена Почётная грамота от Посольства Российской Федерации в Литве за подписью посла А. Удальцова «За большой вклад в сохранение и развитие русского языка и русской культуры в Литве».

Стихи и эссе Э. Поздней публикуются во многих периодических изданиях таких стран, как: Литва, Россия, Германия, Латвия, Эстония, Беларусь, Польша, Венгрия, США, а песни и романсы вошли в репертуар Александра Ожег-Гуня (Вильнюс, Литва), Станислава Смагина (Каунас, Литва), Юрия Костакова (Санкт-Петербург, Россия), Павла Солодовникова (Алма-Ата, Казахстан), Анны Позлевиц (Сопот, Польша), Игоря Дудицкого (Маргейт, Великобритания) и других. Её стихи переведены на литовский, венгерский, польский и английский языки. В феврале 2017 года исполнилось 15 лет её любимому детищу – Литературно-музыкальной гостиной «Русские посиделки». Однако, поклонники этого высокохудожественного и разнообразного по форме, тематике и составу участников мероприятия нередко сокрушаются, что проводятся они не столь часто, как им того бы хотелось. И это вполне понятно, ибо в сферу этой неутомимой женщины входят исполнение обязанностей зам. председателя правления РО МАПП, подготовка и участие в проведении Международного литературного фестиваля-конкурса «Балтийский гамаюн» (Вильнюс, Литва) и совместно с доктором гуманитарных наук Эляной Суодене – в ежегодном Международном фестивале духовной поэзии «Покрова» (Каунас, Литва). Она проводит в Вильнюсе ежегодные Открытые республиканские чтения в честь Дня всемирной поэзии... Более того, Эльвира Поздняя – это ещё и один из создателей и неизменный главный редактор Международного литературно-публицистического альманаха «Ступени» (400 стр.), который в 2018 году получил престижную награду «Золотой лауреат» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» (Москва); автор поэтических сборников: «Опрокинутый фужер» (2004), «Придуманый вальс» (2009), «Русский акцент» (2014, находится в Русской библиотеке, Феникс, штат Аризона, США); брошюр: «Ещё на «Вы» мы говорили» (2006), «Музыка ветра» (2007), «Свеча горела на столе» (2007), «Стою у алтаря» (2008). Поражает необычайная работоспособность этой женщины уже зрелого возраста, её ответственное отношение к любому порученному или запланированному делу. В орбиту её дел и забот входят ещё и участие в творческих вечерах, литературных встречах, фестивалях, выступлениях на научных конференциях и поэтических чтениях.

Книги и сборники этой талантливой женщины наполнены не только прелестными лирическими стихами, но и произведениями других литературных жанров. Это публицистика и рассказы, песни и романсы, сатира и юмор, эссе и литературные зарисовки. Но, несомненно, поэзия остаётся её страстью, любовью и жизнью... Болью отзываются в их строках те негативные явления, которые родила новая эпоха: *«И корчуеться русское слово, / Как в земле ненавистный сорняк, / Но оно поднимается снова, / Прорастая на острых камнях. / И надежда над стойкой осокой / Сиротливой звездой горит, / Словно здесь, у родного истока, / Балтрушайтис безмолвно стоит»*, – пишет поэтесса в стихотворении «Русское слово», в котором упоминает имя поэта, литовца по происхождению, Юргиса Балтрушайтиса (1873–1944), оставшегося в литературе как русский поэт-символист. В этом же сборнике, подаренном мне автором 05.01.2012 с дедикацией *«Примите в дар мои стихи... / В них много всякой чепухи... / Но не дано понять сторонним, / Как бьётся сердце на ладони...»* есть одно из любимых мною стихотворений, посвящённое Максимилиану Волошину под названием «Пена»: *«...а*

рифмы глаголом безликим, / В душе, подражая великим, / Так смело бегут, по нитью, / Подгнившею серую нитью. // И чудится пена коктейля / В пивбаре ночном Коктебеля, / И пыльной присыплен порошей / Стоит на утёсе Волошин...» (Эльвира Поздняя «Придуманый вальс», Вильнюс, 2009, GLL, стр. 55). Кстати, в своём «VOX POPULI...» к названной книге, писатель, актёр и режиссёр Леонид Глушаев из английской столицы Лондона, отмечая, что «хорошая поэзия нынче редкость, тем более приятно прикоснуться к Вашему «микрокосмосу», обращаясь к Эльвире Поздней, напишет: «Так в актёрском деле – более ценна слеза не пролитая, но сдержанная – этот момент внешне прост, но Вы-то наверняка знаете, как трудно сдержать эту слезу облегчения и не разрыдаться на глазах у всех! В строчках Ваших есть всё: и аромат, и цвет, и настроение, и терпкое послевкусие хорошего вина! Спасибо!». Быть может, эти строки у Леонида Глушаева родились после его знакомства с замечательным циклом поэтессы «Ах ты, Русь моя, придержи уста...», в котором есть небольшое стихотворение-откровение: «*Вот они, мои стихи, / Как рождение стихий: / То в смятенье тишина, / То вся муть, вся муть со дна, / То певучий хоровод, / То грозы круговорот, / То игра вечерних звёзд, / То потоки горьких слёз...*» или из другой книги «Русский акцент» на ту же актуальную каждому поэту тему творческого поиска, обращаясь к Музе: «*Мне этой ночью опять не до сна, / Как будто бы так суждено. / И вот, наконец-то, явилась Она / В раскрытое настезь окно. / С улыбкой присела ко мне на кровать, / Сказала: «Меня ты прости / За то, что посмела так долго гулять... / Вот лучше – вином угости...», / И пили мы с ней до зари, дотьяна, / Любезнейших слов не тая. / Ну, как не уважить?! – / Ведь, в общем, Она / Такая же шлюха, как я...*». По этому поводу известная в Литве и за её пределами поэтесса Ирина Мастерман скажет: «Я люблю Эльвиру за её смелость относиться к себе с сарказмом».

Общеизвестно, что общее дело чаще всего укрепляет дружеские и творческие отношения. Об этом я подумал за время нашей совместной работы над книгой «Я не хотел бы всех печалить...», посвящённой жизни и творчеству моего недавно безвременно ушедшего в мир иной друга – поэта и актёра Валерия Петровского. Вот как пишет в пресс-релизе «Поэт и гражданин» для русскоязычного еженедельника «Обзор» в ноябре 2014 года доктор гуманитарных наук Е.П. Бахметьева: «3 июня 2014 года на вечере Общества любителей русского романса в Литве «Мелос», посвящённом 215-летию со дня рождения А.С. Пушкина, Эльвира Поздняя передала мне в подарок от Владимира Вахрамеева экземпляр книги «Я не хотел бы всех печалить...» ...Вернувшись домой, несмотря на усталость, я в тот же вечер открыла подаренную мне книгу и была до слёз растрогана, читая поэмы и стихи Валерия Петровского и воспоминания его коллег и друзей...». В тот период эта почтенная и известная дама-учёный, писатель и критик ещё не знала, какую огромнейшую помощь в подготовке к изданию этой книги оказала мне Эльвира Поздняя, которая за время нашей совместной работы выступила не только в роли грамотного редактора, корректора и тонкого поэта-лирика, но и продемонстрировала свои способности в малой прозе. Своим тонким чутьём, невероятным тактом и мастерством она помогла превратить это заочное поэтическое состязание двух талантливых поэтов в ГИМН жизни и творчества Валерия Петровского. Кстати, поэт Эльвира Поздняя выполнила своё обещание, данное д.г.н. Е.П. Бахметьевой, и во время творческой встречи в Литературно-музыкальной гостиной «Русские посиделки» 28 октября 2014 года «познакомила вильнюсскую публику с фрагментами... (NB, – нашего обсуждения и размышления)... переписки по письмам Валерия Петровского...». Часть этой переписки отдельной главой «DIALOG BOX...» вошла в сборник «Я не хотел бы всех печалить...». Уместным эпиграфом к этой главе стали стихотворные строки поэтессы: «*...А мы остаёмся, чтобы творить / И, зная, что мир не изменится, / Мы остаёмся, чтобы любить / И верить, и ждать, и надеяться...*». Чтобы дать представление о нашей переписке (понять, взвесить, покритиковать, дать ремарку и т.д.) приведу лишь небольшой отрывок от 28.11.2011: «Теперь о финише... Если удалить из стихотворения одну-единственную замечательную строфу: «Я не верю, что грусть это осень: / В этот мир Ты пришла в октябре!.. / Больше верю зелёности сосен, / Не сгорающих в жёлтой заре...». Замечательность её я отмечаю «жёлтой зарёй». Здесь под «зарёй» в переносном смысле подразумевается – «не сгорающих в жёлтой листве»... И если мы удаляем эту строфу, то стихотворение перестаёт быть письмом. В нём нет чувств. Это откровение автора, это его концепция жизни, наконец, это его кредо. И это «раскрытие души», как Вы сказали, может быть адресовано только ДРУГУ, а не любимой жен-

щине (Оно Ей совсем не нужно... Она его разлюбила и ушла)». Завершает это послание Эльвира Поздняя строками своего стихотворения «Поди, разберись»: *«Поди, разберись, о чём думает птаха, / И где для тебя приготовлена плаха, / Где чья-то любовь простирает объятия, / Где снова Господь приготовил распятыя... / Поди, разберись, где растерян твой разум. / Его по частям соберёшь ты не сразу. / Похоже, кусок заржавел в прошлом веке, / И нечем дыру залатать в человеке... / Поди, разберись, кто твой друг, а кто недруг, / И ты, как чудак, твоим другом повергнут. / И щит, и копё в этот час твои братья... / Как знать, где Господь нам готовит распятыя...»*. Следует отметить, что д.г.н. Елена Бахметьева предложила Эльвире Поздней выпустить книгу с совместными стихами (письмами, рифмованными любовью, Валерия Петровского и её), так как на довольно-таки малоизвестном сайте в интернете эту переписку уже прочли и оценили более 23-х тысяч любителей поэзии.

Нельзя не упомянуть и о том, что по материалам книги «Я не хотел бы всех печалить...», по нашей переписке с Эльвирой Поздней о жизни и творчестве поэта Валерия Петровского, а также по сборнику поэтессы «Русский акцент» актёрами Калининградского областного музыкального театра был поставлен спектакль «Письма, рифмованные любовью». Вот как писал об этом вечере один из ветеранов региональной журналистики Семён Кушнеров: «Письма, рифмованные любовью» точно отражали литературно-музыкальный замысел, который воплотили на сцене актёры Елена Мочалова, Евгений Макаревич (он же режиссёр-постановщик спектакля), а также композитор, музыкант и певец Станислав Коробейников». Далее С.Г. Кушнеров писал о том, что со сцены театра «журналист Владимир Вахрамеев рассказал о работе над книгой «Я не хотел бы всех печалить...», посвящённой жизни и творчеству Валерия Петровского. Гостя из Литвы, чьи стихи звучали со сцены в спектакле, поэт и соавтор журналиста по работе над книгой Эльвира Поздняя поблагодарила коллектив театра за прекрасный спектакль» (газета «Калининградская правда» от 8 июля 2015г. стр. 6). Та же наша совместная литературная работа послужила творческим посылом для режиссёра Русского драматического театра в Вильнюсе Юрия Щуцкого для постановки мини-спектакля, сыгранного в Доме национальных общин. В очерке «Клапан, открывающийся только поэзией» (В. Вахрамеев «Лики Балтии», Калининград, 2017, ФГУП «ИиТ г. «СБ», стр. 172-186) приводится отрывок из публикации эссеиста и художника Владимира Кольцова-Навроцкого в популярном русскоязычном еженедельнике Литвы «Обзор», в котором тот повествует о том юбилейном вечере поэта Эльвиры Поздней, где «присутствовавшей публике в Доме национальных общин Литвы на мини-спектакле с участием режиссёра Русского драматического театра в Вильнюсе Юрия Щуцкого не было предела восторгу!» В статье приводятся и стихотворные строки поэта Валерия Петровского: *«Я слов истратил страшное количество! / Но кто в вину поставит это мне? / Любовь! Я так хотел твоё Величество / Увековечить с Жизнью наравне!..»*. Эти замечательные строки, бесспорно, с полным основанием можно отнести и к поэтическому творчеству поэта Эльвиры Поздней! Не удивительно в связи с этим, что одно из своих стихотворений Эльвира Поздняя посвящает памяти Валерия Петровского: *«Я не хотел бы всех печалить...» / Сколь благодарна я судьбе, / Что мы с Тобою повстречались! / Пусть после смерти... / По Тебе / В миру не утихают страсти... / Об этом ярче всяких слов / Сегодня говорит отчасти / Моя ранимая любовь. / Мне жаль, / что «Письма» к Той, любимой, / Какую Ты боготворил / Своей любовью негасимой, / Всем женщинам не подарил. / Ты не успел... / Я это знаю. / Да мне ль сейчас про то не знать!.. / К твоим коллегам уповаю / Те «Письма» опубликовать. / Да снизойдёт пусть / БЛАГОДАТЬ!»*

Период совместного творчества, бесспорно, позволил познать не только литературные способности, но и морально-деловые качества каждого из соавторов, «притереться» друг к другу. Как-то великий русский журналист и писатель Николай Чернышевский заметил, что «труд должен быть сообразен силам человека. Он дурен, то есть неприятен тогда, когда превышает их». Это мудрое изречение невероятно справедливо для людей творческого труда и особенно чётко проявляется при их совместной деятельности. Умение найти консенсус по незначительным деталям, фактам, событиям и не рассориться по принципиальным вопросам – это мастерство и характер, состояние души и воспитание, чувство меры и такта. А подчас добрая шутка или короткая, разумная реплика

спасала от назревающего ненужного спора. «*В небесах, видно, спятила Муза / И свалилась ко мне, как обуза. / Я не знала смешнее курьёза, / До сих пор он саднит, как заноза. / Ошалев от такого союза, / Я тупею под тяжестью груза. / Но она – ах, какая зараза! – / Так и липнет ко мне, как проказа. / Я в трясушке, как леший с мороза, / А она мне – стопарик, стервоза! – / «Не дрожи, я не чёрт, не Спиноза. / Для поэта сто грамм, что глюкоза». / Шандарахнула я – баба с воза – / Запыхла сильнее паровоза, / Стала лишней пижамная блуза, / Розовею, как мякоть арбуза... / Не ждала я такого сюрприза. / Ай да Муза! – хитрюга, подлиза! / Что ни ночь, то шальная реприза... / Так недолго дойти до стриптиза... / А на вид – ну торговка с Привоза! / А как пьёт! – королевская поза! / И до фени ей всякая проза. / Вот такая, брат, метаморфоза...»), – и это тоже одно из творений поэтессы, которое Эльвира Поздняя с улыбкой зачитала мне в ту минуту, когда казалось, что наш литературный спор зашёл в тупик!..*

Несомненно, любовная, пейзажная, философская и бытовая лирика в творчестве замечательной русской поэтессы Литвы превалирует. Вот что пишет доктор гуманитарных наук Эяна Суодене в своей рецензии к книге поэтессы «Русский акцент»: «...лирическая героиня поэзии Эльвиры Поздней близка Серебряному веку, одной из характерных особенностей которого было единство субъекта и объекта, когда личная судьба становилась объектом творчества, составной его частью: любовная линия – одна из наиболее ярких коллизий книги Эльвиры Поздней. «...Я принимала, трепетно дыша, / Твой остров Канта, и в объятьях храма / Металась в звуках вещею органа / Моя, тобой пленённая, душа...»; «...Я в городской суматохе тону, / В ней раствориться тревожно. / Ты нарисуй мне свою тишину, / Если, конечно, возможно...»; «Позови... и ни о чём не спрашивай. / Босиком приду по стылým росам. / Будет август золотом окрашивать / На ветру берёзовые косы...»; «Паучью сеть, не зная сущей лени, / Плетёт Луна – предвестник вещих снов, / И падает неволью на колени / Моя любовь. // А там, вдали, на игрищах кострища, / Чернеет пепел... сердце сожжено, / И мается душа бездомной нищей / Уже давно».

Однако, «Серебряному перу Руси» подвластны и другие темы... «О чём пишет Эльвира Поздняя?», – задаёт вопрос читателям доктор гуманитарных наук Елена Бахметьева и сама же отвечает в предисловии к одному из сборников стихов и песен поэта и эссеиста: «Конечно, о любви, о родине, о России, о Литве, о Германии, о жизни в этих странах и вне них, о творчестве, о Пушкине, о Высоцком, а Есенину она посвятила целый цикл стихов, удивительно точный по смыслу и богатый эмоционально. («Где же ты, Есенин, / Баловень судьбы? / Не войдёшь ты в сени / Старенькой избы. / На столе – горбушка, / Да свеча в окне. / Заждалась старушка / В ветхом шушуне»...). Стихи Эльвиры Поздней воспринимаются как песни, и неудивительно, что их хочется петь то в ритме фокстрота, то танго, то вальса...». Вот одно из сотен её лирических стихов под названием «Танго вдвоём», в котором есть такие, пахнущие романтикой ушедших лет, строки: «Это танго вдвоём заколдовано музыкой. / Это танго вдвоём на площадке в ночи. / Тихий шелест листвы озарён светом музыкой. / И улыбка твоя, и мольба: «Не молчи...» // Это танго вдвоём... Это танго из прошлого... / Как подарком судьбы нам бы им дорожить. / Тихий шелест листвы, и твой взгляд замороженный, / И улыбку твою мне не просто забыть...». Или вот эти прелестные строки из другого стихотворения, названного поэтессой «На зависть всем богам»: «На зависть всем богам / Нельзя счастливой быть... / К далёким берегам / Несёт былую пруть. / Походка уж не та, / И локон побелел, / В придачу – до черта / Незавершённых дел...». Немалое множество её поэтических произведений посвящено Литве и её красивой столице Вильнюсу. «Старый Вильнюс, ты моя святая лира. / По твоим вечерним улочкам иду / И мне кажется, что все наречья мира / В тихих улочках я слышу на ходу. // Я по городу, по городу шагаю, / Милый Вильнюс, улыбаешься ты мне. / А когда твои проспекты затихают, / Ты вздыхаешь и грустишь в вечерней мгле» – пишет поэтесса в стихотворении «Милый Вильнюс», а в мае 2009 года с горечью напишет: «И жуй ты себя изнутри всухомятку. / И жуй, хоть давись! – если нечего жрать, / А коль поумнеешь – намыливай пятки / На Запад, в рабы – от свободы бежать. / Свободу Литве! – разве что на бумаге... / Продажная свита сдаёт Короля. / Сама же прописана в Еврообщаге – / Оттуда не слышно, как дышит земля», (стихотворение «Литва тысячелетняя»).

Хочу заметить, что для меня приятной неожиданностью было найти в одной из книг Эльвиры Поздней стихотворение «Вставай, проклятьем заклеимённый!», которое поэтесса посвятила одно-

му из талантливых современных литовских журналистов и писателей, автору книги о Литве «Корабль дураков» Витаутасу Петкявичусу, заканчивающееся следующими строками разочарования: *«И плывёт по теченью «Корабль дураков», / Потопля друзей, наживая врагов, / Как «Титаник» – на Запад... на Запад...»*.

В мае 2008 года исполнилось десять лет с того дня, как после тяжёлой болезни ушёл из жизни писатель, с которым меня жизнь свела ещё в середине 60-х годов прошлого столетия, когда уже известный литовский журналист и детский писатель Витаутас Петкявичус читал нам – молодым журналистам, прозаикам и поэтам – в Доме офицеров г. Вильнюса цикл лекций по основам журналистики и литературной деятельности. Спустя десятилетия одно из зарубежных периодических изданий обратилось ко мне с просьбой поделиться воспоминаниями о встречах с этим талантливым человеком. Так и родился очерк «У людей, лишённых духовности, отсутствуют какие-либо тормоза», – эта фраза, вынесенная в заголовок, принадлежит самому герою публикации. Но не об этом сейчас речь... Просто воспоминания о нём породили вопрос: что объединяет этих двух талантливых людей – Витаутаса Петкявичуса и Эльвиру Позднюю? Они – люди разные, по возрасту и национальности, воспитанию и образованию, жизненному пути и даже полу... не говоря уже о том, что сфера приложения их литературных способностей различна: один талантливый журналист и прозаик, другая – не менее талантливая поэтесса и эссеист... Однако, есть, несомненно, НЕЧТО общее, – это не только принадлежность к представителям творческой интеллигенции Литвы, но, главное, – твёрдая жизненная и гражданская позиция, что чётко проявляется в литературной деятельности обоих.

Не скрою, я отношусь к поклонникам гражданской лирики Эльвиры Поздней, к тем, кто в стихотворных строках поэта видит проявление любви к «большой» Родине – России и «малой» Родине – Литве: *«Украдкой прячут слёзоньки / Уставшие берёзоньки, / И журавлей встречают / На горке Три креста. / Напрасно в непогодину / Спешите вы на родину. / Вас встретит над погостом, / Лишь колокольный звон. / Осиротела родина... / Старухи только бродят там, / А молодая поросль / Умчалась за кордон...»* (стихотворение «Родина») или *«Литва моя, красавица Литва, / Как долог, каменист Балтийский путь. / Разбиты ноги в кровь, изранено всё тело / И хочется прилечь и отдохнуть. // Но нет тебе ни отдыха, ни сна, / Стервятники твою терзают грудь. / Тебя бы напоить живой святой водою, / Чтобы смогла свободно ты вздохнуть»*, (стихотворение «Литва моя»). Конечно, тем русским, кого российские власть предержащие «отправили в эмиграцию», сакраментально звучат слова *«С тобою горюю, тобою болею. / Твои, моя Родина, песни пою»*, но для них и другие строки поэтессы не требуют разьяснения: *«Живу в Германии, и, так занятно, / На удивление скучаю по Литве. / Так хочется вернуться мне обратно, / Но не в Россию, а, Литва, к тебе»* (Поэтический цикл «Берлинские встречи»: «Ностальгия»).

В поэтическом творчестве Эльвиры Поздней неизменным лейтмотивом остаётся тема памяти о ветеранах войны и труда, что вполне закономерно для нас, уходящего поколения «детей войны»: *«Я люблю вас, мои ветераны, / Ветераны Войны и Труда. / Не у всех зарубцованы раны, / Но зато как душа молода! / Я люблю вас, Войны ветераны, / Ветераны Второй мировой»* («Медали») или *«Прах Победы потомством развеян, / И предательски душит слеза, / Стон в груди застывает, немея, / Затрудняя хоть что-то сказать»* (Из «Берлинского цикла»: «У Рейхстага»). Как всякого интеллигентного человека, обеспокоенного жизнью ближнего своего и обладающего великим даром поэта, наша Эльвира Поздняя не может оставаться в стороне от тех проблем, с которыми столкнулись разделённые народы некогда единой страны (Н.В. – особенно болезненно это повлияло на жизнь старшего поколения). И вот уже читаем в её произведениях: *«Знавали на Руси жульё, / Но чли героев рать, / Честь и Отечество своё / Готовых отстоять. // Знавали на Руси кутил, / Но этот – бес боднул! – / Что он Отечество пропил и глазом не моргнул...»* (стихотворение «За державу обидно») или *«Мы в ближайшей загранице – / Обездоленные птицы, / Ранено крыло. / Знаем, как мы здесь не милы... / Господи, пошли нам силы / Всем чертям назло!»* (стихотворение «Заграница»).

Быть может, оттого что детство и отрочество поэтессы прошло в офицерской семье, и защита Отечества несколько десятков лет была неотъемлемой частью её повседневной жизни, эта тема прочно заняла своё почётное место в творчестве Э. Поздней: *«На просторах страны, где бы кто из вас не был, / Офицерская Честь вам служила бронёй, / Вы стояли на страже родимого неба, / День и ночь охраняя Отчизны покой»* («Стражи неба» к 60-летию ВРТУ-ВВКУРЭ. N.N.V. – это стихотворение поэтесса посвятила мне после выхода третьей, «красной», книги трилогии «Опалённые ложью»). За активную пропаганду военно-патриотической тематики и заслуги перед Организацией ветеранов Вильнюсского радиотехнического училища Войск ПВО страны – Вильнюсского высшего командного училища радиоэлектроники Войск ПВО Эльвира Поздняя в июле 2013 года была награждена Почётным знаком училища. «Виленец один в поле – и тот воин».

Поэзия, вероятно, не может существовать без некоей грустно-лирической нотки, той, которую именуют есенинской грустью. Вероятно, не только мне, но и многим поклонникам поэзии близка и дорога такая ностальгия в творчестве русских поэтов, как золотого, так и серебряного веков. Её отголоски видны и в поэзии Эльвиры Поздней: *«Грёзы в детство моё серебрят лунный свет. / Мне тепла нужно самую малость... / Я жила в государстве, которого нет, / От него ничего не осталось... / Дайте билет, дайте билет / В город, которого нет...»*. По этому поводу стоит привести слова доктора гуманитарных наук Эяны Суодене из рецензии на сборник «Русский акцент»: «Лирическая героиня поэтического нарратива словно идентифицирует свою душу с душой России, словно говорит нам: «Я – Россия», и это относит нас к знаменитым строкам Александра Блока: «О, Русь моя! Жена моя!». Уверен, что вдумчивый ценитель поэзии заметит и ещё одну немаловажную особенность в поэзии Эльвиры Поздней – это её глубокая философская сущность: *«Мне хотелось свободы иной... / Не холопской, а искренне чистой. / Край литовский, янтарный, лучистый, / Кто же так подиутил над тобой?..»*. Философию жизни, так нередко говорят в обиходе, можно найти и во многих поэтических строках поэта: *«Неужто будет всё забыто, / И каждый будет позабыт? / Сейчас идёт другая битва – / За жирный и шикарнейший быт»* – сокрушается поэт о судьбе фронтовиков. Но особенно ярко глубинная философия выражена в стихотворении «Полёт», где проследживается нить памяти об отце – военном лётчике – с её детством, проведённом в военных лётных гарнизонах и уже с жизнью взрослой женщины: *«Вот натужно закрутится лопасть, / И команда звучит: – От винта! / Шаг ступил – и бездонная пропасть, / И летишь, неизвестно куда. // Рядом белое облако тает, / И свободен, как птицы, полёт. / Только крыльями плавно качает / Улетающий вдаль самолёт. // И несёт тебя вниз без оглядки, / И цепляешь рукой облака... / Словно с жизнью играешь ты в прятки, / И везёт в этой жизни... пока. // И не знаешь, что ждёт тебя завтра... / Проиграешься в доску, как шут – / Козырная не выпадет карта – / Не раскроется твой парашют... // Шаг ступил – и бездонная пропасть / Проглотила тебя в никуда... / Никогда не закрутится лопасть, / И не скажет никто: – От винта!..»*

Однако поэт и эссеист Эльвира Поздняя всегда отличалась своим оптимизмом, и всё её творчество проникнуто этим: *«В небе месяц молодой / Говорит Судьбе: – Постой. / Пожалею твои ножки, / Освещу тебе дорожки. / Ты росой слезу утрёшь / И серёжки соберёшь. / Утром день проснётся снова, / Станешь ты Судьбою новой»...*

Берега юбилеев

К 10-летию журнала «Аргмак»

Беседа Дианы Кан с Николаем Алешковым,

главным редактором литературного журнала
«Аргмак-Татарстан»

Кан Диана Елисеевна – известная российская поэтесса, автор книг: «Високосная весна», «Согдиана», «Бактрийский горизонт», «Подданная русских захолустий», «Междуречье», «Покуда говорю я о любви», «Обречённые на славу», «Звёзды окликают», а также многих публикаций в центральных и региональных изданиях России – всероссийских московских журналах. Окончила Московский госуниверситет им. М. В. Ломоносова и Высшие литературные курсы (ВЛК) Московского государственного литературного института им. Горького. Дважды лауреат всероссийской ежегодной премии журнала «Наши современники» по итогам года (номинация поэзии). Лауреат всероссийской премии «Традиция» за серию публикаций стихов о России высокого гражданского звучания. Лауреат всероссийской премии «Имперская культура» в номинации «Поэзия» за книгу стихов «Междуречье» (Москва). Лауреат Всероссийской литературной премии им. Святого благоверного князя Александра Невского в номинации «Особая премия – Служение России» (Санкт-Петербург). Лауреат Всероссийской Пушкинской премии «Капитанская дочка». Лауреат Международной литературной премии им. Марины Цветаевой (2016). Член Союза писателей России. Живёт и работает в Оренбурге.

Когда поэты, распри позабыв...

— Свой десятилетний юбилей отмечает литературный журнал «Аргмак», издаваемый в Татарстане на русском языке. Не скрою, это приятный повод поговорить с главным редактором — известным поэтом Николаем Алешковым: подвести некоторые итоги, проанализировать события и обстоятельства, так или иначе связанные с журналом, да и с самим литературным процессом в России-матушке.

Для меня оказалось большой честью стать членом редколлегии этого замечательного издания, о котором я слышала и слышу много самых уважительных отзывов от коллег-писателей и — куда как важнее — от читателей.

Многие говорят, что «Аргмак» едва ли не лучший среди региональных журналов России. Почивать на лаврах, пусть даже и заслуженных, и в юбилей негоже, но озвучить факт наличия лавров — не грех. В 2010 году журнал был признан как лучшая книга года в своей республике, а в 2013-м он стал серебряным призёром на международном литературном конкурсе в Берлине. Моё знакомство с «Аргмаком» началось с выпуска его первого номера, затем оно переросло в творческое сотрудничество, ставшее особым знаком причастности к общему делу. Как всё начиналось, с чем встречает своё десятилетие «Аргмак»? С этого вопроса, Николай Петрович, и хочется начать нашу беседу.

— Благодарю Вас за добрые слова, Диана Елисеевна! Ваше творчество в современной России стало заслуженно признанным, Вы — ученица великого Юрия Кузнецова. Это особая честь для журнала. Спасибо и за то, что Вы стали одним из самых верных моих помощников из членов редколлегии. Смеею полагать, что наши взгляды на литературный процесс в России во многом совпадают. Не беда, если не во всём.

Редакторское поприще мне знакомо ещё по газетной работе. В 1998 году мне удалось выпускать ежемесячную литературную «толстушку» (24 полосы третьего формата) со знаковым для того времени названием «Звезда полей». Финансировать издание согласился набережно-челнинский бизнесмен Ринат Багдалов, которому я и сегодня благодарен за этот старт. Уже тогда мы объявили, что издание будет не челнинским, не татарстанским, а общероссийским. Существовали полгода, выпустили шесть номеров. А потом огромной стране, поменявшей коммунистическую идеологию на рыночную, пришлось испытать финансовый кризис, или дефолт, названный в честь тогдашнего премьер-министра кириенковским. Ринат Харисович, мой искренний благодетель, развёл руками — извини, в этих условиях самому бы выжить...

«Аргмак», по сути дела, — продолжение того самого проекта, начатого со «Звезды полей». В смутную эпоху наступившего раздора, парада суверенитетов, уничтожения уникального и мощного сообщества под названием «Союз писателей СССР» это была попытка наряду с другими отчаянными коллегами объединить талантливых литераторов, живущих не только рядом с тобой, но и на огромных пространствах от Калининграда до Владивостока, сохранив тем самым читательское пространство хотя бы под обложкой одного из журналов. Сегодня мне не стыдно за каждый из тридцати «Аргмаков», выпущенных на издательский ипподром. Согласитесь, это держит на плаву? Исхожу из того, что литературных журналов ныне (и столичных, и региональных) издаётся немало, а свой я смею числить в первой десятке...

Мы живём в эпоху парадоксов. Критики пишут о литературном безвременье. Россия якобы перестала быть самой читающей страной, а литература перестала быть государственным делом. Власть полюбила спорт, но оказалась равнодушной к современной словесности. Футболисты становятся миллиардерами, а поэты уходят из жизни нищими и незамеченными. Преференции получают только те литераторы, которые ездят по международным книжным ярмаркам за государственный (то есть, за наш с вами) счёт. Они же по странному стечению обстоятельств нередко оказываются в оппозиции к власти. А те, которые невыездные (абсолютное большинство), называют выездных кремлёвским союзом писателей.

Да, новые отношения в обществе диктуют новые условия. Кто платит, тот и музыку заказывает. Но может ли в этих условиях выжить подлинная литература, исторически считавшаяся в нашем Отечестве едва ли не самым приоритетным видом искусства? Тимур Зулфикаров, которого называют дервишем современной восточной поэзии, на вопрос, как должна относиться литература к рынку, ответил однажды в «Литературной газете» исчерпывающе: примерно так же, как порядочная женщина должна относиться к публичному дому. Россия же вопреки всему упрямо продолжает являть на свет всё новых и новых стихотворцев и романистов. Самых разных. Зачем-то ей это надо. «Россия пишет стихи и прозу //Как никогда ещё не писала!» — в этих строках поэта Станислава Золотцева есть что-то сакральное, а написал он их перед своей кончиной в 2008 году...

Журналу «Аргмак» повезло на настоящего правителя-государственника. Им оказался первый президент республики Татарстан Минтимер Шарипович Шаймиев. Именно он распорядился десять лет назад о выпуске русского литературного журнала в нашей республике. Он сделал это, болея, в том числе, за свою родную — татарскую — литературу, которая может существовать и развиваться в России только наравне с русской. И дело не только в том, что без хороших переводов произведений современных национальных писателей на русский язык не обойтись. Шаймиев осознаёт, что не менее сорока процентов населения Татарстана — русские, а все сто процентов общаются между собой на государственном и общенациональном русском языке, и все жители Татарстана платят налоги, а вместе мы уже не население, а народ. Также, к счастью, считает и Рустам Нургалиевич Минниханов, нынешний президент республики, пару лет назад заступивший за «Аргмак». Тогда журнал не в первый уже раз хотели закрыть некоторые ретивые чиновники, чей кругозор более узок, чем у республиканских лидеров. Правда, ныне журнал выходит только два раза в год, а не четыре, как было при Шаймиеве, но мы смеем надеяться, что это дело поправимое.

А неплодотворным я считаю поведение не Казанского, а Московского Кремля, остающегося равнодушным к литературному процессу вообще и к судьбе литературных журналов, в частности. Литературное пространство огромной страны разорвано на куски, творческие союзы (ныне их не менее десятка), низведены до уровня общественных организаций, но и среди них прав имеют меньше, чем общество некоторых редких животных, например. Чиновники и депутаты перестали считать литера-

турное дело профессией. До сих пор нет закона о статусе писателя, художника, музыканта. Творческий стаж не учитывается при оформлении пенсии. Эти проблемы общеизвестны уже четверть века, а воз и ныне там. Вопрос — почему — остаётся без ответа. А надо-то, может быть, всего ничего. Если бы Владимир Владимирович Путин хоть однажды официально заявил, что литературу необходимо ввести в число национальных проектов, поскольку (повторюсь) это дело государственной важности, все губернаторы и лидеры национальных республик стали бы открывать региональные издательства и оказывать поддержку журналам. Некоторые, к счастью, делают это и сейчас. Но не благодаря Москве, а вопреки.

— *Читатели знают, что «Аргмак» финансируется из республиканского бюджета, как и татарские журналы. Но ведь Вы сами помянули — кто платит, тот и музыку заказывает. Литература была и остаётся основным рычагом воздействия на умы. Не музыка, не пение, не танцы. Идеология — это в первую очередь литература. Не мешает ли бюджетное финансирование говорить правду? Должен ли редактор во имя спасения журнала находить с властью компромисс?*

— Вы не заметили, Диана Елисеевна, что споры о свободе слова, о независимости СМИ, бушевавшие в начале нулевых, как-то попричихли? Назовите мне хоть одно некоммерческое издание, независимое от источников финансирования? Я, например, не знаю таких. Да и что такое ныне идеология, в чём она? Идеологию, как нечто вредное, в тех же нулевых отменил Виталий Коротич в журнале «Огонёк», ставшем рупором новоявленных демократов. Образовалась пустота, которую речистые политологи пытаются заполнить теледебатами о необходимости национальной идеи, как будто никогда ранее этой идеи у России не существовало. Уместно это или нет, но я выскажусь на данную тему своим восьмистишием:

За свободу слова все мы сдуру
 Бились, закусивши удила.
 Но за толерантностью цензура
 К нам неукоснительно пришла.
 И теперь цензура вне закона,
 Будь хоть патриот, хоть либерал.
 Правила обком из Вашингтона
 Через интернет надиктовал.

Ныне за попытку освободиться от этого диктата нас пытаются задавить санкциями. Но мы, слава Богу, сопротивляемся. Пора обществу возвращаться к собственным, а не навязываемым чужим ценностям. Недурно бы и писателю проникнуться этой мыслью.

А теперь попытаюсь продолжить рассуждения о своих взаимоотношениях с властью нашей республики. Вы, конечно, понимаете: отвечать на добро взаимностью и «прогибаться» — это разные вещи. Особая приближённость к власти опасна для писателя. Меня иногда называют личностью поперечной. Я никогда не был в КПСС, не состою ни в одной из нынешних партий, не стремлюсь в депутаты или в госслужащие, но считаю себя гражданином Татарстана, в котором родился и вырос. И как гражданин совершенно искренне уважаю Минтимера Шариповича Шаймиева за всё, что он сделал и делает в нашей республике, оставаясь после своего президентского срока государственным советником. Благодаря его огромному авторитету, благодаря его усилиям создан фонд «Возрождение», осуществивший комплексный проект «Древний город Болгар и остров-град Свияжск». Целью проекта стало сохранение и восстановление двух национальных святынь: родины ислама на нашей земле и оплота православия, установленного на Волге в непростую эпоху завоевания Казани Иоанном Грозным. Ныне государственный музейзаповедник «Болгар», а также Успенский собор островаграда Свияжск включены комитетом ЮНЕСКО в список всемирного наследия. Тысячи и тысячи туристов ежегодно посещают и Болгар, и остров. А главное — великое дело, затеянное и осуществлённое Шаймиевым, стало символом межнационального согласия в Татарстане. Разве мы могли остаться в стороне? «Аргмак» из номера в номер рассказывал об этом, выражая чаяния всего народа Татарстана. В начале нынешнего года стало известно, что Шаймиев выступил с новой инициативой — в области преподавания языков. Суть предложения — начиная с детского сада обучать ребёнка родному татарскому, государственному русскому и международному английскому

одновременно. Оцените, сколько проблем это сразу снимает! И этических, и этнических. Особенно для молодёжи. Журналу «Аргмак» это очень интересно — будем следить за процессом. Вижу в этом, если хотите, свой долг. Во всём остальном никакого диктата (что печатать, что не печатать) не испытываю.

— *«Аргмак» выходит в республике Татарстан, где региональный аспект дифференциации авторов по принципу «свои-чужие» осложнён ещё и национальной составляющей. То есть баланс сохранять надо в Вашем случае с ювелирной точностью. Как Вам удаётся эта система географических сдержек и творческих противовесов?*

— Сдержки и противовесы оказываются ненужными, если следовать золотому правилу — публиковать качественные художественные тексты. О неместечковости «Аргмака» я уже сказал в начале беседы. Скажу и о том, что наши коллеги, пишущие на родном татарском языке, такие же авторы «Аргмака», как и пишущие на родном русском. По-другому в многонациональной России никогда не было и, надеюсь, не будет. Национальные литературы — богатство России. Школа художественного перевода на русский язык всегда была общим достоянием. Ныне и она, к сожалению, разваливается, но «Аргмак», как и другие литературные журналы, публиковал и будет публиковать достойные по качеству переводы наших татарских (а при случае чувашских, марийских, мордовских, удмуртских) писателей. Повторюсь, я вырос в Татарстане. И всегда помню гениальную есенинскую строку: «Затерялась Русь в мордве и чуди». Это — про нас. Русский мир настоян на тысячелетней ассимиляции.

— *Николай Петрович, в нашей беседе нельзя обойти вниманием и тот факт, что нынешний юбилей как бы двойной: 10 лет «Аргмаку» и 20 лет Татарстанскому отделению Союза российских писателей, председателем которого опять-таки являетесь Вы. Связка журнала и регионального отделения СРП оказалась нерасторжимой. Если республиканский медиахолдинг «Татмедиа» зарегистрирован как учредитель журнала «Аргмак. Татарстан», то ТО СРП является его издателем. А я, как Вы знаете, была и остаюсь в составе другого творческого союза — Союза писателей России. Вы (это общеизвестно) публикуете и тех, и других. Да и мы с Вами дружим, несмотря на некоторые разногласия между нашими двумя самыми крупными писательскими сообществами...*

— Вы, Диана, уже опередили меня, сказав, что «Аргмак» публикует и тех, и этих (был бы текст хорош). Также поступают другие издания российской провинции, с которыми «Аргмак» дружит, а не конфликтует. Я с удовольствием назову альманахи Союза российских писателей «Лёд и пламень» и «Паровоз» (Москва), «Под часами» (Смоленск), ваш журнал «Гостиный двор» (Оренбург), пензенскую «Суру», йошкарлинскую «Литеру», саратовскую «Волгу XXI век», иркутскую «Сибирь», калининградские «Берега», воронежский «Подъём» (один из старейших). Возобновились тёплые отношения со знаменитым московским журналом «Молодая гвардия», ибо его главный редактор Валерий Хатюшин в молодости «правил перо» вместе со мной в легендарном литературном объединении «Орфей» (Набережные Челны, КаМАЗ, семидесятые годы прошлого столетия).

— *Николай Петрович, каков Ваш взгляд на будущее развитие художественной литературы в России — и как редактора, и как активно публикующегося поэта — оптимистический или пессимистический?*

— От прогнозов воздержусь, ибо не только Россия, но и весь мир замер в тревожных предчувствиях. До светлых дней, когда кроме частных появятся государственные или общественные издательства, поддерживаемые бюджетом, когда возобновятся на былом уровне книготорговля и библиотечное дело, когда писатели будут получать за свой труд достойное вознаграждение, я, пожалуй, не доживу — мне уже 74. Но — хочется надеяться, что это случится. Я даже наивно верю, что мои стихи когданибудь будут переиздаваться достойными тиражами, так как помню тиражи двух своих первых тоненьких книжек: 8000 экземпляров и 15000 экземпляров (сравните с нынешними 1000 или 500). Что любопытно, обе книжки были раскуплены в течение месяца (первая выпущена в 1983 году, вторая через пять лет). То есть спрос на них был без моего личного участия — хорошо работала отлаженная система. Не сомневаюсь, что есть спрос на наши книги и сейчас. Только продавать их должны не сами поэты, а профессионалы торгового дела, неравнодушные к литературе.

Стихи, ей-богу удаются
И душу радуют мою.
Стихи всё реже издаются,
Стихи совсем не продаются,
«Поэтам деньги не даются».
Как соловей — за «так» пою.
Да! Божий дар всего дороже,
И я внимать ему готов.
Лишь об одном молю: «О, Боже,
Избавь поэта от долгов».

Проблема не в нас. В России сегодня отсутствует организация литературного дела. В Советском Союзе она была. И писатель был социально защищён. Не только за книги, за каждую публикацию (даже в районной газете) платились гонорары. При отделениях Союза писателей работали бюро пропаганды художественной литературы, заключавшие договоры с профсоюзами. По путёвкам бюро мы выступали на предприятиях, на стройках, в рабочих общежитиях, в сельских клубах, и каждый получал за выступление по 18 надёжных советских рублей. Оттого и книги не залеживались. Я был принят в СП СССР в 1984 году. На следующий год мне была предоставлена творческая командировка на Дальний Восток. Оказалось, что в Хабаровском крае, на берегу Амура есть село Елабуга с крупным рыболовецким совхозом, а в 18 километрах от Елабуги есть село Челны. Таким образом, я встретил там своих земляков, переселившихся сюда из Нижнего Прикамья ещё в эпоху столыпинских реформ, и написал о них очерк. Для государства такое сотрудничество было само собой разумеющимся. И вдобавок — моё литературное поколение помнит, что Союз писателей СССР был не только творческой, но и мощной хозяйственной структурой, существовавшей отнюдь не на подачки государства — если они и были, то смею предположить, что не превышали нынешних. Не пора ли вспомнить об этом?

— У каждого литературного журнала есть собственные принципы, исходящие из вкусов редактора и редколлегии. По-моему, заметны они и у журнала «Аргмак». Что скажете по этому поводу?

— У моего друга — поэта Юрия Кучумова есть такие строки: «Я не за красных, не за белых, Я просто рядом тут живу». Я с ним согласен в самом широком смысле. На мой взгляд, хватит ориентироваться на коммунизм, социализм, тем более, на не оправдавший себя демократический централизм — глобализм американского пошиба. Пора строить российское общество здравого смысла, иначе пропадём.

Извините, что чуть отвлёкся. Я уже не раз писал о предпочтениях журнала «Аргмак». В гражданском смысле они исходят из интересов Отечества. А при отборе материалов главное — качество художественного текста и неприятие дурного вкуса. Меня почему-то считают замшелым традиционалистом. А я всегда с надеждой читаю экспериментальные стихи и прозу — вдруг мелькнёт что-то подлинное. Дурным вкусом же считаю, когда книгу стихов называют, например, «Вишнёвый сайт», потому что ничего кроме издёвки над классикой в этом названии не вижу. Как и в самих стихах, в которых, кроме цинизма и жажды самоутверждения, тоже ничего не вижу. От разбора конкретных произведений тех или иных авторов нашего журнала давайте воздержимся. Всё, что опубликовано в «Аргмаке» — читайте, делайте выводы.

— Не сомневаюсь, Николай Петрович, что читать Вам как редактору приходится очень много. Не только авторов-аргмаковцев, но и коллег-современников, без этого не обойтись. Каковы Ваши предпочтения в текущем литературном процессе? Какие имена вызывают надежды?

— Из журналов — знакомлюсь со всеми, которые перечислил выше. Предпочтительнее других — «Наш современник», подписчиком которого являюсь более сорока лет. Почти все любимые авторы, на коих в той или иной степени складывались мои вкусы и моё мировоззрение (Рубцов, Шукшин, Юрий Кузнецов, Астафьев, Белов, Распутин, Кожинов, Селезнёв) — оттуда. «НС» открывает и авторов, за которыми, на мой взгляд, будущее русской литературы. Диана Елисеевна, это, конечно, и Вы сами, как автор и лауреат того же журнала, в подтверждение чему в нашем юбилейном номере публикуется отклик на Ваши стихи Эдуарда Анашкина, напечатанный ранее как раз в «Нашем современнике». Назову и поэта из Смоленска Владимира Макаренко, своего коллегу по

сопредседательству в региональном отделении Союза российских писателей. Огромный интерес у меня не только как у читателя, но и как у редактора вызывают новые русские реалисты: иркутянин Андрей Антипин, москвичка Елена Тулушева. Это уже поколение, следующее за Вами. В числе этого поколения Ваша ученица Карина Сейдаметова, возглавляющая теперь в «НС» отдел поэзии, и поэтесса Елизавета Мартынова, главный редактор журнала «Волга XXI век» — обе они уже публиковались в нашем «Аргамак», и сотрудничество с ними, я надеюсь, будет продолжаться.

Конечно, не могу не назвать поэтов своего, теперь уже уходящего — военного и послевоенного — поколения. Некоторые из нас — ровесники Великой Победы, это мои одноклассники Владимир Скиф (Иркутск) и Хайдар Бедретдинов (Москва), дождавшиеся с фронта своих отцов, а также Разиль Валеев (Казань), родившийся в 1947 году, и тот же Валерий Хатюшин, отпраздновавший осенью прошлого года семидесятилетие. Ребята чуть постарше нас — это Николай Рачков (Ленинградская область) и Геннадий Морозов (Касимов, Рязанской области) — своих отцов не дождался, вслед за Юрием Кузнецовым познали безотцовщину. «В пятидесятых рождены» (в первых словах этого предложения — название одной из книг покойного и всеми любимого Коли Дмитриева) и, слава Богу, ныне здравствующие Евгений Семичев (Самарская область), Юрий Перминов (Новосибирск), Александр Нестругин (Воронеж). Таков мой личный список близких по духу участников современного литературного процесса в России. По художественному уровню он не уступает прикормленным «амбивалентным» авторам, а, на мой взгляд, превосходит их.

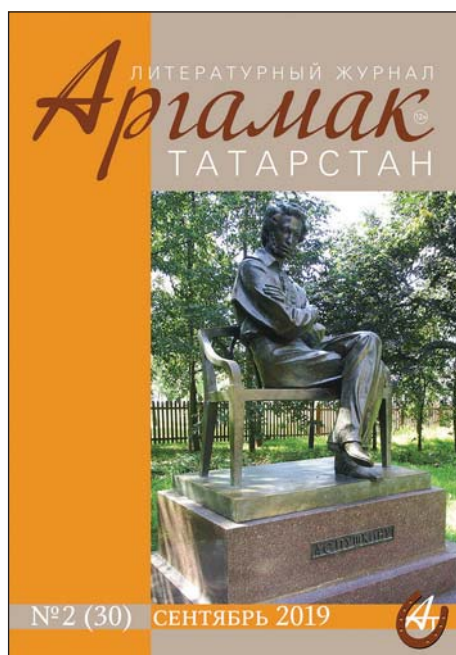
Дальнейшее развитие отечественной словесности невозможно без сохранения традиции. Моё поколение ещё помнит, что оно выросло на хорошо удобренной почве. Почти у каждого из нас были бескорыстные наставники. Для меня лично это Николай Беляев и Рустем Кутуй, а также голосовавшие за меня в 1984 году при приёме в Союз писателей татарские классики Хасан Туфан и Гариф Ахунов. В числе моих друзей и верных помощников при выпуске «Звезды полей», а затем и «Аргамака» были и остаются в сердце и в памяти казанец Виль Мустафин и его ровесник, поэт из города Орла Николай Перовский. Их объединяла помимо поэзии и похожая судьба. Оба они — сыновья «врагов народа». Их отцы были репрессированы и расстреляны. Помимо мастерства и ремесла тот и другой являли пример, как при любых обстоятельствах оставаться поэтом и порядочным человеком.

Все они — живые и мёртвые — остаются опорой. А о собственном «месте в рабочем строю», тем более, о регалиях думать не хочется. В одном из стихотворений мною написано так:

...А слава что? А слава — дым.
Оставь-ка рейтинги другим —
Быть модным некрасиво.

Ищи себя в черновиках
И в недописанных стихах —
Да будет поиск сладок!
И продолжай пером водить,
А перед тем, как уходить,
Всё приведи в порядок.

— Благодарю за беседу, Николай Петрович! В завершение хочется выразить надежду, что «Аргамак» продолжит свой победный бег на издательском ипподроме не два, а четыре раза в год, а разнообразные писательские сообщества когданибудь снова объединятся в единый творческий Союз, ибо такая необходимость назрела.

Алла Новикова-Строганова

Доктор филологических наук, профессор, историк литературы, продолжатель традиций православного литературоведения, член Союза писателей России (Московское отделение). Автор четырёх монографий и свыше 500 опубликованных в России и за рубежом научных и художественно-публицистических работ о творчестве классиков мировой литературы. За книгу «Христианский мир И.С. Тургенева» (издательство «Зёрна-Слово», 2015) удостоена Золотого Диплома VI Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь». Удостоена награды «Бронзовый Витязь» на VII Международном Славянском Литературном форуме «Золотой Витязь» (октябрь, 2016) за статьи-исследования творчества Ф.М. Достоевского. Лауреат премии журнала «Зарубежные записки» за 2014 год в номинации «Эссе. Литературная критика». Лауреат премии журнала «Наш современник» за 2018 год в номинации «Литературная критика. Литературоведение»

В пламени Божественной любви...

В год 220-летия А.С. Пушкина

*Я одарю тебя молитвами души <...>
Молитвами любви, смирения и мира¹*

А.С. Пушкин

Поэтический гений Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) был явлен миру как истинное чудо. «Наш поэт представляет собою нечто почти даже чудесное, неслыханное и невиданное до него нигде и ни у кого», «ни в каком поэте целого мира такого явления не повторилось»², – справедливо утверждал христианский писатель-пророк Ф.М. Достоевский.

Сам Пушкин воспринимал ниспосланный ему талант не только как дар, но и как задание свыше – нести человечеству проповедь Божественной истины:

И Бога глас ко мне возвал:

«Восстань, пророк, и виждь, и внемли,

Исполнись волею моей,

И, обходя моря и земли,

Глаголом жги сердца людей» (2, 149–150).

Стихи словно объаты Божественным пламенем горения духовного. Сердце поэта-пророка – это «угль, пылающий огнём», в согласии с апостольским призывом: «Духом пламенейте; Господу служите» (Рим. 12:11). Неслучайно «Пророк» явился духовным ядром пушкинского творчества как служения пророческого, вместившего «в себе идею всечеловеческого единения, братской любви» (14, 419).

«Велик и свят был жребий твой!..», – восклицал о Пушкине Ф.И. Тютчев. Он же выразил задушевную мысль, излившуюся из самого сердца России:

Тебя ж, как первую любовь,

России сердце не забудет!..

¹ Пушкин А.С. Собр. соч.: В 10 т. – М.: ГИХЛ, 1959–1962. – Т. 3. – С. 268. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

² Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1880 // Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. – Л.: Наука, 1988–1996. – Т. 14. – С. 436, 438. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте с указанием тома и страницы.

Последующие поколения русских писателей и читателей, «*благоговевя богомольно перед святыней красоты*» (если говорить пушкинскими же стихами), в надежде вдохновения и творческого озарения припадали к родникам литературного наследия поэта. Неразделимый с Родиной проникновенный лирик С.А. Есенин писал, что Пушкин «*русской стал судьбой*». Поразительный есенинский образ соединил величайшего поэта России с главным христианским Таинством:

*А я стою, как пред Причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

В торжественном венке, сплетённом «*дивному гению*», сверкает множество драгоценных жемчужин – художественно-поэтических образов, восторженных слов признательности, изумления, восхищения, благодарности. И в то же время – скорби о ранней трагической гибели великого Поэта России, разделившего участь других убиенных русских поэтов-пророков.

Об их общей судьбе, предчувствуя собственную скорую гибель, писал современный поэт Николай Мельников, убитый при невыясненных обстоятельствах вблизи Оптиной Пустыни:

*На мне стоит клеймо поэта,
А у поэта на Руси –
Так довелось – недолги лета.
Мне тридцать. Господи, спаси!*

Во все времена власть предрержавшим было ненавистно талантливое честное слово русских писателей и поэтов. «*Свободы, гения и славы палачи*» избавляются от неугодных самыми изощренными способами.

При этом в каждой любящей Пушкина душе утешительным упованием отзываются строки его заповеди о жизни вечной:

*Нет, весь я не умру – душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит (2, 460)*

Как послушание Богу сформулировал поэт программу своего творчества: «*Веленью Божию, о муза, будь послушна...*» (2, 460) Покорный «*веленью Божию*», создавал Пушкин нетленные типы и образы своих чудесных сказок, поэм, повестей, «*Маленьких трагедий*», драмы «*Борис Годунов*», романа в стихах «*Евгений Онегин*», всей своей многогранной, сверкающей алмазной россыпью лирики: пейзажной, любовной, элегической, анакреонтической, патриотической, вольнолюбивой, философской, религиозно-мистической, молитвенной... И «*тут целое основание, тут нечто незыблемое и неразрушимое. Тут соприкосновение с родиной, с родным народом, с его святынею*», «*свидетельство того мощного духа народной жизни, который может выделять из себя образы такой неоспоримой правды*» (14, 434–435).

Ниспосланная величайшему русскому поэту «*та особая характернейшая и не встречаемая кроме него нигде и ни у кого черта художественного гения – способность всемирной отзывчивости*», способность «*любить человечество и носить в себе всеединящую душу*» (14, 418–420) сотворила это дивное чудо пушкинского творчества. Во всякой человеческой душе, прикоснувшейся к нему, находит оно свой благодатный отклик. Вот почему каждый с полным основанием может сказать: «*Мой Пушкин*». Вчитываясь в него, важно сердцем найти самое для себя сокровенное – то, что выбирает душа.

Мой Пушкин – это прежде всего великий «*духовный труженик*», томимый «*духовной жаждою*», стремящийся «*сердцем возлетать во области заочны*»:

*Дабы скорей узреть – оставя те места,
Спасенья верный путь и тесные врата (2, 442)*

Это пламенеющий духом, рождённый «*для вдохновенья, для звуков сладких и молитв*» поэт-молитвенник:

*Молитесь – да взыдет к Небесам
Усердная молитва православных (4, 210)*

«*Пробудясь, Господню волю Сердцем он уразумел*», и это дало возможность создать настоящие духовные сокровища русской литературы.

Таковы «*Отцы пустынники и жены непорочны...*» – не просто поэтическое переложение великопостной молитвы преподобного Ефрема Сирина, но подлинное молитвотворчество. Всем сердцем обращаясь ко Господу, с покаянным смирением испрашивает Пушкин благодатных душеспасительных даров:

*Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи* (2, 456)

Как учил преподобный Максим Исповедник, «у человека два крыла, чтобы взлетать к Богу: свобода и благодать». Пушкин прославлял истинную свободу в Боге как одну из главных ценностей бытия. Он мечтал о ней, «как узник, из тюрьмы замысливший побег» (2, 441). Невольником Пушкин ощущал себя не только в ссылках, куда власти изгоняли его за «свободный, смелый дар». Чувство подневольного, рабского положения, отведенного гениальному художнику в «*стране рабов, стране господ*», всегда угнетало поэта:

*Давно завидная мечтается мне доля –
Давно, усталый раб, замыслил я побег
В обитель дальнюю трудов и чистых нег* (2, 387)

Свободе посвящён маленький шедевр пушкинской лирики «*Птичка*» – крохотное и трепетное, словно певчая птичка, стихотворение, созданное на «чужбине», во время южной ссылки:

*В чужбине свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При светлом празднике весны.*

*Я стал доступен утешенью;
За что на Бога мне роптать,
Когда хоть одному творенью
Я мог свободу даровать!* (2, 7)

Это поистине универсальное творение, которое воспринимается разумом и чувством и в самом малом возрасте, и в юности, и в зрелости, и в глубокой старости. Стихи написаны в связи с умиляющим сердце русским народным обычаем на Благовещение и Пасху выпускать из клеток перезимовавших в домах певчих птиц: «Знаете ли вы трогательный обычай русского мужика в Светлое Воскресение выпускать на волю птичку? Вот вам стихи на это» (9, 66), – писал Н.И. Гнедичу Пушкин. Благоую весть, пасхальную радость воплощает отпущенная в небеса поющая вольная птица. Слышатся в стихах Пушкина и великая вера, и надежда, и любовь. Но любовь, по слову апостола, «из них больше» (1Кор.13:13). Согласно толкованию преподобного Максима Исповедника, «Вера и надежда имеют предел: любовь же, соединяясь с пребесконечным и всегда возрастающая, пребывает в бесконечные веки».

Пушкину в его прозрениях и предчувствиях, несомненно, были приоткрыты духовные тайны «*жизни будущего века*», Царствия Небесного. Поэт прямо говорил о действии Божьего Промысла в своей судьбе:

*Но здесь меня таинственным щитом
Святое Провиденье осенило,
Поэзия как Ангел утешитель
Спасла меня, и я воскрес душой* (2, 746)

За два года до гибели у Пушкина сложились удивительные, таинственные стихи:

*Чудный сон мне Бог послал –
С длинной белой бородой
В белой ризе предо мною
Старец некий предстоял
И меня благословлял.*

Он сказал мне: «Будь покоен,
Скоро, скоро удостоен
Будешь Царствия Небес.
Скоро странствию земному
Твоему придёт конец.
Уж готовит ангел смерти
Для тебя святой венец... (2, 634)

Загадочное видение из иного мира отзывается в замирающей душе отрадой, благой вестью: «сон отрадный, благовещный». Но лирический герой, сознавая земность падшей человеческой природы, искажённой первородным грехом, не может в то же время не испытать смущённого замешательства, разноречивых чувств:

Сердце жадное не смеет
И поверить и не верить.
Ах, ужели в самом деле
Близок я к моей кончине?
И страшуся и надеюсь,
Казни вечныя страшуся,
Милосердия надеюсь:
Успокой меня, Творец (2, 635)

Всё в Божьей власти и Божьей воле. Отходивший ко Господу Александр Сергеевич Пушкин, по свидетельству В.И. Даля, внятно произнёс: «Ну, подымай же меня, пойдём, да выше, выше, ну, пойдём»¹. Душа его начала восхождение. Поэт удостоился святого венца и Небесного Царствия по беспредельному милосердию Божию. Он пребывает в вечной гармонии и бесконечной любви Божией. Но нет на земном языке слов, чтобы выразить то, что непостижимо человеческим разумом. Ибо, как благовествовал апостол Павел, «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его. А нам Бог открыл это Духом Своим» (1 Кор. 2, 9–10). Человеку остаётся только уповать на волю Божию – святую, благую, совершенную.

«Да будет воля Твоя», – это прошение ежедневно повторяют христиане в молитве Господней «Отче наш...», испрашивая того, что душеполезно, спасительно, богоугодно, неподвластно человеческому уму. Отказом от самоволия и покорным приятием воли Божией завершает Пушкин своё стихотворение – в полном созвучии с молитвой Господней:

Но Твоя да будет воля,
Не моя (2,635)

Поэт осознал и прочувствовал это «своим глубоко прозорливым и гениальным умом и чисто русским сердцем» (14, 416). И он же, по мысли Достоевского, «дал и великую надежду, <...> что русское общество может быть излечено, может вновь обновиться и воскреснуть» (14, 417). Пушкинское творчество, как и вся русская классическая литература, подобно православному Символу веры, проникнута христианским пасхальным упованием на воскресение «мёртвых душ»: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века».

¹ Записки доктора В.И. Даля // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – Пг., 1916. – Вып. 25–27. – С. 68.

Критика

Александр Лобанов

Александр Александрович Лобанов родился 7 октября 1954 года. Жил с родителями в Донецке. В 1972 году поступил в медицинский институт, а после четвёртого курса перевёлся на военно-медицинский факультет в Куйбышев (Самара), связав таким образом жизнь со службой в армии в качестве военного врача. Полковник в отставке. Ветеран боевых действий. Прошёл Приднестровье, Чечню. Член Союза приднестровских писателей, а также Союза писателей России. Повести и рассказы неоднократно публиковались в «Нашем современнике», «Российском писателе». Постоянный автор альманаха «Подвиг», на страницах которого вышли в свет романы «Крутой этап», «Приднестровец», «Будем жить», «Шайтан», «Снежная королева». Первый сборник повестей и рассказов «Последний бой» был выпущен

Агентством по печати и массовым коммуникациям Республики Коми в 2010 году, там же в 2014 году вышла книга Александра Лобанова «Небесные колокольчики». Живёт в Сыктывкаре

Живу, пишу не для похвал!

На эссе Владимира Подлuzского «На дне нового «Тихого Дона» (Берега 4 (34)-2019)

«Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, что оно управляется непосредственно самим Господом Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно вообще существует» (фельдмаршал Миних). Господь одарил своё верноподданное, любимое детище великим даром – уникальной речью, наиболее генетически сходной с языком самой матушки природы. Бесценное богатство – русская речь. Народ, в котором она живёт, воистину велик.

Владимир Всеволодович своим талантливым эссе в который раз напомнил нам об этом, призвав ещё тесней сплотиться в православном сообществе, как единственно способном обеспечить дальнейшее существование цивилизации разумно мыслящего человека. А значит, и планеты, для сего существования предоставленной Господом. Мы, русский мир, и Земля – единый живой организм. Мы говорим, в принципе, на едином наречии, земном.

Сие уже доказано учёным светом. Если упрощённо, выглядит это так. Любое материальное состоит из молекул. Молекулы из атомов, атомы из... В конечном итоге всё из чего-то состоит. Материалистические учения, физика, к примеру, упираются в последнюю точку своего мировоззрения, находящуюся на пике их научных изысканий: ведь то, из чего всё состоит, само должно из чего-то состоять! И тут маститые мужи вдруг замечают, что над вершинами самых высоких гор естественной науки сияют недосыгаемые звёзды, иные миры, иные мировоззрения. И ни одного учёного собрата. Разве что простые русские люди душами витают и всё знают.

Материя постепенно уступает понятию волна. Субстанция, что, в принципе, тоже есть материя, но уже иного толка. Духовного! И, о Боже, вот они, носители сего – поэты, художники, писатели, композиторы. Интересный факт: выдающиеся учёные, акцентирую – выдающиеся! – практически все либо литераторы, либо живописцы, песенники, музыканты. Талантливый человек талантлив во всём. Так вот, современная наука, честь и хвала её неумолимому воинству, в процессе разрешения неразрешимых загадок шагнула за пределы материалистического. Туда, где интуитивные процессы обретают системные формы. Генетика, нанотехнологии... А ещё Владимир Всеволодович открыто намекает, это русские сказки... Не только он, Пушкин, Толстой, Ершов, Носов, Олеша, Погорельский, Чуковский, Бажов, Ершов, Маршак, Волков, Мамин-Сибиряк и многие другие.

Сказки – исторические коды генетической мудрости русского слова. Современная наука сие утверждение перепроверила. Оказалось, волновые характеристики молекул видимого материального мира во многом сходны с характеристиками, в частности, с частотными, русской речи. Особенно ярко данное открытие демонстрируется на примере молекул ДНК, из которых состоит всё живое. Теперь остаётся представить, какую миссию исполняет русский народ в целом и русские литераторы в частности. Какая на них лежит ответственность перед Космосом, перед Богом. Насытить литературное произведение мудростью русской сказки. Ох, не простое дело!

Земля... Взгляните на неё, матушку, из космоса. Тело (горы и равнины), кровеносные сосуды (реки, озёра, моря), лёгкие (рощи, парки, леса, тайга, которую нынешние человеконенавистники пытаются сжечь), желудок (Америка), печень (Европа), кишечник (Африка, Австралия) и сердце (Россия). Одно без другого существовать не может. Отчего же гомосапиенс пытается доказать обратное? С тупой постоянностью. Не потому ли, что большинству его представителей не хватает живительного православного глагола?

Любовь земная, кровь земная... Ручьи, журчащие в дубравах... И реки, вдоволь волшебства исполненные всюду... Владимир Подлузский прозорливо выводит аналогию между могуществом артерий-рек и силой таланта рождённых на их берегах писателей. На Руси издревле к рекам относились трепетно, обрядно, свято. Бросали с бережка камешки, чтоб дну крепости придать, чтоб мути меньше. В них купались, одежду стирали, но никогда не скидывали мусор, не плевали, не оскверняли. Перловки-беззубки, поедая хитиновые останки падающих перепончатокрылых, рыбьей чешуи, очищали придонный слой, вырабатывая великолепный перламутр. Отчего реки по ночам излучались необыкновенным свечением. Теперь, увы...

Так и литература. Богатейшее наследие, и... угасание перламутрового блеска. «...Зевая, за перо взялся. Хотел писать. Но труд упорный ему был тошен. Ничего не вышло из-под пера его...». Пушкин сей прозор сквозь призму двух столетий списал с нашего сегодняшнего настоящего. Кишащего националистическими, в основном, русофобскими припадками, на фоне абсолютного безразличия к судьбе русской литературы власть предрержащего меньшинства, неприкрыто считающего литературский цех своевольным, метельным, враждебным, даже опасным для самоуверенного их министерского благополучия. Поскольку душа поэта запретам не подвластна, и слово вещее в узилище не утаишь. Глаголом жечь всегда писателю под силу! Чиновнику сие тревожно. Не может государство определять развитие культуры. Художники, артисты, поэты, писатели, но – не чиновники!

От хладного разврата света нам не остыть бы, господа! Дон-батюшка, Волга-матушка, сестрицы Лена, Обь и братцы Енисей, Иртыш, Тобол, а уж славное море священный Байкал... О-о-о... Силищи-то у нас ещё сколько! Чуете? Русским духом как благоухает! Добролепно, богоугодно. Будь славен, «цех задорный людей, о коих не сужу, затем что к ним принадлежу»!

Русский мир без границ

Берега Литвы

Эльвира Поздняя

Родилась в России, в Приморском крае. Живёт в Вильнюсе (Литва). Член Международной ассоциации писателей и публицистов (МАПП). Главный редактор Международного литературно-публицистического альманаха «Ступени», который в 2018-м году удостоен звания «Золотой лауреат» Национальной литературной премии «Золотое перо Руси» в номинации «Издание» (Москва). Лауреат и дипломант литературных конкурсов. Обладатель диплома Михаила Ножкина с присвоением премии и звания «Серебряное перо Руси». Награждена: Дипломом Департамента по делам национальных меньшинств при Правительстве Литовской республики «За активное творчество, обогащающее наследие русской поэзии в Литве» (2006), Почётной грамотой Посольства Российской

федерации в Литве «За большой вклад в сохранение и развитие русского языка и русской культуры в Литве» (2018). Автор трёх сборников стихов и эссе: «Опрокинутый фужер» (2004), «Придуманый вальс» (2009), «Русский акцент» (2014). В 2019 г. выпущена серия из 10 брошюр «Библиотечка поэзии и эссе». Некоторые стихи переведены на литовский, польский, венгерский и английский языки. Некоторые положены на музыку

Письма, рифмованные любовью

Моему другу В. Вахрамееву

Она стояла у окна, смотрела на серый день, на голые, мокрые ветви вековой липы, уходящие в небо, на остатки почерневшего снега, так медленно таявшего этой капризной весной, и тревожные мысли обволакивали всю её до кончиков пальцев. Почему-то в памяти всплывало давно, несколько лет назад, написанное стихотворение:

Не зови меня по отчеству...
Не желаю я стареть...
Мне бы в рай от одиночества
Лёгкой пташкой улететь...

Мне бы ласки хоть чуть-чуть, чтобы душу обогреть.
Тёплый вечер – на минуточку,
Чтоб соловушкой запеть.

Мне бы утренней росиночки –
Чистойой лицо умыть,
Не оставить ни слезиночки,
Чтоб опять счастливой быть...

Мне б немножечко участия,
Я бы стала бы другой...
Ох, как я была бы счастлива
В том раю, мой дорогой!..

Кому оно писалось?.. Какому дорогому? – Она и сама не знала... Быть может, тому, кто смог бы уловить в эфире чуть ощутимые тоскующие колебания её одинокой души. Ведь Космос – это Высший Разум, где сохраняются и телепатически передаются на расстояние слова и мысли. В это Она верила. Вот, и учёными уже доказано, что человек – это не что иное, как сгусток информации... А полгода назад... это виртуальное знакомство... Случайное или не случайное?.. Она была убеждена, что в жизни случайностей не бывает, что всё закономерно... А если это так, то так должно и быть, и от этого никуда не уйти. Значит, надо всё принять...

Нет-нет! Это совсем не то, когда на многочисленных сайтах знакомств знакомятся люди специально; когда какой-то пронырливый ловелас стремится выпотрошить карманы и душу соскучившейся по любви и ласке дамочки бальзаковского возраста...

Это совсем другое... Она не искала никакого знакомства. Жила размеренно своей жизнью, достигшей элегантного возраста, уделяла внимание и время любимой внучке, увлекалась искусством, творчеством, литературой. Откуда ей было знать, что произойдёт, когда она придёт со своими стихами на один из порталов...

А Он непрошено-негаданно явился на её страницу и свободно к её стихам стал добавлять стихи своих любимых поэтов, приглашая её к диалогу, и смело высказывал своё мнение о её творчестве. Она даже не успела опомниться, как Он вовлёл её в откровенные разговоры о себе, о близких, о жизненных перипетиях. Оказалось, профессиональному журналисту, члену Союза журналистов РФ, сделать это было совсем не сложно. Своей неуёмной натурой, стремящейся ко всему новому и интересному, Он окружил её своим вниманием, невольно заставляя вникать в его жизнь. Жизнь, сложную в данный момент, и, в то же время, насыщенную массой друзей по всему миру, о которых Он мимоходом упоминал поимённо, пофамильно, как бы знакомя её со своим окружением...

Через пару месяцев их диалога умирает его близкий, преданный друг – замечательный актёр, драматург, театровед, журналист, поэт, один из многочисленных поэтических сборников которого носит наименование «Быть одиноким – профессия странная...» –

Быть одиноким – профессия странная...
 Быть одиноким – безумный удел!..
 Даже молчанье, как речь иностранная,
 Вдруг оставляет тебя не у дел...
 Быть одиноким по силам не каждому...
 Это болезнь, как её не зови,
 Ибо мы живы на свете лишь жаждою –
 Счастья,
 Надежды,
 И светлой любви!

Он делится с ней своей утратой: «...Увы, – день сегодня грустный. Прощался со стародавним другом поэтом, с которым познакомился в конце восьмидесятых годов, и с которым три дня тому назад строили планы, делились мнениями, спорили...», описывает прощание с ним и вспоминает, что последний оставил ему «на доверительное чтение» «черновую» поэму в стихах «Пусть никогда в твоём почтовом ящике не будет сиротливой пустоты...» (письма, рифмованные любовью), эпиграфом которой были слова «СССР и Россия – территория нашей любви...». Сорок три письма! – «(каждое на полторы-две страницы, а то и более) с признанием любви (кому?)... если жил он затворником с дочерью почти четверть века»...

Первому из писем предшествуют строки:

Хорошо, что азбуку придумали,
 Хорошо, что буквы в мире есть:
 Значит, можно поделиться думами,
 Чтобы ты сумела их прочесть...

И далее первое письмо начинается словами:

Разлука продолжает переписку
К тебе из дальних наших мест...
Я вместо рук протягиваю письма...
Носить их почтальону надоест!..

И Он на её странице начинает выкладывать для неё по одному письму своего ушедшего друга. О-о-о! Что это за письма!!! Они были наполнены огромной преданной любовью к неизвестной ей женщине и целиком поглощали её сознание. Она перечитывала их, спеша откликнуться на каждое письмо своим стихотворением, даже иногда специально сочиняла стихотворные ответы на некоторые из них. Она трепетно ждала каждого нового письма и жила ими, как будто они были адресованы ей! И только ей! Она проживала с ними отдельную от всего мира жизнь. Жизнь, наполненную необыкновенно высокой нежной любовью, о какой пишут только в книгах, и какой, порою, не хватает многим женщинам.

Может я веду себя не слишком мудро,
Тратя время на вихренье слов?
Просто хочется, чтоб ты встречала утро
Не тоской, а чтением стихов...

Может быть, они тебе и не по нраву:
Сколько вкусов, столько и людей...
Что же... я пишу тебе по праву
Всей любви не траченной своей...

Пусть стихи к тебе, моей любимой, мчатся!
Только пусть не канут в забвенье!
Может быть, они ещё сумеют достучаться
В сердце осторожное твоё...

Милая!
Прекрасная!
Родная!
В этих строках правда, а не лесть...
В моём сердце бьётся радость неземная
От того, что ты на свете есть...

Я богат хоть тем, что с нами было...
Не отдам богатства, хоть не скуп...
Вечным пленником мне быть легко и мило
Глаз твоих и рук твоих, и губ...

Сколько слов уже придумали поэты!
Я, наверно, всех бедней из них:
О тебе б писать баллады и сонеты
Вместо писем этих вот сухих!

Милая! Я напишу ещё немало!
Мне б сомнений погасить испуг,
Мне бы сжать пространство интервала
Между встреч и тягостных разлук...

Не сердись, что я веду себя не мудро,
Душу распахнуть себе готов...
Полюби встречать любое утро
Не тоской, а радостью стихов...

С помощью принтера Она переносила письма с компьютера на бумагу и вечерами, лёжа в постели, зачитывалась перед сном. Они поглощали её всю, без остатка, своей преданностью к любимой с такой силой, что иногда невозможно было сдержать слёзы, и горький ком сжимал грудь, не давая свободно дышать... О-о, сколько слёз было доверено верной подружке-подушке... А он продолжал писать...

Одиночество, здравствуй!.. Мы так подружились...
Ты со мной неотступно, как тень или... друг.
Встречу с кем-то другим я, как божию милость,
Из твоих принимаю предательских рук...

Одиночество, здравствуй!.. Присядь-ка поближе,
Нам давно пред друг другом таиться грешно!..
Я тобою измотан, издёрган и выжат
До того, что уже нам сражаться смешно...

Потому что меж нас – не сраженье, беседа.
Расскажи мне о женщине той, что – вдали,
Для которой, наверное, всё же неведом
Даже самый, пусть маленький, подвиг в любви...

На исходе двадцатого бурного века
И поступкам, и чувствам иная цена ...
Чтоб любимого в жизни найти человека,
Небывалая вера обоим нужна!..

Одиночество, здравствуй!..
Откуда вдруг слёзы?
Ах, конечно, – от дыма ночных сигарет...
Для стихов мы закрыты, закрыты для прозы,
И надежды на то, что изменимся – нет...

Одиночество, ври, что сегодня Ей грустно!..
Что случилось, хотя бы мгновение на дню,
Где на сердце Её без меня было пусто ...
Одиночество, ври!
Я тебя не виню...

Это была её тайная жизнь в необъятной любви, полной трагизма. Она даже начала бояться, что ей не хватит сил дойти до последнего письма, и переписка прервётся. Она не хотела смириться с тем, что в этой безответной любви он её не слышит. А он должен! Должен услышать её!

Любимый мой!
Ужели ты не слышишь
Все муки ада моей души?
Их не уймёшь и не опишешь
В ночной тиши...

Любимый мой!
Как жалки эти строки...
Я словно в поле – полынь трава,
Как горький стебель одинокий,
Но всё ж... жива...

Любимый мой,
Прими, не отвергая,
Мой путь беспечный и не казни...
Мои стихи... в тоске, пылая,
Сгорят они...

И в тоже время она не хотела принимать его строки:

Расскажи мне о женщине той, что – вдали,
Для которой, наверное, всё же неведом
Даже самый, пусть маленький, подвиг в любви...

Они кольнули её в самое сердце. Ей хотелось восстать против этих строк и доказать, что он заблуждается, ошибается в оценке её любви, её отношения к нему. Ей хотелось защититься от напрасных упрёков. Хотелось, чтобы он почувствовал её женскую ранимость, почувствовал её хрупкую душу:

Не переделывай меня.
Меня, другую, ты разлюбишь.
Любить, как я, такую будешь
До часа Судного и дня.
Не переделывай меня...

Не переделывай меня.
Я соткана из нитей света,
Твоим дыханием согрета
И трепещу в плену огня.
Не переделывай меня...

Не переделывай меня.
Могу исчезнуть я с рассветом,
Но далеко моя Планета –
Мне будет трудно без тебя.
Не переделывай меня...

Не переделывай меня...

Но вот – последнее письмо... Ею к нему написаны эпилог и прощальные слова автору поэмы... Жизнь прожита... Этим Она как бы закрыла страницу и ушла оттуда с тяжёлым чувством утраты чего-то близкого и очень дорогого.

Он же своим тонким чувством уловил, что ею страница закрыта, и, так же, как и Она, не стал её продолжать, но не мог согласиться с потерей своего «дорогого собеседника». Стал разыскивать её по всему Интернету. И, конечно же, нашёл... «*«Мой мир» просматриваю не часто, т.к. большинство находится в «Одноклассниках». Однако, решил почему-то заглянуть сюда... И не зря... Всех благ Вл.»*...

Она благодарила судьбу, что этот человек, подаривший ей «*письма, рифмованные любовью*» своего друга, не оставил её... протянул свою руку... словно его близкий друг, где-то за три месяца до своего ухода, чувствовал, какое напутствие дать на будущее, посвятив ему своё стихотворение:

*Дождём – по августу,
В Прибалтике привычно...
Москва в сорокоградусной жаре...
А что меня затрагивает лично
В природной этой яростной игре?*

*Не надо ни дождей и ни жарыщи...
Пусть будет всё, как повелел Господь...
Ещё б мне друга и ещё жилище,
Где старость мы могли бы побороть...*

*Не возраст порождает все причины,
Где мысли посещают о судьбе –*

*Мудреют слишком медленно мужчины,
Задумавшись серьёзно о себе...*

*Ни годы, ни события нас не старят...
Ни радости, ни беды не гнетут...
И только лишь надежды вдруг подарят
Нам жизни много лет, а не минут...*

*И станем мы опять всю жизнь богаче!
Богаче жизни можно ль что сыскать?*

*Хочу прожить я так и не иначе,
И знать, что это божья благодать...*

Две души, страдающие в тоскливом одиночестве, тонко чувствующие, на редкость объединяющие в себе общие интеллектуальные интересы, тянутся друг к другу через огромные расстояния. Каждое утро в зеркале монитора они спешат друг другу на встречу «с добрым утром!» и каждый вечер тепло прощаются «спокойной ночи!»...

Однажды Он написал, что намерен в феврале приехать в её город на встречу однокурсников... Она тянулась к нему всей душой, как весенний подснежник тянется к тёплому солнышку, но эта неожиданная весть испугала её. Испугала той чистой откровенностью, с какой Она общалась с ним в личной переписке. Она была уверена, что им никогда не придётся встретиться, поэтому раскрепощала себя, окружая его своей нерастроченной нежной теплотой.

Но, как иногда бывает в таких случаях, по каким-то личным, или... не личным, обстоятельствам, поездка не сложилась...

Она стояла у сумеречного окна, с грустью смотрела на февральскую метель и медленно укладывала в рифмы, невесть откуда нахлынувшие, слова:

*Две свечи горят на столе...
А мне кажется, всё в огне...
За минуту душа сгорела,
И смущению нет предела,
И протянутая рука
Через стол –
далека и близка –
Приглашает идти навстречу,
Тихой тайне доверить вечер...
Я в глаза твои посмотрю,
Доверяя себя февралю,
И желание: «Ты мне нужен!»
Не подвластно
февральской стуже...*

(В эссе использованы стихи поэта Валерия Петровского)

Бережок

Иван Привалов

Иван Привалов — подполковник милиции, в отставке. Награждён орденом Мужества, медалями «За отвагу», медалями ордена «За заслуги перед Отечеством» 1 и 2 степени. В апреле 2011 году за выдающиеся достижения в области патриотического воспитания объявлен победителем конкурса «Патриот Земли Российской» имени Великого князя Александра Невского (Калининград). Публиковался различных изданиях. В журнале «Берега», № 4(14), опубликована повесть «Следы на песке» о милиционерах, принимавших участие в контртеррористической операции на Северном Кавказе. Автор сборника «Самый западный день» – 2019

Озеро

Рассказ

Есть такие места. Сокровенные. Незабываемые. Места-открытия. Места-острова.

Путь к ним лежит через сердце. Через лабиринты и извилины разума в чащи и завалы памяти. К ним можно. Но иногда и не надо, и не нужно трогать то, что дорого, памятно, знаково. О них забывают. И достают свои воспоминания, как бриллиант. Редко. Полюбоваться. Посмаковать. Пережить. В тишине. В одиночестве. Практически и всегда...

А хочется пройти. Прийти. Привести. Как к алтарю. С дрожью и нежностью. Звнящей струной души... У каждого...

Вот один такой остров и затерян в лесах моей памяти под маленькой станцией Ерцево. Среди шумящих морем лесов Севера, вдали от песен, выбиваемых чугунными колесами вагонов и поездов, рёва военных машин и лая собак. Среди далёкой и перевозданной тишины...

Это лето началось как обычно. Со смеющихся ручьёв воды; падающих, звнящих сосуллек; с грохота сходящих снежных лавин, оставляющих без печных труб враз опустевшие крыши; затопленных и плавающих в огромных талых озёрах, почерневших от времени деревянных мостков; в одно утро вспыхнувших ковром, в лесу жарких – лесных северных подснежников.

Это на юге пять градусов тепла – холод, а тут, на севере, и позагорать можно. Тепло, но опасно. Обманчива природа. Но появились у домов серые столбы мелких зудящих комаров – всё! Лето! Весна прощается – разливается озёрами и морями. Быстро и ненадолго. Лёд на реке потрещит, потрещит, да и поплывёт по бурлящему течению в неведомые страны – до первых кустов ивняка. Там и шумит, и стонет, и поёт. Пока не пропадёт, не иссохнет, не выплачется. Никто и не увидит. Всё быстро. Лето же. Маленькое, внезапное и жаркое.

Витька Яров прибежит, посвистит у окна. Лохматый, чумазый, шустрый, смешливый и весёлый. Со шлейфом из местных пацанов и девчонок. Выманит на улицу, и мы уже бежим к реке. В надежде успеть на эти льдины. А кому не хочется покататься на огромной, в метр толщиной, а то и поболее, льдине? А!? Не успели! И хорошо. А то, после того как с парашютом, сделанным из маминого зонтика, прыгали с моста, мягкое место – точка приземления – болело долго. Зонтик сломался, мне задницу ремнём надрали, а ему ничего – он на другом конце посёлка живет. А вообще, с ним интересно. Всё и всех знает. Где, что и как – помнит. Со всеми... Да он и с собаками-то общий язык находит, что там про людей говорить. В школе этому не учат. Это природа.

Лето бежит быстро. Каникулы ещё быстрее. А когда на дворе сплошной день? Когда бегаешь, бегаешь, а темнее не становится и не становится? Воды из колодца дырявым полуржавым ведром наберёшь, напьёшься, пока зубы не застынут, и снова бегать, оставляя жестянку на скамье брызгать тоненькими струйками-фонтанчиками и сочиться на радость пчелам. Устаёшь, ноги заплетаются, падаешь, а домой идти жалко – светло же! А придёшь домой, а на часах уже утро. Нырнёшь под одеяло по-тихому, чтобы никто не увидел и спишь до обеда. И так всё лето, до сентября. За лето –

всё и везде. И купалки, и рыбалки, и банки, и ножички. От Ерцевской плотины до коровников Пятнадцатого посёлка. Время бежит быстро. Мама всё чаще напоминает о школе. А тут по программе «Время» объявили о том, что скоро на нас упадёт солнечное затмение! Ну не совсем упадёт, но приключится. Вот вы видели его? Затмение? Мы – нет. Но загорелось. Очень. Книжки про то, как и что происходит, как и куда смотреть, прочитаны. Осталось дожидаться. А тут Витька:

- Неинтересно!
- Что не интересно?
- Ну, увидим. И что?
- Как что? Затмение солнечное! Оно же бывает ооочень редко! А мы увидим!
- Правильно! Ты увидишь, я увижу, все увидят!
- Тебе что, жалко, что ли? Пусть видят!
- Да не! Пусть смотрят. Не жалко. А вот в школу придём и будем писать сочинение: «Что я делал летом». Каждый год заставляют писать одно и то же. А тут затмение!
- Ну и напишем про затмение!
- Вот так все и напишут. И будет у всех опять одно и то же сочинение.
- Ну и пусть.
- Ну, должно же что-то в памяти остаться?
- Затмение и останется!
- Вот оно у всех и останется. Одно и то же. А хочется, чтобы наше было лучше.
- Вить! Ну как ты сделаешь для нас другое затмение? Оно у всех одинаковое. Солнце – оно одно!

– Да... А давай мы пойдем на рыбалку, и на рыбалке встретим затмение?!

– Рассмешил! Ну, будем сидеть на реке у моста, как два дурака, и смотреть. А на мосту полпосёлка сядет. Да мы за ними даже неба не увидим.

Витька помолчал. А потом выдал:

- А мы на речку не пойдём! Мы на озеро пойдём.
- Какое ещё озеро?
- Онтяповское! Тут недалеко. Там и рыбы много. И затмение никто не помешает смотреть. Вот и будет у нас солнечное затмение на рыбалке! И такого ни у кого не будет.
- Что-то я о таком и не слышал...
- Да здесь недалеко! Я знаю!
- Родители не отпустят...
- Отпустят! Ты своим скажешь, что пойдёшь со мной, а я своим – что с тобой! Точно отпустят!
- Ага! Непонятно куда. Непонятно зачем. Неизвестно на сколько. Это куда идти надо?
- Да это в лесу. Мы заодно и грибов собираем! Там знаешь, какие там грибы?! Выше берёз!
- Ага! Как только я маме расскажу про грибы выше берёз, она меня в больницу отвезёт, а не на озеро!
- Ты что! Не веришь?!
- Да конечно нет!
- Хочешь, поспорим?
- Да не хочу я с тобой спорить! Про солнечное затмение попробую, а про грибы не скажу. Ты своим тоже не говори...

А родители отпустили!

Ну конечно, куда идём – знаем. На Онтяповское озеро. Там и рыбу можно половить. Мужики туда всегда рыбалить ходят. Ну, так Витька сказал. Да и до озера-то – рукой подать. Раз – и на месте. Ну, он тоже так сказал. А я про это озеро в первый раз только сейчас и услышал.

С вечера приготовил пакетики с супом. Суп такой, быстроваримый. Дома всегда варил. Папа получал на продпаёк, в части. Кастрюлю с водой на плиту поставишь. Дров подбросишь, чтобы быстрее закипела. Картошки нарежешь, посолишь и ждёшь. Как побурлит минут пятнадцать, пакетик вскроешь и всё содержимое в кастрюлю. Бух! Запах!!! Там и морковь, и лук, и мясо какое-то сушёное, приправы-травы. А ещё звездочки. Маленькие такие. Ну как макароны, только звездочками. Зажаривать не надо. А вкус – объеденье. От запаха только захлебнуться слюной можно. Особенно с голода. Так что пригодится. Ну, ещё ножик перочинный. От волков и медведей. И спички, читал, что

в лесу самое главное – спички. Чтобы костер разжечь – погреться, добычу пожарить, поесть. Ну и, конечно, осколки от битой, коричневой бутылки. На солнце чтобы смотреть и не ослепнуть. Ну, так в книжке написано. И себе, и Витьке. Он точно не возьмёт.

А в три утра глаза щёлками, как у японцев, не открываются. Щёлочки проснулись, чтобы не врезаться во что-нибудь, а остальное спит. А рано, но затмение в шесть утра – надо успеть. Доползти. Не упасть, не столкнуться. Дойти.

Как хочется спать! А идём! Заплетаюсь тянущимися ногами по мокрой, росянистой траве. Огибая зелёные можжевельниковые колючие шары. С опаской – за ними иногда козы пасутся. Это их место. Они бодучие и кусучие – здесь бродят, обгладывая колючий кустарник, не давая ему расти вверх, по нормальному. Вот он и сворачивается, словно ёж, в шар. А они едят и едят. Ненасытные и рогатые. Их даже волки боятся. Надо быстрее в лес. Туда они не ходят, а значит, бодать-кусать некому будет.

Настороженный лес встречает стеной угрюмой. Бросает в лицо росу листьями – проверяет на настойчивость. Сон проходит этим холодным душем. Глаза открываются. Просыпаются. Сквозь бурелом пыхтим. Натякаемся. Уклоняемся. Молчим. Ворчим. Но чем дальше в лес, тем легче и чище. Витя ведёт вперёд. Что он тут в полумраке утреннем видит?! А по мне так кругом всё одинаковое. Стволы. Деревья. Ветки. Кусты. Мох. Учебник по природоведению тут не поможет. Ну, увидел мох на дереве. И что? Ну, север там. Ну, юг здесь. И что это даёт? Что даёт это знание сторон света? Ну, дождусь ночи и найду на небе Полярную звезду? Ну, она на Севере. И я на Севере. А зачем мне туда, где холодней? Мне надо на озеро. Или домой. Где тепло. Продрог так, что уже на затмение идти и не хочется. А назад неловко. Да и где этот зад? Тут с Витькой такие круги-петли нарезали, что, наверное, и он не знает куда идти. Но он впереди. Что-то рассказывает. Молчит. Прислушивается. Смеётся. Идёт и идёт. А я за ним. По мягкому мху. По хрусту сухих веток. Молчу.

Мох. Останавливаемся, и на мох, – отдых. Лежим. Дышим. Пускаем пар ртом. На ковре. На влажной и холодной, но мягкой обволакивающей кровати. С жучками, паучками, комарами. Ползающими и молчащими. Вокруг темнота леса. Ели, лапами давящие на голову, прижимающие к земле. Посыпающие иголками. Неба и не видно. А мы – два лесных, копошащихся муравья. Отмахивающиеся от попыток согреться на нас насекомых. Отплёвывающие хвоинки, попавшие в рот. Лежим.

Как-то незаметно. По-свойски. Словно десять лет на «ты». Лес. Уже не пугает темнотой. Не пытаются заставить дрожать упавшей на голову каплей росы. Не вздрагивает хрустом сломанной ветки. Не бьёт, не стегает. Обнимает. Листочком, хвоинкой, стебельком. Толстые стволы елей притягивают природным теплом и умиротворяющим, успокаивающим, примиряющим запахом смолы. Готовые укрыть и спасти.

Когда лёг. Когда замер. Закрыв глаза. Растворился и полетел. Раз! И всё вокруг оживает. Наполняется звуками, запахами. То, что раньше пугало и страшило, становится мило и дорого. По-родному. Лишь иногда, когда хрустнет что-то рядом-вдали. Смолкнут, как по команде, все звуки. Замрёт лес от зверя далёкого-близкого. Ненадолго. На секунды. На полстучка сердца.

Сжимаю в кармане ещё вчера казавшийся грозным оружием нож. Ножичек. Им-то от волка или медведя не отбиться. Даже не поцарапать.

– Вить! А если медведь выйдет, то что делать будем? От него же не убежать!

– Что боишься?! Не бойсь – он вонючих не трогает!

– Каких вонючих?

– Понятно каких – нас!

– Да мы вроде не воняем...

– Когда он выйдет, то будешь! Штаны полные сделаешь и будешь!

Витька рассмеялся:

– Да и я тоже. Чтобы запах посильней был. Вдвоём медведя отпугивать сподручнее и надёжнее. Да и если убежать, то он след не учует, а учует – то не догонит.

– Почему не догонит?

– Потому что скользко бежать за нами будет!

А потом, отсмеявшись, по-серьёзному:

– Тут свои правила. Вот ты идёшь, идёшь – вокруг ёлки, палки, холод. И ничего. Ничего не видишь. Ничего не слышишь. А ты прижмись к дереву, как к маме. Посмотри и послушай. Если будешь лес уважать – он тебя и прокормит, и спасёт, и защитит.

- От медведя? От волка? Не смеши!
- Хорошо. Вот если никому не скажешь, что-то покажу...
- Ну, покажи!
- Не расскажешь?
- Да нет! Показывай!
- Ну, смотри!

Витя встал, огляделся и, словно что-то увидел, пошёл за большую толстую ель.

– Иди сюда!

И когда я подошёл, он, указывая на землю, пробормотал:

– Наверное, здесь!

И встав на колени, стал аккуратно раздвигать мох.

– Смотри!

– И что?!

– А! – Витя махнул рукой и из мха вытащил что-то завернутое в почерневший брезент. Развернул, а в ней – обрез двуствольного ружья. И длинные жёлтые столбики патронов.

– Вот! От медведя. И идиотов. Понял? Здесь такого много попрятано. Вон, смотри – метка на дереве. Где такая есть – то там и спрятано что-нибудь. Чтобы выжить. Или для охоты. Тут, говорят, ещё с войны немецкое оружие осталось попрятанное. Десант сбрасывали фашисты. Вот где-то и лежит. В посёлке не спрячешь, а здесь кто искать будет?! А если и найдут, то и хозяина у него нет. Всё по-честному. А лучше никого не бояться, никого не пугать – тогда всё будет хорошо. Звери – они просто так не тронут. Они же не люди...

От увиденного, от доверенного, от непознанного – ошеломлён. От другого мира, который, не зная, не заметишь. С легкой досадой, что Витька посвящён в эти тайны, а я нет. Видит знаки, слышит лес и не нужен ему ни мох на дереве, ни Полярная звезда с медведицами. Идёт себе и идёт.

А Витька в это время аккуратно упаковывал обрез в ткань.

– Нам он не пригодится, а кому-нибудь и жизнь спасёт. А ты забудь...

Забудь..., да я через минуту после того, как он всё спрятал назад, уже бы и не нашёл это место...

Пошли... Молча...

Уже захотелось есть. Пощупал пакетики с супом...

– Вить! Стой!

– Чего?

– Слушай! Мы с тобой на рыбалку пошли?

– Пошли!

– А удочки-то мы не взяли!

Витька посмотрел на меня и давай смеяться:

– Рыболовы!

Было не смешно. А кушать-то что? И назад вернуться обидно – полпути точно прошли!

– Ладно! Не умрём! Выживем!

Хотелось ему верить, но кушать уже хотелось. Очень.

– Потопали!

Лес отошёл, расступился облаками, спрятавшими и небо, и солнце, и затмение. Перед безбрежной белой поляной. Нехотя. Цепляя ветвями, удерживая теплом деревьев. А холод в лицо, со всех сторон – туманом. Сползающее одеяло утра. Хочешь наступить на краюшек, а он расступается и ускользает. А стоит убрать ногу – сразу заполняет, прячет, проверяет, обнюхивает, изучает твой след. Рукой хочешь ухватить эти холодные космы – а они тают и тут же смыкаются за тобой. Закутав в белоснежный шар, ведут и путают, сопровождают и не отпускают. До обрывающейся тиши парящей воды. Без дальнего берега, запрятанного белоснежными клубками лесного и небесного творцов.

– Ураааа!!!! Пришли!!!!

Эхо неохотно отразилось от деревьев за спиной, прорубило в этом белом убранстве тоннель, обнажило почерневшие от времени, блестящие от тумана, влажные брёвна деревянного сруба.

– Избушка, избушка! Отвори двери, приюти и накорми...

Приютила. Запахами прогоревшей и остывшей печки, золы, трав, древесного и устоявшегося мужского пота, полумраком. Стол, лавки, по стенам полки. Всё из дерева, топором рубленного.

В углу закопчённые чайник, кастрюля. В другом – обычная буржуйка, обложенная булыжниками, с трубой, уходящей в стену. Какая-то запыленная одежда на гвоздях, маленькие вязаночки трав, приветливо покачавшихся на наше появление. Чисто, просто, надёжно.

Витя по-хозяйски прошёл в сруб и пошарил рукой на одной из полок:

– Есть!

Показал мне ладонь со спичечным коробком:

– Крючки! Рыбу ловить будем.

Леска нашлась тоже. Намотанная на кусок газеты, сложенной в несколько слоёв. Удилища срубили из куста орешника. Неподальку. Топором, взятым из избушки, вырванным из ленивого окружения ножей, вилок, ложек и посуды. Из скромных запасов соли, сахара, круп. Неделю можно жить!

На берегу, почти до краёв наполненная водой, ждала лодка. Огромная и плоскодонная. Ждущая и манящая в путь пиратским кораблём. Но без мачты.

Эх! Давай черпать-вычёрпывать. Мокрые, разогретые и парящие. Вёсла нашли. Чайник, кружку забросили и вперёд! К открытиям и свершениям. Викингами. Дикими и просвещёнными. Вглядываясь в даль. Разрывая взглядом белую вуаль утра. Угадывая и прокладывая курс. Задуматься бы: откуда столько водицы...

А там, за туманом – затмение!

Туман. Загадка и тайна. Всё спрятал. Всё укутал. Другого края озера и не видно. Да и этот тоже стал таять, темнеть, угадываться, исчезать. И всё вокруг стало белым-бело. Только чёрная вода под нами и вокруг. Словно летим. Словно парим. Словно в космосе. Но солнца нет. Не видно. Угадывается по загоревшейся золотом, кромке чёрных верхушек, проявляющихся ото сна, деревьев. Где-то сверху. И всё! К белому, синему и чёрному цветам утро добавило жёлтый. Яркий. А мы исследователи. Мы первопроходцы. Мы открыватели неведомых земель и миров. Рыбачим. На хлеб. Из-за пазухи. Вкусный. Ароматный. Очень. А поплавки из сухих, еловых сучков лежат на воде, мокнут – не проснулись. А холод через мокрые ноги и руки уже начинает пробираться за пазуху. Заставляет вздрагивать и дрожать. Молчим, кланьем зубов отпугивая рыбу. Грызём потихоньку, по крошечкам, захваченную из дому корочку хлеба. Таем её во рту. Гоняя языком. Так теплее. Сытнее.

Деревянный поплавок вдруг незаметно, но уверенно потянуло в сторону. Замер. Снова пошёл. Опять замер. Дрогнул. Слегка. Погрузился... Нет, притопился, до легких, почти невидимых кругов по воде.

– Смотри! Смотри! – зашипел Витька, толкая меня под руку. – Смотри! Счас дёрнет!

– Отстань, ты! – шиплю гусем в ответ.

А поплавок словно услышал. Замер.

– Вот что ты под руку говоришь! Я что, не вижу?! – разозлился я.

И тут сучок-поплавок без всяких заигрываний. Бульк! И утонул. От неожиданности со всей силы рву удилище вверх, выхватывая желтопузого караса из озера. Только в своём полёте он не остаётся на крючке и срывается... В лодку! Ух! Плюхается, в остатки невычерпанной и неизвестно откуда набравшейся воды, и начинает шлёпать звонким, утренним звоночком, извиваясь и подпрыгивая.

– Первая!

Нет ничего сильнее ревности рыбака. Особенно когда не клюёт, а у соседа всё хорошо. Сядет и ворчит, про себя. Сплёвывает и ругается. Начинает искать глазами новое, более удачливое место. И между делом подбрасывая свой крючок в то место, откуда сосед вытащил свою добычу. Глазами поедая бьющуюся рыбку, досадуя про себя, что упала в лодку, а не в воду. Даже говорить ничего не надо. На лице всё написано. Крупными красными буквами. Эх! До первой. Своей.

А тут такое началось! Рыба просто сорвалась, как с голодного края. Распробовала! Поплавки ещё не успевали лечь на воду, а уже устремились в темноту озера с захваченными крючками во рту. И всё. Чёрная дыра рыбалки. Поглотила. Остановила и время, и пространство...

Туман рассеивался. Солнце бледным пятном пробилось сквозь туман над тёмной каёмкой леса. Ненадолго. А над туманом нависли тёмные тучи. И мелким робким дождиком намекнули о том, что солнечного затмения можно и не увидеть. А уже не до него. Рыбы наловили! Пол-лодки. Наловили. Да вот только не заметили, что с рыбой в лодке и воды-то побольше стало. Пришлось бросить удочки и черпать-вычёрпывать. А лодка медленно, но уверенно наполнялась. Смешки утихли. И кружка, и чайник не справлялись. Вода прибывала. Сквозь щели невидимые. Рыба, метавшаяся в лодке,

уже не радовала – раздражала. Мешалась и выбрасывалась с водой. Тяжеленные, вырубленные из брёвен вёсла лежали вдоль бортов. Лодку кружило и несло. Неторопливо. Почти незаметно. Просто. Буднично. То ли течением, то ли ветром, то ли мыслью. Пар от разогретых, борющихся за жизнь тел, смешивался с туманом. Становился его частью. Озеро готовилось забрать нас. И с рыбой, и с алюминиевым чайником, и с металлической кружкой. На дно. Водичка захватила и своим холодом, словно щупальцами, по ногам, отхватывала сантиметр за сантиметром. Тихим холодным ужасом подбираясь к сердцу. Туманом погружаемой в воду лодки.

Тихий безмолвный страх утра, наполняемый плеском вычёрпываемой воды, нашим тяжёлым дыханием. Уставшими, немеющими руками. Сводящими, закручивающими от напряжения судорогами пальцами. Тонуций корабль с двумя крохотными капитанами-матросами. Выстукивающие зубами сигнал о помощи. Черпая и гребя. Неизвестность, укутанная туманом.

А потом лодка врезалась в берег. На издыхании. А мы с Витькой вцепились в заросли голубики, раздавливая задубевшими пальцами синие ягоды кровавым муссом.

– Земля!!!!

Спасение!

Вылезли на берег. Затащили цепь. И упали. Смеясь. От счастья спасения и передышки.

Недолго.

Земля оказалась небольшим островом с росшей посередине обглоданной жизнью и ветром ёлкой, с эмалированным ведром, помятым и разукрашенным ржавыми пятнами, болтающимся на её обломанном суку, и зарослями голубики вокруг. Клочок земли. Десять на пятнадцать. Необитаемый остров, спасший нам жизнь. Накормивший до одури голубикой. С голодухи. От нервов.

Ураааа!!!! Мы Робинзоны! Самые настоящие! На самом необитаемом острове мира!

Но холодно. Одежду сняли. Выжали, скручивая в четыре руки.

Но холодно. До цоканья зубов. До дрожания каждого сантиметра тела. До волос дыбом.

Холодно.

А ни солнца, ни его затмения. Туман хоть и начал отступать, солнца не освободил. А тепло только в виде ниток пара над водой. Не греет.

Останавливаться нельзя! Лето не лето, а замерзнуть можно и на сковородке.

Лодку чуть подтащили, вытянули нос на берег. Витька взял ведро и стал вычёрпывать воду. Ведром то ведь сподручней, чем кружкой. Масштабы другие. А я в чайник – голубики. Чем-то же надо заняться.

Из рыбы в лодке осталось с десятка три жирных карасей, сверкающих благородной чёрной желтизной. Ну, ещё пара кружек воды. Витя постарался.

К этому времени растаявший туман обозначил темной полоской края озера. Показал ближайший путь к спасению.

Виктор повесил спасительное ведро обратно на сук.

– Может ещё пригодиться здесь. Поехали.

Оттолкнувшись веслами от берега, мы с карасями и голубикой покинули свой первый необитаемый остров. Не знаю, как там Робинзон, но мы бы долго на нём не протянули. Даже если бы у нас были спички, то деревья надолго бы не хватило. Замерзли бы. Даже летом. Негде скрыться на нём от холода воды и тумана. Негде. А вода ледяная. Почему-то.

Догребли до ближайшего берега и уже вдоль, чтобы не рисковать, отталкиваясь от берега вёслами, вернулись в точку отправления.

А какой замечательный супчик со звездочками! Ароматный! Обжигающий! С дымком. Ну, такого дома не сварить. Никогда! А костёр, какой ласковый и добрый! А одежда от его доброты сохнет и парит. Парит и сохнет. Какое же это счастье смотреть, как пламя съедает сухой валежник. А ты кидаешь ему в пасть, кормишь, стреляющего, дымящего, ненасытного. С благодарностью и почтением. Уклоняясь от вылетающих угольков.

А на десерт – компот из голубики. Черпанул чайником воды из озера – разбавил ягоды водичкой. И на костёр. Закипел – и компот готов. Без сахара, конечно, много не выпьешь, – скулы от кислоты сводит – не разжать. Глаз не отворить. Но горячий.

Подсохли. Обмякли. Сытые и неповоротливые. Даже комары не замечают. Неинтересно с нами.

– Может, пойдём грибов пособираем?

- Не хочется. На обратной дороге поищем.
- Да сейчас пошли!
- Ага! Возьмём один гриб выше берёзы и потащим через лес домой! Не смехи! Лучше полежим.
- Ты что!? Не веришь!? А ну пойдём!

Виктор вскочил и потянул меня в лес. В сторону, противоположную той, откуда мы пришли. Хоть и лень, а пошёл. Посмеяться.

А лес оказался не таким и большим. Он снова оборвался, обнажив огромную поляну, усыпанную грибами. Поле грибов. Больших и маленьких. С огромными шапками и тонкими ножками. Серыми кругами в серебряном мху. С точками красных мухоморов и разноцветных сыроежек. В зелёных нитях лета, пробивающихся сквозь шляпки местных щеголей.

- Ну как тебе?
- Здорово! Столько грибов, а у нас некуда их собирать.
- Да я тебе не об этом! Видишь, что грибы выше?
- Кого?
- Да берёз!
- Каких?
- Наклонись и посмотри.

Зелёные ниточки, пытающиеся вырваться из грибного плена, оказались уменьшенными веточками берёз. Маленькие тёмные листочки. Как у мать-и-мачехи – тёмные и жёсткие сверху и бархатные и светлые снизу, только с ноготок...

Грибы действительно оказались выше берёз. Пусть карликовых, но выше! Не обманул. Хорошо, что не поспорил.

- Надо у дома посадить!
- Витя ухмыльнулся:
- Ну, выкапывай. Сади!

Потянул за веточку. В надежде вырвать с корнем. Полметра вытянул, разорвав мох, но корня не нашёл. Стал тянуть дальше. А берёза рыболовной сетью с огромными ячейками выползала из мха. Сломать тоже не получилось – она оказалось на редкость гибкой и крепкой. А в глубине, под сетью берёз, оказался лёд. Огромной плитой без начала и конца, – среди леса огромный, плоский айсберг, покрытый мхом, грибами и сетью карликовых берёз.

– Это вечная мерзлота, она пятнами здесь. И озеро, наверное, тоже. Лёд растаял, потому и вода постоянно холодная, и глубина неизвестная... Так бывает в мерзлоте.

А берёза тянулась и тянулась. Словно верёвка. Притаилась в пласте мха. Как в шубе. А куда ей деваться, если внизу холод и сверху не жарко. Золотая, тёплая серединка.

В какой-то дымке прошли сборы домой: аккуратно снята леска с удилиц и аккуратно спрятана на прежнее место; откусаны крючки; вылит компот из чайника; вымыта и разложена на место посуда; все оставшиеся припасы – соль, суп в пакете, спички – уложены на полки. На лавку – стёкла бутылки: вдруг кому-то пригодятся смотреть на солнечное затмение. Может, кому повезёт побольше нашего! Дверь в сторожку закрыта и надёжно подпёрта бревном. Всё!

Выпущенные караси лежали на отмели и потом неторопливо растворились в черноте озера. Даже не шлёпнув хвостом по воде, за свободу. Неблагодарные. Как и облака, так и не выпустившие солнышко для затмения. Как и туман...

- Пошли.
- Домой.

Затмения ещё были. И не одно. Ещё были сочинения в школе. И не одно.

Но этот мир мне приоткрыли только на один день.

День, в котором я был викингом, Робинзоном, первооткрывателем, терпящим бедствие, замерзающим полярником, отчаянным первопроходцем и пиратом...

День моего повзрослевшего детства.

День, в котором мечтал стать художником.

У заброшенного озера.

У забытого посёлка в лесу.

У стучащей колёсами и гудящей рельсами станции Ерцево.

В моей школе детства...

Наши друзья

Советуем почитать:

Журнальный мир: <http://xn--80alhdjhdcxhy5hl.xn--p1ai/vse-zhurnaly>
Союз писателей России: <http://www.rospisatel.ru/>
Союз писателей Беларуси: www.oo-spb.by/
День литературы: <http://denlit.ru/>
Сайт Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры: <http://slav-academ.ru/regions.html>
Дальневосточный журнал «Сихотэ-Алинь»: haos216@mail.ru Почтовый адрес: 690003, Владивосток, ул. Авраменко, д.17–65
Литературный журнал «Наш современник»: nash-sovremennik.ru
Журнал «Великоросс»: <http://www.velykoross.ru/>
Журнал «Экоград» Москва: <http://ekogradmoscow.ru/novosti/novosti-press-sluzhb/zhurnal-berega-pobedil-v-konkurse-zhurnalistskogo-masterstva-slava-rossii>
Виртуальный салон искусств «Преголя-арт»: <http://pregolia-art.com>
Международный пресс-клуб: <http://www.pr-club.com/>
Русский народный дом: <http://rusnarodom.ru/russkaya-literatura/poeziya/intervyu-yunnyi-morits/>
Журнал «Воин России»: voin-rossii.ru
Журнал «Новая Немига литературная»: <https://zapadrus.su/partnery/novaya-nemiga-literaturnaya>
Портал Переправа: <http://pereprava.org/>
Московский журнал [//www.mosjour.ru](http://www.mosjour.ru)
Общество Русско-Американской дружбы «Добрая Воля» в Вашингтоне www.raga.org
Русская народная линия <http://www.ruskline.ru>
Журнал «Подъем»: <http://www.podiem.vsi.ru>
Культура в Вологодской области: <http://cultinfo.ru>
Журнал «Сибирь», гл. ред. Анатолий Байбородин, Иркутск
Журнал «Родная Ладога», гл. ред. Андрей Ребров, Санкт-Петербург – <http://rodnayaladoga.ru/index.php/onas?id=59>
Журнал «Петровский мост», гл. ред. Игорь Безбородов, Липецк
Журнал «Нижний Новгород», гл. ред. Олег Рябов
Альманах «Врата Сибири», гл.ред. Л.К. Иванов, Тюмень
Журнал «Белая вежа», гл.ред. Наталья Костюченко, Минск
Альманах «На нёманской хвали», гл. ред. Людмила Кебич, Гродно
«Эхо поэзии», руководитель проекта Эяна Суодене, Каунас: <http://ruspoetry.eu/>
Журнал «Корни», редактор Ольга Соколова, Рига: <http://www.korni.lv/>
Журнал «Настоящее время», гл.ред. Татьяна Житкова, Рига
Журнал «Территория слова», гл ред. Людмила Гонтарева, Донбасс
Журнал «Пражский Парнас», гл. ред. Ольга Белова, Прага
Международный альманах «Ступени», редактор Эльвира Поздняя, Вильнюс
Поэтический альманах «Письмена», редактор Юрий Касянич, Рига
Альманах «Резекне» – Almanah-rezekne.lv, редактор Ольга Орс, Латгалия
Литературный сборник «Светоч» (Общество литераторов «Светоч»), Рига
Литературный альманах «Океанус сарматикус», гл.ред. Альберт Снегирёв, Каунас
Литературный журнала «Аргмак», Татарстан, гл. ред. Николай Алешков
Литературный альманах «Крылья» (Луганск) <http://lugansk1.info/>

О приобретении и подписке на журнал

Дорогие друзья! Помощь журналу, приобретение и подписка на журнал «Берега» осуществляется перечислением на карточку Сбербанка на счет: **2202 2009 0582 4080**.

Стоимость одного журнала — 500 руб. Подписка на год — 3000 рублей.

Свой почтовый адрес после оплаты выслать Лидии Владимировне Довыденко:

dovidenko_L@mail.ru

